

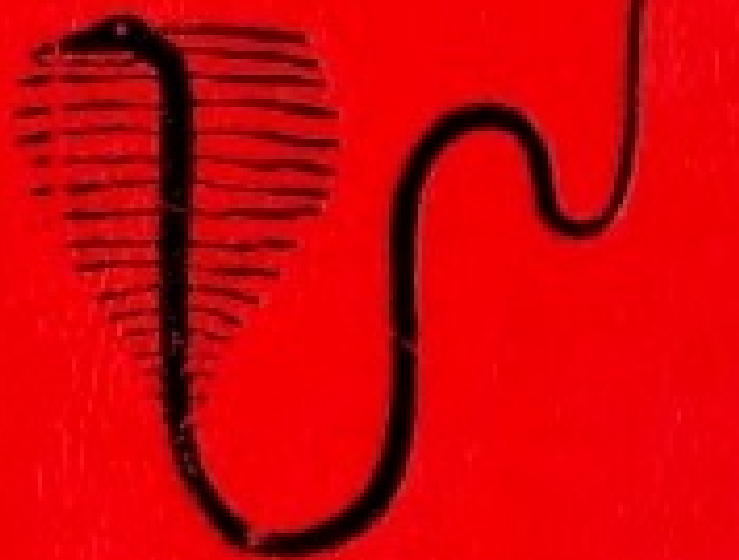
М. Матве

День египетского
мальчика

Кари,
ученик художника

*Р. Рубинштейн*⁵

Глиняный конверт

школьная библиотека

Ребята!

Наш исторический цикл «Во тьме веков» посвящен «детству» человечества, истории народов и цивилизаций. В нем уже вышли такие замечательные повести, как «Борьба за огонь», «Пещерный лев» и «Вамирэх» Ж. Рони, «Поселок на озере» и «Охотники на мамонтов» С. Покровского, «Повесть о Манко Смелом» С. Писарева, «Гирр — сын Агу» В. Головина, «Пещеры Красной реки» К. Сенака и «Листы каменной книги» А. Линевского. Все они рассказывают о нашем далеком прошлом, о первобытных людях, живших многие тысячи лет тому назад.

Книга, которую вы держите в руках сегодня, перенесет вас в Древний Египет и Вавилон.

А впереди — еще долгое и увлекательное путешествие в глубины истории Древнего Востока, Античного мира...

М.Матве

ДЕНЬ ЕГИПЕТСКОГО
МАЛЬЧИКА

— — —

КАРИ, УЧЕНИК
ХУДОЖНИКА

Р.Рубинштейн⁵

ГЛИНЯНЫЙ КОНВЕРТ

ББК 83.8
М 35

Две исторические повести известного египтолога, искусствоведа и писательницы М. Матъе «День египетского мальчика» и «Кари, ученик художника» посвящены мальчишкам, жившим более тридцати веков тому назад в Древнем Египте. Один из них, Сети, осваивает премудрости счёта и письма в египетской школе, другой, Кари, расписывает гробницы фараонов; и оба познают жизнь во всей ее сложности и многообразии...

В повести историка и писательницы Р. Рубинштейн «Глиняный конверт» рассказывается о дружбе двух мальчиков — сына купца Наби-Сина и маленького раба Залилума, которые жили в Вавилоне во времена царя Хаммурапи, три с половиной тысячи лет тому назад.

Художник
А. Амирханов

М 4702610201—5
М152(03)—93 93

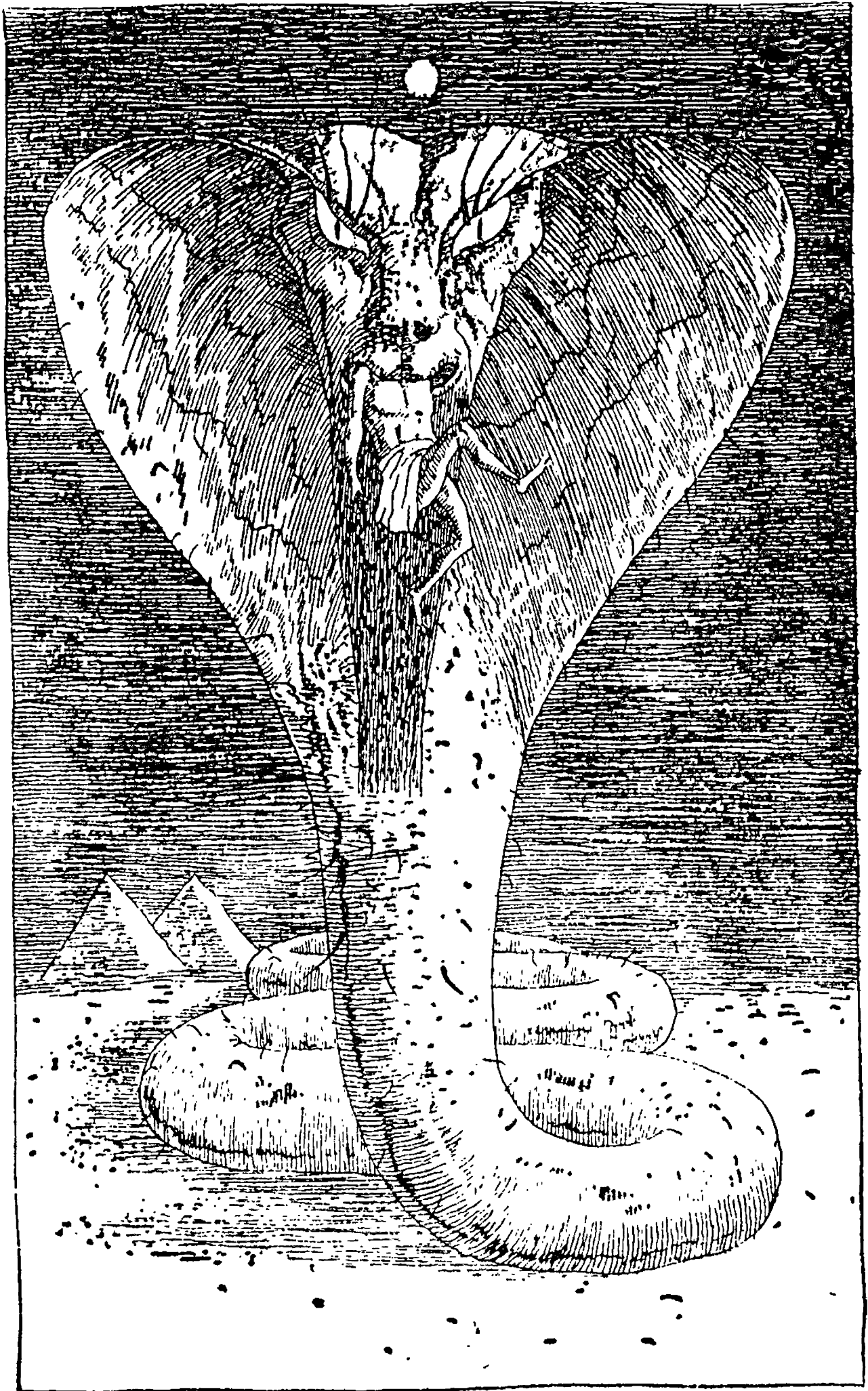
ISBN 5-7625-0312-7

© Оформление,
А. Т. Амирханов, 1993

M. Matve

ДЕНЬ ЕГИПЕТСКОГО
МАЛЬЧИКА

I. УТРО

— Сети, вставай! Пора вставать, сынок!

Голос матери, тихий и ласковый, звучит над головой спящего мальчика, ее мягкая рука гладит его смуглое плечо.

— Вставай, пора в школу!

Сети чуть-чуть приоткрывает черные глаза и сразу же крепко их зажмуривает. Ох, как неприятно вставать! И не выспался он, и в школу идти не хочется. Но рука матери все еще на его плече.

— Вставай же, вставай, ленивый мальчик! Смотри, опоздаешь — и попробуешь плетки учителя!

Эта угроза действует. Мальчик вскакивает на ноги и широко раскрывает глаза.

Привычная обстановка родного дома сразу охватывает его. Узкая спальня с чисто выбеленными стенами. Устроенное почти под потолком небольшое окно с решеткой, через которое льются потоки света и доносится вкусный запах свежих ячменных лепешек. Напротив у стены — кровать старшего брата, а в ее изголовье, на пестрой циновке, — два сундучка на низких ножках: один с одеждой, другой со свитками рукописей и принадлежностями для письма. Такие же сундучки, только меньшего размера, стоят и около кровати Сети. В открытую дверь, куда ушла мать, виден коридор. Слышны голоса отца и старшего брата, занятых чем-то в средней, главной комнате дома.

Сети быстро надевает легкий набедренник и выбегает мыться во двор. Он останавливается у колодца, рядом с которым стоит старая няня, уже приготовившая глиняный кувшин с водой. Няня, седая, сгорбившаяся за свою долгую трудовую жизнь, ласково улыбается любимому воспитаннику и начинает поливать ему воду на руки, голову и ноги. Сети смеется, брызгает водой на подошедшую к нему собаку и, вытираясь после мытья, внимательно оглядывается по сторо-

нам, чтобы убедиться, все ли по-старому и нет ли чего-нибудь нового и интересного.

Двор невелик. С одной стороны он примыкает к дому, а с трех других сторон обнесен глухими глиняными стенами, в одной из которых находятся ворота. Посередине двора — колодец, внутрь которого ведут винтообразно расположенные каменные ступеньки. У правой стены под навесом устроены жаровни и хлебная печь: здесь готовят еду. Дальше — невысокие, круглые, похожие на большие ульи кирпичные амбары для хранения зерна. Рядом с каждым из этих амбаров пристроены ступеньки. По ним поднимаются носильщики с зерном, чтобы высыпать его в отверстие на верху амбара. Берут же зерно через дверцу, устроенную внизу, рядом с первой ступенькой. Сети знает, что амбары построены так для того, чтобы зерно постепенно опускалось сверху вниз, не залеживаясь, а значит, и не портясь.

У левой стены двора пристроены маленькие клетушки. Три из них — это кладовые. А в двух живут рабы — сириец Хару и Шерит, которая стряпает, стирает и убирает дом и двор.

Но вот Сети замечает во дворе незнакомую женщину. Невысокого роста, средних лет, ловкая и подвижная, она с помощью Хару устанавливает под навесом около дома ткацкий станок.

— Няня, кто это? — спрашивает Сети.

— Это Бакет, рабыня госпожи Неферт. Наша госпожа наняла ее на несколько дней, чтобы наткать полотна, — отвечает няня и добавляет, что за это мать Сети, Меритнейт, должна заплатить госпоже Неферт.

— А самой Бакет тоже заплатят? — спрашивает Сети.

— Самой Бакет? Нет, конечно, ведь она рабыня. Плату за ее работу получит ее госпожа. Бакет будут кормить — и это все! — вздохнув, говорит няня.

Сети смотрит на Бакет, на мгновение задумывается, но его внимание отвлекают голуби, порхающие над домом. Сизые, белые, они взлетают в синеву неба, спускаются, ходят, воркуя, по плоской крыше дома. И Сети очень хочется взбежать на крышу и поиграть с любимыми птицами. Но в дверях дома показывается

мать и торопит мальчика завтракать и собираться в школу. Ничего не поделаешь, надо идти!

Сети очень любит свою мать. Невысокая, смуглая, с большими черными глазами, она так ласково смотрит на Сети. Мальчик подбегает к матери, обнимает ее и прижимается своим освеженным лицом к ее теплым рукам, от которых пахнет чем-то душистым и вкусным.

— Скорее, скорее, Сети, ты и так проспал! — говорит мать, глядя его лицо, и уходит в дом.

Семья обычно завтракает на полуоткрытой веранде, на северной стороне дома. На этой веранде очень удобно укрываться от палящих лучей солнца, а приятная прохлада свежего северного ветра хорошо помогает переносить нестерпимую жару египетского дня.

Но перед тем как пройти на веранду, Сети входит в главную комнату дома, чтобы поздороваться с отцом и братом. Комната эта — приемная. Она расположена в самой середине дома; ее со всех сторон окружают другие комнаты — спальни отца, матери, Сети с братом, еще одна веранда, рабочая комната отца, кладовые. Поэтому, для того чтобы в главной комнате можно было сделать окна, ее стены выстроены выше стен всех других помещений дома. Потолок в этой комнате поддерживает деревянная, выкрашенная в кирпичный цвет колонна с каменной круглой базой. Только эта база да наличники дверей и сделаны из камня, стены же дома сложены из необожженных кирпичей, а крыша настлана из бревен, переплетенных ветками и обмазанных глиной.

Сети очень нравится главная комната дома, он считает ее очень красивой и ведет себя здесь тихо и осторожно, стараясь не запачкать чистый пол, не поцарапать стоящий посередине алтарь с изображением фараона на ярко раскрашенной каменной плите, не опрокинуть вазу с цветами или бронзовую жаровню, на которую при гостях кладут горячие уголья и кусочки душистой смолы, чтобы в комнате приятно пахло.

Здесь отец Сети — Усерхет и старший брат — Нахт. Отец — писец управления полями фараона. Он среднего роста, загорелый, сильный человек. На нем легкое белое одеяние, на шее — ожерелье из фаянсовых пест-

рых бус, на руках — такие же браслеты. Нахт — стройный юноша лет восемнадцати, одетый так же, как отец, с той только разницей, что его одежда немного короче, а ожерелье уже. Оба они позавтракали уже и вскоре уйдут: отец — в управление царскими землями, Нахт — в высшую школу, которую он оканчивает в этом году.

Нахт держит в руках развернутую рукопись с какими-то интересными рисунками. Сети сразу же замечает их, подходит к отцу и брату, здоровается с ними. Нахт показывает рисунки отцу, а тот, погладив по голове младшего сына и ответив на его приветствие, продолжает внимательно и, видимо, с удовольствием слушать уверенное объяснение Нахта, из которого Сети ловит только слова:

— А вот в этот час созвездие Сах¹ появляется над правым глазом!

Сети заглядывает в рукопись и видит сидящего на земле человека, вокруг которого нарисованы звезды. Сети так удивлен, что забывает все правила приличия и, перебивая Нахта, вступает в беседу взрослых:

— Что это такое?

Отец оборачивается к нему и недовольно поднимает брови, но Нахт приходит на помощь брату: .

— Не сердись на него, отец. Смотри, как ему интересно!.. Это — изображение звезд на небе, маленький. После школы я тебе расскажу об этом побольше, а теперь беги и помни: когда старшие беседуют, младшие молчат!

Нахт поворачивает Сети лицом к выходу и слегка подталкивает его в спину.

Сети даже доволен. Он может спастись от неприятных наставлений за допущенную им невежливость. В самом деле, как это он сплеховал — вмешался в разговор взрослых? Правда, очень уж интересная картинка. Нахт говорит, что это звезды в небе, а при чем же здесь человек? Разве он тоже в небе?

Но Сети не успевает додумать занимающую его мысль до конца, он уже на веранде, и его внимание привлекает приготовленный для него завтрак.

Взрослые уже поели, и Сети, поджав ноги, садит-

¹ Созвездие, которое теперь называется Орион.

ся один на пеструю циновку и придвигает к себе небольшой низкий столик с едой. На столике стоит глиняный ярко расписанный голубыми и красными узорами кувшин с молоком, блестящее, бирюзового цвета фаянсовое блюдо с теплыми, вкусными лепешками, чашечка с медом и зеленая фаянсовая тарелка с финиками и виноградом.

Сети ест с аппетитом и в то же время прислушивается к разговору отца и брата.

— Значит, сегодня ты будешь продолжать свои наблюдения? — спрашивает отец. — Кто же еще будет с тобой?

— В паре со мной Птахмес, а рядом — Инени и Гори. Ну, конечно, и учитель, и жрецы храма, — громко отвечает Нахт.

Голоса замолкают. Отец уходит в свою комнату, Нахт — в спальню братьев. Сети знает, что сейчас они надевают парики, которые полагается носить в Египте всем знатным и даже просто зажиточным мужчинам, затем они возьмут свои письменные приборы.

Вот они выходят через главный вход дома. Веселый смех Нахта слышен уже за дверью. Потом долетает стук сандалий по дорожке сада, хлопает калитка. Ушли.

Ну, надо торопиться и Сети. Он дожевывает лепешку с медом и быстро завязывает оставшиеся лепешки в кусок полотна, туда же засовывает финики и бежит в спальню за своими школьными принадлежностями. Вот его письменный прибор, хороший прибор, совсем как у настоящего писца: здесь и дощечка с углублениями для красок и тростниковых палочек, которыми пишут, здесь и пенал для запасных палочек. Сети укладывает палочки в пенал, привязывает его веревкой к дощечке и, как взрослый писец, надевает все это на плечо. В руках у него, кроме узелка с едой, еще небольшой глиняный сосуд для воды. Водой Сети будет в школе разводить краски для письма.

На ходу он кричит матери:

— До свиданья, мама! Я пошел!

Сети бежит по коридору, через маленькую проходную, мимо главной комнаты, в сени, выскакивает в сад и в ту же минуту, вспомнив что-то важное, останавливается. Да, он ведь чуть не забыл взять лишнюю

еду! А ему это очень нужно для одного дела. Как же быть?

Сети смотрит, нет ли поблизости няни. Какая удача! Вот она в садике подметает маленькую беседку.

— Няня! — тихонько зовет Сети.

И когда старушка торопливо подходит к нему, шепотом просит принести ему еще лепешек, луку и сушеного мяса. Он очень устает в школе, объясняет Сети, ему всегда так хочется есть! Няня кивает головой и быстро семенит в дом.

А Сети, ожидая ее, смотрит опять на голубей, летающих над домом, на весь дом, на садик. Дом этот принадлежит его отцу и был построен еще его дедом. Дед приехал в этот город по приказу тогда еще молодого фараона Рамсеса¹ с юга, из столицы Египта, знаменитой Уасет². Дом уже старый, но его постоянно подправляют, подмазывают, белят — и он кажется новым и чистым. Садик, правда, очень невелик: всего несколько пальм, акаций, сикомор и гранатовых деревьев, но все-таки здесь построена ярко раскрашенная беседка, посажены цветы и даже выкопан маленький пруд — в нем цветут лотосы и плавают рыбки, а поближе к дому вокруг подпорок вьется несколько виноградных лоз.

Но вот и няня с узелком. Сети хватается его и, держа вместе со своим завтраком в одной руке, а другой поддерживая прибор для письма, шепчет няне слова благодарности и бежит, шлепая босыми ногами по каменным плитам дорожки, которая ведет от крыльца дома мимо садика к воротам.

Дорожка делает крутой поворот налево. Как раз у этого места стоит алтарь со статуей бога Тота, покровителя писцов. Сети останавливается на бегу, низко кланяется каменному богу с головой ибиса, быстро бормочет молитву с просьбой об удачном ученье. Потом со всех ног бросается к воротам и выскакивает на улицу.

Вдоль обеих сторон улицы идут такие же глухие глиняные стены, как и около дома Сети. Через эти стены кое-где видны верхушки деревьев, иногда — кры-

¹ Рамсес II, правил Египтом с 1317 по 1251 г. до н. э.

² Египетское название города Фив.

ша дома. Но сегодня Сети не оглядывается по сторонам, не рассматривает ни прохожих, ни нагруженных товарами ослов. Он боится опоздать и бежит, стараясь не толкнуть встречных. К счастью, школа близко — всего через две поперечные улицы, за углом. Вот и она — знакомый, но нелюбимый большой дом за длинной оградой. К воротам с противоположной стороны подбегают два мальчика.

Ворота, дорожка, поклон у алтаря, вход, сени, где уже слышен легкий гул голосов, большая комната... Слава Тоту, Сети пришел вовремя! Учителя еще нет, и плетки, по крайней мере за опоздание, не будет.

II. ШКОЛА

Комната, в которую вбежал Сети, большая и светлая. Здесь уже не одна, а целых четыре колонны поддерживают потолок. Пол устлан циновками: на них и сидят, поджав ноги, во время занятий ученики.

В комнате много мальчиков. Они стоят, сидят, перебегают друг к другу, то весело болтая, то торопливо спрашивая о неясном в заданных уроках.

Сети быстро пробирается на свое место — во втором ряду у стенки — и еще издали машет рукой своему соседу и закадычному другу Ини, круглолицему черноголовому мальчику. Ини тоже машет ему рукой и кричит:

— А, Миу-нофер! Наконец-то! А то я уж боялся, что ты опоздаешь.

— Ну что ты, Миу-бин! — говорит Сети, добравшись до своей циновки и опускаясь на нее. — Я — и чтобы опоздал!

Миу-нофер — значит «хороший кот», Миу-бин — «плохой кот». Эти прозвища мальчики придумали себе еще в первый год своей школьной жизни. С первого же дня учения началась их крепкая дружба. Сначала разница в их характерах доставляла им немало неприятностей. Ини был очень вспыльчив и немедленно лез в драку. Сети был спокойнее, сам обычно драться не начинал, но сдачи давал крепко, а так как он был сильнее, то битым в конце концов оказывался Ини.

Вот в одной-то такой драке Сети, сидя уже верхом на прижатом к земле и только шипевшем от злости Ини, и назвал его злым котом — Миу-бин. Очень уж похож был Ини на сердитого, злого котенка.

— А ты-то? Ты кто? — в бессильной злобе крикнул тогда Ини.

— А я, конечно, хороший котик — Миу-нофер, — ответил, улыбаясь, Сети.

И от этой шутки почему-то вдруг пропала вся злость Ини, и ссора кончилась так же неожиданно, как и началась. Но прозвища прижились прочно, так что обоих друзей с тех пор часто так звали и другие мальчики.

Сейчас Сети, раскладывая на циновке принесенные с собой вещи, спрашивает Ини, что тот делал вчера вечером. Оказывается, Ини катался с отцом по Нилу и удил рыбу. Ини очень хочется рассказать другу, какую замечательную рыбу ему удалось поймать. Но шум в комнате внезапно стихает, все мальчики вскакивают и сгибаются в низком поклоне: в комнату входит учитель, писец Шедсу.

Это невысокий человек лет сорока пяти, с равнодушным лицом и холодным взглядом серых глаз, которые, кажется, сразу видят все, что происходит в комнате. На голове учителя пышный завитой парик, в одной руке он держит длинный посох, на который опирается при ходьбе, в другой руке — плеть. За ним раб несет письменный прибор и два ящика с рукописями.

Учитель кивает головой детям и садится в резное кресло черного дерева. Кресло стоит посередине, перед первым рядом учеников. Под ноги учителя раб подвигает низенькую скамеечку и ставит ящики с рукописями.

Старший ученик Яхмес подходит к учителю и, поклонившись, ждет приказаний.

— Сначала будем читать, — говорит учитель. — Яхмес, открой этот ящик и раздай свитки, по одному на двоих.

Яхмес быстро и ловко выполняет приказание. Мальчики получают свитки и садятся попарно поближе друг к другу.

Сети и Ини бережно берут доставшуюся им рукопись и осторожно начинают ее разворачивать.

Рукопись написана на папирусе крупным, четким почерком. Мальчики давно знают, что такое папирус, как и для чего он готовится. Этот желтоватый мягкий свиток сделан из особого болотного растения, в зарослях которого у берегов Нила так хорошо ловить рыбу и водяных птиц. Вот от стеблей этого растения и отрезают ровные куски, потом режут их по всей длине на тонкие полосы. Эти полосы склеивают в прямоугольный кусок, на него накладывают новые полосы, но так, чтобы волокна этих полос легли поперек волокон первого куска. Потом такой сложенный из двух слоев кусок бьют деревянным молотком, чтобы он стал тонким и оба его слоя плотно пристали друг к другу.

Затем папирус кладут под пресс, и выделяющийся при этом сок прочно склеивает оба слоя. Остается только высушить папирус — и он готов. Но на таком куске папируса большая рукопись не поместится, поэтому обычно берут несколько кусков, склеивают, ровно подрезают и на полученном длинном куске пишут то, что нужно.

Когда рукопись готова, ее скатывают в аккуратный свиток. Это египетская книга, такая, какую держат сейчас в руках Сети, Ини и их товарищи.

Что же написано в этой книге?

Слышится легкий шелест разворачиваемых свитков. Мальчики с интересом всматриваются в новый для них текст. Первые две строки написаны красной краской, дальше — черной. Они хорошо знают, что красным пишутся не только начальные строки рукописи, но и начало каждой ее главы, а иногда и просто новой части рассказа. Это очень помогает при чтении: ведь между словами египтяне не оставляют промежутков, и без таких красных строк было бы трудно находить нужное место в рукописи. Красной краской полагается писать и последние строчки, которые уже не относятся к теме самой рукописи, а содержат только указания, что это конец рассказа, и иногда имя писца, переписавшего рукопись.

Сети быстро пробегает глазами первую строчку: «Был человек по имени Хевинануп...» Ага, рукопись написана на древнем языке! Так говорили в Египте сотни лет назад, теперь говорят иначе.

Но Сети и другие мальчики хорошо знают древний язык. Ведь все основные слова остались те же самые. Значит, понимать древние тексты было не так уж трудно, стоило только запомнить, в чем состояли изменения.

— Читай ты, Пасер, — говорит учитель.

Пасер сидит в третьем ряду. Это довольно полный мальчик с ленивыми движениями и круглым наглым лицом. Он медленно встает и говорит, глядя в глаза учителю своими чуть прищуренными глазами:

— Я не могу читать сегодня, господин, у меня болят зубы.

Сети и Ини недоверчиво и недружелюбно смотрят на Пасера. Они его очень не любят за высокомерие и лживость. Пасер часто отказывается отвечать уроки, но ему все сходит с рук, потому что его отец — чати, самый важный чиновник в Египте, первое лицо в государстве после фараона, и учитель Шедсу боится рассердить чати строгим отношением к его любимому сыну.

Вот и сейчас Шедсу ничего не говорит Пасеру, хотя тот явно лжет — зубы у него не болят, просто не хочет читать! Но учитель спокойно дает ему знак садиться и велит читать дальше его соседу Неферу. А попробовал бы кто-нибудь другой отказаться читать! Ого, что бы тут было! А разве это справедливо? Сети чувствует, что у него поднимается обида на учителя, и он старается не смотреть на него.

Нефер — невысокий мальчик с узкими, хитрыми глазками и довольно противным, по мнению Сети, лицом. Сети считает Нефера подлизой и подхалимом. Так думает не только Сети, а и многие другие мальчики. Нефер постоянно вертится около Пасера, потихоньку подсказывает ему, решает за него задачи, поправляет знаки при переписке. Так же поступает и приятель Нефера — Сенеб, причем оба они делают все это только для Пасера, а никому из товарищей ни в чем никогда не помогут.

«Нефер и Сенеб стараются заранее выслужить себе хорошие местечки у будущего чати», — смеются мальчики.

Нефер и Сенеб юлят и около учителя. Они кланяются ему низко-низко, гораздо ниже, чем все их то-

варищи, причем делают это с такой заискивающей улыбочкой, что у Сети сжимаются кулаки. А у Ини и другого такого же горячего мальчика, Мехи, кулаки слишком часто не только сжимаются, но и опускаются на спину или голову Нефера и Сенеба, после чего следуют крики, жалобы и неизменная порка обидчиков.

Нефер учится хорошо, хотя он и не очень способный, но зато старательно заучивает все наизусть. И учитель постоянно его хвалит и ставит в пример другим ученикам.

Вот и сейчас Нефер начинает читать без единой запинки, ровно и отчетливо:

— «Был человек по имени Хевинануп, земледелец. И была у него жена по имени Мерит. И вот этот земледелец сказал своей жене: «Вот я отправлюсь, чтобы принести еды моим детям. Пойдем же, отмерь ячменя, который в амбаре». И она отмерила ему двадцать шесть мер ячменя. И земледелец сказал своей жене: «Вот остается двадцать мер ячменя для еды тебе и детям, а шесть мер ячменя приготовь для хлеба и пива, чтобы я был ежедневно этим сыт».

Сети внимательно следит за чтением и даже водит пальцем по строчкам. Ему нравится простое и понятное начало повести. Это не то что скучные поучения, которые их обыкновенно заставляют читать.

— Довольно, Нефер, очень хорошо. Теперь переведи последнюю фразу на новый язык, — говорит учитель.

Нефер правильно переводит. Учитель кивает головой в знак одобрения и говорит:

— Дальше читать будет Хеви.

С циновки около Нефера слышится вздох, сопенье, потом какая-то возня. Сети искоса смотрит туда. Чуть не фыркнув, он зажимает рот и низко нагибается над рукописью. Толстый, неповоротливый мальчик что-то дожевывает, потом выплевывает косточку финика и, сопя от напряжения, медленно начинает читать:

— «Отправился этот земледелец, и нагрузил он своих ослов растениями, солью, шкурами и всякими прекрасными вещами».

Хеви читает так медленно и тягуче, с такими остановками, что в комнату начинают доноситься тонень-

кие голоса маленьких ребят, которые учатся в школе первый год и занимаются сейчас в соседнем помещении.

И Сети, слушая длинный и скучный перечень всего, что повез на продажу земледелец, в то же время вспоминает, как и он сидел когда-то в комнате рядом и, с трудом запоминая отдельные иероглифы, учился их читать. Ох, как трудно было ему запомнить все эти знаки, каждый из которых казался ему сначала просто интересной картинкой, а никак не знаком для чтения!

Ведь здесь были разные птицы, звери, рыбы. Были и люди — мужчина, женщина, ребенок с пальцем у рта, воин с луком и стрелой, фараон в короне, боги с жезлами, танцующий человек, бегущий, упавший...

А потом — растения, звезды, вода, земля, постройки, инструменты, корабли, сосуды... Да чего только здесь не было! К тому же один знак изображал целое слово, другой — слог, третий — отдельный звук.

И вместо того чтобы запоминать, как надо читать каждый из этих знаков (а их было свыше семисот!), маленький Сети придумывал про них разные интересные истории и рисовал поэтому знаки не в том порядке, в каком их следовало изобразить, чтобы получилось слово, а так, как придумывался рассказ: за знаком воина он ставил колесницу — это значило, что воин поехал на войну; потом он рисовал бегущего человека — это бежал враг; потом упавшего — это врага убили.

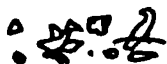
Но учитель никогда не хотел слушать объяснений

Сети, а просто бил его плеткой и заставлял снова и снова учить знаки.

В конце концов учить все-таки приходилось так, как этого требовал учитель, и маленький Сети постепенно научился читать.

Но трудностей было очень много и кроме заучивания знаков. Чего стоили разные правила правописания! Сложная грамматика! Например, если после слова стояли три палочки, это означало множественное число; а если слово писалось только одним значком, то для выражения множественного числа можно было просто написать это слово три раза.

Еще труднее, чем выучиться читать, было овладеть письмом. Неумелые пальчики маленького Сети выводили сначала совершенно непонятные, уродливые письмена, за которые ему больно доставалось от учителя. Немало слез пролил мальчик, пока научился более или менее сносно писать. За это время он узнал, что иероглифами рукописи не пишутся, их употребляют только для тех надписей, которые высекают на камне, — на стенах храмов и гробниц или на пьедесталах статуй. Пользоваться же иероглифами при письме было бы слишком сложно и долго, так как каждый знак приходилось бы, в сущности, рисовать, и поэтому для рукописей в Египте давно уже выработались упрощенные формы тех же иероглифов.

Иероглифы

Упрощенное
написание

Эти упрощенные знаки писались сравнительно легко и быстро. Но научиться писать, а кроме того, и читать рукописи было очень нелегко, и Сети это тоже стоило немалых слез.

Да и теперь, хотя Сети и знает почти все иероглифы и в полной, и в упрощенной форме, учитель еще далеко не всегда бывает доволен его почерком. Зато читает он хорошо.

И в это время Сети как раз слышит, как учитель называет его имя.

III. «РЕЧИ КРАСНОРЕЧИВОГО ЗЕМЛЕДЕЛЬЦА»

Хорошо, что Сети все время следил за медленным чтением толстого Хеви, которому в конце концов досталось три удара плеткой за ошибки в переводе, а то, пожалуй, можно было так задуматься, что сразу и не найти то место в рукописи, откуда следовало продолжать чтение.

Но теперь Сети бодро начинает читать:

— «Отправился этот земледелец на юг и встретил человека, который стоял на плотине. Имя его Тотнахт, сын человека по имени Исэри. Это люди начальника Ренси. И вот Тотнахт подумал, когда он увидел ослов, которые ему понравились: «Если бы мне как-нибудь захватить имущество этого человека!» Дом же Тотнахта стоял на узкой прибрежной дороге; с одной ее стороны была вода, а с другой — ячмень. И вот Тотнахт сказал своему слуге: «Поторопись, принеси мне ткань из моего дома». И она была тотчас принесена. Он расстелил эту ткань на прибрежной дороге, и один ее конец упал на воду, а ее бахрома — на ячмень».

Рассказ захватывает мальчиков, и они внимательно следят, как Сети, а за ним Ини отчетливо читают о том, как бедняк земледелец, не решаясь ни наступить на материю, ни пройти по ячменю, просил злого и жадного Тотнахта освободить дорогу, но тот ни за что не соглашался. И тогда случилось то, на что и рассчитывал Тотнахт: один из проголодавшихся в пути ослов бедняка соблазнулся вкусным ячменем, схватил несколько колосьев и начал их жевать.

— «И Тотнахт сказал: «Я заберу твоего осла, потому что он ест мой ячмень!» И он взял ветку зеленого тамариска, избил земледельца, отнял его ослов и увел».

Дальше читает Минмев, невысокий тихий мальчик, сидящий позади Сети. Мальчики узнают, что бедняк решил пожаловаться начальнику той области, где его ограбил Тотнахт, — важному вельможе Ренси. Придя к нему, он начал умолять о защите:

— «О начальник, господин мой, великий из великих! Руководитель, лишенный жадности! Великий, лишенный низости! Уничтожающий ложь и творящий

истину, приходящий на голос зовущего! Сотвори истину! Вот мне тяжело — защити меня, вот я в беде!»

Очень красивую речь сказал бедняк, и мальчики были уверены, что Ренси смилуется и защитит его. Но оказалось, что речь была даже слишком красивой. Она так понравилась Ренси, что тот решил рассказать об этом фараону. Он знал, что фараон очень любит красноречие, и надеялся получить хорошую награду за такое интересное известие.

Действительно, фараон был так доволен, что распорядился не отпускать земледельца до тех пор, пока тот не произнесет еще несколько длинных речей, которые тут же должны быть тщательно записаны опытными писцами, чтобы фараон мог потом все это прочитать.

И вот несчастный бедняк был вынужден говорить с утра до вечера, умоляя Ренси о правосудии и защите. Он произносил одну речь за другой, и хотя в рукописи было сказано, что это были прекраснейшие речи, которые очень нравились и Ренси, и фараону, мальчикам казалось, что речи эти становились все длиннее, все скучнее и все непонятнее.

— «О начальник, господин мой! — читает высокий подвижный мальчик с черными бойкими глазами, которого зовут Несмин. — Ты — руль неба, ты — столп земли! Руль не упади, столп не покачнись! Не лги — ты велик, не будь колеблющимся — ты имеешь вес. Стрелка весов — твой язык, гиря — твое сердце, коромысло весов — твои губы!»

Голос Несмина давно уже потерял выразительность — видимо, мальчик не слишком вдумывается в смысл того, что он читает, и старается только правильно произносить слова.

Зато учитель, вроде фараона и Ренси, явно наслаждается речами бедняка. Он мерно покачивает головой, слегка похлопывая по ручке кресла ладонью, и все реже требует перевода той или иной фразы. Он только изредка морщится, когда Несмин делает неправильную паузу или не делает ее совсем.

Один за другим читают мальчики, а речи всё тянутся.

Четвертая, пятая...

В комнате нестерпимо душно, циновки жестки и неудобны — затекли поджатые ноги.

Шестая речь, седьмая...

Внезапно слышится легкий храп. Все невольно оглядываются, а учитель в гневе приподнимается. Это уснул толстяк Хеви. А его сосед Нефер и не думает его растолкать. Учитель бесшумно встает, подкрадывается к Хеви и внезапно сильно бьет его плеткой. Хеви дико вскрикивает и в страшном испуге, ничего не понимая, вскакивает на ноги и при этом наступает на рукопись, которая рвется под его ногой.

Град ударов сыплется на мальчика, он в ужасе кричит и только пытается руками защитить лицо.

Сначала, услышав храп Хеви, мальчики заулыбались, но теперь они раздраженно и озлобленно смотрят на учителя.

— А, ты еще и рукопись разорвал! — свирепеет тот и, схватив Хеви за плечо и продолжая стегать его, тащит вон из комнаты.

Все напряженно молчат. И вдруг Сети замечает на лице Нефера гадкую улыбочку. Сети чувствует, что ему сразу становится жарко.

— Эй, Нефер! — громким шепотом зовет Сети.

И когда тот поворачивается, Сети поднимается на колени и, грозя ему кулаком, с яростью шепчет:

— Ты его не разбудил вовремя, змея, а теперь еще и хихикаешь! Ну погоди!

Улыбку Нефера заметил не один Сети, и к нему угрожающе тянутся кулаки Мехи, Ини, Пабеса и Несмина. Но входит учитель, и все смолкает.

«Ничего,— думает Сети,— пусть только кончится урок!»

Видимо, об этом же думают и другие мальчики, да и сам Нефер уже не улыбается, а испуганно моргает глазами и оглядывается по сторонам. Со двора все еще доносится плач Хеви.

— Продолжаем. Читай, Мехи! — говорит учитель, усаживаясь на место.

Мехи, рослый сильный мальчик, годом старше Сети, с озорными темными-какими глазами, начинает читать восьмую речь земледельца.

Сначала все идет хорошо. Мехи читает громко и выразительно, соблюдает паузы и правильно выгова-

ривает слова. Затем вдруг он начинает читать все медленнее и медленнее и наконец совсем вяло, сквозь зубы, еле-еле цедит слова.

— Скорее! — нетерпеливо говорит учитель.

Мехи вежливо кланяется и начинает читать так быстро, что уже не только нет никаких пауз, но и слов-то разобрать невозможно.

— Куда ты несешься, как дикий осел! Читай с выражением! — сердится учитель.

Мехи с деланной покорностью склоняется в новом поклоне:

— Слушаю, господин, постараюсь с выражением!

И он начинает читать «с выражением». Но что это за чтение! Голос Мехи то поднимается до пронзительного писка, то опускается до дикого протяжного завывания. При этом он старательно подчеркивает совсем ненужные слова и скороговоркой бормочет важные фразы.

Опущенные на рукописи глаза мальчиков блестят от удовольствия и злорадно косятся на учителя, губы вздрагивают от сдерживаемого смеха. Молодец Мехи, так и надо этому злюке!

Учитель приходит в ярость.

— Ты что, совсем безумец или ты позволяешь себе издеваться надо мной? — уже кричит он, привстав и взмахивая плетью.

— Как, господин? — с хорошо разыгранным недоумением спрашивает Мехи. — Я же исполняю твое приказание!

Учитель подбегает к нему и останавливается раздумывая. Пожалуй, действительно Мехи просто перестарался.

Учитель сердито пожимает плечами и раздраженно говорит:

— Как же ты до сих пор не можешь научиться читать по всем правилам? Сколько раз я тебе показывал, как надо читать, а ты все не можешь понять! Ведь тебя отдали в школу, где учатся дети знати, для того, чтобы обучить необходимым знаниям. Ты должен это твердо помнить. Вот и трудись целый день, пиши, читай, спрашивай совета у того, кто знает больше тебя. И запомни, что я тебе скажу: ведь и львов укрощают, и лошадей объезжают, и соколу связывают

крылья! Мы справимся и с тобой, не беспокойся! Помни: если ты будешь лениться, ты будешь бит! Ведь известно, что ухо мальчика — на его спине, и он слушает, когда его бьют.

Ох, как Сети ненавидит эту любимую поговорку учителя, которую тот повторяет каждый день! Да и вообще Сети и все мальчики очень не любят наставлений учителя Шедсу. А кажется, он сейчас как раз собирается угостить их одним из таких поучений.

Действительно, учитель, переводя дух, продолжает с новой силой:

— Смотри, вот дети моложе тебя (его рука указывает на Нефера), а читают лучше! А почему это? Почему ты невнимателен к моим наставлениям? Потому что ты вообще не хочешь учиться. А разве я не объяснял тебе, зачем это надо? Чтобы быть писцом, ибо лучше этого ничего нет! Писец освобожден от всех повинностей, от всяких работ, от мотыги и кирки, от корзины и весла. Сделайся писцом — и ты не будешь подчинен многим начальникам, а сам станешь приказывать другим. Ведь должность писца — самая лучшая! Подумай-ка, ведь это писец назначает размеры податей, а потом получает их. Это писец исчисляет имущество каждого человека, чтобы обложить его налогами. Все ценности находятся под управлением писца. Хорошо живется писцу! Он всегда сыт и доволен. Сделайся писцом — и твои руки будут мягкими, ты будешь нарядно одет, тебя будут хвалить, к тебе обратятся с просьбами придворные. Вот для чего надо учиться — чтобы быть писцом!

— А я не хочу быть писцом, господин! — внезапно говорит Мехи и поднимается во весь рост. — Я хочу быть воином, как мой отец!

Все головы поворачиваются к Мехи. Мальчики явно одобряют его: правильно и смело сказал Мехи! Интересно, что ответит ему учитель? Только Пасер смотрит на Мехи, презрительно сощутив глаза, да Нефер и Сенеб, подражая Пасеру, тоже стараются изобразить на своем лице насмешку.

Учитель в первое мгновение точно каменеет от удивления и негодования, но затем быстро находит убедительные, с его точки зрения, доводы против желания Мехи.

— Ах, так ты думаешь, что воином лучше быть, чем писцом? — иронически спрашивает он. — Вот я сейчас покажу тебе, так ли это. Твой отец — великий военачальник, но таким становятся очень немногие, да и то не сразу. А у простого начальника воинов жизнь нелегкая. И ты сам почувствовал бы это, как только попал бы в казармы. Как получишь удар по животу, по глазу, по брови, будет у тебя вся голова сплошной раной, отстегают тебя терновником — тогда ты и узнаешь, какова воинская наука! А вот теперь я расскажу, как тебе придется бедствовать в походе, например, в Сирии. Ты сам понесешь на себе хлеб и воду, как вьючный осел, а когда воды не хватит, то придется пить вонючую стоячую воду. Ты не будешь знать, уцелеешь ли ты, потому что там всюду бродят свирепые львы, а тут и враги прячутся по кустарникам и готовы напасть каждое мгновение. Вот и придется тебе идти и только взывать к богам: «Придите и спасите меня!» Нет, нет, гораздо лучше быть писцом, чем воином!

Но слова учителя не убеждают Мехи.

— Я не хочу быть писцом! — повторяет он, встряхивая головой и глядя блестящими глазами прямо в глаза учителю. — Я не боюсь того, что ждет меня, если я стану воином!.. Ты говоришь, господин, что в казарме меня будут бить, пока я не научусь всему, что должен знать воин. Так пусть лучше меня бьют там, чем здесь! Это раз. А потом — почему меня обязательно будут бить? Я и сейчас умею стрелять из лука, и метать копьё, и править колесницей. Отец уже подарил мне и вооружение, и коней. Я не боюсь ни львов, ни врагов — научусь справляться и с теми и с другими. Нет, господин, учиться я, конечно, буду, потому что так велел мне отец, а писцом не буду ни за что!

Учитель с удивлением слушает мальчика. Так никто никогда еще не осмеливался говорить с ним! Что же делать? Наказать? Но ведь, в сущности, Мехи его не оскорбил. А отец Мехи — главный начальник войск фараона. Что он скажет, если его сына побьют только за то, что мальчик хочет быть воином? Пожалуй, лучше уступить.

И учитель говорит, внешне сохраняя всю свою важность и еще выше поднимая голову:

— Тебе еще рано выбирать, кем ты будешь, когда вырастешь. Это за тебя решит твой отец. А сейчас ты должен только учиться! Я доволен, что ты это все-таки понимаешь... А теперь — закончим чтение. Читай, Яхмес!

Яхмес быстро читает девятую, последнюю речь земледельца, в конце которой измученный бедняк говорит Ренси:

— «Вот я жалуюсь тебе, но ты не слушаешь, и я пойду и буду жаловаться на тебя богу Анубису!»

Яхмес читает далее, что Ренси наконец смилостивился и приказывает сообщить бедняку, что его речи, записанные писцами, прочли фараону. Фараон приказал Ренси рассудить бедняка с Тотнахтом.

Ренси вынес приговор: отобрать у Тотнахта его имущество, дом, скот и отдать все это бедняку.

Все бедствия окончены, мальчики рады этому не меньше самого земледельца. Они с облегчением выпрямляются и осторожно свертывают рукописи.

— Вот вы прочитали сегодня прекрасный рассказ, — говорит учитель. — Это очень полезное чтение, ибо оно должно помочь вам научиться красиво говорить, а это совершенно необходимо. Ведь недаром говорится, что речь сильнее, чем оружие... Помните: уста человека спасают его! А поэтому вы должны изучать прекрасно составленные речи и учиться им подражать. Вот и «Речи красноречивого земледельца» вам придется изучить очень внимательно. Для начала я вам даю такое задание: подумайте о том, что мы читали, посмотрите рукопись и выберите такие отрывки, которые вам покажутся наиболее подходящими для короткого приветствия. В такой речи вы должны постараться рассказать о всех главных качествах того человека, к которому вы обращаетесь с речью. Я думаю, что у красноречивого земледельца вы найдете столько прекрасных образцов, что легко справитесь с моим заданием.

Мальчики покорно снова разворачивают рукописи и углубляются в чтение. Кое-где слышатся шепот, советы, споры.

Чаще всего шепот доносится из того угла, где

сидят Мехи и его сосед и приятель Пабес. Иногда оттуда слышится даже как будто легкий смехок, сразу же заглушаемый кашлем.

Проходит полчаса.

Внезапно Пабес встает. В противоположность Мехи, он невысок, но так же ловок и смел. Он самый отчаянный шалун из всех мальчишек, всегда готовый на неожиданные и дерзкие выдумки. Сейчас он как раз в таком настроении, когда от него можно ожидать чего угодно. С одной стороны, он все еще зол на учителя за Хеви, а с другой — его подзадоривает успех шалости Мехи.

— Я приготовил приветствие, господин! — говорит Пабес и слегка кланяется.

— Вот как? — Учитель немного удивлен. — Ну, послушаем. — И он облакачивается на ручку кресла, подпирает голову рукой, готовясь внимательно слушать.

Пабес низко кланяется учителю, как бы обращаясь со своей речью именно к нему, и начинает читать громким голосом, отчетливо произнося слова:

— «О начальник, господин мой, великий из великих! Сделай, чтобы я превознес имя твое в этой стране! Я говорю, чтобы ты услышал. Сотвори же истину!»

Учитель слушает. Пока все, кажется, хорошо. Но вот Пабес, глубоко вздохнув, как перед прыжком в воду, продолжает:

— «Но посмотри, ведь у тебя плохо с истиной, она изгнана со своего места! Посмотри, ты хоть и силен, и крепок, и могуч, но ты жаден. Как плачет несчастный, которого ты обидел! Ты подобен послу крокодила!»

Учитель так поражен, что даже нагибается вперед. Нет, он не ослышался, это не похвалы, а, скорее, брань. Почему же, однако, Пабес из всех речей выбрал для приветствия самое неподходящее место — то, где бедняк в отчаянии укоряет Ренси в несправедливости и осыпает его упреками?

Зато Сети, Ини и другие мальчишки уже поняли, в чем дело, и находят, что Пабес как раз выбрал то, что нужно. Ведь он явно обращается к учителю, а у учителя-то с истиной дело обстоит неважно — он несправедлив, из-за него постоянно плачут обиженные

ученики, вот как сегодня Хеви. Да, он действительно подобен послу крокодила!

Речи земледельца, казавшиеся недавно мальчикам такими скучными, внезапно получают смысл и интерес.

А Пабес продолжает все громче и громче:

— «Ты ученый, ты воспитан, ты образован, но ведь не для злодеяний! Помни, что нет друга у человека, глухого к истине, нет радостного дня у жадного. Но ты не слушаешь, и я пойду и буду жаловаться на тебя богу Анубису!»

Пабес кончает и снова отвешивает поклон учителю. Но теперь уже и тот понимает, почему Пабес выбрал именно эти отрывки для своего «приветствия».

Лицо учителя сразу же становится страшным, глаза наливаются кровью. Он сжимает кулаки, встает и направляется к Пабесу.

Мальчики замирают. Но как раз в эту минуту открывается дверь, и на пороге показывается молодой человек, одетый так же, как и учитель, высокий, с открытым приятным лицом и приветливым взглядом. Это помощник учителя, молодой писец Аменхотеп. Он быстро подходит к учителю и говорит:

— За тобой прибыл гонец из храма Птаха, господин. Верховный жрец храма желает немедленно видеть тебя по важному делу.

Учитель Шедсу останавливается и несколько мгновений стоит молча, затем он хлопает в ладоши и кричит:

— Эй, рабы!.. Возьмите его! — указывает он двум вбежавшим рослым нубийцам на Пабеса. — Свяжите его и запирайте в подвал, а ключ принесите мне сюда. Да приготовьте плетень из гиппопотамовой кожи... Мы с тобой поговорим после! — угрожающе кричит он Пабесу, которого уносят нубийцы и который тем не менее бесстрашно улыбается. — Позови ко мне почтенного Миннахта, Аменхотеп! — приказывает учитель.

Аменхотеп безмолвно уходит и вскоре возвращается вместе с низеньким, очень толстым пожилым человеком. Это Миннахт, учитель младших мальчиков. Вслед за ними входит и один из нубийцев, который с низким поклоном передает учителю длинный массивный бронзовый ключ с четырьмя зубцами.

— Вот, почтенный Миннахт, — обращается учитель к Миннахту, протягивая ему ключ, — возьми этот ключ от подвала и никому не отдавай до моего возвращения. Там заперт этот негодяй Пабес, с которым я сегодня же рассчитаюсь за его неслыханную дерзость. А ты, Аменхотеп, проведешь после перерыва вместо меня урок письма. Рукописи возьмешь из этого ящика.

— Будет исполнено, — отвечает Миннахт, беря ключ.

— Слушаю, господин, — склоняет голову Аменхотеп и затем спрашивает: — Кому разрешишь писать на папирусе?

— Как всегда, Яхмесу и Неферу. — Учитель оглядывает мальчиков. — А кроме того, дай сегодня попробовать Сети и Минмесу.

Яркий румянец заливаает щеки Сети.

— А мне, господин? — вскакивает Ини.

— Еще рано. Вчера ты опять плохо написал! — строго говорит учитель.

Ини грустно опускается на циновку.

— Ничего, Миу-бин, не горюй! — шепчет Сети. — Я тебе помогу сегодня, и тогда завтра он позволит и тебе поговорить с ним на папирусе.

Старшие учителя направляются к двери. Но им преграждает дорогу Пасер. Слегка наклонив голову, он обращается к Шедсу:

— Разреши мне уйти домой, господин. Я совсем болен.

Шедсу молча кивает ему на ходу и выходит из комнаты в сопровождении Миннахта. Аменхотеп остается с мальчиками и весело обращается к ним:

— Ну, соколята, все во двор — есть, отдыхать, бегать, а потом снова за дело!

И мальчики, толпясь и толкаясь, выбегают из комнаты.

IV. СУДЬБА ПАБЕСА. — ПЕРВЫЙ ПАПИРУС

Двор школы большой и вместительный, гораздо больше двора у дома Сети. Вообще-то вокруг здания школы имеется целых три двора: два с хозяйственными

ми постройками, куда детям запрещено ходить, а этот, третий, отведен специально для них.

С каждой стороны двора устроены навесы, которые поддерживаются легкими деревянными подпорками. Под этими навесами, спасаясь от жарких лучей солнца, мальчики обычно и отдыхают между уроками.

Вот и сейчас они бегут прямо сюда и сразу же бросаются к большому глиняному сосуду с водой. Происходит короткая схватка за право первым напиться. Яхмес быстро наводит порядок и начинает по очереди наливать воду — кому в глиняную чашку, кому прямо в подставленные под струю ладони.

Под левым навесом отдыхают малыши; они кончили учиться раньше, успели уже поесть и теперь весело играют в кости или камешки, пробуют бороться, возятся, визжат.

Недалеко от них останавливается Сети. Ему удалось достать воды одним из первых, и теперь он спокойно жует свои лепешки.

Все его мысли заняты двумя событиями. Их ни в коем случае нельзя оставить без последствий. Это предательский поступок Нефера и история с Пабесом.

Нефера, конечно, необходимо поколотить, но это можно отложить до вечера, тем более что, предчувствуя недоброе, этот трус не отходит от Аменхотепа. Ну и пусть. Сейчас главное — это Пабес, запертый в подвале и ожидающий тяжелого наказания.

Где же Мехи и Ини? Ага, вот Мехи. Он уже напился и, утирая рот смуглой рукой, тоже оглядывается вокруг. Взгляды мальчиков встречаются. Они без слов понимают друг друга и бегут в самый дальний угол двора. Сети хватает Ини за руку и увлекает за собой.

— Что будем делать? — спрашивает Мехи.

Всем ясно, о чем идет речь. И они начинают совещаться.

Совершенно очевидно, что Пабеса надо выручать немедленно, пока не вернулся учитель, иначе будет очень плохо. Бежать к Пабесу домой нет никакого смысла — у него нет ни отца, ни матери. Его отец, знаменитый архитектор Нана, погиб во время экспе-

диции в далекую Нубию¹, куда он был послан фараоном, чтобы привезти хороший камень для постройки нового храма. Мать Пабеса умерла еще раньше. Теперь он живет у дяди, судьи Небамона, очень строгого сухого человека, к тому же близкого друга учителя Шедсу. Ждать, чтобы дядя защитил Пабеса от гнева учителя, не приходится, а гнев этот накапливается уже давно.

Пабес очень горячий, но честный и прямой. Он не выносит несправедливости, не задумываясь готов подраться с любым мальчиком, если ему покажется, что тот обижает слабого, борется не по правилам, отнимает у маленьких еду или игрушки. Учится Пабес очень неровно. Ему легко дается математика, он может хорошо читать и красиво писать, но часто и то и другое делает плохо. Его душат скука и однообразие уроков Шедсу, который заставляет мальчиков постоянно читать и списывать малопонятные поучения, гимны богам и фараонам.

Эти тексты, повторяющиеся изо дня в день, насколько не интересуют способного, живого мальчика, и он, вместо того чтобы слушать, задумывается, начинает потихоньку рисовать какие-то здания или красивые узоры из цветов лотоса, виноградных гроздьев, пальмовых листьев. Его постоянно наказывают, а он шалит все злее, все отчаяннее. В нем все растет ненависть к несправедливому учителю и к своему дяде, который его постоянно бьет. Плохо Пабесу в школе, плохо и дома, и он отводит душу только с Мехи да еще со старым умным писцом Ани, который иногда приходит в школу беседовать и заниматься с мальчиками.

Все это хорошо знают Мехи, Сети и Ини, и поэтому судьба Пабеса их особенно волнует.

— Что же делать, Мехи, что делать? — шепчет Сети. — Я ничего не могу придумать. Ведь чтобы освободить Пабеса, надо достать ключ, а утащить его у старого Миннахта невозможно — он не выпускает ключа из рук.

Мехи молчит. Молчит и Ини.

¹ Н у б и я — страна, расположенная к югу от Египта, по течению Нила.

Неожиданно к ним подходит Яхмес и присаживается рядом, поджав ноги. Мальчики настороженно смотрят на него.

— Вот что, друзья, — тихо говорит Яхмес. — Надо выручать Пабеса. Не удивляйтесь, что я к вам пришел, и верьте мне. Дело очень плохо. Когда Шедсу гневается так, как сегодня, то... — Яхмес умолкает.

— Мы и сами понимаем, — отвечает Мехи, — но как же вытащить Пабеса?

— Ты лучше мне скажи, куда ему деваться, если нам удастся это сделать? — спрашивает Яхмес. — Ведь к дяде ему нельзя идти — тот его отдаст Шедсу.

— Ну если он будет свободен, то я уж знаю, что делать! — шепчет Мехи. — У Пабеса есть старший брат, Аменеминт. Он сейчас руководит постройкой нового дворца в Меннефере¹ — он тоже архитектор. А сегодня возникний моего отца, Сеннеджем, как раз едет в Меннефер за новыми лошадьми. Я бы его упрощил взять Пабеса с собой и отвезти к брату!

— А он это сделает? — с сомнением спросил Яхмес.

— Конечно, сделает! — уверенно отвечает Мехи. — Он меня очень любит.

— Ну, тогда все хорошо! — Яхмес облегченно вздыхает. — А Пабеса мы сейчас освободим. Дело вот в чем: рядом с тем подвалом, где его заперли, есть другой, в котором лежат старые глиняные сосуды и инструменты. Меня как-то туда посылал учитель за черепками для упражнений. Подвалы разделены только глинобитной стеной. Нам надо незаметно спуститься в дальний подвал, проломать дырку в стене и вытащить Пабеса!

— Вот это здорово! — чуть не кричит Ини.

Но Мехи вовремя зажимает ему рот.

— Идем скорее! — шепчет Сети и порывается бежать.

— Стой! — останавливает его Яхмес. — Мы пойдем втроем — ты, Мехи и я. А Ини должен остаться здесь и устроить такой шум на дворе, чтобы учителя были заняты и не хватились бы нас, да и не услышали бы стука, когда мы будем ломать стенку.

¹ Древнеегипетское название города Мемфиса.

— Будет шум, не беспокойся! — говорит Ини.

Он думает минутку и затем мчится по двору к навесу малышей. По дороге он бросает горсть камешков в группу своих сверстников. Те, не разобрав, откуда полетели камни, немедленно начинают ссору, а Ини тем временем подбегает к малышам и весело спрашивает их:

— Ну-ка, кто вы такие — трусливые гиены или храбрые львы?

— Львы, львы! — кричат малыши, еще не понимая, чего от них хочет Ини, но уже гордясь тем, что он заговорил с ними.

— Ну, а если львы, так все бегом за мной на охоту!

Ини поворачивается, бежит к лесенке, которая ведет на плоскую кровлю, и быстро лезет вверх. За ним с радостными криками и визгом несутся малыши и также карабкаются на кровлю. А Ини уже наверху и, размахивая руками, вспугивает большую стаю голубей.

Малыши усердно помогают ему, и по всему двору поднимается невообразимый шум от хлопанья крыльев взлетающих в небо птиц и веселых возгласов детей.

Встревоженные учителя спешат к лестнице; туда же устремляется взгляд нубийца-раба.

А внизу ссора сверстников Ини переходит в драку, и крики дерущихся смешиваются с общим переполохом.

Да, Ини сдержал слово: шум большой!

Сам Ини все время не спускает глаз с того конца двора, где скрылись трое его товарищей, и, продолжая возиться с малышами, с волнением ждет, скоро ли появится Сети или Яхмес. Скорее бы, а то Аменхотеп уже поднялся на кровлю и начинает унимать малышей и спускать их вниз. Хорошо еще, что лестница одна, а Аменхотеп осторожен и не слишком торопит мальчиков.

Наконец Ини видит Яхмеса и Сети, которые незаметно прошмыгнули из-за угла двора и уже стоят под одним из навесов. Ини молниеносно спускается на руках по одной из деревянных подпорок и бежит к ним.

— Ну что?

— Все в порядке! — говорит, улыбаясь, Сети. — Они оба уже перелезли через стену и бегут к дому Мехи.

— Правда?

— Спроси Яхмеса!

Яхмес молча кивает головой, и его глаза ярко блещут.

— Ну и шум же ты устроил, Миу-бин, вот молодец! — одобрительно говорит Сети, похлопывая Ини по плечу.

— Да уж я постарался как мог, — скромно отвечает довольный Ини.

Между тем учителям постепенно удается навести порядок, и они уводят учеников в дом. Яхмес, Сети и Ини незаметно вместе с товарищами занимают свои места на циновках.

В кресло учителя садится теперь Аменхотеп. Он раскрывает ящик с рукописями, вызывает Яхмеса и с его помощью раздает ученикам свитки.

В это время в комнату бесшумно проскальзывает совершенно запыхавшийся Мехи. К счастью, все ученики заняты раздачей свитков, а учитель стоит спиной к двери, и Мехи успевает сесть, не замеченный никем, кроме Яхмеса. Он старается отдышаться и в то же время ловит взгляд Сети. Наконец это ему удается. Он улыбается и кивает. Сети понимает, что все в порядке, и шепчет об этом Ини. Им очень хочется узнать подробности, но сейчас это совершенно невозможно. Аменхотеп уже кончает раздачу рукописей и говорит:

— Приготовьте ваши письменные приборы, мальчики. Яхмес, открой второй ящик и раздай папирусы и черепки, как приказал учитель Шедсу.

Яхмес отбирает куски папируса для Нефера, Сети и Минмеса, оставляет один на своем месте, а остальным мальчикам раздает большие черепки от разбитых глиняных сосудов.

Сети, получая из рук Яхмеса свой папирус, успевает шепнуть:

— Мехи вернулся, все хорошо!

— Я его видел, — также шепчет Яхмес и, передав Ини большой глиняный черепок, идет дальше.

Сети с интересом и волнением осматривает свой первый папирус. Это сравнительно небольшой кусок папируса, но почему-то не очень чистый, с какими-то сероватыми полосами. Сети всматривается и понимает, в чем дело: на этом папирусе уже что-то было написано раньше, но потом запись смыли, для того чтобы можно было использовать папирус еще раз. Если всмотреться, то в одном месте видны даже два знака из прежнего текста.

Сети знает, почему так сделано: папирус — очень дорогой материал, и поэтому обычно учеников сначала долго учат писать на глиняных черепках или на гладких кусках белого известняка, а потом, когда им разрешают писать на папирусе, то дают не новые свитки, а уже использованные с одной стороны или вот такие смытые. Да и взрослые писцы, списывая для себя какое-нибудь литературное произведение, часто пользуются оборотной стороной ненужных документов. Сети не раз видел, как отец и Нахт склеивали вместе старые письма, расписки, счетные записи и на оборотной, чистой стороне полученного свитка писали понравившиеся им повести, стихи и сказки.

Понятно, что и Сети, который сегодня первый раз будет писать на папирусе, дали старый, смытый кусок. Но Сети вполне доволен своим папирусом. Осторожно положив его на циновку, мальчик начинает разводить водой краски в углублениях своего письменного прибора — красную охру для заголовков и черную сажу для основного текста.

Так, все готово. Теперь надо посмотреть, что же ему придется переписывать. Сети разворачивает свиток, который дал ему Аменхотеп, и видит красиво написанные четким, разборчивым почерком строки.

Два первых слова написаны красным, потом идут черные строки, кое-где прерываемые красными.

Сети вспоминает, что учитель всегда велит, прежде чем начинать списывать рукопись, внимательно ее прочесть, и он начинает читать:

«Сказал дружинник верный: «Пусть успокоится твое сердце, мой князь! Вот мы достигли родины. Воздадут хвалы, благодарят бога, все люди обнимают друг друга. Наш отряд пришел целым, нет убыли в

нашем войске. Вот мы пришли в мире и достигли нашей страны»¹.

Сети очень заинтересован началом текста, ему хочется поскорее узнать, что будет дальше. Он разворачивает свиток и, пропуская часть рукописи, читает наудачу:

«Корабль погиб, и из бывших на нем не осталось никого. Я был выброшен морской волной на остров. Я провел на нем три дня в одиночестве, и только мое сердце было моим товарищем. Я заснул под сенью дерева».

Сети увлечен необычайными приключениями еще неизвестного ему героя и хочет читать дальше, хотя ему следовало бы прочитать только первые строчки, которые надо списывать. И действительно, ему не удается это сделать, так как к нему незаметно подходит Аменхотеп и, наклоняясь, тихо спрашивает:

— Ну, как дела?

Сети смущенно смотрит на молодого учителя и осторожно скатывает свиток обратно, оставляя открытым только начало рукописи.

Аменхотеп прекрасно видел, что Сети не вовремя зачитался, поэтому он и подошел к нему. Если бы урок вел Шедсу, Сети не миновать бы плетки, но Аменхотеп иначе обращается с мальчиками. Он не кричит на них, не бьет их, и тем не менее (а вернее — именно поэтому) на его уроках мальчики успевают обычно сделать гораздо больше и лучше, чем на уроках Шедсу.

— Ну-ка, начинай писать, да не торопись, пиши спокойно, — говорит Аменхотеп, похлопав Сети по плечу, и наклоняется к Ини.

Тот уже старательно выводит первую строчку на глиняном черепке. Хороший черепок дал ему сегодня Яхмес, большой и гладкий, на нем легко писать. А Ини очень хочет выполнить задание как можно лучше, чтобы завтра получить папирус. Мальчик внимательно прочел начало текста и уже заранее заметил трудные знаки. Он решил просить Сети помочь написать их.

¹ См. перевод этой сказки на с. 96.

А текст у Ини попался тоже очень интересный — про фараона Камеса, который правил Египтом около пятисот лет назад. Плохо было тогда в Египте — почти полтора ста лет им уже владели чужеземцы, кочевники-гиксосы. И вот в рукописи, которую начал списывать Ини, как раз и рассказывалось о том, как египтяне начали борьбу за освобождение своей страны.

В комнате воцаряется тишина. Мальчики старательно пишут. Аменхотеп тихо ходит по рядам, наклоняется то к одному, то к другому ученику, поправляет почерк, иногда сам четко и красиво выписывает на полях ошибочно или неуверенно написанные мальчиками знаки.

Сети тоже пишет. Он знает, что ему, как и всем другим мальчикам, надо списать одну страницу текста, то есть один столбец строчек. Это нелегко, но мальчикам надо стараться писать лучше и больше, потому что в высшей школе придется писать уже по целых три страницы в течение одного урока.

Сначала Сети отмечает дату урока и после этого начинает медленно и аккуратно списывать рукопись.

Сегодня необходимо писать как можно лучше, чтобы доказать, что ему не зря доверили папирус.

Опытный писец пишет ровно, строчки у него получаются прямые, знаки остаются одинакового размера от начала до конца. А вот Сети обычно начинает писать крупно, а дальше пишет все мельче и мельче, да и строчки почему-то начинают наползать одна на другую, и поэтому конец заданного урока у Сети всегда бывает написан гораздо хуже начала. Сегодня он особенно старается.

Так же пишет и Минмес, он тоже сегодня получил папирус. Ему досталась хорошо знакомая рукопись — «Поучение мудреца Ахтоя, сына Дуау, своему сыну Пепи».

Это поучение написано почти за тысячу лет до того, как родились Минмес и Сети, и вот с тех пор все мальчики во всех египетских школах читают его, переписывают и учат наизусть. В нем говорится, как хорошо и выгодно быть писцом, а чтобы убедить в этом учеников, сравнивается положение писца с тяжелым трудом земледельцев, рыбаков, различных ремеслен-

ников — ткачей, сандальщиков, каменотесов¹. Хотя таково же было содержание и многих других поучений, которые заучивали мальчики, но «Поучение Ахтоя» считалось лучшим, а поэтому и обязательным для заучивания.

На папирусе Минмеса уже четко написано заглавие рукописи — «Начало поучений, сделанных человеком по имени Ахтой, сын Дуау, его сыну по имени Пепи, когда он плыл на юг к столице, чтобы отдать его в школу».

Теперь Минмес пишет дальше: «Обрати же твое сердце к книгам... Смотри, нет ничего выше книг!»

Аменхотеп заглядывает через плечо Минмеса, потом подходит к Неферу, недолго смотрит, как тот переписывает «Повесть о Синухете», и, убедившись, что здесь все идет хорошо, наклоняется к Хеви. Вот здесь совсем неблагополучно!

Хеви, как и Минмес, переписывает «Поучение Ахтоя», но оба мальчика пишут совсем по-разному. Строчки на черепке Минмеса аккуратные, у Хеви же знаки получаются то жирными, то тонкими, как-то растекаются и сливаются один с другим. Толстые пальцы Хеви плохо справляются с палочкой, он набирает слишком много краски и часто делает кляксы. Его руки и даже лицо покрыты черными пятнами.

Аменхотеп посылает его умыться, затем дает ему другой черепок, заставляет взять новую палочку и терпеливо учит, как надо писать, чтобы добиться хорошего почерка. И Хеви удается написать две более или менее сносные строчки.

Теперь внимание Аменхотепа привлекает недовольное лицо Мехи. У него явно что-то не ладится, и молодой учитель спешит на помощь.

V. СТИХИ И СКАЗКИ

В руках у Мехи большой черепок, на котором уже довольно много написано, и написано неплохо, хотя некоторые слова и следовало бы написать лучше, как это понимает и сам Мехи. Но все-таки основная труд-

¹ См. перевод «Поучения Ахтоя» на с. 106.

ность урока для него не в переписке, а в особом задании, которое дал ему Аменхотеп.

Дело в том, что Мехи переписывает стихи «Гимн Нилу», а по правилам египетского письма каждый стих полагается отделять от другого красной точкой. В рукописи же, с которой списывает Мехи, этих точек нет, и учитель велел ему, чтобы, списывая «Гимн», он сам расставил точки. Тогда будет видно, где кончается каждая строка «Гимна», а значит, и вообще, понимает ли Мехи, как надо читать стихи.

Аменхотеп не случайно выбрал такое упражнение именно для Мехи. Он знает, что мальчик не любит поэзию и считает стихи делом, не стоящим внимания будущего воина. Молодой учитель хотел добиться не только того, чтобы Мехи добросовестно, хоть и механически, заучивал задаваемые ему поэтические произведения. Этого было бы нетрудно достигнуть и вполне удовлетворило бы учителя Шедсу. Аменхотеп же считал, что гораздо важнее научить Мехи понимать и ценить красоту стихов.

«Удастся ли мне это сделать?» — думает Аменхотеп, подходя к Мехи.

— О чем ты задумался? — спрашивает он мальчика.

— Я не могу расставить точки, господин, — отвечает Мехи.

— Значит, ты не можешь понять, как надо читать этот «Гимн»? — уточняет Аменхотеп.

— Да, я не понимаю, и мне вообще бы не пришло в голову, что это стихи, если бы я не знал этого заранее. — В голосе Мехи слышится сдерживаемое раздражение от бесцельного, с его точки зрения, занятия.

Аменхотеп присаживается на циновку рядом с мальчиком, берет у него черепок и задумывается.

— Скажи, Мехи, ты любишь военные песни? — неожиданно спрашивает он.

— О да, господин, очень! — Мехи удивлен вопросом и с интересом поднимает глаза на молодого учителя.

— И, наверно, сам поешь их? — следует новый вопрос.

Мехи утвердительно кивает головой.

— А «Песнь о битве при Кадеше» ты знаешь?

— Нет, господин... — Мехи смущен. — Она есть у отца, он заказывал писцу Пентауру для себя список этой «Песни», но Пентаур принес рукопись, когда я уезжал к деду. А когда я вернулся, то, по правде сказать, забыл о ней.

— Но ты все-таки, вероятно, помнишь, о чем говорится в этой «Песне»?

— Да, помню: о великой битве египтян с хеттами у города Кадеша и о победе нашего войска. В этой битве сражались мой дед, и мой отец, и братья отца. У отца хранится хеттское оружие, которое он захватил в этой битве. А фараон наградил отца золотом храбрости!

— Должно быть, «Песнь о битве при Кадеше» нравится твоему отцу, если он захотел иметь ее у себя? — спрашивает Аменхотеп.

— Да, отец очень хвалил ее, — отвечает Мехи.

— Тебе непременно надо прочесть эту «Песнь», Мехи. Вот послушай, как там говорится про начало битвы:

Появился царь, как отец его Монту¹,
Взял он оружие свое боевое,
Возложил на себя он панцирь свой,
Он подобен Ваалу² в час его,
Помчался царь и вонзился в хеттов...

Аменхотеп читает сначала тихо, потом все громче, сам увлекаясь поэмой о победе.

Мальчики невольно перестают писать и начинают слушать.

А битва уже разгорается, и фараону, неосторожно вырвавшемуся вперед с небольшим отрядом, грозит серьезная опасность.

Хорошо читает молодой учитель! Мехи не спускает с него горящих глаз. Мальчик мысленно сам сражается с хеттами и вместе с египетскими войсками терпит сначала неудачу, а затем торжествует победу.

Об этой победе в поэме рассказывается от лица самого фараона Рамсеса.

¹ Египетский бог войны.

² Сирийский бог войны.

— «Что желал сотворить я, все стало свершаться», — читает Аменхотеп слова фараона.

Сердца их упали в телах их от страха,
Руки их все ослабели,
Опрокинул я их в воду, подобно крокодилам,
Упали они, и я убил кого хотел.
Ни один не взглянул, никто не обернулся,
Кто упал среди них, и поднялся он вновь!

Аменхотеп умолкает и, взглянув на Мехи, видит, насколько тот увлечен.

— Что, хорошие стихи, Мехи? — спрашивает Аменхотеп.

— Чудесные! — с восторгом отвечает мальчик.

— Значит, есть хорошие стихи, которые и тебе нравятся?

Мехи растерянно смотрит на учителя. Как, это — стихи? Верно, стихи.

А Аменхотеп не дает ему опомниться и начинает читать отдельные отрывки из других победных гимнов, выбирая такие строки, которые отличаются яркостью образов и четкостью стиха и в то же время достаточно просты и понятны, чтобы заинтересовать Мехи. Учитель тут же разбирает отдельные стихи, подчеркивает их параллельное построение.

— Вот слушай, это сказано про очень сильного полководца, у которого огромный лук:

Нет того, кто пустил бы его стрелу,
Нет того, кто натянул бы его лук...

Аменхотеп обращает внимание мальчика на меткие сравнения:

— Обрати внимание, Мехи, как ярко можно представить себе битву, воинов, полководцев, если о воинах говорится, что они были «подобны львам» или что они были «храбры, как быки», что их было так много, «как песку на берегу», что полководец вел войска «подобно громковоюющей буре на море, волны которой затопляют все», что кони его были «быстрее ветра», что после битвы враги лежали «распластанными, как рыба для сушки».

От победных гимнов молодой учитель незаметно переходит к произведениям, воспевающим природу Египта, его прославленные города.

— Ты когда-нибудь видел, как красиво восходит солнце? — спрашивает он и, не дожидаясь ответа, продолжает: — А вот как об этом сказано в одном прекрасном гимне:

Небо — золото, океан — лазурит,
А земля усыпана малахитом...

А в другом стихотворении очень хорошо говорится, что у дерева сикоморы

Листья точно малахит,
И ее плоды краснее яшмы.

Аменхотеп с удовлетворением замечает, что Мехи слушает его все так же внимательно.

— Ну, а теперь давай прочитаем вместе восхваление Нилу, — говорит молодой учитель.

Он берет лежащую рядом с Мехи рукопись и так же певуче читает:

Слава тебе, Нил, выходящий из земли
И идущий оживить Египет!¹

Аменхотеп читает о великом потоке-кормильце, приносящем на поля Египта драгоценную влагу, а значит, и хлеб и всяческое изобилие.

Все дает Нил. Он — «владыка рыб, приводящий водяных птиц», он — «приносящий хлеба, обильный пищей, творящий все прекрасное».

Его запоздалый или низкий разлив грозит Египту голодом, зато высокий разлив приносит счастье и радость.

Мехи следит глазами за строчками, которые читает Аменхотеп. Странно, теперь он не только ясно понимает, что это стихи, но и чувствует их красоту.

— «Процветай же, процветай же, о Нил, процветай же!» — заканчивает Аменхотеп и смотрит на Мехи, протягивая ему рукопись.

Мальчик отвечает ему открытым, благодарным взглядом, потом берет свой черепок и говорит:

— Я теперь сумею поставить точки, господин! Спасибо!

¹ См. перевод «Гимна Нилу» на с. 110.

— Очень рад, мой мальчик, — ласково отвечает учитель.

Он легко поднимается с циновки и обращается к притихшим ученикам:

— Ну, вы тоже слушали стихи. Это хорошо. Ведь не один Мехи путает точки, многие из вас также ошибаются. Надо самим читать побольше стихов, тогда все пойдет хорошо. А теперь пишите дальше!

Головы снова склоняются, палочки обмакиваются в краску и начинают скользить по черепкам и папирусам.

Аменхотеп продолжает свой обход.

Проходит полчаса упорной работы.

Сети старательно пишет. Он уже дописывает страницу, когда к нему подходит учитель.

— Хорошо, Сети, — говорит он. — Очень хорошо! Будешь и дальше писать на папирусе.

Сети улыбается. Он страшно рад, что выдержал испытание. И решается обратиться к учителю с просьбой:

— Нельзя ли мне завтра продолжать списывать ту же рукопись? — Сети торопится объяснить: — Мне очень понравилась эта сказка, и я хотел бы списать ее до конца.

— Хорошо, Сети, — говорит Аменхотеп, — ты получишь эту рукопись. А теперь кончай страницу и можешь почитать сказку.

Мальчик благодарит и, дописав два последних слова, откладывает свой папирус и письменный прибор, разворачивает свиток со сказкой и углубляется в чтение.

Сети вообще очень любит сказки. У его отца есть несколько свитков со сказками. Сети их все читал, и даже не один раз. Там есть очень интересные — например, сказка о царевиче, которому при рождении было предсказано умереть или от змеи, или от крокодила, или от собаки, а он спасся от всех этих опасностей. Очень интересна и сказка «О двух братьях», где говорится о жизни и приключениях двух братьев по имени Анупу и Бата. Сердце Баты было спрятано на вершине дерева. Пока это дерево не было срублено, Бата оставался жив. Но вот однажды дерево срубили,

и Бата умер. Но потом его брат Анупу нашел сердце Баты, и Бата снова ожил.

Особенно любит Сети большую рукопись, где записан ряд сказок про знаменитого фараона Хуфу, который приказал построить себе самую большую пирамиду. Однажды стало скучно фараону, говорится в сказке, и вот, чтобы его развеселить, его сыновья один за другим рассказывают интересные истории: первый царевич рассказал про мудреца, который, сделав из воска крокодила, превратил его в настоящего зверя; второй царевич — про другого мудреца, который достал со дна озера упавшее украшение одной красавицы. Для этого он сложил воды озера пополам, поставив одну половину на другую, а потом снова сровнял их; третий же царевич вместо сказки привел к фараону мудреца Деди, которому было сто десять лет и который проделал перед фараоном разные волшебные фокусы¹.

Но сказка, которую сегодня начал переписывать Сети, пожалуй, еще интереснее. Сети с увлечением читает, как, возвращаясь в Египет из похода в Нубию, старый дружинник рассказывает начальнику о своих прежних приключениях. Однажды он был послан фараоном по важному делу, потерпел кораблекрушение и был выброшен волной на чудесный необитаемый остров...

Пока Сети читает, Аменхотеп проверяет то, что написал Ини.

— Хорошо, — говорит он, отдавая мальчику черепок. — Я думаю, что завтра ты тоже получишь папирус.

Лицо Ини сияет от радости. Правда, три слова ему написал Сети, но зато все остальное он писал сам — и вот заслужил похвалу учителя!

— А тебе, Ини, нравится то, что ты списывал? — спрашивает Аменхотеп.

— Очень! Это гораздо интереснее, чем всякие поучения, — откровенно говорит мальчик.

Аменхотеп, чуть улыбаясь, делает вид, что он не слышал конца ответа, и говорит:

— Да, это рассказ о славной борьбе и победе на-

¹ См. перевод сказки «Волшебник Деди» на с. 99.

шего народа, и каждый из вас должен хорошо знать, как дрались наши предки за свою страну. Кстати, кто из вас знает, какой город был последним оплотом гиксосов, взяв который египтяне одержали решающую победу?

— Я знаю! — первым вскакивает Мехи. — Это наш город, где мы живем, только он назывался тогда иначе: не Дом Рамсеса, а Хетуарет.

— Правильно, — подтверждает учитель. — Наш город ведь находится очень близко от границы, вот почему, когда гиксосы вторглись в Египет, они устроили именно здесь свою столицу. И здесь же они дольше всего держались, когда началась война за освобождение страны от их ига. Когда я два года назад ездил на юг, в город Нехеб, я видел там в скалах замечательную гробницу одного местного жителя, Яхмеса. Он был начальником гребцов царской ладьи во время войны с гиксосами и участвовал в штурме Хетуарета. На стене этой гробницы есть описание жизни храброго Яхмеса. Там рассказывается и об этой битве. Я списал надпись, и если вы хотите, мальчики, я принесу и прочту вам.

— Хотим, очень хотим! Прочти ее нам, господин! — хором отзываются дети.

— Хорошо, — говорит Аменхотеп. — Ну, кажется, пора кончать урок. Посмотри, Яхмес, на часы во дворе.

Яхмес выбегает во двор, смотрит на солнечные часы и, возвратившись, подтверждает, что время урока истекло.

— Собирай рукописи, Яхмес, — говорит Аменхотеп. — А вы, мальчики, отдайте мне свои черепки и папирусы, уберите письменные принадлежности и можете идти обедать.

VI. О ЧЕМ ГОВОРЯТ ЗВЕЗДЫ

Палящая жара охватывает мальчиков, едва они выходят во двор. После комнаты с ее небольшими окнами особенно слепящими кажутся раскаленные белые плиты двора, белые стены дома, голубое небо без единого облачка.

Сети, Ини и Яхмес окружают Мехи. Мехи быстрым

шепотом рассказывает, как он и Пабес, спрыгнув со стены, побежали по улице, как они боялись встретить учителя Шедсу и как им повезло — они еще издали увидели около дома Мехи того самого возничего Сеннеджема, которого Мехи хотел просить о Пабесе. Сеннеджем, выслушав их, сразу согласился отвезти Пабеса к брату и тут же увел его с собой, а Мехи помчался обратно в школу.

Мальчики очень довольны исходом задуманного ими дела. Теперь можно и пообедать. Этот перерыв большой, он дается с таким расчетом, чтобы ученики успели и поесть, и отдохнуть. Некоторые из мальчиков уходят обедать домой, другие приносят еду с собой.

Ини и Яхмес устраиваются со своими припасами под навесом.

— Миу-бин, возьми, пожалуйста, этот узелок до вечера, он мне понадобится после занятий, — говорит Сети, отдавая Ини свой запасной узелок с едой, и уходит вместе с Мехи обедать домой.

За воротами жара кажется еще сильнее от поднимаемой пешеходами и выючными животными пыли, от горячих глиняных оград, однообразие которых, кажется, тоже усиливает зной и духоту.

Но мальчики привыкли к жаркому солнцу. Они доходят до угла, где каждый сворачивает на свою улицу.

— Не забудь узнать, уехал ли Сеннеджем... и вообще... понимаешь? — говорит на прощание Сети.

— Ну еще бы! — весело отвечает Мехи.

Сети торопится домой. Вот и знакомая ограда. Не пройти ли через двор? Хоть это и запрещается, но зато гораздо короче, а Сети так хочется скорее поделиться с домашними своими успехами! И мальчик проскальзывает во двор и входит в дом.

В дверях он почти сталкивается с няней и узнает от нее, что Нахт уже дома и что они будут обедать вдвоем, потому что мать ушла до вечера в гости к своей сестре, а отец объезжает сегодня царские поля и тоже поздно вернется домой.

Сети отдает няне кусок полотна, в который был завернут завтрак, и поворачивается, чтобы бежать во двор умыться. Но няня останавливает его:

— Постой, Сети! А где же второй кусок полотна, в который я тебе завернула мясо и лук?

— Я его оставил в школе, принесу вечером. А ты мне сюда завяжи еще чего-нибудь, побольше и покуснее! — просит Сети и бежит во двор.

Няня качает головой, вздыхает и идет за мальчиком.

Через несколько минут Сети, чисто вымытый, уже на северной веранде.

Сети садится на циновку против Нахта, и пока Шерит ставит кушанья для каждого из них на низенькие столики, он весело рассказывает брату, как он сегодня первый раз писал на папирусе, как учитель похвалил его и сказал, что он и дальше будет получать папирус.

Нахт, улыбаясь, смотрит на брата: его радуют и успехи Сети, и его счастливое лицо.

Сети между тем пользуется отсутствием старших и продолжает весело болтать в течение всего обеда. И пока братья уничтожают жареную утку и вареные бобы, добавляя к этому порядочное количество ячменных лепешек, Нахт узнает все новости школьного дня. Сети умалчивает только о бегстве Пабеса, хотя ему очень хочется рассказать и об этом.

Шерит приносит медовые соты и плоды — финики, гранаты, виноград.

Сети берет большую гроздь винограда и не выдерживает:

— Нахт, а что у нас еще было! Только это страшная тайна. Поклянись жизнью фараона, что ты никому не скажешь!

— Ну вот еще, наверно, какой-нибудь вздор, — лениво говорит Нахт, принимаясь за финики.

— Не вздор, а такое, что если узнают, то я вылету из школы. И не я один! — хвастает Сети и с удовольствием видит, что лицо Нахта становится серьезным.

— Ну, не дури и сейчас же говори, в чем дело!

Нахт пробует говорить строго. Ему уже не до фиников — мало ли что могли натворить эти мальчишки!

— Нет, нет, сначала поклянись! — упорствует Сети.

— Ну вот: клянусь фараоном! — говорит Нахт, поднимая руку.

Сети доволен и быстрым шепотом рассказывает брату о том, как им удалось устроить побег Пабеса.

— Да-а... — говорит Нахт, не вполне еще понимая, как надо отнестись к такому случаю.

С одной стороны, мальчишки как будто правы — учитель Шедсу слишком жесток, а с другой стороны, если он узнает о виновниках этой проделки, то они бесспорно будут исключены из школы. Но в памяти Нахта еще так свежи воспоминания о плетке Шедсу, что он раздумывает очень недолго и начинает вместе с Сети громко смеяться, представляя себе лицо учителя, когда тот откроет подвал.

Братья кончают обед и идут к себе. Нахт ложится на свою кровать, а Сети подсаживается к нему и говорит:

— Ты обещал рассказать мне про звезды, Нахт!

— Ох, верно, обещал, — вздыхает Нахт. — Ну что ж, делать нечего. Дай-ка мне верхний свиток из того сундучка!

Сети быстро достает свиток и снова садится на кровать Нахта.

— Разверни, — говорит брат.

Сети разворачивает свиток и видит ту самую картинку, которая так его заинтересовала утром.

Рисунок разделен на две части: в левой половине изображен сидящий на земле человек, которого окружает несколько звезд; в правой половине рисунка — надписи.

— Вот видишь, Сети, — начинает Нахт, — по ночам мы учимся узнавать время по звездам.

— Как это — по звездам? — Сети очень заинтересован.

— Сейчас расскажу. Только ты мне сначала ответь: как ты думаешь, для чего это надо?

— То есть как для чего надо? Ну, чтобы вообще знать, который час, — неуверенно отвечает Сети.

— Это, конечно, важно, но дело не только в этом. Важно вообще знать время, понимаешь? Знать не только, который теперь час, но и который месяц и какое время года. Вот подумай, как важно всем людям в нашей стране знать заранее, когда начнет разливаться Нил, чтобы успеть к этому хорошенько подготовиться!

— А что же надо готовить? — спрашивает Сети.

Сети очень любит праздник разлива Нила и особенно те вкусные кушанья, которые у них готовят дома к этому празднику. Может быть, Нахт имеет в виду эти приготовления? Но, к счастью, Сети не успевает высказать вслух свою догадку.

— Подготовить надо очень много, — говорит Нахт. — Ведь когда Нил разливается, многие селения оказываются островками. Надо, значит, вовремя увести стада из низких мест, надо внимательно следить, чтобы не смыло плотины, — мало ли может случиться разных несчастий! Даже теперь, когда начало разлива известно заранее, и то по ночам при свете факелов люди все время, пока Нил поднимается, следят за состоянием плотин. А что было бы, если бы мы не знали, когда наступит наводнение!

Нахт на минуту замолкает.

Сети пытается представить себе картину внезапного разлива, и ему делается немножко страшно. Нет, хорошо, что люди научились узнавать такие вещи! А как это они научились? И Сети задает этот вопрос брату.

— Видишь ли, уже очень давно наши предки заметили, что разливы Нила происходят через одинаковые промежутки времени — через год. Вот они и начали считать дни года от начала разлива...

— Так вот почему у нас Новый год празднуется в день начала разлива! — перебивает Сети брата.

— Совершенно верно, именно поэтому. А постоянные наблюдения за сменой дня и ночи, за движением солнца, луны и звезд помогли нашим предкам определить времена года — ты их знаешь: «время разлива», «время выхода злаков» и «время жатвы»¹, — определить количество месяцев и дней. Словом, создать календарь.

— Ты говоришь, Нахт, о движении солнца, луны и звезд. Я не совсем понимаю! — нетерпеливо говорит Сети. — Ну хорошо, солнце восходит на востоке и за-

¹ Египтяне делили год на три времени. Каждое время состояло из четырех месяцев. Месяцы имели по тридцать дней, к которым в конце года прибавлялось еще пять праздников, и год состоял, таким образом, из трехсот шестидесяти пяти дней.

ходит на западе. Луну я тоже вижу в разное время в разных местах неба. А вот звезды — разве они тоже движутся?

— Да, звезды тоже движутся, и их движение как раз очень важно, потому что именно звезды и помогают нам заранее угадать время начала разлива Нила.

— Как это может быть?

— А вот как. Если бы ты наблюдал за звездами, то ты заметил бы, что они не только все время движутся, но и восходят-то не всегда в один и тот же час, а появляются в разное время года по-разному. Есть и такие звезды, которые вообще некоторое время не появляются на небе, а потом снова становятся видны. И вот уже очень давно было замечено, какие именно звезды бывают видны в таких-то местах неба в такие-то часы перед началом разлива, а потом, после долгих-долгих наблюдений, людям удалось определить, где, в каких местах неба, в какие часы и в какие времена года бывают видны определенные звезды. Поэтому теперь наблюдатели звезд уже заранее знают, какое расположение звезд на небе указывает тот или иной час определенной ночи года, а значит, они всегда уже могут известить о предстоящем начале разлива Нила. Понял? — спрашивает Нахт.

— Это я понял, — отвечает Сети. — А вот про картинку-то ты мне еще ничего не рассказал!

Нахт улыбается:

— Действительно, про картинку я и забыл. Давай ее сюда. Смотри. Я ведь и начал с того, что по ночам мы учимся узнавать время по звездам. А для этого мы должны хорошо знать сами звезды. Вот нам и нужно заметить и записать, где находятся в каждом часу ночи те звезды, по которым мы сразу же можем определить время.

— А как вы это делаете? — спрашивает Сети.

— Мы садимся по двое на крыше храма друг против друга. Вот представь себе, что человек на этом рисунке — мой друг Птахмес и что он спокойно сидит против меня, а я замечаю, как расположены вокруг него звезды, и рисую каждый час ту из них, которая определяет время этого часа, вот так, как это здесь показано, а справа записываю, в котором часу какую звезду я зарисовал. Понял?

— Понял, конечно. А как ты записываешь звезды? У них есть имена?

— Да, имена есть и у отдельных звезд и у целых групп — созвездий. Вот разверни свиток еще немного — увидишь другую картинку.

Сети с интересом рассматривает новый рисунок. Тут нарисовано уже что-то совсем непонятное: нога быка, а по ней — семь звезд.

— Посмотри, Сети, — говорит Нахт, — эти семь звезд расположены так, что все вместе напоминают ногу быка, правда? Вот их и назвали Нога Быка¹. Есть и другие созвездия — Бегемотиха, Крокодил, Лев. Есть чудесная яркая звезда Сепдет и много других.

Сети смотрит на Ногу Быка и возвращается опять к первой картинке:

— Скажи, Нахт, а Птахмес и ты — вы можете сесть на любом месте крыши или нет?

— Нет, не на любом.

— А как вы узнаете, где вам надо садиться?

— Ну, это долго рассказывать. Вот если бы ты побывал ночью на наших занятиях, то я бы тебе объяснил больше, а так...

Нахт не успевает кончить, потому что Сети бурно перебивает его:

— Нахт, возьми меня с собой! Возьми сегодня же! Я очень тебя прошу. Я буду сидеть тихо-тихо, как мышонок. Нахт, милый, возьми!

Нахт сначала решительно отказывается, но Сети не отстает. Он еще и еще раз обещает быть смирным и послушным, предлагает нести письменный прибор Нахта, разводить краски, подавать ему палочки. Он убеждает брата, что сегодня это сделать особенно удобно, потому что завтра праздник и занятий не будет, а значит, ему не надо утром рано вставать и он сможет выспаться.

Наконец Нахт начинает сдаваться. Собственно говоря, почему бы и не взять мальчика! Мешать он не будет, а посмотреть на занятия старших ему и интересно и полезно. Нахт очень любит своего младшего брата и всегда готов доставить ему развлечение.

¹ Созвездие, которое теперь называется Большая Медведица.

В конце концов он соглашается, и Сети от радости прыгает по комнате.

— Только смотри не опаздывай! — строго говорит Нахт. — Ведь ты любишь побегать после школы! Опоздаешь — я уйду без тебя... А теперь отправляйся в школу, я еще должен хорошенько выспаться перед ночью.

Сети обещает прийти вовремя. Он немедленно исчезает из комнаты, находит няню, берет у нее заново наполненный едой узелок и бежит в школу.

VII. УРОК АРИФМЕТИКИ. — ПИСЕЦ АНИ

Когда Сети приходит в школу, до конца перерыва остается немного времени, и мальчики начинают готовиться к занятиям.

Уже при входе в комнату Сети замечает, что Ини явно возбужден и чем-то очень доволен.

— Ты что, Миу-бин? Что-нибудь случилось? — с интересом спрашивает Сети.

— Отколотили! Понимаешь, отколотили! — удовлетворенно отвечает Ини.

Сети сразу понимает, что речь идет о Нефере, и ему делается очень досадно, что Ини опередил его. Но Ини убеждает своего друга, что ждать было невозможно, надо было воспользоваться тем, что Аменхотеп уходил обедать. А потом, почему это именно Сети хочет каждый раз расправляться с Нефером! Сети уже побил Нефера на прошлой неделе, когда тот потихоньку щипал маленького мальчика из тех, которые первый год ходят в школу. Совершенно ясно поэтому, что сегодня Ини имел полное право отколотить Нефера, и он это сделал с большим удовольствием и, по-видимому, с успехом, поскольку Нефер, очень мрачный, сидит как-то боком и все время потирает то плечо, то щеку.

Сети смотрит на Нефера, весело хихикает и перестает сердиться на Ини.

Друзья начинают раскладывать письменные принадлежности, и вдруг Сети вспоминает об учителе Шедсу. Не знает ли Ини, пришел Шедсу обратно? Нет, его еще не видели; наверно, он так и не вернулся.

Действительно, вместо Шедсу в комнату входит опять Аменхотеп.

— Ну, мальчики, займемся теперь счетом, — говорит Аменхотеп. — Приготовьте все, что надо для письма.

Сети любит уроки математики. Он хорошо и быстро считает, и ему нравятся такие задачи, над которыми приходится поломать голову. Сети находит, что именно такие задачи и интересно решать.

Ини, наоборот, терпеть не может эти уроки и предпочитает им чтение и даже письмо. Поэтому сейчас оба мальчика по-разному ждут задания от учителя.

— Готовы? — спрашивает Аменхотеп. — Хорошо. Для начала я вам даю совсем легкий пример. Сосчитайте, сколько будет 8 раз по 8.

Мальчики занимаются счетом уже не первый год. Они умеют обращаться с большими числами, умеют их складывать, вычитать, умножать и делить.

Сети может написать любое число. Он знает, что единицы обозначаются палочками, десятки — знаком, изображающим кусок веревки, сотни — свернутой веревкой, тысячи — болотным растением, десятки тысяч — пальцем, сотни тысяч — головоастиком, а миллион — человеком, который даже руки поднял от удивления перед таким большим числом¹:

0 1 10 100 1000 10000 100000 1000000

Таким образом, число 1 245 386 Сети уверенно пишет так:

1 2 4 5 3 8 6

Складывать и вычитать мальчик научился легко, зато овладеть умножением и делением было гораздо труднее. Но постепенно он одолел и это².

¹ Египтяне пользовались десятичной системой счета.

² Из четырех действий арифметики египтяне, в сущности, знали только сложение и вычитание. Умножение было тем же сложением, потому что таблица умножения не была известна и процесс умножения сводился к постепенному удвоению множимого. Деление же сводилось к подыскиванию такого числа, на которое следовало умножить делитель, чтобы найти делимое.

Вот и сейчас Сети сразу и легко решает пример, заданный Аменхотепом. Ведь для этого надо просто удваивать число 8: если его взять 1 раз, то и будет 8; если взять 2 раза, будет 16; если удвоить 16, будет 32; а еще раз удвоить — 64. Это и будет решение.

А написать все это надо вот так:

I	IIII		
	IIII		
II	IIII		
IIII	IIII		
IIII	IIII	Всего	IIII
IIII	IIII		IIII

Но это не пример, а пустяк. Все мальчики решают его очень быстро.

Тогда Аменхотеп предлагает им пример посложнее: взять 16 раз число 80.

Но Сети и тут не теряется. Он понимает, что для этого ему надо взять число 80 сначала 10 раз, а это можно сделать в уме, а написать так:

I	IIII	(1	80)
	IIII		
II	IIII	(10	800)
IIII	IIII		

Теперь надо 80 взять еще 6 раз, то есть сначала удвоить это число — получится 160, а потом удвоить 160 — будет 320.

Сети аккуратно пишет все свои вычисления двумя столбиками:

$$1 \quad \begin{array}{c} \text{IIII} \\ \text{IIII} \end{array} \quad (1 \quad 80)$$

$$\backslash \quad \text{II} \quad \begin{array}{c} \text{EEEE} \\ \text{EEEE} \end{array} \quad (10 \quad 800)$$

$$\backslash \quad \text{II} \quad \begin{array}{c} \text{III} \\ \text{III} \end{array} \quad (2 \quad 160)$$

$$\backslash \quad \text{III} \quad \begin{array}{c} \text{EEE} \\ \text{II} \end{array} \quad (4 \quad 320)$$

Теперь надо складывать числа первого столбика таким образом, чтобы получить в итоге 16. А после этого надо сложить стоящие в тех же строчках числа второго столбца. Итог, полученный при этом подсчете, и будет искомой величиной. Для того же, чтобы не спутать, какие числа надо складывать, Сети ставит, как это полагается, косую палочку около этих строк.

Вот он и вычислил:

$$\begin{array}{l} \backslash \quad \text{EEE} \quad \text{IIII} \\ \backslash \quad \text{II} \quad \text{IIII} \end{array} \quad (1280)$$

Этот пример тоже оказался нетрудным: здесь надо было сложить все строки, кроме первой. А вот Хеви прибавил и первую строчку — и сделал ошибку.

Аменхотеп задает новый пример, немного потруднее: взять 28 раз число 63.

Сети думает и решает таким образом:

1	$\begin{array}{c} \text{nnn} \\ \text{nnn} \end{array}$	(1 63)
н	$\begin{array}{c} \text{eee} \\ \text{eee} \end{array} \text{nnn}$	(10 630)
√	$\begin{array}{c} \text{nn} \\ \text{nn} \end{array} \begin{array}{c} \text{f} \\ \text{g} \end{array} \begin{array}{c} \text{nnn} \\ \text{nnn} \end{array}$	(20 1260)
н	$\text{e} \text{nn}'''$	(2 126)
ннн	$\begin{array}{c} \text{e} \text{nnn} \\ \text{e} \text{nn} \end{array}$	(4 252)
>	$\begin{array}{c} \text{ннн} \\ \text{ннн} \end{array} \begin{array}{c} \text{eee} \\ \text{eee} \end{array} \begin{array}{c} \text{f} \\ \text{g} \end{array} \begin{array}{c} \text{nnnn} \\ \text{nnnn} \end{array}$	(8 504 Всего 1764)

— Теперь, мальчики, сосчитайте, сколько будет, если мы возьмем число 40 два с половиной раза, — говорит Аменхотеп.

Ого, тут уже дроби!

Мальчики как раз их проходят и еще не вполне с ними освоились. Но в примере, заданном учителем, только одна дробь, да и та — $\frac{1}{2}$, поэтому Сети справляется с примером довольно легко и решает его так:

	nnnn	н	40)
√	нн	$\begin{array}{c} \text{nnnn} \\ \text{nnnn} \end{array}$	(2 80)
√	нн	$\text{e} \left(\frac{1}{2}\right)$	20. Всего 100)

Аменхотеп доволен своими учениками и переходит к более сложному заданию. Он диктует задачу, в которой надо разделить имевшиеся у одного человека хлебцы между несколькими людьми, причем все они получили разное количество хлебцев.

Мальчики старательно записывают условия задачи и начинают думать.

Сети не торопится. Он перечитывает задачу несколько раз и, только поняв ход задачи, начинает решать. Ини, наоборот, прочтя задачу один раз, сразу убеждает себя, что ему ее не решить, и впадает в уныние. Не задумываясь над общим смыслом задачи, Ини пробует наудачу производить то одно, то другое действие с заданными в задаче числами и запутывается все больше и больше.

— Миу-нофер, я ничего не понимаю! — отчаянно шепчет он.

Сети взглядывает на черепок Ини, молча показывает пальцем, что все написанное надо зачеркнуть, и пальцем же показывает на свой черепок, предлагая товарищу списать у него.

Ини так и собирается делать. Но хотя он шептал очень тихо, а Сети объяснялся только пальцем, Аменхотеп каким-то образом понимает их намерение и неожиданно говорит:

— Ини, подойди сюда! Лучше спроси у меня, если тебе непонятно, а не мешай Сети. А ты, Сети, очень плохо поможешь твоему другу, если дашь ему списывать: ведь от этого он не научится решать задачи!

Сети краснеет и опускает глаза. Ини, еще более красный, поднимается, медленно подходит к молодому учителю и протягивает ему злополучный черепок.

Аменхотеп внимательно читает все, что написал Ини, и убеждается, что мальчик и не пробовал продумать задачу.

— Как же ты хотел решать, Ини? — спрашивает Аменхотеп.

Ини молчит.

— Ты совсем не понял задачи?

Ини отрицательно качает головой.

— Но почему же ты не подумал как следует, а начал сразу решать как попало?

— Я все равно не смогу понять ее, господин, а потому и пробовал наудачу, — признается Ини.

— Почему же ты так уверен, что не поймешь? Разве ты глупее всех своих товарищей?

Ини чувствует себя задетым. В самом деле, разве он самый глупый?

Аменхотеп видит, что его слова подействовали на мальчика, и решает тут же этим воспользоваться.

— А ну, попробуй рассуждать вслух! — говорит он.

Ини думает, но не успевает ответить, потому что легкий шорох у входа в комнату отвлекает внимание учителя. Аменхотеп поворачивает голову к двери, быстро поднимается с кресла и склоняется в глубоком поклоне. Все мальчики вскакивают и тоже кланяются. Поспешно кланяется и Ини.

В дверях стоит, опираясь на посох, высокий худощавый старик в белоснежном одеянии. Черные локоны парика странно противоречат глубоким морщинам, покрывающим его лицо, впалым щекам, опущенным углам старческого рта. Только зоркий взгляд глубоко сидящих глаз кажется живым на лице старика. Он внимательно оглядывает всех и кивает головой. Аменхотеп подходит к нему и, кланяясь еще раз, спрашивает:

— Как твое здоровье, господин?

— Благодарю, сын мой, я здоров, — отвечает старик.

Аменхотеп почтительно берет его под руку и медленно ведет к креслу.

Это старик Ани, пользующийся большим почетом ученый писец. Он, пожалуй, лучше всех своих современников знает историю своей родины. Долгие годы изучал он хранящиеся в разных архивах древние летописи. Теперь он уже много лет, по повелению фараона, сам составляет летопись — ведет по годам запись всех главных событий, которые происходят в Египте. Хорошо знает Ани и египетскую литературу — и поэзия, и повести, и сказки, и стихи. Недаром в своих беседах он постоянно читает наизусть отрывки из самых разных произведений.

Ани интересуется и другими отраслями знаний. Его можно часто видеть ночью на крыше храма, где он изучает звезды. Он внимательно слушает рассказы

людей, приезжающих из далеких стран. Он сам много путешествовал по Египту и за его пределами.

Долгие годы Ани учил школьников, но теперь сил у него немного, и он преподает только в высшей школе. Однако изредка он посещает занятия и в школах для младших мальчиков, следит за их успехами, присматривается к ученикам.

Аменхотеп помогает Ани сесть в кресло и, подвинув ему под ноги скамеечку, остается стоять рядом со стариком.

Ини неожиданно оказывается совсем близко от старика.

«Когда он вошел? Что он успел услышать?» — терзается мальчик.

Его сомнения, однако, разрешаются очень скоро, потому что старик кладет ему на голову свою худую, костлявую руку и спрашивает:

— Так ты думаешь, что тебе не решить задачу, сын мой?

Ох, значит, он все слышал!

Ини готов провалиться сквозь землю, но старик берет его за подбородок и заставляет поднять голову. Ини решает посмотреть в глаза старому писцу и, к своему удивлению, замечает, что эти глаза смотрят на него совсем не строго.

— Что же ты молчишь? — спрашивает Ани и, не дожидаясь ответа, продолжает: — А я думаю, что дело не в этом, а в том, что ты не любишь науку счета и думаешь, что она тебе не нужна и что тебе никогда не пригодятся те задачи, которые доставляют теперь столько неприятностей. Верно это или нет?

Ани смотрит в глаза мальчику и неожиданно улыбается такой доброй улыбкой, что у Ини пропадает смущение и он откровенно сознается:

— Верно!

Ани кивает ему головой и говорит:

— Очень хорошо, что ты сказал правду. Теперь и я, быть может, смогу тебе помочь. Скажи мне, сын мой, думал ли ты когда-нибудь, что будешь делать, когда вырастешь?

Хотя Ини совершенно не ожидал такого вопроса, но тем не менее он сразу же может на него ответить:

— Да, господин. Я хочу побывать в различных

дальних странах, в таких, куда еще не заходил ни один египтянин!

Взгляд старика становится еще мягче, и его рука ласково гладит плечо Ини.

— Очень хорошее желание, сын мой, прекрасное желание! Но как ты попадешь в далекие страны? Вероятно, ты поедешь писцом какого-нибудь отряда, который будет разыскивать новые каменоломни или рудники и прокладывать пути в неизведанных местах, да? Ну хорошо. Вот ты едешь с таким отрядом, вот вы нашли новые залежи прекрасного камня. Тебе надо будет зарисовать место, чтобы туда можно было найти потом дорогу. А для этого надо измерить отдельные участки пути и записать все на твоём рисунке. Я, кажется, смогу показать тебе такой рисунок... Скажи, Аменхотеп, нет ли у тебя здесь того папируса, который ты взял у меня вчера? — обращается Ани к молодому учителю.

— Да, господин, сейчас я его принесу.

Аменхотеп уходит, быстро возвращается и подает старику свиток.

Ани разворачивает свиток и показывает Ини нарисованную на нем цветную карту горной местности с отмеченными на ней названиями и расстояниями между отдельными селениями и горами.

Ини смотрит на карту, широко раскрыв глаза.

— Теперь слушай дальше, — говорит Ани. — К новым каменоломням надо построить дороги, вырыть на пути туда колодцы. А потом там начнутся разработки, и надо будет вывозить изготовленные обелиски или статуи. Так?

Ини кивает головой; ему уже совершенно отчетливо представляются все прелести таких путешествий.

Ани продолжает:

— А сумеешь ли ты измерить дорогу? Сможешь ли ты высчитать, сколько людей необходимо для такого отряда, сколько еды надо для них взять с собой? А считаешь ли ты, сколько людей надо, чтобы выкопать колодец? Сколько надо людей, чтобы перевезти статую в тридцать локтей¹ высоты? Вот представь себе,

¹ Локоть — египетская мера длины. Один локоть равен 52 см.

что в каменоломне сделан новый обелиск в сто десять локтей высотой и десять локтей в основании. Сможешь ли ты рассчитать, сколько нужно людей, чтобы его тащить? А сосчитать надо быстро и точно — ведь обелиск уже лежит готовый, а в столице его ждут строители. Сумеешь ли ты справиться со всеми большими задачами, которые перед тобой поставит жизнь и которые тебе никто не поможет решить, если ты не научишься решать задачи в школе, где тебе еще могут помочь учителя?

Ани умолкает и смотрит на растерянное лицо Ини. Вот так приятное путешествие! Оказывается, шагу не удастся сделать без того, чтобы не пришлось что-нибудь высчитывать! Ну и что же? Значит, из-за этого отказаться от давней, заветной мечты? Ну уж нет, лучше научиться решать все эти задачи! Не глупее же он, в самом деле, других мальчиков!

Ани как будто понимает, о чем думает Ини.

— Пойди на место и подумай хорошенько, — говорит он мальчику. Потом обращается к детям: — Те из вас, кто решил эту задачу, встаньте и подойдите ко мне.

Больше половины мальчиков встают и подходят к старому писцу. Он берет их черепки, смотрит: хвалит тех, у кого верно решено и при этом чисто написано, отсылает обратно тех, которые решили неправильно.

Сети заслуживает похвалу старика и довольный возвращается на место.

— Ты не давай мне своего черепка, Миу-нофер, — шепчет ему Ини. — Я хочу сам решить эту задачу!

— Правильно, Миу-бин. Я уверен, что ты ее скоро решишь! — отвечает Сети.

Но в это время Аменхотеп, выслушав то, что ему тихо сказал Ани, обращается к мальчикам:

— Слушайте меня, мальчики! Почтенный Шедсу задерживается в храме Птаха, а так как завтра праздник, то я разрешаю вам раньше уйти домой. Те, кто не решил задачу, возьмите черепки с собой и решите ее дома. Хеви, ты возьмешь дома большой черепок и напишешь несколько раз на память те две строчки, которые сегодня написал лучше всего в конце урока письма. Тебе придется заниматься побольше, чтобы догнать товарищей. А теперь собирайтесь, и споем

восхваление Тоту, потом вы сможете пойти по домам!

Мальчики, стараясь не шуметь, быстро собирают свои вещи, громко поют короткий гимн богу Тоту, покровителю писцов, и, кланяясь учителям, выходят из комнаты.

Сети и Ини идут вместе.

Сети, держа в одной руке свои узелки с едой, другой протягивает свой письменный прибор Ини.

Мальчики еще до урока сговорились, что Ини возьмет к себе до завтра прибор Сети, чтобы тот мог сразу же бежать «по одному важному делу», о котором он обещал рассказать Ини завтра во всех подробностях, но сегодня отказался даже намекнуть, в чем это дело состоит.

Ини очень хотелось узнать секрет друга немедленно, но ему пришлось согласиться подождать, так как он хорошо знал, что когда Сети говорит так решительно, как сейчас, то уговаривать его бесполезно. И друзья мирно расстаются до утра.

VIII. МАЛЕНЬКИЙ ГОНЧАР И СТАРЫЙ ВОИН

Сети торопливо идет по направлению к рынку. Хорошо, что от школы не очень далеко до рынка. Город Перрамессу велик и многолюден. Это один из важнейших городов Египта, и его история очень интересна. Сегодня на уроке Аменхотеп как раз рассказывал им о том, как и почему этот город, называвшийся раньше Хетуарет, стал когда-то столицей кочевников гиксосов и как при освобождении Египта от их ига именно здесь происходила последняя битва.

Сети слышал об этом еще раньше: и отец, и Нахт много рассказывали ему о прошлом Египта, рассказывали о войне с гиксосами. Он знает также, что при изгнании врагов город был сильно разрушен и потом долгое время не имел никакого особенного значения.

Только необходимость вести длительные войны с хеттами привела к новому возвышению города: здесь, почти у азиатских границ Египта, было очень важно иметь хорошо укрепленный большой город, где можно было всегда держать многочисленное войско, запасы оружия и продовольствия, табуны лошадей для колес-

ниц. Отсюда было удобно снабжать египетские крепости в Сирии и узнавать обо всем, что затевали хетты.

Немало способствовало возвышению Хетуарета и то, что фараон Рамсес, который с самого начала своего правления вел постоянные войны с хеттами, сам был родом из этого города и хорошо понимал его выгодное в военном отношении положение.

Рамсес приказал заново укрепить Хетуарет и построить богато украшенный дворец и большие храмы. А чтобы показать, какое значение он придает городу, фараон даже дал ему новое имя, назвав его Перрамессу — «Дом Рамсеса».

Рамсес проводил здесь почти все время, за исключением поездок по Египту и походов за его пределы. В Перрамессу переехали многие придворные и чиновники, которые построили себе здесь новые дома, увеличилось число ремесленников, в гавань города стало прибывать множество кораблей.

И хотя столицей по-прежнему оставалась Уасет, Перрамессу вскоре стал одним из самых больших и красивых городов Египта.

Пока Сети добирается до Нила, на берегу которого расположен рынок, ему приходится пройти ряд улиц и переулков.

Вот и главная площадь города. Здесь находятся дворец фараона и храмы бога Птаха и богини Анат.

Эта площадь каждый раз поражает Сети великолепием своих зданий, блеском вооружения военной стражи у ворот дворца, зеленью дворцовых садов, видимых через эти ворота. Особенно величественны храмы. Сети даже страшно смотреть на их пилоны — ворота с огромными башнями. На мачтах этих башен развеваются флаги. А впереди стоят гигантские статуи фараонов.

Здесь всегда людно. То проезжают нарядные колесницы, то рабы несут украшенные золотом носилки какого-нибудь вельможи, за которыми идут другие рабы с опахалами из разноцветных страусовых перьев, то проходят отряды воинов — лучники с большими луками и полными стрел колчанами или копьеносцы с длинными копьями и тяжелыми щитами. Но сегодня Сети не задерживается на площади, он торопится дальше,

Часть города, расположенную за площадью, Сети знает хуже. Поэтому, перейдя площадь, он решает идти прямо по длинной широкой улице, соединяющей ее с рынком и Нилом, хотя переулками путь был бы короче.

Эта улица, одна из самых оживленных в городе, идет по легкому склону вниз, к реке. Чем ближе к рынку, тем все больше и больше идет народу — и в одном направлении с Сети, и навстречу ему. Люди несут продукты, различные изделия.

Все чаще встречаются нагруженные вьюками или корзинами ослы; иногда они идут целыми караванами под присмотром погонщиков.

Под ногами попадают увядшие листья, раздавленные плоды, обрывки тряпок, веревки.

Постепенно начинает доноситься многоголосый шум рынка, ограды домов перемежаются с навесами лавчонок или мастерских. И вот перед Сети разворачивается пестрая картина большого рынка, за которым сверкает гладь нильских вод.

Сети останавливается. Да, именно здесь вчера, когда он после школы побежал на базар купить себе бронзовых рыболовных крючков, а заодно и сладостей, он встретил того мальчика с чудесной глиняной свистулькой.

Мальчик был одного с ним роста, очень худой и загорелый. Он сказал, что его зовут Мес, и подарил Сети свистульку, а Сети отдал ему купленные сладости — аппетитные медовые печенья.

Ох, как Мес их ел! Уж на что Сети и сам неплохо уплетает вкусные вещи, но так быстро прикончить их, как это сделал Мес, он не смог бы.

Потом они разговорились. Оказалось, что Мес сам сделал свистульку; он этому научился у своего дяди, горшечника Небмехи. Сети позавидовал умению Меса. Но дальше было что-то непонятное. Выходило, что Мес сегодня съел только одну луковицу и горсть бобов и что ничего, кроме сухой лепешки и еще одной луковицы, ему и не придется съесть. Когда же Сети спросил, почему же он не собирается обедать, Мес сказал что-то вроде того, что обеда у них ни вчера, ни сегодня не варили, потому что варить нечего.

Сети не понял, как это нечего, когда достаточно сходить в кладовую или послать купить, что нужно, на базар, но не стал переспрашивать, потому что смутно чувствовал, что говорить об этом не следует.

Потом они поболтали еще о свистульках, а затем Мес рассказал, что он знает на берегу одного старого воина, который сторожит склады и умеет рассказывать замечательные сказки, и позвал Сети пойти к этому старику. Но было поздно, Сети должен был идти домой, и они сговорились встретиться на следующий день и тогда уже прямо пойти к старику.

И вот Сети здесь, а Меса нет.

Сети беспокойно оглядывается и вдруг вспоминает, что Мес предупреждал, где его надо искать, если он не придет на место встречи. Надо пойти направо по переулку, потом выйти налево на улицу, где находится горшечные и фаянсовые мастерские, и там, четвертая направо, будет мастерская Небмехи, дяди Меса.

Сети сворачивает в узкий переулок. Какие здесь маленькие-маленькие домики! И дворов отгороженных нет. И амбаров не видно. Даже нет ни одного цветочка. Вот и поворот на улицу, вот и мастерские горшечников. Раз, два, три, вот четвертая...

Сети останавливается перед навесом, под которым сложено много готовой глиняной посуды. Здесь и большие остродонные сосуды для вина, и кувшины, и блюда, и маленькие чашки. Среди всей этой посуды сидит на корточках старик. Он не то сторожит товар, не то ждет покупателя.

— Чего тебе, мальчик? — спрашивает старик.

— Мне надо Меса, — отвечает Сети.

— Ступай во двор, вон туда. — Старик показывает рукой направо, где рядом с навесом виден проход во двор.

Сети идет туда.

Двор завален глиной. В одном углу двое мужчин месят ее ногами. В другом стоят два гончарных круга.

Около одного из них сидит человек. Он вертит круг левой рукой, а правой ловко выделывает стоящую посередине этого круга чашу.

У второго круга сидит другой гончар; он кладет на его середину комок глины, запускает круг, и на глазах

пораженного Сети под руками гончара начинает вырастать высокий кувшин.

Быстро вертится круг; гончар, изредка смачивая руку водой, ровняет кружащийся кувшин, затем останавливает станок, ловко срезает кувшин снизу, приделывает к нему ручки и осторожно ставит его на гладко обструганную доску, где уже стоят такие же кувшины.

— Эй, мальчики! — кричит гончар.

И тут только Сети замечает Меса. Весь выпачканный в глине, он подбегает к станку вместе с другим мальчиком, постарше. Они осторожно поднимают доску и несут ее в глубь двора, к печи, в которой обжигают посуду.

Сети ждет, пока они ставят доску на землю, и только когда Мес отходит в сторону, тихо зовет его. Мес оглядывается, видит Сети и глазами показывает на улицу. Сети понимает и выходит, а через минуту выбегает и Мес.

— Нашел меня? Ну и ладно. Вот, бери — это я для тебя вылепил, — говорит Мес и протягивает Сети глиняные фигурки — птичку, быка, собачку.

Сети с восторгом берет игрушки.

— Неужели ты сам? Вот здорово! Ну и молодец же ты! — восхищенно говорит Сети.

— Ну, чего там! — скромничает Мес, хотя похвалы Сети ему явно приятны. — Ну как, идем?

— А тебе можно? — спрашивает Сети.

— Можно. Это последняя доска. Сейчас они будут обжигать посуду. А мы с тобой сбегает к старику, я там и поем. — Мес показывает лепешку.

— Я тебе принес, вот тут, — говорит Сети и протягивает свои узелки.

— Что это? О, мясо, лепешки, финики! Вот хорошо!.. Ну, спасибо, мы это все с тобой съедим там, да еще и старика угостим. Идем скорее!

Мес хватая Сети за руку, и они бегут вниз по улице.

— Мы не пойдем через базар, — говорит Мес, — а то там скоро не проберешься. Мы вот сюда, краешком.

Но и крайняя часть базара все-таки достаточно многолюдна, и мальчикам приходится то увертываться от несущих тяжелые грузы носильщиков, то перепры-

гивать через разложенные прямо на земле для продажи овощи, то обходить громко торгующихся людей.

Но вот и берег. От реки веет прохладой, дышать становится легче.

Город стоит на берегу самого восточного из многочисленных рукавов Нила, на которые разделяется великая река перед впадением в Средиземное море.

Вдоль всего берега тянутся склады с различными товарами и амбары с зерном такой же формы, как у Сети на дворе, только гораздо больших размеров.

К причалам на воде спускаются пологие ступени, по которым поднимаются приезжающие в город люди. А на Ниле всюду — и у пристаней, и просто у берегов — стоят и движутся суда: грузовые баржи, военные корабли, лодки рыбаков, красивые ладьи для прогулок знати.

Здесь можно встретить и корабли из далеких стран Средиземноморья — Финикии, Сирии, Кипра, и суда, спустившиеся по Нилу из разных мест Египта и Нубии. Слышатся стук весел, хлопанье парусов, крики матросов и рыбаков.

Кое-где между пристанями видны зелень пальм и сикомор, редкие тростники. Зато дальше, там, где кончаются склады, тростники стоят уже густой стеной, и над их зарослями изредка взлетают гнездящиеся в них птицы.

— Где же старик? — спрашивает Сети.

— Вон там, у того склада, — показывает Мес.

И они бегут туда. Но старика не видно. Вместо него сидит человек средних лет.

— А где дедушка Себекхотеп? — спрашивает Мес.

Оказывается, он пошел к рыбакам помогать вытаскивать сети. Ведь за это он получит немного рыбы.

И мальчики бегут к рыбакам.

Путь им внезапно преграждают носильщики. Они переносят зерно с баржи в амбары около склада. Люди идут, согнувшись под тяжестью корзин с зерном, мерно и трудно ступая, и медленно, в такт ходьбе, поют песню:

Должны ли мы целый день
Таскать ячмень и белую полбу? ¹

¹ Полба — низкосортная пшеница.

Полны ведь уже амбары,
Кучи зерна текут выше краев,
А нас всё заставляют таскать!
Воистину из меди наши сердца!

«Какая странная песня! — думает Сети. — Она совсем не похожа на те гимны, которые мы учим в школе. И сложена не так, и напев особенный... А хорошая песня! Как они хорошо поют! Ведь, верно, надо иметь медное сердце, чтобы выдержать такую страшную работу!»

— О чем задумался? — спрашивает Мес.

Сети рассказывает.

— Да, тяжело, — соглашается Мес. — Но не тяжелее, чем тянуть плуг при пахоте.

— Как — тянуть плуг? — спрашивает Сети. — Плуг ведь тянут быки!

— Это когда есть быки, — отвечает Мес. — А вот у нас их не было, так отец сам тянул, а мы с матерью шли за плугом.

— Ты разве живешь в деревне? Разве твой отец земледelec, а не гончар? Почему же ты здесь, в городе? — удивляется Сети.

— Об этом я тебе как-нибудь потом расскажу. — Лицо Меса хмурится. — А теперь бежим, тут можно проскочить.

Мальчики действительно проскальзывают перед одним из носильщиков и бегут дальше.

Вот и вода, и рыбацьи лодки, и разложенные для просушки сети, и костер в тени деревьев.

На костре варится вкусно пахнущая рыбой похлебка, а рядом сидят старик и мальчик. Мальчик, пожалуй, ровесник Меса и Сети; он держит в руках дудочку из тростника и наигрывает какую-то песенку.

— Привет, дедушка Себекхотел! — кричит Мес и, перепрыгивая через разложенные рыболовные снасти, подбегает к костру.

— Привет! — говорит и Сети, следуя за Месом.

— А-а, Мес! Здравствуй, здравствуй! — говорит старик. — А это кого ты привел?

— Это мой друг, его зовут Сети. Он тоже очень любит сказки, — представляет Мес своего нового приятеля.

Сети смущенно улыбается и кивает головой.

— Ну и хорошо! Садитесь-ка сюда. Сейчас похлебка будет готова, вот и поедим все вместе. А это — Маи, тоже любитель сказок, да к тому же и опытный рыболов. — Старик кладет руку на плечо сидящего с ним рядом мальчика, на голове которого целая копна вьющихся черных волос.

Маи улыбается, и на его смуглом лице ярко сверкают ровные белые зубы.

Друзья садятся. Мес развязывает узелки Сети и делит их содержимое на четыре части, добавляя туда же и свою сухую лепешку.

— О, да у нас сегодня будет целый пир! — смеется старик и помешивает похлебку.

— Хотите купаться? — неожиданно предлагает маленький рыбак.

И через минуту все три мальчика с наслаждением плещутся в воде. Мес смывает с себя глину, Сети — пыль. Все трое довольны, ныряют, фыркают, плавают.

— Эй, ребята, все готово, идите скорее! — кричит Себекхотеп.

Мальчики быстро поворачивают к берегу и выскакивают из воды.

— Маи, тащи сюда плошки! — командует старик.

Маленький рыбак бежит к небольшому шалашу под сикоморой и возвращается с четырьмя глиняными плошками. Старик разливает дымящуюся похлебку и раздает детям, каждый получает и свою порцию из припасов Сети, и некоторое время все молча едят.

Наконец с едой покончено, плошки вымыты в реке, и мальчики располагаются вокруг старика, чтобы послушать сказку.

— Дедушка, расскажи опять про жреца-обжору и про жадного фараона! — просит Мес.

Старик молчит, взглядывает на Сети и потом говорит:

— Ну, зачем же рассказывать то, что ты уже слышал! Вот я лучше расскажу вам про храброго полководца Тхутия и про то, как ему удалось взять неприступный город Яффу.

У мальчиков загораются глаза, и они ближе подвигаются к старику.

— Это было давным-давно, — начинает он. —

Тогда еще фараон Тутмес¹ водил свои войска в Сирию. Вот однажды приказал фараон военачальнику Тхутию взять приморский город Яффу. А в знак того, что Тхутий получил от него полную власть, отдал ему фараон свою собственную булаву.

Вот подошел Тхутий с войском к Яффе, стал у города. Видит: стены высокие, неприступные, никак на них не взобраться. Но все-таки попробовал взять те стены штурмом. Не вышло. И решил тогда Тхутий взять город хитростью. Послал он гонца к правителю города и велел сказать, что он решил изменить фараону и перейти на его сторону, а чтобы обо всем этом договориться, просит он правителя к себе на пир.

Вот правитель и попался на хитрость Тхутия и явился к нему пировать да договариваться. А Тхутий и говорит ему: «Разреши, пожалуйста, мне скрыться вместе с женой и детьми в твоём городе. И прикажи также впустить и моих конников с лошадьми». И их впустили. А правитель Яффы захотел увидеть булаву царя Тутмеса и сказал Тхутию: «Мое желание — посмотреть великую булаву фараона Тутмеса. Она ведь у тебя. Сделай милость, покажи ее мне!» Тхутий принес булаву царя Тутмеса, схватил правителя Яффы за одежду и сказал: «Посмотри-ка сюда, о правитель Яффы! Вот булава фараона Тутмеса, свирепого льва, сына Сохмет!²». И поразил правителя Яффы в висок, и тот упал без сознания.

Связал Тхутий правителя Яффы ремнями, заковал медными оковами. Велел Тхутий принести пятьсот сосудов, сделанных по его приказу. Приказал он спуститься в них двумстам воинам, а остальные триста сосудов наполнили веревками и колодками и запечатали печатью. Потом погрузили эти сосуды на сильных воинов, числом пятьсот человек, и им сказали: «Когда вы войдете в город, выпустите ваших товарищей, схватите всех людей в городе и тотчас же свяжите их!»

А чтобы их пропустили в город, решили сказать, что они несут дары от Тхутия. И вот ворота города

¹ Фараон Тутмес III правил Египтом с 1525 по 1491 г. до н. э.

² Египетская богиня войны.

открыли перед воинами, они вошли в город, выпустили из сосудов своих товарищей. Так овладели они городом, людьми, малыми и великими, и связали их, и сразу же надели на них колодки.

А когда фараон Тутмес узнал обо всем этом, он похвалил Тхутия и наградил его золотом и рабами...

Старик умолкает. Мальчики не отрываясь смотрят на него. Они еще под впечатлением сказки, им видятся высокие стены чужого приморского города, ловкий Тхутий, скованный правитель, длинная вереница воинов, несущих на плечах безопасный по виду груз.

— А ты сам воевал, дедушка? — прерывает молчание Сети.

— Я-то? А как же, много воевал. И в Нубии и в Сирии сражался!

— А награды у тебя есть? — допытывается Сети.

— Награды? — Старик смотрит на мальчика и, показывая на сухую, неподвижно висящую левую руку, насмешливо говорит: — А как же! Вот моя награда — видишь, руку мне хетты перебили, когда я в битве щитом прикрывал своего начальника в колеснице.

— И что же ты тогда сделал, когда руку тебе перебили?

— А что я мог сделать! В правой-то руке у меня вожжи. Выпущу их — так кони понесут, и тут нам обоим смерть. А брошу щит — от стрел погибнем. Ну, я и ухитрился низом щита упереться в выступ колесницы. Начальник стреляет — я правлю да зубами скриплю, а щит держу. И так до конца и додержал!

— Молодец, дедушка, силач, герой! — восхищенно кричит Сети и восторженно смотрит на старика.

— Да, воевал, воевал, всю жизнь воевал, — бормочет старик, задумчиво глядя на догорающие уголья. — А что навоевал, спрашивается? Семейство не успел, родители давно умерли, раз только и видел их после того, как меня забрали в войско. Годами Египет не видел — то на чужбине в гарнизоне стоял, то в походах. Так вот жизнь-то и прошла. Был Себекхотеп силен да здоров — был фараону нужен. А как стал Себекхотеп стар да как руку ему перебили — и не нужен он никому. Дали сначала, как полагается, землю. А как мне ее обрабатывать? Вот и сдал ее внаем

начальнику полей храма бога Птаха: его земли граничили с моей. А он взял да и присвоил мою землю. Долго я с ним судился, последние деньги потратил, да ведь где мне с ним сравниться! Задарил он всех судей и оказался правым. И досталась ему моя земля... А я вот и хожу в сторожах на старости лет за кусок хлеба...

Старик замолкает. Молчат и мальчишки.

Мес и Май смотрят на реку. Май снова берет дудочку. Ничего нового или особенного в рассказе старика для них нет, оба они хорошо знают цену куску хлеба, обоим не раз приходилось голодать и еще не раз придется; знают они и то, что бедняку приходится рассчитывать только на свои силы и что ждать справедливости от богачей нечего.

Но у Сети широко раскрыты глаза. Он привык слышать совсем другое о том, как возвращаются из походов, — о богатой добыче, о приведенных рабах и лошадях, о полученных наградах. Ведь человек воевал всю жизнь, а теперь? Разве это правильно?

Сети смотрит на седые волосы Себекхотепа, на покрывающие его тело рубцы, на его беспомощно висящую руку, натруженные в походах худые ноги и глабоко задумывается.

IX. В НИЛЬСКИХ ЗАРОСЛЯХ

Май встает и, прикрывая глаза ладонью, смотрит вдаль, где густые заросли тростников.

— Хотите, посмотрим наши сети? — предлагает он.

Мес кивает головой и быстро поднимается.

Сети тоже встает, но медленнее, чем он сделал бы это раньше, услышав такое заманчивое предложение. Слишком поразила его судьба старого воина, слишком много новых мыслей возбудила она в нем.

Май сталкивает в воду легкую тростниковую лодочку и берет весла. Все трое усаживаются в лодке, и Май начинает быстро и ловко грести.

Лодочка легко скользит по гладкой поверхности реки. Приятно веет свежий ветерок.

Сети полной грудью вдыхает воздух. Он осматривается, и понемногу его раздумье проходит. Как хорошо на Ниле! Пыльный город остался позади. Здесь —

прохлада воды, густая зелень тростников, дальше — светло-зеленый простор полей.

Прижаться бы лицом к влажным стеблям камышей, почувствовать аромат лотосов, голубых и белых, завалить бы всю лодку зеленой свежестью нильских зарослей!

— Заедем в тростники — нарвем их! — просит Сети.

Маи кивает головой, и лодочка идет к тростникам.

Вот ее нос врывается в заросли, раздвигая гибкие стебли тростников. Они качаются и шуршат над головой мальчиков, защищая их от солнечного зноя. Здесь тень. Мальчиков охватывает прохлада, пахнет лото-сами.

Испуганные плеском весел, взлетают дикие утки, гуси. Пролетела голубая цапля с хохолком. А вот и длинноносый ибис с белым туловищем, черной головой и черным хвостом. Вот и коричневый карморан с красным горлышком...

Сети наслаждается прогулкой. Он очень любит кататься по Нилу с отцом или Нахтом, но без старших ему еще ни разу не удавалось прокатиться. А как это приятно — никто не заставляет сидеть тихо и смирно, никто не запрещает нагибаться через борт лодки, оку-нать руки в воду чуть не до плеч, рвать все, что понравится.

И Сети с увлечением срывает то цветок лотоса, то приглянувшийся ему камыш. Постепенно он начинает прислушиваться к тихому разговору Меса и Маи.

— Много наловили вчера? — спрашивает Мес.

— Ничего, наловили порядочно, — отвечает Маи.

— А как распродали?

— Продали-то тоже ничего, а вот получили мало! — усмехается Маи.

— Это почему?

— А мы новые сети недавно купили, у нас крокодил старые порвал. Купили, конечно, в долг, за рыбу, и вот уже шесть дней почти весь улов и уходит для его уплаты. Зерна купить не на что. Едим только рыбу. Да вот яйца достаем здесь из гнезд, еще отец убил пару гусей...

— Ну, это вы еще хорошо живете, — говорит Мес. — А вот нам так и взять неоткуда. Сетей нет,

охотиться дядя не умеет, а посуду сбить не так-то просто — очень уж много горшечников развелось в городе. А зерно-то нынче какое дорогое! Разлив-то ведь был не больно высокий — разгневался за что-то Хапи¹.

— Да, зерно очень дорогое, — соглашается Май. — Ну, а насчет того, что мы хорошо живем, это, знаешь ли, как сказать. Думаешь, легко рыбу-то добывать? Хорошо еще, что крокодил на этот раз только сѣти порвал. А в прошлом месяце он съел одного рыбака, так у этого рыбака остались жена и пятеро детей, а старший из них поменьше меня. Много ли он поймает? Конечно, мой отец и другие рыбаки помогают ему, но ведь дома-то у них сколько ртов? А ведь так погибнуть может любой рыбак!

Сѣти вздрагивает и сразу вспоминает то место из «Поучения Ахтоя», где говорится о труде рыбака, и мысленно повторяет его: «Я расскажу тебе еще о рыбаке. Достается ему хуже, чем во всякой другой должности. Смотри, разве не работает он на реке вперемешку с крокодилами?»

Сѣти давно знает все «Поучение Ахтоя» наизусть, часто отвечал его учителю, но сейчас эти строки звучат для него совсем по-новому. Они стали живыми и страшными.

— Да... — задумчиво говорит Мес. — Вот и на нашей улице на днях тоже случилась беда. Около нас живет один пекарь, печет и продает лепешки. Знаешь, как их пекут? Лепят сырыми внутри печи, по стенкам. Вот пока пекарь их лепит, его надо держать за ноги, чтобы он не упал на уголья. А тут старший сын его заболел, а младший не удержал отца, и тот упал в печь да так обжег лицо и руки, что живого места не осталось. Хорошо еще, хоть глаза-то успел закрыть рукой, а то ослеп бы. Теперь он лежит, работать не может. А что будет есть его семья?

Май сочувственно качает головой. Сѣти смотрит на Меса и думает о семье пекаря.

Внезапно до мальчиков доносится тихий стон. Они настораживаются. Май замирает с поднятыми веслами и чуть слышно, одними губами шепчет:

— Тихо!

¹ Египетское название Нила.

Стон повторяется еще и еще.

Маи быстро ударяет веслами и направляет лодку влево, потом еще влево.

Стоны все слышнее. Еще удар веслами, и лодка мальчиков касается носом другой лодки, из которой и несутся стоны. Мес, сидящий на носу, хватая рукой борт лодки и заглядывает в нее, а потом прыгает туда. Маи и Сети наклоняются тоже.

На дне лодки лежит, свернувшись, мальчик. По виду он одних лет с ними. Его глаза закрыты, одна рука бессильно протянута вдоль тела, другая — под головой.

Сети вглядывается в мальчика, и ему становится страшно.

Мальчик невероятно, до ужаса худой. Таких худых людей Сети никогда не видел. Кажется, что видны все его кости и что прямо на эти кости натянута кожа, а мяса совсем нет. И какая это кожа! Вся спина мальчика, его плечи, ноги — все покрыто рубцами и болячками: старыми, зажившими и еще свежими, с запекшейся кровью.

Сквозь полуоткрытые губы мальчика рвется все тот же стон.

Мес осторожно трогает его лоб, потом зачерпывает воды и поливает ему лицо. Мальчик вздрагивает, открывает глаза и дико смотрит на Меса, потом на Маи и Сети.

Такого ужаса в человеческих глазах Сети тоже еще никогда не встречал, и он, желая сейчас же, во что бы то ни стало прогнать этот ужас, невольно протягивает руку и гладит плечо мальчика. Мес, без слов понимая Сети, осторожно проводит рукой по волосам мальчика. И когда тот опять смотрит на них глазами, полными страха, Мес ему широко и дружески улыбается.

Маи засовывает руку за пояс, вытаскивает пару фиников и, вынув косточки, кладет один финик в рот мальчику. Тот, с трудом двигая челюстями, слегка жует и глотает. Маи дает ему второй финик и достает еще два. Мес тоже вытаскивает три финика.

Сети смущен — он съел свои финики еще у костра. Маи замечает его смущение и говорит:

— Ничего! Это потому, что ты просто не привык

думать, будет ли у тебя еда на вечер. А мы оба об этом всегда помним. Вот мы и оставили финики, а они, как видишь, и пригодились... Слушай-ка, ты, — поворачивается он к мальчику, — как тебя зовут и кто это тебя так отделал?

Тот качает головой.

Маи повторяет вопрос.

И тогда мальчик быстро говорит что-то непонятное хриплым, прерывающимся голосом.

— Что он сказал? — спрашивает Сети.

— Не понимаю, — отвечает Мес.

— Он не по-нашему говорит, разве не слышите! — говорит Маи.

Мес тихонько свистит и смотрит на Маи:

— Все ясно, да? Что делать?

Для Маи все, по-видимому, ясно, но Сети ничего не понимает и вопросительно смотрит на своих друзей. Но те не обращают на него внимания. Маи думает, потом решительно говорит:

— Надо взять его в нашу лодку и отвезти к моему отцу.

— А потом? — спрашивает Мес.

— Там его накормят, перевяжут и спрячут. А потом мы его возьмем к себе, когда будем возвращаться домой на север, в болота. Уж там-то, будь спокоен, никто его не найдет! — Маи весело, с хитрой усмешкой подмигивает.

— А почему не взять его вместе с лодкой? — спрашивает Мес.

— А ты думай! — внушительно говорит Маи. — Чья лодка? Разве мы знаем, где он ее взял? Увидит кто-нибудь лодку — признает ее, и тогда все пропало... Ну, давай тащи его!

Маи трогает мальчика за плечо и показывает жестами, что они перенесут его сейчас к себе в лодку, потом повезут дальше, накормят и спрячут. При этом Маи все время гладит его по плечу и, показав на его рубцы, резко качает головой, желая убедить мальчика, что его никто не будет бить и что ему нечего бояться.

Мальчик пристально смотрит на Маи. Неожиданно слабая, жалкая улыбка появляется на его лице, и он кивает головой.

— Ну, вот видишь, и сговорились! — весело говорит Май.

Он отдаёт Сети весла, а сам вместе с Месом осторожно поднимает мальчика и бережно укладывает его на дно своей лодки, где лежат сорванные Сети камыши. Май камышами закрывает мальчика, затем берет у Сети весла:

— Ну, поехали! Только — тихо!

Лодка скользит почти бесшумно. Мальчики молчат, и, лишь отойдя на порядочное расстояние, Май начинает грести сильнее и даже насвистывает какую-то песенку.

— Почему ты велел нам сначала молчать? И почему ты его закрыл? — спрашивает Сети.

— А чтобы нас кто-нибудь не заметил около той лодки. Ну, теперь мы уже далеко, пусть видит кто хочет, но только нас, а не его. Потому и закрыл, — отвечает Май.

— А что плохого, если бы нас там увидели? И почему его нельзя никому показывать? — допытывается Сети. — Ведь ты же его везешь к отцу!

— Ой, какой ты! — говорит Май и сильно ударяет веслом. — Ты что, ничего не понял, что ли?

— Нет, — откровенно признается Сети.

— Ну, а вот мы с Месом сразу догадались, что это чей-нибудь раб. Убежал, наверно, бедняга, от какого-нибудь богатого негодяя. Видишь, какой он избитый да голодный!

Беглый раб?! Сети сразу даже не может этому поверить. Этот мальчик — беглый раб?!

В представлении Сети, которому это внушено с детства, беглый раб — преступник, которого каждый обязан постараться поймать и вернуть хозяину; поступить иначе — значит самому сделаться преступником.

Ну, а здесь? Мальчик такой же, как они, только очень, очень жалкий. Сети никогда даже не думал, что ребенок может быть так несчастен и обижен. Ему вспоминается ужас в глазах мальчика, и сердце Сети падает.

Что же, его надо вернуть хозяину? Чтобы тот снова его так истязал?..

Щеки Сети начинают гореть. Нет, нет и нет! Мальчика нельзя возвращать хозяину! Наоборот, его надо

спрятать, спасти! Мес и Маи правильно поступают. И пусть Сети сам окажется преступником, но он должен помочь им скрыть мальчика!

Сети хватает свои цветы, нагибается и старательно засыпает ими мальчика поверх тростников.

Маи следит за ним глазами, его лицо веселеет, и он свистит еще громче.

— Никак понял? — спрашивает он.

Сети кивает головой и в эту минуту слышит, как Мес тихо говорит:

— Вот и со мной могло бы случиться такое. Ведь и я чуть не стал рабом!

— Ты?! Как это? — с ужасом спрашивает Сети.

И он узнает страшные вещи.

Мес раньше жил в деревне. Им жилось очень, очень плохо, с каждым годом все хуже и хуже. Началось с того, что был низкий разлив, потом болел отец, потом один год всю жатву съели и вытоптали гиппопотамамы, потом налетела саранча, а потом им уже было не выкрутиться из недоимок. И подати они не могли заплатить, и сборщикам не из чего было сделать подарок, чтобы получить отсрочку. А без подарков сборщики запутывают земледельца так, что у него оказываются еще и еще недоимки. И вот когда последний раз пришли сборщики податей, они избили отца и мать. Мать умерла от побоев, а отца сборщики увезли в тюрьму. Обо всем этом Мес узнал от соседа, когда тот приехал в город, потому что Мес уже год как жил у дяди, куда его отправил отец, чтобы хоть он-то был сыт. А если бы Мес был дома, его бы продали в рабство за недоимки отца. И пусть бы продали, если бы его цена покрыла весь долг отца и его не взяли бы в тюрьму, а в том-то и дело, что не покроеет. Вот Мес и живет у дяди и учится быть горшечником.

Сети потрясен до глубины души.

— Но почему же твой отец не жаловался? — спрашивает он.

— Кому? — Мес смотрит с удивлением.

Сети вспоминает «Речи красноречивого земледельца».

— Начальнику вашей деревни или области, — говорит он.

Мес протяжно свистит.

— Нашел кому! Начальник деревни заодно со сборщиками, а к начальнику области попробуй-ка сунуться — стража так тебя прибьет, что второй раз сам не пойдешь. Наши пробовали! — говорит Мес.

— А как же мы читали в школе... — начинает Сети и замолкает.

— Что вы читали? — спрашивает Мес.

И Сети вкратце рассказывает о судьбе бедняка, добившегося в конце концов справедливого суда.

— Ну, это только так пишут для таких вот, как ты, — говорит Мес.

А Май кивает головой в знак согласия.

— Чтобы вы думали, что все большие начальники судят правильно. А вот походи на самом деле бедняк в суд, так его и засудят, если он судье подарка не даст. А откуда его взять-то, подарок? Нет, этим рассказам не верь, это нарочно, — убежденно говорит Мес.

— Конечно, нарочно, — поддерживает Май.

Сети ничего не может возразить: он никогда не видел, как собирают подати, никогда не бывал в суде.

— Вот если бы я учился в вашей школе да попробовали бы при мне читать такое, я бы уж не стерпел, рассказал правду, — говорит Мес. — А то ведь у вас учатся все дети богатых да знатных людей. Вот никто из вас ничего и не может сказать, потому что ничего-то вы по-настоящему не знаете и ни о чем не думаете.

Сети начинает вспоминать, кто же родители его товарищей. Отец Ини — писец войска, отец Хеви — начальник закровов, Мехи — сын главного военачальника, Нефер — сборщика податей, Яхмес — учителя высшей школы, Минмес — верховного судьи, отец самого Сети — писец управления царскими землями. Да, Мес прав: если и не все семьи школьников богаты, то, во всяком случае, зажиточны.

А дети бедняков? Значит, они не учатся совсем? Значит, ни Мес, ни Май никогда не будут грамотными, не прочтут тех интересных рассказов, которые может в любое время прочесть он, не узнают всего того, о чем сегодня рассказывал Нахт? А главное, всегда так и останутся: Мес — гончаром, а Май — рыбаком, и будут жить так же впроголодь, как сейчас?

Ведь они оба способные мальчишки. Вон как Мес прекрасно лепит! Никто из товарищей Сети так не умеет. А как Май хорошо играет на дудочке — любую песенку сразу же наигрывает! Наверно, оба они учились бы хорошо, лучше многих школьников.

Это несправедливо, очень несправедливо!

— Вы небось и сказки-то читаете всё такие, где уж если царь или жрец, так он и храбрый, и умный, и справедливый? Верно? — насмешливо спрашивает Мес.

Сети припоминает прочитанные им сказки и повести.

— Да, верно, — говорит он.

Мес усмехается:

— А вот послушал бы ты, какие сказки рассказывает про жрецов да про царей старый Себекхотеп, так узнал бы другое! Очень хорошие сказки, веселые!..

— А Себекхотеп при нем такого и не расскажет, — перебивает Май. — Ты ведь просил его сегодня, а он взял да и рассказал про Тхутия. Ты что, не понял — почему.

— А почему? — спрашивает Сети.

— Потому что старик побоялся, чтобы ты не рассказал кому-нибудь, от кого узнал такую сказку. Тогда будет плохо и ему, и тебе, — отвечает Май.

Сети молча смотрит на них и думает, что Май, пожалуй, прав. Старик побоялся, и побоялся не зря. Сети, конечно, мог бы повторить веселую сказку и дома, и своим приятелям в школе и невольно причинил бы старому воину большие неприятности. Ну, да ничего, в следующий раз Сети пообещает никому ни слова не говорить и все-таки выпросит такую сказку.

Да, а что же будет с отцом Меса? Долго ли его будут держать в тюрьме?

И Сети спрашивает Меса:

— Когда же выпустят твоего отца из тюрьмы?

Мес этого не знает, и он думает, что этого вообще никто не знает.

— А ты что же, так потом совсем и не видел отца? — спрашивает Сети.

Мес отрицательно качает головой:

— Нет, не удалось. Мы с дядей ходили, ходили около ворот тюрьмы — так ничего и не узнали. У нас нечем было подкупить стражу, не на что было сделать

и подарка начальнику тюрьмы. А как же иначе можно что-нибудь узнать бедным людям?

Мес опускает голову и молчит. Несколько минут дети гребут молча. Потом Мес перестает грести.

— Зато я там такое видел! — внезапно говорит он. — При нас вывели осужденных на работы в рудниках. Их вели к реке, чтобы отправить в далекую Нубию добывать золото в рудниках. Ох, какие это были люди! У кого уши отрезаны, у кого нос. Все в колодках, избитые, страшные... И там-то как им придется работать! Мне дядя рассказывал — их спускают под землю, глубоко, в темноту, и они должны вырубать куски камня, в которых есть крупинки золота. Там пробиты целые проходы, под землей-то...

— Как же они видят? — спрашивает Май. — Там же темно, сам говоришь.

— Им привязывают спереди светильники, — отвечает Мес.

— Чем же они рубят камень? — в свою очередь спрашивает Сети.

— Простым ломом, чем же еще! — поясняет Мес. — Да там не только взрослые работают — там и дети есть. Они вытаскивают куски камня наверх.

— А что с камнем делают наверху?

— Наверху камни дробят в каменных ступках на мелкие-мелкие кусочки. Потом старики и женщины мелют эти кусочки под жерновом в пыль, потом эту пыль кладут на наклонную доску и поливают водой. Тогда пыль с водой стекает по доске, а крупинки золота остаются на доске — они тяжелые, понимаешь?

— А кто были эти люди? И откуда там дети, и женщины, и старики? — спрашивает Сети.

— Дядя сказал, это очень разные люди. Есть там и воры, и грабители, есть и просто такие, которые ничего плохого не сделали, а их кто-нибудь оклеветал... Есть и такие, которые бранили фараона, или богатых, или жрецов за всякие притеснения. Вот их и схватили, долго били, некоторым отрезали уши и нос да и отправили на верную смерть в рудники. С некоторыми и всю семью послали. Вот почему там и дети, и старики... Только там никто долго не выдерживает — работа уж очень страшная. Есть дают совсем мало, а

бьют все время — за всеми так и ходят надсмотрщики с плетями...

В лодке снова наступает молчание. Сети сидит не двигаясь. Мысли его путаются, сердце громко стучит.

Жизнь неожиданно повернулась к нему незнакомой, страшной стороной, глубина человеческого горя точно придавила его.

Какими мелкими представляются ему теперь все школьные беды! Даже история с Пабесом кажется пустяком перед несчастьем, которое он сегодня узнал.

Мальчик упорно думает. Как же быть? Как помочь Месу, его отцу, семье погибшего рыбака, пекарю, маленькому рабу? Как же быть?

Потом ему приходит в голову, что, вероятно, так бедствуют не только эти люди. А носильщики зерна, которые пели про медные сердца? Как же сделать, чтобы таких несчастных людей не было?

А рабы?..

Сети до сих пор никогда не думал, что раб может быть несчастен. Ведь все люди, которым он привык верить — родные, учителя, — всегда считали раба не человеком, а вещью. Но такие глаза, какие Сети увидел сегодня у маленького раба, спящего сейчас в лодке под тростниками, — такие глаза могли быть только у очень несчастного человека.

Значит, то, что говорят люди, которым Сети до сих пор верил, — неправда? А где же правда?

Мальчик чувствует, что его мысли путаются все больше и больше. И он сидит тихо, опустив голову.

Х. НА КРЫШЕ ХРАМА

Тени удлиняются, и небо на западе из голубого начинает становиться золотым, когда Сети подходит к дому.

Он идет медленно; в руках у него большой букет лотосов, который ему нарвали на прощание Май и Мес. Цветы еще сохраняют свежесть реки, и, вдыхая их запах, Сети снова видит себя на Ниле.

Какой славный отец у Май, такой сильный и веселый! Другие рыбаки тоже хорошо встретили маленького беглеца. Теперь за него можно не беспокоиться,

рыбаки сумеют спрятать его в своих заводах, куда, кроме них, никто не доберется.

Радостная улыбка маленького раба и веселое возвращение с Май и Месом на берег даже отвлекли Сети от его раздумий.

Май проводил их до дома Меса, и они распрощались как старые друзья и условились опять встретиться через день.

Но когда Сети пошел дальше один, какая-то смутная тревога снова поднялась в нем, да и сейчас он далеко не так спокоен и весел, как обычно.

Но вот и дом. Сети проходит прямо к Нахту и отдает ему цветы.

— Вот молодец! — говорит Нахт. — Не опоздал и столько чудесных цветов принес! Ну, иди, приведи себя в порядок и поешь, я тебя скоро позову.

Сети долго, старательно умывается, потом надевает чистую одежду и наскоро ужинает в саду, чтобы не помешать Нахту встретить на северной веранде своих товарищей по занятиям. Они обещали за ним зайти.

В саду хорошо. Жара спала, цветы пахнут сильнее. Очень тихо, только чуть шелестят листья да изредка плеснет рыбка в маленьком пруду и послышатся голоса со двора.

По всему саду точно разливается розовый свет, который все усиливается, по мере того как солнце опускается ниже и ниже. И небо на западе из золотого превращается в алое и начинает пылать багряным огнем.

Сети смотрит на закат и решает идти за Нахтом, не дожидаясь, пока брат его позовет. Но у входа на северную веранду он останавливается.

Кто это разговаривает с Нахтом? Так и есть, это молодой учитель Аменхотеп, который иногда заходит к брату. Они учились вместе и дружны, хотя Аменхотеп и старше Нахта и уже два года как окончил высшую школу. Интересно, о чем они говорят?

Сети знает, что подслушивать нельзя, но Аменхотеп как раз произносит имя Пабеса, и тут Сети уже никак не может уйти.

— Ну, и что же было потом? — спрашивает Нахт.

— А потом было вот что, — отвечает Аменхо-

теп. — Когда Шедсу вернулся после уроков, мы спустились в подвал. Он повернул ключ и снял засов. В подвале никого не было. Оказалось, что кто-то проломал стенку в соседнем помещении и помог Пабесу уйти.

— Что же сделал Шедсу? — с интересом спрашивает Нахт.

И Сети замирает за дверью.

— Ну, ты сам, наверно, понимаешь, что тут было и с ним, и с Миннахтом! — В голосе Аменхотепа явно звучат веселые нотки.

Нахт откровенно смеется. И вдруг Сети ясно слышит, что Аменхотеп тоже присоединяется к нему.

«Вот тебе раз! — думает Сети. — Оказывается, Аменхотеп-то совсем молодец!»

Аменхотеп встает и начинает ходить по веранде.

— Да, Пабесу повезло, — говорит Нахт.

— Хотел бы я знать, кто помог ему, — задумчиво говорит Аменхотеп. — Думаю, что это дело рук Мехи в первую очередь. Но, пожалуй, и без твоего братишки здесь не обошлось. Но, в общем-то, говоря по правде, я очень доволен, что ребятам удалось освободить Пабеса. Если бы я только знал, где он, я был бы совсем спокоен. А то дома его нет, и я не могу понять, куда они его спрятали. У вас его не было?

— Нет, — говорит Нахт.

И Сети опять замирает за дверью.

Но Нахт спокойно продолжает:

— Мне помнится, у Пабеса есть старший брат в Меннефере. Может быть, он уехал к нему?

Аменхотеп останавливается:

— А знаешь, это, вероятно, так и есть! Теперь мне все понятно. Когда я шел к дяде Пабеса, мне навстречу по западной дороге проехал Сеннаджем, возничий отца Мехи, и очень хитро посмотрел на меня. Значит, это он и увез Пабеса. Ну, и очень хорошо, все в порядке!

— Не совсем-то подходящая точка зрения для учителя! — поддразнивает друга Нахт.

Аменхотеп секунду молчит, и Сети с интересом ждет его ответа. А ответ неожиданный не только для Сети, но, кажется, и для Нахта.

— Видишь ли, Нахт, — говорит Аменхотеп, — я

не хочу учить так, как учит Шедсу: все время с окриками, с плетью. Я убедился, что от такого учения пользы мало. Мальчики так пугаются, что часто не могут ответить даже то, что хорошо выучили... Я ведь очень люблю своих мальчишек и потому никак не могу спокойно видеть, как относится к ним Шедсу...

— Да, Шедсу слишком жесток и безжалостен... — соглашается Нахт.

— Дело не только в этом! — горячо прерывает его Аменхотеп. — Гораздо хуже то, что ему все равно — полюбят ли они знания, поймут ли они их значение, попробуют ли стать хорошими, полезными людьми! Он требует, чтобы они научились правильно читать, писать и считать и поверили ему, что выгоднее всего на свете быть писцами, — и все! Он не считается с их склонностями, не развивает способностей, не исправляет недостатков, кроме лени и грубости — это он исправляет плеткой! Потом, я совсем не могу выносить того, как Шедсу спускает все самым богатым и знатым ученикам. Вот возьми Пасера — ведь это уже сейчас маленький негодяй, который нагло пользуется положением отца, учится очень плохо, часто вообще пропускает занятия, а Шедсу ему все прощает.

— Ну, что же ты хочешь? — возражает Нахт. — Шедсу поступает так, как делают все чиновники. Помнишь, как говорится в поучении: «Гни спину перед твоим начальником, и твой дом будет полон богатства»? Шедсу так и делает. Все это так, я же знаю: тоже у него учился. Но ведь так учат везде и так учили всегда — вспомни все поучения, которые мы выучивали наизусть! Разве у вас в Фивах было иначе?

— И в Фивах было, конечно, в общем, то же. Но не все учат так, в этом ты неправ. Вспомни о старом Ани — вот это учитель! И мне в Фивах посчастливилось первый год в высшей школе учиться у такого же замечательного человека. Я на всю жизнь запомнил наставления мудрого Кенамона и всегда буду стараться подражать ему и Ани, под руководством которого я кончал школу здесь, в Перрамессу. Уж второго Шедсу из меня не выйдет, нет, хотя я только младший учитель и должен ему повиноваться и очень мало могу пока помогать мальчикам.

Сети хочется сказать молодому учителю, что все ученики очень любят его, а теперь Сети полюбил его еще сильнее. Но ничего этого сказать нельзя, и Сети тихо отходит от двери.

Ждать приходится недолго. Сети вскоре слышит веселые голоса, короткий разговор и смех на веранде, затем в дверях появляется Нахт и зовет его.

Сети выходит с братом на веранду. Он вежливо кланяется трем сверстникам Нахта и замечает, что Аменхотепа уже нет.

Товарищи Нахта весело здороваются с Сети, и все пятеро выходят на улицу, направляясь к центру города.

Солнце уже почти закатилось, и темнота быстро окутывает город.

— Слушай, Гори, за что это тебя сегодня после занятий так бранил учитель Райя? — спрашивает один из товарищей Нахта — невысокий, плотный Птахмес.

— В общем, бранил за дело! — весело отвечает Гори, стройный, тонкий юноша, одного роста с Нахтом. — Он мне велел написать наизусть «Поучение царя Аменмхета его сыну Сенусерту», а я в самом конце вставил две строки из «Жалоб Ипувера». Вот Райя и объяснял мне два часа, какой я осел!

Юноши весело смеются. Смеется и Сети. Оказывается, и такие большие ученики ошибаются и их бранят учителя!

Однако дальше разговор на некоторое время становится для Сети неинтересным, потому что юноши говорят о занятиях вавилонским языком, о котором Сети не имеет ни малейшего представления. Он только понимает, что этот язык лучше всех усваивает третий товарищ Нахта, Инени, который собирается после окончания школы стать переводчиком при управлении внешними сношениями.

— Нет, я не собираюсь выбирать себе должность, для которой надо так много дополнительно учиться, как ты, Инени, или как Нахт, который готов целыми ночами смотреть на небо, а все свободное время рисовать всякие звезды и высчитывать их движение! — беспечно говорит Гори. — Я учу ровно столько, сколько требует учитель. А потом отец устроит меня писцом

в управление царскими виноградниками, и пойдет у меня спокойная и веселая жизнь!

— Вина вволю, а больше ничего и не надо? — насмешливо спрашивает Нахт. — Ну, а я как раз ни за что не хочу стать писцом какого-нибудь управления, как мой отец или отец Гори. Я хочу узнавать все больше и больше, хочу находить все новые звезды на небе, новые пути на земле, новые рудники под землей!

— Согласен, Нахт, я тоже хотел бы этого, — говорит Птахмес.

Сети задумывается: а кем он хочет быть? Но прежде чем он успевает что-нибудь придумать, они уже подходят к воротам храма.

Предупрежденные привратники пропускают их.

Вот они на огромном дворе, со всех сторон обнесеном колоннадами. Юноши идут направо, проходят по боковой колоннаде и, войдя в небольшую дверь, начинают подниматься по каменным ступеням лестницы.

Сети немного робеет и старается держаться поближе к Нахту. Какая длинная лестница! Сети громко дышит, карабкаясь по крутым ступеням, и думает только о том, чтобы не запнуться и не упасть.

Внезапно лестница кончается, и они оказываются на крыше храма. То, что Сети видит перед собой, глупо поражает его.

Далеко внизу лежит город, который кажется ему сейчас таким необычным, незнакомым. Он сначала совсем не может разобраться в лабиринте улиц и крыш, к тому же еще плохо различаемых в последнем отблеске почти угасшей зари.

Но вот исчезает и этот отблеск, и сразу же город тонет во мраке.

Сети поднимает голову. Небо уже совсем черное и все усеяно звездами. Когда же они появились? Как их много и какие они разные — большие и маленькие, очень яркие и чуть мерцающие! Знает ли кто-нибудь, сколько их?

Сети поворачивается к Нахту и тихо зовет его, а когда Нахт подходит, так же тихо спрашивает:

— Ты знаешь, сколько всего звезд на небе?

Нахт улыбается:

— Нет, не знаю, маленький, и никто этого не знает, потому что сосчитать их невозможно.

— А какие звезды ты знаешь? Где Нога Быка?

— А вон она! Видишь эти четыре большие звезды, а от них вправо еще три? Вот это и есть Нога Быка.

— Вот так, да? — Сети водит пальцем от звезды к звезде. — Вижу!.. Как интересно! Покажи еще что-нибудь.

— А вот посмотри сюда. Опять семь звезд, видишь? Только они ближе друг к другу, чем в Ноге Быка. Это Бегемотиха. А за ней — Крокодил.

Нахт показывает Сети самые заметные звезды и невольно увлекается, рассказывая о них.

Внезапно в темноте загорается небольшой огонек светильника, второй, третий. Это Птахмес зажигает их, приготавливая все нужное для занятий.

Сети оборачивается на свет и рядом с Птахмесом видит стоящий на высокой подставке странный сосуд — круглый, но суживающийся книзу.

Несмотря на слабое пламя светильника, Сети все-таки замечает, что стенки сосуда покрыты иероглифами. Он подходит ближе и слышит легкое журчание, как будто откуда-то льется тонкая струя воды. Сети вглядывается: действительно, снизу из сосуда вытекает вода, падая в особую чашу.

— Нахт, что это такое? Почему льется вода? Что, в нем дырка?

— Нет, это отверстие сделано нарочно, — отвечает Нахт. — Это часы.

— Как — часы?

— Очень просто, водяные часы. Ты ведь умеешь узнавать время днем по солнечным часам? Но ночью-то солнца нет. Значит, и солнечные часы уже не годятся для ночи. Вот поэтому и были придуманы другие часы, водяные. Подойди к ним и загляни внутрь.

Сети заглядывает в сосуд. На его внутренней стенке вырезаны какие-то точки. Нахт объясняет мальчику, что вода вытекает из сосуда постепенно, а точки сделаны на тех местах, где оказывается уровень воды через каждый час. Таким образом, заглянув в сосуд

и посмотрев на точки, всегда можно сразу же узнать, который час.

— А почему сосуд не ровный, почему он книзу суживается? — спрашивает Сети.

— Потому что если он был бы ровный, то чем меньше в нем оставалось бы воды, тем медленнее бы она вытекала, и тогда нельзя было бы узнать правильное время. Вот уже около четырехсот лет, как один человек, по имени Аменемхет, изобрел такие часы, и с тех пор ими пользуются во всем Египте.

К Нахту подходит Птахмес и, протягивая ему какие-то вещи, говорит:

— Вот тебе отвес и дощечка, Нахт! Давай выберем себе места, пока еще не пришли жрецы и учитель.

— Хорошо, — отвечает Нахт и берет у Птахмеса принесенные им предметы.

— Что это такое? — спрашивает Сети.

— Сейчас увидишь. Иди за нами и смотри!

Нахт и Птахмес смотрят на небо, о чем-то советуются и наконец садятся друг против друга.

— Мы должны сидеть с Птахмесом так, чтобы от моего глаза через его голову шла как будто прямая линия к Бегемотихе. Понимаешь, Сети? — объясняет Нахт брату, продолжая вглядываться в звезды.

Сети садится рядом с Нахтом. Тот держит в одной руке расщепленную дощечку, а в другой палочку, к концу которой нитью привязано грузило. Это и есть отвес. Нахт смотрит в щелчку дощечки. Он держит отвес так, что через щелочку можно видеть нить этого отвеса, нить такого же отвеса, что держит Птахмес, и крайнюю звезду Бегемотихи¹.

— Подвинься немного вправо, Птахмес, — говорит Нахт. — Вот хорошо. Теперь я знаю, что за тобой — север, а за мною — юг. Тут и будем потом сидеть. Положим здесь наши отвесы и поставим светильники. Тогда мы сразу же найдем наши места, когда придет учитель.

— Хорошо. А вот, кажется, он уже идет!

Юноши быстро оборачиваются и склоняются в по-

¹ Созвездие Бегемотихи называется теперь созвездием Малой Медведицы; ее крайняя звезда — Полярная звезда.

клоне. Сети прячется в самый темный угол и тоже низко кланяется.

Когда он поднимает голову, то видит, что на крышу вошли несколько человек. Здесь и учитель Нахта — Райя, высокий, худощавый писец лет пятидесяти, и его помощник Неферхотеп, и группа жрецов. К своей большой радости, Сети замечает и знакомую фигуру старого Ани.

Из своего уголка Сети видит, как садятся Нахт и Птахмес, а недалеко от них — Инени и Гори, как учитель Райя и Неферхотеп проверяют, правильно ли они сидят; мальчик видит, как молча, такими же парами рассаживаются жрецы.

Один только Ани не садится; он подходит к широкой каменной ограде, окружающей крышу, и, опираясь на нее, устремляет взгляд в небо.

Все тихо. Изредка то Нахт, то Инени что-то пишут на лежащих около них свитках, и опять тишина.

Сети становится скучно. Он тихонько выходит из своего уголка и крадется вдоль ограды к южной стороне крыши, подальше от взрослых, чтобы им не помешать.

Облокотившись на ограду и подперев голову руками, он долго смотрит вдаль. Красота ночи охватывает его, он с наслаждением вдыхает прохладный воздух и смотрит то на яркие звезды, то в глубокую темноту внизу.

Но вот на его плечо мягко опускается рука, и тихий голос старого Ани произносит над его головой:

— Ты пришел сюда с братом, сын мой? Это похвально. Хорошо привыкать к звездам с юности!

Сети даже не успевает испугаться — так бережно и ласково говорит с ним старый писец, так приятно чувствовать на плече его сухую, но теплую и дружескую руку.

Они оба некоторое время молчат, потом Ани протягивает руку вперед и спрашивает:

— Знаешь ли ты, сын мой, что находится там, впереди нас?

Маленький Сети соображает, что старик указывает на юг, и говорит:

— Там почти весь Египет, господин, там и Он, и Абджу¹, и Уасет, а совсем далеко — Нубия.

— Хорошо, сын мой. А теперь идем сюда.

Старик, слегка опираясь на плечо Сети, ведет его к западной стороне крыши и, снова протягивая руку вперед, спрашивает:

— А что находится там?

После первого удачного ответа Сети уже уверен, что он правильно разбирается в окружающем пространстве, и поэтому он отвечает, не колеблясь:

— Там Меннефер, господин, там великие пирамиды.

— Так, правильно. Пойдем дальше!

Сети уже сам идет теперь к северной ограде крыши и, не дожидаясь вопроса Ани, говорит:

— А там болота и Великое Зеленое море.

Старый писец долго стоит молча и потом задумчиво говорит:

— Обширна и богата наша страна! Обильна она и хлебом, и плодами, и скотом. Не сосчитать ни рыб в Ниле, ни птиц в его зарослях, ни газелей и антилоп в пустыне. Велики и сокровища наших гор — прекрасные камни, золото, всякая руда. Искусен наш народ — далеко славятся наши ткани, стекло, папирус и иные изделия...

Старик замолчал, потом продолжал совсем тихо:

— Но как же ты беден, как же ты обездолен, народ мой! Непосильны тяготы твои, невыносимы твои страдания. На твоей плодороднейшей земле тебя мучает голод, и вместо радости от изобилия ее плодов ты не осушаешь слез...

Старый писец, по-видимому, совсем позабыл о мальчике, на плечо которого он все еще опирается.

А мальчик жадно, всем своим существом вслушивается в горькие слова старика, так неожиданно повторяющие его собственные мысли, на которые он так и не нашел ответа.

А что, если Ани сможет ему ответить? Ведь он самый ученый и умный! Спросить его?

Сети решительно поднимает голову и негромко произносит:

¹ Города Гелиополь и Абидос.

— А как сделать, чтобы никто не страдал, господин?

Ани с удивлением опускает взгляд и видит устремленные на него блестящие черные глаза. Эти глаза смотрят с такой надеждой и с таким глубоким чувством, что старый писец сразу понимает, как сильно взволнован мальчик.

— А почему ты меня об этом спрашиваешь, сын мой? — говорит Ани. — Что ты знаешь о жизни народа?

Сети начинает говорить, может быть, не слишком связно, но зато очень горячо. Услышанные им слова старого писца, доброта его глаз, весь его облик вызывают у мальчика такое доверие, что он рассказывает обо всем: о Месе и о старом воине, о семье Меса, о носильщиках зерна, о Маи и об осиротевшей семье рыбака, о пекаре и о дорогом зерне, которого нельзя купить бедняку, о жестоких сборщиках податей, о недоступных начальниках, о продажных судьях и, наконец, даже о маленьком рабе.

Но, рассказав, как они отвезли его к рыбакам, Сети запинается, потом совсем останавливается и вопросительно смотрит на старого писца.

— Продолжай, сын мой, — ласково говорит тот.

Но Сети молчит, и Ани, понимая, что именно мешает мальчику говорить, приходит ему на помощь:

— Ты не должен бояться рассказывать мне, сын мой. Ты и твои друзья поступили хорошо.

— Но мы ведь помогли ему убежать! — робко говорит Сети.

— Я слышал, сын мой, и говорю тебе, что вы сделали хорошее дело, ибо и он человек.

Сети, не веря своим ушам, смотрит на Ани широко раскрытыми глазами. Тогда старый писец берет его за руку и ведет к восточной ограде крыши:

— Иди сюда, сын мой. Там, за Нилом, как ты знаешь, близко граница. И вон там-то, за пределами Египта, в пустынях и горах Ретену, четыре тяжелых, мучительных года я был рабом...

Сети замирает и ничего не решается спрашивать. Но старик продолжает сам:

— Я был тогда молод и был писцом в войсках

фараона Сети-Менмара, отца нашего фараона Рамсеса. Меня ранили, и я попал в плен к кочевникам. И вот когда я сам оказался рабом, я и понял, сын мой, что и раб — человек! Годы рабства многому научили меня, и о многом я стал думать иначе, чем думал прежде. Мне посчастливилось, и я бежал. Не буду рассказывать тебе, как все это было. Вспомни о Синухете¹, и ты поймешь, что я тогда испытал. Я тоже чуть не умер от жажды в пустыне, воистину «я задышался, мое горло пылало, и я сказал: это вкус смерти!»². Но я все-таки спасся и с тех пор никогда не забываю того, что передумал в те годы. Вот теперь ты поймешь, почему я говорю, что вы поступили хорошо. Продолжай же, сын мой, и расскажи мне все, что с тобой было и о чем ты сейчас думаешь.

Да, теперь Сети ничего не боится и откровенно делится со стариком своими думами.

Кончат он тем же вопросом, которым и началась их беседа.

— Я не знаю, сын мой, как сделать, чтобы никто не страдал, — медленно отвечает старик. — Не знаю, ибо вижу, что те, кто правит народом, думают о себе и своем богатстве, а сам народ не имеет сил свергнуть их власть. Не раз пытался он добиться лучшей доли. Я читал описания грозных восстаний³, но пока не удавалось еще народу стать хозяином своей судьбы. И как сделать, чтобы удалось, не знаю...

Наступает долгое молчание. Наконец Сети прерывает его:

— Что же делать, господин? Как лучше жить? Вот учитель Шедсу твердит нам, что мы должны сделаться писцами, потому что писцы всеми управляют и им хорошо живется. Но ведь выходит, что писцы всех притесняют? Тогда я не хочу быть писцом. А ведь меня заставят. Как быть? Может, не надо учиться?

Старый Ани опять кладет руку на голову Сети:

— Слушай меня внимательно, сын мой, и поста-

¹ Главный герой египетской «Повести о Синухете», см. перевод на с. 101. По ходу повести Синухет чуть не гибнет во время бегства через пустыню.

² Слова Синухета.

³ См. перевод из «Жалоб Ипувера» на с. 108.

райся понять, хотя ты еще и мал. Неправильно было бы тебе отказаться от знаний. Но и пользоваться ими только для того, чтобы получить выгодную должность и богатеть, притесняя других, — великое преступление. Учись же, сын мой, но не забывай никогда того, о чем ты впервые задумался сегодня. Помни, что каждый, кто окажется в тяжелой нужде и придет к тебе за помощью, — такой же человек, как и ты. И если в твоей власти облегчить ему жизнь — сделай это. Всегда поступай справедливо, будь неподкупен! Освободи другого, когда ты находишь его связанным! Будь защитником угнетенному! Если придет к тебе бедняк — помоги ему. А если ты будешь обладать даром писания — передай свои мысли другим! Ты ведь сам знаешь, что имена людей, которые учат других добру, не забываются никогда. Мудрая речь лучше, чем драгоценный зеленый камень, а ведь ее находят и у рабынь, мелющих зерно. Будь же справедлив и честен, сын мой, помни о страданиях народа и учи других поступать так же! И хотя я не знаю, когда прекратятся тяготы людей, но все-таки знаю твердо, что настанет такое время, когда люди не позволят больше мучить людей!

Сети с восторгом смотрит на вдохновенное лицо старого писца. Глаза Ани, устремленные вдаль, горят ярким блеском, его рука твердо опирается на посох.

И Сети крепко прижимается к этой руке.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Сказки и рассказы, которые напечатаны в приложении к повести «День египетского мальчика», — это переводы настоящих древнеегипетских сказок и рассказов. Все они были много сотен лет назад написаны в Египте — на папирусах, глиняных черепках, обломках камня. Археологи находили эти рукописи во время раскопок, часто совсем неожиданно.

Из года в год на западном берегу Нила, в горах, недалеко от знаменитой столицы Древнего Египта — города Фив, велась раскопки. Здесь в пустынных скалах, почти лишенных растительности, было обнаружено много гробниц, вырубленных в камне более трех тысяч лет назад. Среди этих гробниц нашли одну, которая принадлежала египтянину, архитектору Сенноджему, жившему в XIV веке до нашей эры, то есть почти три с половиной тысячи лет назад. Гробница была украшена прекрасными росписями: археологи увидели на стенах написанные яркими красками портреты самого Сенноджема и его жены. В гробнице было найдено много разнообразных вещей: кресла, сосуды, целый набор инструментов архитектора — отвесы, линейки, меры длины.

Но самой интересной находкой оказался большой кусок известняка, в метр длиной и в двадцать два сантиметра шириной, покрытый какой-то египетской надписью. Каково же было удивление археологов, когда оказалось, что это отрывок из древнеегипетской повести о приключениях египтянина Синухета!

В другой гробнице нашли небольшой деревянный ящичек. На его крышке был нарисован черный шакал. Ящик открыли и увидели в нем много папирусов. Но когда ученые попробовали их развернуть, то оказалось, что папирусы от времени стали такими хрупкими, что при прикосновении почти рассыпались в пыль. Поэтому над папирусами пришлось долго работать, пока

удалось их закрепить, развернуть и прочесть. Среди найденных здесь папирусов были две повести — «Речи красноречивого земледельца» и уже знакомые намключения Синухета.

Еще до этих находок ученым были известны некоторые рукописи с литературными произведениями древних египтян. Постепенно стали появляться новые.

Иногда людям, путешествовавшим по Египту, удавалось случайно купить интересный папирус у торговцев древностями. Так был куплен папирус, на котором тоже была написана «Повесть о Синухете». Этот папирус теперь хранится в Москве, в Государственном музее изобразительных искусств имени А. С. Пушкина. Случалось, что ученые находили в архивах музеев неизвестно когда и кем купленные папирусы. В Эрмитаже, в С.-Петербурге, обнаружен папирус с интереснейшей «Сказкой о потерпевшем кораблекрушение».

Но до нас дошло лишь немного из того, что когда-то было создано египетским народом. Много папирусов погибло, часть еще не найдена, а сказки, высмеивающие фараонов, вельмож и жрецов, вообще не могли быть записаны в те времена и передавались устно. Но и те папирусы, которые мы можем теперь прочитать, говорят нам о высокой культуре египтян, о богатстве их литературы. В этом приложении вы можете прочесть некоторые египетские сказки и повести — те самые, которые читали и переписывали в школах египетские мальчики, как об этом и рассказано в книге.

СКАЗКА О ПОТЕРПЕВШЕМ КОРАБЛЕКРУШЕНИИ

Сказал дружинник верный:

— Пусть успокоится твое сердце, мой князь! Вот мы достигли родины. Воздают хвалы, благодарят бога, все люди обнимают друг друга.

Наш отряд пришел целым, нет убыли в нашем войске. Вот мы пришли в мире и достигли нашей страны.

Выслушай же меня, мой князь! Я расскажу тебе нечто подобное, случившееся со мною самим. Раз я отправился к руднику царя. Я спустился к морю в ко-

рабле ста двадцати локтей длиной и сорока шириной. Было на нем сто двадцать матросов из отборнейших Египта: выдали они небо, выдали землю, и храбры были их сердца более, чем у львов. Они предсказывали ветер, пока он еще не выйдет, и бурю, пока она еще не случится.

Но ветер вышел, когда еще мы были в море, прежде чем мы коснулись земли. Поднялся вихрь, он повторился, и в нем была волна восьми локтей.

Вот бревно! Я схватил его. Корабль погиб, и из бывших на нем не осталось никого.

Я был выброшен морской волной на остров. Я провёл на нем три дня в одиночестве, и только мое сердце было моим товарищем.

Я заснул под сенью дерева. Затем я отправился поискать себе пищи.

Я нашел там смоквы и виноград, всякий прекрасный чеснок, плоды кау там и плоды некут, огурцы какие только бывают, рыбы там и птицы, и нет ничего такого, чего бы на нем не было.

Я насытился и положил еще на землю, ибо слишком много было на моих руках. Я добыл огниво, сделал огонь, сотворил жертву богам. Я услышал громкий голос и подумал, что это морская волна. Деревья закачались, земля затряслась. Я открыл свое лицо и увидел, что это шел змей. Он был тридцати локтей, а его борода — больше двух локтей. Его тело было украшено золотом, а брови — из настоящего лазурита.

Он обратился ко мне, в то время как я лежал на животе перед ним. Он сказал мне:

«Кто тебя принес, кто тебя принес, малый, кто тебя принес? Если ты будешь медлить, говоря мне, кто тебя принес на этот остров, то я дам тебе почувствовать, кто ты такой: ты превратишься в пепел и станешь как нечто невидимое. Ты говоришь мне, но я не слышу этого, и хотя я перед тобою, я не понимаю!»

Он взял меня в рот, отнес меня к месту своего отдыха, положил меня, не повредив мне, я был цел, не было ничего отнято от меня.

И он обратился ко мне, а я лежал на животе перед ним. И он сказал мне:

«Кто тебя принес, кто тебя принес, малый, кто тебя принес на этот морской остров, берега которого в волнах?»

Я ответил ему так, а мои руки были протянуты перед ним. Я сказал ему:

«Я спустился к руднику, как посол царя, в корабле ста двадцати локтей длиной и сорока локтей шириной, и было сто двадцать матросов в нем из отборнейших Египта. Они предсказывали ветер, пока он еще не выйдет, и бурю, пока она еще не случится. Сердце каждого из них было храбрее и рука была сильнее, чем у другого, и не было глупца среди них. Но ветер вышел, пока мы еще были в море, прежде чем мы коснулись земли. Поднялся вихрь, он повторился, и в нем была волна восьми локтей.

Вот бревно! Я схватил его. Корабль погиб, и из бывших на нем не осталось никого, кроме меня. И вот я — рядом с тобой: я был заброшен морской волной на этот остров».

Он сказал мне:

«Не бойся, не бойся, малый, не пугайся! Ты достиг меня, вот бог дал тебе жизнь, он принес тебя на этот остров Духа, где нет ни в чем недостатка, ибо он полон всяких прекрасных вещей. И вот ты проведешь месяц за месяцем, пока окончишь четыре месяца внутри этого острова. И придет корабль из столицы с матросами на нем, которых ты знаешь, и ты отправишься с ними в столицу... Если ты силен, то укрепи свое сердце, и ты обнимешь своих детей, поцелуешь свою жену, увидишь свой дом, а это лучше всех вещей.

Ты достигнешь столицы и будешь в ней среди своих братьев!»

Я распростерся на животе и коснулся почвы перед ним. Я сказал ему:

«Я расскажу о твоей силе царю, я сделаю, что он узнает твоё величие... Тебя прославят в столице перед лицом совета всей страны. Я тебе зарежу быков как жертву, я тебе заколю птиц! Я велю привести к тебе лады, нагруженные всем прекраснейшим Египта!»

Он мне сказал:

«После того как ты удалишься от этого места, ты

никогда не увидишь этого острова, ибо он превратится в волны».

И пришел корабль, как он предсказал раньше. Я отправился, влез на высокое дерево и узнал находившихся в нем. И я отправился, чтобы известить об этом змея, и он уже знал это.

Он мне сказал:

«Возвращайся здоровым, возвращайся здоровым, малый, к твоему дому, да увидишь ты своих детей, да сделаешь мое имя славным в твоём городе! Вот мое пожелание тебе!»

Я упал на живот и согнул перед ним свои руки. Он дал мне дары. И я нагрузил их на этот корабль.

И вот я распростерся на животе, чтобы поблагодарить его.

Он мне сказал:

«Вот ты достигнешь столицы через два месяца, и ты обнимешь своих детей!»

Я спустился на берег и позвал матросов, которые были на этом корабле. Я воздал на берегу хвалу господину этого острова, и те, которые находились со мной, сделали то же.

Мы поплыли к северу, к столице царя, и мы прибыли в столицу через два месяца — так, как он сказал.

И я вошел к царю, поднес ему дары, которые я привез с этого острова, и он поблагодарил меня перед лицом совета всей страны.

Я был сделан дружинником и награжден его людьми.

ВОЛШЕБНИК ДЕДИ

Краткое содержание предыдущей части папируса: Фараон Хуфу (Хеопс) скучает. Чтобы развлечь отца, его сыновья по очереди рассказывают ему занимательные истории про мудрецов и волшебников, живших во времена предков фараона.

Последним встает для такого рассказа царевич Хардедеф.

Встал царевич Хардедеф, чтобы рассказывать, и громко сказал:

— До сих пор ты слушал рассказы о том, что знали предки. Неизвестно, правда ли это. Но вот есть волшебник, живущий в твое собственное время!..

Его величество сказал:

— Кто он, Хардедеф, сын мой?

Царевич Хардедеф сказал:

— Это горожанин, по имени Деди, и живет он в Джед-Снофру. Это горожанин ста десяти лет от роду, и он съедает по пятисот хлебов и мяса бычьего бедра и выпивает десять кружек пива вплоть донныне. И он умеет снова приставить отрубленную голову, и он умеет заставить льва идти позади себя, причем его веревка лежит на земле...¹

Его величество сказал:

— Ты сам, Хардедеф, сын мой, приведи его ко мне!

Тогда приготовили ладьи для царевича Хардедефа, и он отправился вверх по Нилу, в Джед-Снофру. После того как ладьи пристали к дамбе, он отправился на берег и сел на носилки из эбенового дерева, украшенные золотом.

И после того как они дошли до Деди, опустили носилки, царевич встал, чтобы приветствовать Деди. Царевич нашел его лежащим на циновке на пороге дома, и один слуга держал его голову и натирал ее, а другой натирал ему ноги.

И царевич Хардедеф сказал:

— Привет, о почтенный! Я пришел сюда, чтобы позвать тебя, как посланник отца моего Хуфу.

И Деди сказал:

— В мире, в мире, царевич Хардедеф, возлюбленный своим отцом! Да хвалит тебя твой отец Хуфу! Да выдвинет он твое место среди старейшин! Да поборет твой дух твоих врагов!.. Привет, царевич!

Царевич Хардедеф протянул ему свои руки, поднял его и отправился к дамбе, дав ему свою руку.

И Деди сказал:

— Пусть дадут мне корабль, чтобы он привез мне моих детей и мои книги!

Ему доставили два корабля с командами, и Деди отправился вниз по Нилу в ладье, в которой был

¹ То есть лев покорно идет сзади волшебника, без привязи.

царевич Хардедеф. И после того как он достиг столицы, царевич Хардедеф вышел, чтобы сообщить об этом его величеству царю Хуфу.

Царевич Хардедеф сказал:

— О царь, господин мой! Я привел Деди.

И его величество сказал:

— Пойди и приведи его ко мне!

Его величество прошел в тронный зал дворца, и к нему привели Деди.

Его величество сказал:

— Как это, Деди, я тебя еще не видел?

И Деди сказал:

— Тот, кто позван, приходит. Царь позвал меня — и вот я пришел.

Его величество сказал:

— Правда ли, говорят, будто ты умеешь приставить отрубленную голову?

Деди сказал:

— Да, я умею, о царь, господин мой!

Его величество сказал:

— Пусть приведут ко мне узника, который в темнице, да исполнится его казнь!

Но Деди сказал:

— Не на человеке, о царь, господин мой! Вот не прикажут ли сделать нечто подобное на скоте?

И привели к нему гуся, и отрубили ему голову. И положили гуся в правую часть зала, а его голову — в левую часть зала.

И Деди произнес волшебные изречения. И вот гусь встал и заковылял, и голова также. И после того как один достиг другую, гусь встал и загоготал.

И он заставил принести себе утку и сделал подобное же.

(После этого Деди повторяет еще раз то же с быком, а затем показывает, как лев ходит за ним следом без привязи.)

ПОВЕСТЬ О СИНУХЕТЕ

Родовитый князь, судья, начальник владений царя в землях азиатов, действительно известный царю, любимый в его свите, Синухет говорит:

— Царь Верхнего и Нижнего Египта Аменемхет¹ восшел на небо, соединился с солнцем.

Столица была в безмолвии и сердца в печали; великие ворота были закрыты; придворные склонили головы на колени; народ был в стенаниях.

Войско же отослал его величество еще раньше в землю Тимхи, и его старший сын, Сенусерт², был во главе его. Он был послан, чтобы нанести удар. И он шел и вел пленных и всякого скота без счета.

Семеры³ же двора послали, чтобы дать знать царевичу о событиях, случившихся во дворце. Послы нашли его в пути, они его настигли к ночи. Он не медлил ни минуты, кобчиком полетел со своей свитой и не дал знать своему войску.

Но вот послали и к другим царским детям, бывшим позади него в этом же войске, и позвали одного из них. Вот я стоял и слышал его голос, пока он говорил, — я был недалеко⁴. Мое сердце смешалось, мои руки распростерлись, дрожь пала на все мои члены. Я удалился прыжками, чтобы найти место, где спрятаться. Я поместился между двумя кустами, чтобы оставить дорогу идущим по ней.

Я отправился к югу, но не собирался достигнуть столицы, ибо я думал, что будет смута, и не надеялся жить после этого.

Я переправился через озеро и пристал к острову Снофру. Я провел там время в открытом поле и отправился на рассвете, едва начался день.

Когда настало время ужинать, я достиг селения Гау. Я переправился в ладье без руля с помощью западного ветра и прошел к востоку. Я направился к северу и достиг Стены Князя, сделанной для сопротивления азиатам. Я пригнулся в кустах в страхе, что меня увидят стражники-часовые со стены. Я отпра-

¹ Фараон Аменемхет I, правил Египтом с 2000 по 1980 г. до н. э.

² Фараон Сенусерт I, правил Египтом с 1980 по 1960 г. до н. э.

³ Семеры — вельможи.

⁴ Когда младшему царевичу сообщили о смерти отца, он решил завладеть престолом. Снухет, случайно услышав о его намерении, решил, опасаясь за свою судьбу, бежать из Египта в Авию.

вился ночью. На меня напала жажда, она настигла меня, я задыхался, мое горло пылало, и я сказал: это вкус смерти!

Тогда я ободрил свое сердце и овладел собою. И я услышал голос мычащих стад и увидел азиатов. Вождь их, бывавший в Египте, узнал меня. Он дал мне воды, вскипятил мне молока; я отправился с ним к его племени, и они хорошо поступили со мной.

Я направился в Библ и проследовал до Кедема. Я провел там полтора года. И увел меня Амуэнши, князь Верхнего Ретену, и сказал мне:

«Тебе будет со мной хорошо, ты услышишь египетскую речь!»

Он мне это сказал, ибо он знал мои качества и слышал о моем разуме, потому что обо мне засвидетельствовали египтяне, бывшие там с ним. Он сказал мне:

«Останься со мной, и я хорошо поступлю с тобою».

Он поставил меня во главе своих детей и женил меня на своей старшей дочери. Он дал мне выбрать из отборнейшей его земли, которая у него была на его границе с другой страной.

Земля эта была прекрасна, ее имя было Иаа. В ней были смоквы и виноград, больше в ней вина, чем воды. Обилен ее мед, и многочисленны ее маслины и всякие плоды на ее деревьях. Там была пшеница и полба и не было предела различным стадам.

Он поставил меня начальником отборнейшего племени в стране. Мне доставляли хлебы и вино каждый день, вареное мясо и жареную рыбу. Доставляли мне множество вещей и всячески приготовленное молоко.

Я провел там много лет, и мои дети стали силачами, каждый из них — повелитель своего племени.

Посол, направлявшийся на север или на юг к столице, гостил у меня, ибо я оказывал гостеприимство всем. Я давал воду жаждавшему, ставил заблудившегося на дороге, спасал подвергавшегося нападению.

Любая страна, против которой я делал набег, бывала изгнана со своих пастбищ и колодцев; я угонял ее стада и уводил ее жителей, отнимал их пищу, убивал в ней ее людей — моей сильной рукой, моим лу-

ком, моими нашествиями, моими искусными замыслами.

Пришел однажды силач страны Ретену, вызвал он меня из моего шатра. Он был сильнейшим, не было подобного ему. Он сказал, что будет биться со мной, он думал победить меня, он замышлял увести мой стада, по совету своего племени.

В течение ночи я натянул свой лук, испытал свои стрелы, вынул свой кинжал и вычистил свое оружие. Когда рассвело, он пришел ко мне. И я стал рядом с ним.

Все сердца горели за меня. Женщины и мужчины кричали. Все сердца болели за меня, они говорили:

«Неужели есть другой силач, чтобы биться с ним?»

И вот его щит, его боевой топор, пучок его дротиков упали после того, как я избежал его оружия и дал его стрелам миновать меня. Когда их не осталось, он пошел на другого.

Он бросился на меня. Я выстрелил в него, и моя стрела застряла в его шее. Он завопил и упал ничком. Я его поразил его же собственным боевым топором и издал свой победный клич на его спине. Каждый азиат закричал, а его слуги оплакивали его. Князь Амуэнши обнял меня.

Я унес его вещи, угнал его скот. То, что он замышлял против меня, я сделал против него.

Я захватил то, что было в его шатре, опустошил его двор.

Обо мне сказали величеству царя Верхнего и Нижнего Египта Сенусерту, о положении, в котором я нахожусь. И вот его величество послал ко мне указ с подарками... Этот указ дошел до меня, когда я стоял посреди своего племени. Он был мне прочитан, и я упал на живот, коснулся почвы и провел ею по своим волосам. И я ходил кругом по двору, радуясь и говоря:

«Как же прекрасно это для твоего слуги, сердце которого увлекло его в чужую страну!..»

Мне было позволено провести день в стране Иаа для передачи моих вещей моим детям. Мой старший сын встал во главе моего племени, и все мое имущество

ство в его руке, и моя челядь, и мой скот, и мои плоды, и все мои плодовые деревья.

Я отправился на юг. Начальник, который был там во главе пограничников, послал посольство в столицу, чтобы дать знать.

Тогда я отправился и поплыл, пока не достиг города Иттауи¹. И когда рассвело и настало утро, пришли и позвали меня. Десять человек сопровождало меня ко дворцу.

Я коснулся лбом земли между сфинксами. Царские дети стояли в воротах, встречая меня, и семеры, допущенные в зал, указали мне путь к Залу Приемов.

Я нашел его величество на великом троне, и я распротерся на животе и не помнил себя перед ним. Этот бог обратился ко мне милостиво, а я был подобен человеку, которого схватили в темноте: моя душа ушла, мое тело дрожало, моего сердца не было в моем теле, и я не мог отличить жизнь от смерти.

Его величество сказал одному из семеров:

«Подними его, пусть он говорит мне».

Приказали привести царских детей, и его величество сказал царице:

«Вот Синухет пришел, подобный азиату!»

Она издала громкий крик, и царские дети вскрикнули вместе. Они сказали его величеству:

«Воистину это не он, о царь, владыка наш!»

И сказал его величество:

«Это действительно он!»

Годы были сброшены с моего тела, я был выбрит, мои волосы причесаны. Я вернул пыль пустыне и оделся в мягкую ткань и умастился прекрасным маслом, а ночью спал на кровати.

Мне был дан дом начальника, как подобает начальнику округа, каким владеет семер. Над ним трудилось много строителей, и вся деревянная отделка в нем была сделана заново.

Мне ежедневно приносили пищу из дворца, по три и даже по четыре раза, кроме того, что давали царские сыновья без промедления.

Мне построили каменную гробницу посреди гробниц.

¹ Столица Египта в XX—XVIII вв. до н. э.

Каменщики, которые строят гробницы, разметили ее основания; начальники живописцев ее расписали. Все вещи, которые ставятся в склеп, были исполнены для нее.

Для меня были назначены заупокойные жрецы и сделан мне погребальный сад и поля в нем пред моим городом, как делают для главного семера. Моя статуя была обложена золотом. Это его величество приказал ее сделать.

И я был в милостях у фараона, пока не пришел день погребения.

Закончено от начала до конца, как найдено написанным.

ИЗ «ПОУЧЕНИЯ АХТОЯ»

Начало поучений, сделанных человеком, по имени Ахтой, сын Дуау, его сыну, по имени Пепи, когда он плыл на юг к столице, чтобы отдать его в школу.

И он ему сказал:

— Обрати же твое сердце к книгам... Смотри, нет ничего выше книг!.. Если писец имеет должность в столице, то он не будет там нищим... О, если бы я мог заставить тебя полюбить книги больше, чем твою мать, если бы я мог показать перед тобой их красоты!

Это лучше всех других должностей. Когда писец еще ребенок, уже его приветствуют. Его посылают для исполнения поручений, и он не возвращается, чтобы надеть передник.

Я не видывал скульптора посланником или ювелира посланным, но я видел медника за его работой у топок его печи. Его пальцы были как кожа крокодила, и он пахнул хуже, чем рыба икра.

Каждый ремесленник, работающий резцом, устает больше, чем земледелец. Его поле — дерево, его орудие — металл. Ночью, когда он свободен, он работает больше, чем могут сделать его руки. И ночью он зажигает свет.

Каменотес ищет работу по всякому твердому камню; когда же он кончает, его руки падают, и он утом-

лен. И так он сидит до сумерек, и его колени и спина согнуты.

Брадобрей бреет до вечера... Он бродит с улицы на улицу, чтобы найти кого побрить; он напрягает свои руки, чтобы наполнить свой желудок, подобно пчелам, проедающим свои труды.

Я расскажу тебе еще о строителе стен. Он постоянно болен, так как предоставлен ветрам... Все одежды его — лохмотья... моется он только один раз... а хлеб он отдает домой; избиты, избиты его дети...

У земледельца вечная одежда... Устает он... и спокойно ему так, как спокойно кому-нибудь под львом. Он постоянно болеет...

Ткач — внутри дома... его ноги — на его желудке¹. Он не дышит воздухом. Если он за день не работает достаточно тканья, он связан, как лотос на болоте. Он дает хлеб привратнику, чтобы он мог увидеть свет...

Когда посланец уходит в чужую страну, он завещает свое имущество своим детям из-за страха перед львами и азиатами. И если он вернулся в Египет, едва он достиг сада, едва он достиг своего дома вечером, как вновь ему надо идти.

У красильщика пальцы издают зловоние, как от дохлой рыбы... его рука не останавливается.

Сандальщику совсем плохо, он всегда нищенствует. Ему так же спокойно, как спокойно кому-нибудь среди дохлых рыб... Он жует кожу².

Прачечник стирает на берегу рядом с крокодилом... Неспокойное это занятие... Ему говорят: «Если ты опоздаешь принести, будут избиты твои губы...»

Я расскажу тебе еще о рыбаке, ему достается хуже, чем во всякой другой должности. Смотри, разве он не работает на реке вперемешку с крокодилами?..

Смотри, нет должности, где не было бы начальника, кроме должности писца, ибо он сам — начальник.

Если кто знает книги, то ему говорится: «Это для тебя хорошо!» Не так с занятиями, которые я тебе по-

¹ То есть он сидит, поджав ноги.

² То есть он зубами тянет дратву.

казал... Не говорят писцу: «Поработай для этого человека!»

Полезен для тебя день в школе, работы в ней вечны, подобно горам.

ИЗ «ЖАЛОБ И ПУВЕРА»

Папирус содержит ценные сведения о восстании земледельцев, ремесленников и рабов

Прачечник отказывается нести свой груз... Охотники за птицами выстроились в ряды для битвы...

Вот бедняки стали владельцами прекрасных вещей.

Тот, кто не мог сделать себе сандалии, теперь владеет богатствами...

Вот богатые в горе, а бедняки радуются. Каждый город говорит: «Пойдем побьем наших знатных!..»

Вот золото и лазурит, серебро и малахит, сердолик и бронза украшают шеи рабынь, а знатные госпожи говорят: «О, если бы у нас было что поесть!»

Не различают сына знатного отца от человека, не имеющего такого. Вот дети князей побиты об стены...

Вот захвачены рукописи из суда...

Вот учреждения открыты и захвачены списки податей...

Вот чиновники убиты и захвачены их записи... Уничтожены записи писцов земледелия, и зерно Египта досталось всем.

Вот законы суда выброшены в сени, и люди ходят по ним на улицах, и бедняки рвут их в переулках...

Смотрите, делаются вещи, которые не случались никогда: царь захвачен бедняками. То, что скрывала пирамида, стало пустым.

Смотрите, страна лишена царской власти немногими людьми...

Вот кто не мог сделать себе саркофаг, стал владельцем гробницы...

Кто не мог построить себе клетушку, стал владельцем здания.

Смотрите, владевшие одеждами теперь в лох-

мотьях, а тот, кто не ткал для себя, теперь владеет тонкими тканями.

Смотрите, тот, кто не строил себе даже лодку, теперь владеет кораблем, а тот, кому они принадлежали раньше, смотрит на них, но они уже не его...

Смотрите, тот, кто ничего не имел, стал владельцем богатства, и князь его восхваляет.

Смотрите, бедняки страны стали богачами, а владелец имущества стал человеком неимущим...

Смотрите, кто не имел хлеба, теперь владелец амбара, и закрома его наполнены добром другого...

Смотрите, та, которая не имела коробки, теперь владеет сундуком, и та, которая смотрела на свое лицо в воду, теперь владеет зеркалом.

Смотрите, знатные госпожи бродят голодными, а мясники насыщаются тем, что они им раньше готовляли.

Смотрите, не имевший упряжки быков теперь владелец стада. Смотрите, не имевший зерна теперь владелец амбаров...

Царские закрома стали достоянием каждого, и весь дворец не получает податей.

ВОЕННАЯ ПЕСНЯ ИЗ НАДПИСИ ПОЛКОВОДЦА УНЫ

Это войско вернулось с удачей —
оно взрыло страну Хериуша¹.

Это войско вернулось с удачей —
оно разбило страну Хериуша.

Это войско вернулось с удачей —
оно повергло ее крепости.

Это войско вернулось с удачей —
оно срубило ее смоквы и лозы.

Это войско вернулось с удачей —
оно сожгло ее поселки.

Это войско вернулось с удачей —
оно там поразило десятки тысяч отрядов.

Это войско вернулось с удачей —
оно привело многие отряды в плен.

¹ Хериуша — буквально значит «находящиеся на песке». Египтяне называли так племена кочевников, живущих к северо-востоку от Египта.

РАБОЧИЕ ПЕСЕНКИ

1. Песенка пахарей

Торопись, погонщик,
Погоняй быков!
Погляди, князь стоит
И смотрит на нас!

2. Песенка молотильщиков

Молотите себе, молотите себе,
О быки, молотите себе!
Молотите себе на корм солому,
А зерно для ваших господ.
Не останавливайтесь,
Ведь сегодня прохладно.

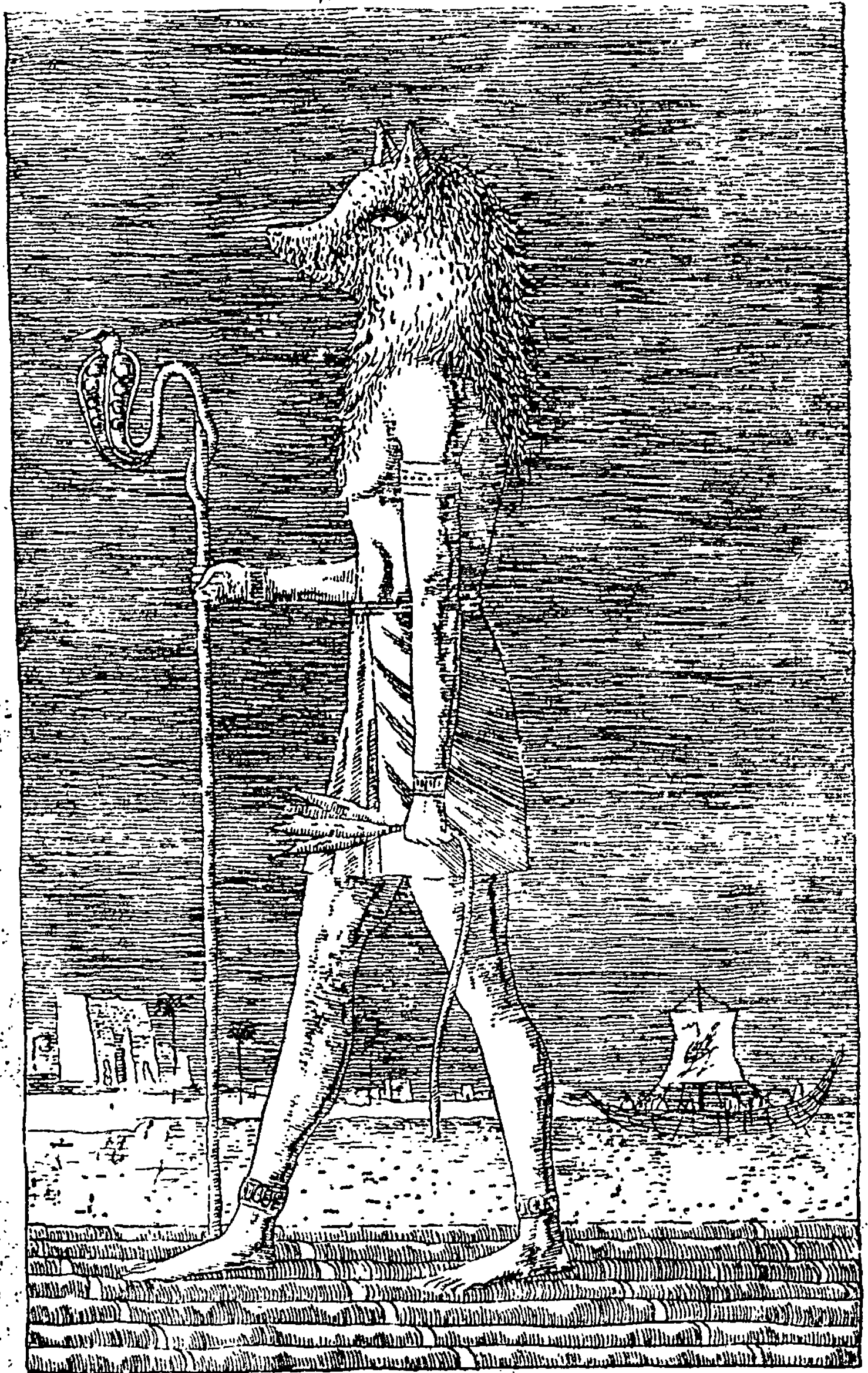
ИЗ «ГИМНА НИЛУ»

Слава тебе, Нил, выходящий из земли
И идущий оживить Египет!
Орошающий поля, сотворенный богом Ра,
Чтобы всех животных оживить.
Творящий ячмень, создающий полбу,
Делает он праздник в храмах.
Если он медлит, то прекращается дыхание
И все люди беднеют.
Когда же он восходит, земля в ликовании
И все живое в радости,
Зубы все начинают смеяться,
И каждый зуб обнажен.
Приносящий хлеба, обильный пищей,
Творящий все прекрасное!
Наполняющий амбары, расширяющий закрома,
Забогающийся об имуществе бедняков.
Радуетя тебе молодежь твоя и дети твои,
Спрашивают о состоянии твоём, как о фараоне.
Процветай же, процветай же,
О Нил, процветай же!

М. Матве

КАРИ, УЧЕНИК
ХУДОЖНИКА

Предисловие

Сильнее Уасет всех городов...

Не сражаются вблизи нее, велика ее сила.

Она — их владычица, более могучая, чем они.

Так воспевали древнеегипетские поэты самый большой и самый замечательный из городов Египта, его столицу Уасет, или Фивы, как называли его греки.

Вначале Фивы были небольшим городом, позже они сделали столицей. Особенно разросся город в XV—XIII вв. до н. э. Египетские фараоны в это время вели большие войны на севере, в Передней Азии, и на юге, в Нубии. Каждая война приносила огромную добычу и целые отряды пленных рабов. Цари тратили громадные средства на украшение своей столицы, и на правом берегу Нила раскинулся великолепный город.

Пишные дворцы и храмы, богатые дома знати превратили Фивы в самый большой и богатый из египетских городов. Слава о египетской столице распространилась далеко за пределы Египта, и даже в поэмах Гомера говорится о красоте и величии Фив.

На окраине Фив были маленькие домики и лачуги, где жили ремесленники. На западном берегу Нила, среди скалистых гор, раскинулся целый «город мертвых» — гробницы фиванцев, вырубленные в скалах. Рядом, в узкой долине — ученые называют ее «Долиной царей» — были расположены гробницы фараонов, неподалеку от них находились гробницы их жен и детей.

А в котловине среди скал находилось селение, где жили люди, которые строили этот «город мертвых». Это были каменотесы и строители, скульпторы и живописцы, искусные мастера, которые вырубали гробницы, расписывали их стены

замечательными росписями, создавали прекрасные статуи. Из камня, дерева, металла они изготовляли великолепные сосуды, мебель, украшения, наполнявшие гробницы фараонов, знатных и богатых египтян.

Здесь, среди этих мастеров, и жил герой нашей повести, ученик художника Хеви, мальчик Кари. События, о которых рассказывается в повести, происходили около трех тысяч лет назад, во время правления фараона Рамсеса III.

I. ВСТРЕЧА В ГОРАХ

— Кто это? Смотри, кто это?

— Этот? Не знаю, никогда его не видал... Он, наверное, оттуда, с берега, а может быть, даже из Города!¹

И вопрос и ответ произнесены шепотом. Две черно-волосые, коротко остриженные головы чуть выглядывают из-за уступа скалы. Настороженно смотрят черные глаза, сильные тонкие пальцы уцепились за камень.

Напротив, из расщелины между большими утесами, с трудом вылезает мальчик лет десяти-одиннадцати. Он спрыгивает на плоский камень и растерянно оглядывается. На его круглом лице разочарование, почти отчаяние.

— Опять то же самое — ни следа тропинки! — говорит он упавшим голосом.

Минуты две мальчик продолжает внимательно всматриваться в окружающие его со всех сторон горы, потом подходит к тени, падающей от одного из утесов, и молча садится, очень усталый и озабоченный.

Вокруг раскаленные зноем скалы — желтоватые, серые, коричневые, с острыми, круглыми или плоскими вершинами, с резкими, иссиня-черными пятнами теней, придающими им подчас фантастические очертания.

Воздух горяч и неподвижен. На небе ни облачка, и солнце беспощадно жжет прямыми лучами. Тишина такая, что порой звенит в ушах. Только изредка прощуршит ящерица да в вышине крикнет коршун.

Нигде ни кустика, ни травинки.

Душно и томительно. Особенно томительно потому,

¹ Городом египтяне называли столицу страны — Фивы.

что мальчик заблудился и не может выйти из этих бесконечных и точно заколдованных скал.

Пересохли губы, дрожат ноги; кажется, нет больше сил, чтобы встать и двинуться дальше. И он сидит, вернее, уже лежит, закрыв глаза.

Тогда две головы исчезают за уступом скалы; потом из-за него появляются два мальчика. Прячась за камнями, они начинают ловко и бесшумно приближаться к лежащему.

Мальчики почти голые, только их бедра обтянуты куском полотна. Худые, загорелые, коричневые тела сливаются со скалами, огрубелые подошвы легко ступают по раскаленным камням, глаза настороженно и с явным любопытством следят за незнакомцем.

Ближе, ближе... Вот уже они перед ним...

Внезапно лежащий мальчик приоткрывает глаза. С криком вскочив на ноги, он прижимается спиной к скале и впивается глазами в неизвестно откуда появившихся сверстников.

Напряженное молчание. Враги или помощь? Что будет — драка или дружба?

Первым решается заговорить пришелец:

— Кто вы такие? Откуда?

— А ты сам кто такой и откуда? — следует ответ.

Заблудившийся молчит, еще немного мнетя и наконец решается сказать всю правду:

— Я живу в Святилище¹. Меня зовут Тути. Мой отец садовник. Я давно хотел побывать в Долине царских гробниц, но мне никогда не разрешали этого сделать. А сегодня мне наконец удалось незаметно убежать... Сначала я шел по тропинке, а потом вдруг услышал пение и плач... спрятался в камнях, вижу, идет погребальное шествие, длинное, много людей: видно, кого-то важного хоронили... Я побоялся, что меня заметят, и отполз подальше, а потом уж и не смог снова выйти на тропинку — забыл, как от нее отошел! Лазал, лазал по горам и вот — добрался сюда...

¹ Святилищем на западном берегу Нила в Фивах сокращенно называли заупокойный храм фараона Рамсеса III, так как этот храм был самым грандиозным из построенных царями двадцатой династии.

— Это, должно быть, он все верно рассказал, — говорит один из мальчиков, следивших за пришельцем, обращаясь к своему товарищу. — Он наткнулся на похороны писца царской сокровищницы Небамона. Ну что ж, надо его выручать! Как ты считаешь, Паири?

— Конечно, — отвечает Паири.

— Вот спасибо! — облегченно выдыхая, сразу улыбается Тути. — А вы сами-то откуда?

— Мы из поселка «слушающих зов»¹. Меня зовут Кари, а его — Паири. Наши отцы — братья. Мой отец столяр, а его отец каменотес, — отвечает первый мальчик.

Тути слушает, широко открыв и без того большие черные глаза. Так вот кто его новые знакомые! Они из того самого таинственного поселка, где живут «слушающие зов» — люди, которые делают гробницы для фараонов, цариц и царских детей, те каменотесы, живописцы, скульпторы, ремесленники, которые вырубают ряды комнат в скалах, расписывают там стены прекрасными росписями, делают великолепные статуи. Мальчики из этого поселка! Так ведь они, конечно, всё знают здесь в горах, все кладбища — царей, цариц, знати, простых людей! Тути забывает и про усталость, и про голод.

— Вот это здорово! — восклицает он. — Значит, вы мне здесь всё покажете?!

— Что это значит — всё? — спрашивает Кари.

— Ну, царские гробницы, конечно! — нетерпеливо поясняет Тути.

Вместо ответа Паири тихо, но явно насмешливо свистит, а Кари откровенно хохочет:

— Ого, какой прыткий! Ты что же, думаешь, что туда так вот просто можно пройти. Да ведь там везде стража, а входы в гробницы крепко замурованы!

— Это я знаю, но вы-то, наверное, везде можете пробраться, вы ведь здесь свои?

— Ох, и ничего-то ты не соображаешь! Туда и близко никому нельзя сунуться, да и вообще, неизвест-

¹ «Слушающий зов» — слуга. Так, в частности, назывались работники царских кладбищ.

но, где и входы-то в гробницы царей! — пытается убедить мальчика Кари.

— Не может быть! — разочарованно говорит Тути. — Кто-нибудь должен знать, туда же ходят проверять, целы ли гробницы.

— Именно может быть! И только так и есть! — упрямо отвечает Кари.

— И никто не знает? И вы не знаете, так-таки ничего и не знаете? — с отчаянием в голосе спрашивает Тути.

Паири и Кари переглядываются и молчат. Кари начинает рассматривать трещину в скале, Паири отковыривает ногой небольшие куски камня, которые с легким стуком падают вниз. Тути жадно, с остатками надежды смотрит на своих новых знакомцев.

Наконец Кари поднимает голову.

— Ну конечно, кое-кто кое-что знает, — медленно говорит он, все еще смотря себе под ноги. — Жрецы, стража... ну, немножко и мы знаем... Только все это — страшная тайна! Если что-нибудь об этом рассказать — спрячут в тюрьму и казнят! Поэтому давай пока — ни слова... потом посмотрим, а теперь — ты ведь, наверное, хочешь пить да и поесть чего-нибудь? Идем к нам, тут недалеко!

Своим вопросом Кари ловко отвлекает внимание мальчика от неприятного разговора. Тути сразу чувствует опять, как он голоден, и охотно соглашается с предложением Кари.

Сначала мальчики некоторое время снова идут без какого-либо намека на дорогу, просто между камнями, причем Тути даже не понимает, каким образом его новые друзья знают, куда надо идти. То они перелезают через высокий уступ, то, наоборот, спускаются вниз, хотя нигде не видно ни следа тропинки и вообще все кругом кажется какими-то непроходимыми стенами.

Но маленькие обитатели поселка «слушающих зов» так уверенно переходят с утеса на утес, так спокойно пробираются через расщелины, что, несомненно, им здесь хорошо знаком каждый камень. И точно в подтверждение этого Кари, идущий впереди, спрыгивает вниз с очередного уступа скалы и, оборачиваясь, говорит: .

— Ну, теперь идти будет легче, вышли на тропинку!

Действительно, они на тропинке. Только здесь она гораздо уже и меньше заметна, чем та, по которой Тути начинал утром свой поход в горы. Надо внимательно следить, куда ведет тропинка, — горы здесь круче, часто приходится то залезать на большие камни, то перепрыгивать с уступа на уступ, и легко сбиться с пути.

Неожиданно на повороте Кари останавливается и предостерегающим жестом поднимает руку. Он делает два-три шага в сторону и опускается на колени. То же повторяет и Паири. Тути с удивлением смотрит на своих спутников.

Паири оборачивается и манит его к себе. Мальчик подходит. Паири рукой показывает, чтобы он тоже стал на колени.

— Зачем? — спрашивает Тути.

— Тсс... тише ты! — шепчет Паири и боязливо оглядывается.

Нет, ничего, все спокойно. Тогда он показывает вперед и снова шепчет:

— Поклонись Владычице Западной Вершины и попроси у нее удачи!

Мальчик покорно опускается на колени и тут только замечает впереди странное сооружение — что-то вроде сложенной из десятка небольших камней низенькой ограды с навесом. Посередине ограды поставлена маленькая каменная плита, на которой изображена змея кобра. Под изображением несколько строк иероглифов. Тути успевает прочесть:

О госпожа! Ты сделала, что я и днем вижу теперь только мрак! Я совершил грех против тебя, и ты покарала меня. Смилуйся же надо мной! Я всем расскажу о твоей силе. Пусть слышат все уши — остерегайтесь Вершины Запада! Поставил каменотес Пауах.

На земле перед этой плитой лежат завядшие цветы, куски засохшей лепешки, несколько фиников, горсть изюма, стоит пустая глиняная чашечка.

— О добрая госпожа, дай нам здоровье и удачу

во всем! — тихо говорит Кари, кланяясь изображению кобры.

Паири повторяет его слова и поклон. Тути тоже. Затем Кари встает и осторожно пятится от молельни, все время почтительно наклоняя голову; двое мальчиков делают то же самое, и, только очутившись опять на тропинке, Тути спрашивает:

— А что это такое там было?

— Молельня Владычицы Вершины Запада, ее поставил здесь каменотес Пауах, когда он ослеп. У нас в этих местах часто ставят такие маленькие молельни Вершине, — отвечает Кари.

— А почему он ослеп?

— Кто это знает? Он сам думает, что его наказала Владычица Западной Вершины.

— А почему он решил, что это именно она ослепила его? — спрашивает Тути.

— Потому что она здесь главная богиня! Под ее властью все горы, все кладбища и все люди, которые здесь живут. Она все знает и всех наказывает за дурные дела. У нас не один Пауах ослеп, есть и другие, — рассказывает Кари.

— И все они сделали что-нибудь очень скверное?

— Вероятно. Иначе зачем бы богиня стала их наказывать?

— А вот Неферабу говорит, что он ничего плохого не делал, — вмешивается Паири. — И никто про него ничего худого не знает!

— Ну, мало ли что... Может, все-таки что-нибудь сделал! «Она»-то ведь знает! — убежденно отвечает Кари.

— А как же живет сейчас Пауах? Ведь он больше не может работать каменотесом? — спрашивает Тути.

— Плетет корзинки, большие, из грубого тростника, для грузов. Такие можно научиться плести и ощупью, — отвечает Кари.

Кари, как и Паири, говорит все время тихо. Вообще они оба как-то присмирели, идут осторожно, иногда оглядываются по сторонам. Тути это замечает и хотя не понимает, в чем дело, но на всякий случай некоторое время тоже молчит. Однако потом, засмотревшись по сторонам, он забывает обо всем и неожиданно начинает что-то напевать. Паири и Кари сразу

же оборачиваются, и на их лицах написан такой явный страх, что Тути не только перестает петь, но просто застывает на месте.

— Ты с ума сошел, что ли? Разве можно тут петь?! — почти шипит Паири.

— А почему нельзя? — невольно тоже переходит на шепот Тути.

— Так ведь мы недалеко от «ее» горы, вон она! — Паири показывает на самую высокую гору, которая давно была видна, но к которой теперь мальчики действительно подошли довольно близко.

Теперь Тути понимает, в чем дело. Как это он сразу не сообразил! Ведь с самого раннего детства он слышал рассказы об этой горе — самой высокой из всех гор, окружающих с запада столицу Египта — город Фивы. Вдоль всего берега Нила тянутся здесь эти хребты, и над всеми ними господствует одна — Вершина Запада. А там, на этой горе, живет могучая богиня — Владычица Западной Вершины, грозная кобра, хозяйка всех скал и пещер. Да, здесь, поблизости от нее, надо вести себя тихо!

Паири видит по лицу Тути, что тот все понял, и поэтому ограничивается только одним вопросом:

— Ты, верно, забыл, как ее зовут? Ведь недаром ее имя Мерит-сегер!

Да, богиню зовут Мерит-сегер, а это значит «любящая молчание». А он-то еще собирался петь в ее владениях, вот уж наделал бы беды! И Тути опускает голову.

— Ну, то-то, — удовлетворенно шепчет Паири и продолжает путь.

Постепенно они удаляются от страшной горы, но все же то один, то другой нет-нет да и оглянется на нее. А она все время видна, куда бы они ни завернули! Ну, все-таки, может быть, богиня не слыхала, как напевал свою песню Тути? Так думает мальчик, так думают и его товарищи.

II. ПОСЕЛОК «СЛУШАЮЩИХ ЗОВ»

Тропинка по-прежнему вьется между скалами. Кажется, что ей не будет конца и что впереди так ничего и нет.

Тути опять начинает чувствовать голод и усталость, боль в ногах, сухость губ, но все же старается не отставать от Кари и Паири.

Все дальше, все выше. И совсем неожиданно, обогнув очередной острый угол высокой скалы, Тути видит перед собой необычную картину.

Перед ним среди гор — узкая, довольно глубокая долина, а на дне лежит окруженный стеной поселок. Сверху хорошо видны плоские кровли домов, тесно пристроенных один к другому, большая главная улица идет вдоль всего поселка и делит его на две части, от нее кое-где отходят узенькие переулки.

В поселке нет садов, вокруг не расстилаются поля. Со всех сторон к нему подступают высокие скалы, точно охватившие непреодолимой грозной оградой это одинокое, отрезанное от всего живого странное селение.

Мальчики стоят молча, переводя дыхание после быстрой ходьбы. Как здесь тихо: никого не видно, не слышно голосов людей, криков животных. Все пусто, словно и здесь все выжжено солнцем.

— Ну, вот и пришли. Это и есть наш поселок, — говорит наконец Кари. — Идем туда, ты у нас поешь и отдохнешь, хорошо? А потом я провожу тебя в Святилище.

Тути с удовольствием соглашается, и мальчики начинают спускаться вниз.

Недалеко от входа в поселок расположен сторожевой пост. Тут же врыт в землю огромный глиняный сосуд, полный воды.

Дежурный стражник не обращает никакого внимания на мальчиков. Они проходят мимо поста и входят в ворота поселка. Отсюда сразу же начинается та главная улица, которую Тути заметил еще сверху. Вдоль нее направо и налево тянутся фасады домов, плотно пристроенных друг к другу. На их побеленных стенах резко выделяются расписанные яркими красками притолоки и косяки дверей. Изредка, в особом углублении, устроенном около того или другого дома, поставлен большой двуручный сосуд с водой, нижняя часть которого врыта в землю, вернее, врублена в камень долины, в которой лежит поселок.

Тути заглядывает в один из таких сосудов и видит, что он еще полон воды.

— Сюда наливают воду, ее каждый день по несколько раз привозят на ослах, — объясняет Паири. — У нас здесь нет колодцев, и воду развозят по домам, а потом наполняют и эти сосуды, и тот, который ты видел у сторожевого поста. Из того берут воду стражники, а из этих — все, у кого дома кончается ее запас.

— Все продукты и одежду нам тоже привозят, — добавляет Кари. — Наши отцы и братья получают за работу паек из управления везира¹.

— Да, только не всегда вовремя, — вздыхает Паири.

Они идут дальше. Около маленького переулочка Кари останавливается и, показывая на дом, построенный на углу этого переулочка, говорит:

— Вот мы и пришли, это наш дом, входите!

— Нет, спасибо, — говорит Паири, — я пойду к себе, меня, наверно, уже ждут. Прощай, Тути, приходи к нам еще! — И Паири убегает, прежде чем Тути успевает, в свою очередь, пригласить его к себе.

Кари толкает дверь. Им приходится спуститься по трем ступенькам вниз, и они оказываются в первой комнате дома.

Она очень невелика, и в ней почти нет никакой мебели. Левую стену целиком занимает большой высокий кирпичный жертвенник, расписанный фигурами богов и цветочными гирляндами. В другой стене устроены ниши, в которых поставлены статуэтки богов или большие глиняные бюсты предков. Перед такими нишами на полу стоят маленькие глиняные жертвенники, в них лежат скромные дары — хлебцы, плоды. В комнате никого нет, но откуда-то слышатся голоса.

— Идем дальше, — говорит Кари, и они входят в следующую комнату.

Она больше и выше первой, посередине стоит тонкая деревянная колонна, поддерживающая потолок. У противоположной стены устроено место для гостей — невысокая приступка из кирпича, покрытая циновками. У других стен стоят низенькие столики

¹ Везир — главный сановник государства.

и табуреты. В комнате очень чисто, везде постелены циновки.

— Кто там? — слышится женский голос, и из боковой двери выходит среднего роста женщина с приятным добрым лицом.

— Это моя мама, ее зовут Неши. — Кари подбегает к матери и тащит за собой Тути. — Мама, это Тути из Святилища. Он заблудился в горах, и я привел его к нам.

Тути вежливо кланяется, а мать Кари ласково кладет ему руку на голову.

— Здравствуй, Тути, — говорит она. — Кари хорошо сделал, что привел тебя. Подите умойтесь, мальчики, а я приготовлю вам поесть. Ведь вы, наверное, совсем голодные?

— Ох, мама, правда, совсем! Я как раз собирался просить тебя, чтобы ты нас покормила, — говорит Кари. — Идем, Тути!

Кари ведет своего гостя в следующую комнату. Это небольшое помещение, где стоит кровать, а в углу Тути видит аккуратно сложенные красивые плетеные корзинки.

Дальше они попадают в крохотный дворик, который одновременно служит и кухней — здесь устроена печь для лепешек, стоят жаровни и каменная зерно-терка, а в углу — большой сосуд с водой. Тут мальчики и умываются, поливая друг другу.

И вот они оба, освеженные мытьем, сидят и с удовольствием уплетают скромное угощение, которое подала им Неши, — ячменные лепешки, лук, растительное масло, козий сыр, финики, легкое кисловатое вино.

Сама Неши не ест, а стоит рядом и угощает мальчиков, убеждая Тути не стесняться и хорошенько поесть. Собственно говоря, Тути не очень нуждается в таких уговорах: он чувствует себя как-то легко и свободно в доме Кари.

Ему очень хочется узнать, где отец Кари, есть ли у Кари еще братья и сестры, но так как в присутствии взрослых младшим не полагается начинать разговор, то он дожидается, пока мать Кари уходит зачем-то из комнаты, и тогда уже начинает спрашивать своего нового друга обо всем, что его интересует.

— Отец работает в общей мастерской с другими столярами, — рассказывает Кари. — Сейчас они делают разные вещи для храма фараона Аменхотепаджесеркара. Отец готовит красивый резной футляр для статуи бога Амона. Братьев у меня нет, есть только одна сестренка. Ее зовут Таиси, она сейчас, как всегда, со своими подружками недалеко от поселка — в тени, среди скал. Когда пойдем обратно, мы зайдем туда, это нам как раз по дороге.

Тути кивает головой, так как рот его полон фиников. Некоторое время мальчики молча доедают плоды, потом Кари говорит:

— А удачно получилось, что ты заблудился именно сегодня, когда я не занят и мог побродить по горам, а то мы бы и не встретились.

— Да, очень удачно, — соглашается Тути. — А чем же ты бываешь обычно занят?

— Как чем? Работой!

— Разве ты уже работаешь?

— Я ученик художника Хеви, — с гордостью говорит Кари, — и работаю с ним! Правда, это бывает не каждый день, но все-таки довольно часто. А сегодня мой учитель с самого утра отправился на ту сторону реки, в Город¹. Он вернется только к вечеру, и я почти весь день свободен, вот только надо выполнить одно его поручение. Кстати, не сможешь ли ты мне? Это нетрудно и займет у тебя не много времени, хорошо?

— Конечно, я тебе помогу, мне это будет очень интересно! Я ведь никогда не видал, как работают художники. Пойдем сейчас, хочешь? Я уже совсем отдохнул.

— Вот и чудесно, идем!

Кари вскакивает и подбегает к двери, которая ведет внутрь дома.

— Мама, — кричит он, — спасибо! Все было очень вкусно, и мы совсем сыты!

— Ну вот и хорошо, — говорит Неши, появляясь на пороге комнаты.

¹ Фивы расположены на обоих берегах Нила; на восточном берегу находился сам город, на западном — заупокойные храмы царей и кладбища.

Тути тоже благодарит ее.

— На здоровье, на здоровье, — улыбается Неши. — Ну, а теперь что вы собираетесь делать?

— Я пойду немного поработаю, а Тути мне поможет. А потом я покажу ему дорогу домой, — отвечает Кари. — Да, пожалуйста, положи мне на блюдце или в горшочек угольков из жаровни, чтобы я мог зажечь светильник.

— Хорошо, идите, только будьте осторожны: сегодня Панеб опять гневался, прибил старика Раму и вдову Нехти, да еще у нее и гуся отнял. А потом рассердился на водовозов, когда те уходили за водой: ему показалось, что они идут слишком медленно, и он стал бросать в них камнями...

— Ну и что же, ранил он кого-нибудь? — встревоженно спрашивает Кари.

— К несчастью, сильно расшиб плечо Чанеферу.

— И как же Чанефер, пошел все-таки за водой?

— Пошел. Кое-как перевязали его, и пошел... А что же делать? Ну, идите, только будьте осторожны, — повторяет Неши.

Тути прощается, еще раз благодарит за гостеприимство, и мальчики выбегают на улицу.

— Куда же мы пойдем, где ты работаешь? — спрашивает Тути. Хотя ему очень хотелось бы узнать, кто такой этот Панеб, который беспрепятственно творит такие безобразия в поселке, но он запомнил предупреждение Неши и боится спрашивать об этом на улице. Время для этого еще найдется.

— Мы пойдем вон туда, видишь? — Кари показывает на горы, окружающие поселок с запада.

По этому склону снизу от долины и все выше стоят постройки с пирамидками на кровлях. Издали эти постройки кажутся точно прилепленными к уступам скал, и их белые террасы отчетливо выделяются на серовато-желтом фоне камней.

Мальчики подходят ближе. Теперь уже здания видны хорошо. Тути давно догадался, что это гробницы. Мальчик с самого раннего детства часто бывал с родителями в гробницах своих умерших родных. Его научили верить, что в теле каждого человека есть душа, которая продолжает существовать и после смерти, что участь душ людей зависит от бога мертвых,

научили молиться этому богу и просить у него всяких благ для умерших. Тути знает, что всякий египтянин мечтает построить себе прочную гробницу с молельней и подземельем, чтобы там, внизу, после его смерти лежало бы в безопасности его набальзамированное тело, а в молельню могли бы приходиться его родные и приносить еду и питье для его души. Чтобы лучше сохранить гробницу от повреждения, все, кто имеет средства, заказывают каменотесам вырубить ее в горах, а перед гробницей обычно устраивают двор с воротами, иногда даже сажают деревья и цветы.

Такие дворы, только маленькие, сделаны и здесь, на кладбище жителей поселка «слушающих зов»; и в один из них неожиданно сворачивает Кари и манит за собой Тути.

Двор целиком вырублен в скале. Справа и слева вдоль утесов пристроены кирпичные стены ограды двора, такие же, как стена с воротами, а в глубине видны два навеса, тоже сложенные из кирпича. Каждый навес поддерживают две деревянные колонны, невысокие и тонкие. Двери ведут уже прямо внутрь горы. Тути понимает, что в этом дворе выстроены две гробницы.

Кари ведет его к более высокой. Они входят в дверь и попадают в комнату, целиком вырубленную в скале. В глубине комнаты, в противоположной входу стене, видна закрытая дверь.

После ослепительного солнечного света в комнате сначала кажется темно, но мальчики быстро осваиваются. Через вход льется поток света, который в какой-то мере позволяет видеть все помещение.

Оно сравнительно невелико. Две стены уже покрыты росписями, две еще белеют, не тронутые кистью художника. Кари проходит в левый угол комнаты, роется в сложенных там вещах, вынимает светильник и зажигает его, раздув принесенные угольки. Потом он манит Тути и показывает ему на стену.

Тути всматривается в роспись и видит: в два ряда сидят фараоны, каждый на особом нарядном троне. Все они очень важные, очень неподвижные, очень холодные. А сбоку на скамеечке сидит человек; в противоположность царям он нарисован в свободной, естественной позе: он поджал под себя одну ногу.

слегка наклонил голову, в руках он держит кисть и прибор с красками. Рядом надпись: «Глава художников Хеви». Так вот что хотел показать ему Кари — портрет своего учителя.

— Чья это гробница? Кто делал портрет Хеви? — спрашивает Тути.

— Гробницу делают для зодчего Инхерхаа и его сына. Видел, что во дворе две двери? — отвечает Кари. — Портрет Хеви делал он сам. Он здесь вообще большую часть росписей делает. Правда, хороший портрет? А вот еще одна его работа — арфист!

Кари идет к другой стене, Тути за ним. Вот и арфист. Он сидит на земле, на тонкой циновке, перед самим Инхерхаа и его женой, играет на большой арфе и поет. Да, это действительно стоило посмотреть! Мальчик не раз видел изображения арфистов в гробницах своих родных, но такого — никогда! Вот смотришь на него, и кажется, что слышишь его голос — так правдиво изобразил его Хеви! Пожилой слепой человек весь отдался музыке. Его тонкие гибкие пальцы точно бегают по струнам, рот открыт. Он поет, аккомпанируя себе на арфе, явно забыв обо всем, кроме своей песни.

— Это певец Неферхотеп, он живет у нас в поселке и славится своим пением и игрой на арфе. Его часто приглашают петь и играть. Хеви его замечательно нарисовал — он точно такой и есть, лысый, старый и совсем так же поет, — говорит Кари.

— А кто сделал эту гробницу? Кто вырубил ее в горе, устроил двор, навесы, поставил на навесах маленькие пирамидки? — интересуется Тути.

— Жители нашего поселка, как и повсюду, стараются сделать свои гробницы еще при жизни, — говорит Кари. — Наши мужчины сами рубят и украшают друг другу гробницы, но работать здесь они могут редко — только по праздникам, а все другое время они должны готовить гробницы для царя, его семьи, для жрецов и вельмож. А если каждый день уходить туда и приходиться обратно в поселок — много времени потратишь на дорогу. Вот всем и приказано уходить из поселка на работу на целых девять дней. Потом приходят и отдыхают один день дома, потом опять девять дней работают, и так все время, кроме особых

праздников. Значит, гробницы для жителей поселка можно готовить только в свободное от царской работы время, то есть вместо отдыха.

Кари умолкает, думает, словно вспоминает о чем-то, и снова начинает рассказывать:

— Вырубить гробницу в скале могут многие из наших мужчин: у нас большинство — каменотесы. А вот расписать стены сумеет не каждый. Живописцев, да еще хороших, не так-то много. И скульпторов мало. К тому же сначала надо приготовить гробницы для обоих начальников отрядов, для главного зодчего, для писца царского кладбища... И все эти люди хотят, конечно, чтобы для них работали самые лучшие мастера, самые талантливые живописцы! А уж другим приходится ждать или иметь гробницы с росписями менее умелых художников. Вот и главный зодчий потребовал, чтобы его гробницу расписывал непременно сам Хеви!

— Ну, а ты что делаешь — и здесь, и вообще? Только помогаешь взрослым живописцам или уже сам умеешь писать красками?

— А вот посмотри!

Кари ведет Тути к одной из расписанных стен и высоко поднимает светильник.

III. СОЛНЕЧНЫЙ КОТ

Когда Тути входил в комнату, ему казалось, что вся эта стена уже готова, расписана, но теперь, взглядевшись, он убеждается, что ошибся.

На стене должно быть три ряда изображений, закончены же два с половиной, а дальше сделаны только контуры фигур и покрыт желтой краской фон. Кари как раз и показывает на середину нижнего ряда. Что же тут такое?

Ярко-рыжий пушистый кот держит в лапке нож и этим ножом отрезает голову большого змея с черной спиной и белым брюхом. Вся картина сделана очень хорошо. Кот явно разгневан, так и кажется, что он сердито фыркает и громко мяучит. Да это и неудивительно — борьба была, несомненно, очень упорной и опасной: змей огромный, длинный, он все еще изви-

вается, хотя его голова наполовину отрезана и из раны льется кровь.

— А это что такое? Почему кот убил змея? — спрашивает Тутти.

— Это не простой кот, это же Солнечный кот! — Кари удивлен. — Разве ты не знаешь сказания о борьбе бога Ра и змея?

— Знаю, но только про кота там ничего нет!

— Нет, есть одно сказание и про кота! А ты, наверное, знаешь только про то, как бог Ра борется со змеем Апопом? Про то, как Апоп пробует мешать солнцу спокойно плыть на утренней ладье по небу с востока на запад и на вечерней, под землей, с запада на восток? Знаешь, что каждую ночь под землей происходит сражение солнца с этим змеем и что, победив его, Ра утром восходит на восточном краю неба, выплывая из подземного мира? А раньше, давно-давно, так давно, что никто даже не помнит, когда это было, у Ра были и другие враги-змеи, и ему приходилось бороться с ними то тут, то там, причем солнце принимало разный вид — то оно летело на змея огромным соколом с радужными крыльями, то появлялось в виде могучего воина с головой сокола. А однажды Ра преобразился в страшного, свирепого огненно-рыжего кота, вот такого, как я его здесь нарисовал. На этот раз бой шел за древний город Ону, который змеей хотел захватить себе. Но Солнечный кот опять оказался сильнее и, победив змея под священным деревом — большой сикоморой, отрубил ему голову! Говорят, эту сикомору и до сих пор показывают в Ону! Вот бы посмотреть ее, а?

— Да, это было бы интересно! — соглашается Тутти. — Откуда ты все это знаешь?

— А нам надо хорошо знать все сказания о богах, иначе как же мы сможем рисовать их?

— Да, это правильно. Кари, неужели этого кота ты нарисовал сам?

— Сам, все сам — и кота, и змея, и сикомору. Я старался сделать шерсть кота яркой и золотистой, чтобы она напоминала солнечные лучи, а для листьев дерева долго искал такой оттенок зеленого цвета, какой действительно бывает у сикоморы. Конечно, я не

выдумал всю эту картину, — у меня был образец, вот, смотри!

Кари берет со стола деревянную дощечку. Она разлинована в клетку, и на ней нарисован штрихом кот.

— Дело в том, что когда пишут росписи в гробнице или в храме, то ничего почти нельзя придумывать самому, — говорит Кари и слегка вздыхает. — Ведь здесь все взято из священных рукописей, не только молитвы, но и картинки тоже. Мы должны рисовать именно то, что полагается изобразить около записи такой-то молитвы или слов похоронного обряда... Вот видишь, здесь нарисован жрец, который несет ногу теленка, а рядом написаны те слова, которые говорят, когда приносят дары умершим. Вот Инкерхаа поклоняется богам подземного мира... И для всех этих картинок есть образцы, по которым их надо делать.

— А кто нарисовал образцы и откуда вы их взяли? — спрашивает Тути. Он присел на корточки около столика и рассматривает другие дощечки, которые ему дает по очереди Кари.

— Мой учитель давно еще срисовал их, когда учился в Доме жизни¹, — отвечает Кари. — Ты знаешь, что это такое — Дом жизни?

— Знаю, конечно. Там хранятся древние рукописи, там их переписывают; там юноши, которые хотят стать учеными писцами, учатся после школы, — отвечает Тути.

— Не только учеными писцами, некоторые учатся рисовать и становятся мастерами-художниками, — добавляет Кари. — Вот и мой учитель Хеви не простой живописец, а ученый художник. Вот потому он хорошо знает, что, где и как надо рисовать. Хеви у нас в поселке лучший художник. Без такого главного художника не начнут расписывать ни одной гробницы. Вот позовут, например, Хеви, он и выбирает, какие взять надписи и рисунки, показывает, где их расположить на стенах. Ведь гробницы бывают разных размеров, стены могут быть и больше и меньше, значит, можно сделать больше или меньше рисунков.

¹ Дом жизни — высшее училище писцов, художников, жрецов.

Иногда, в маленькой гробнице, приходится выбирать только самые главные молитвы и самые нужные рисунки.

— Но рисует твой учитель, наверное, не все сам?

— Нет, не все. Ему всего и не успеть! Гробниц, которые расписаны им самим с начала до конца, здесь, у нас в поселке, очень мало. Вот и теперь ему иногда помогает живописец Амонмес да еще я. А обычно Хеви либо рисует контуры главных фигур, либо, как я уже сказал, составляет общий план росписи гробницы. Ему ведь приходится работать в разных местах — и в царских гробницах, и в храмах. Его даже посылают по приказу фараона в другие города.

— Значит, его знает сам фараон? — В голосе Тути слышится явное уважение к такой славе художника.

— Да, знает и даже наградил его золотым ожерельем.

— И он всегда носит это ожерелье?

— Нет, только в самые большие праздники, когда ему приходится бывать в Городе. А так Хеви не любит роскоши и живет очень просто.

— А кто же выполняет росписи в тех гробницах, где Хеви только намечает, что надо изобразить?

— Другие живописцы, — отвечает Кари. — Но Хеви талантливее всех. Он самый замечательный, самый интересный художник!

«Кари, видимо, очень любит своего учителя», — думает Тути.

— А как работают живописцы по указаниям Хеви? — спрашивает Тути.

— Обычно пользуются образцами, которые дает главный художник. Я тебе показывал дощечку с рисунком кота и змея — таких дощечек с рисунками у главных художников очень много. Вот, смотри!

Кари берет стоящую рядом с ним на полу корзинку с крышкой и открывает ее. Там, бережно переложённые кусками чистых тряпок, лежат дощечки. Кари осторожно вынимает несколько штук и начинает их показывать.

— Вот цапля с хохолком, ее надо раскрашивать голубой и белой красками. А вот сокол. Видишь, какой у него крупный клюв? А вот бог Осирис на троне, совсем как фараон.

Некоторые рисунки раскрашены, у других только нарисованы контуры, но на всех дощечках непременно налинованы клетки. И Тути спрашивает:

— Зачем везде клетки?

— А это, чтобы наши рисунки получились совсем похожими на образцы, — отвечает Кари и, видя по лицу Тути, что тот не понял, объясняет: — Ведь на стене все рисунки должны быть гораздо крупнее, чем на образцах! Так вот, чтобы не ошибиться при увеличении и сделать совершенно точную копию, мы делаем так: сначала всю стену делим на клетки, только большие...

— Как — всю стену? — перебивает Тути. — Ведь это же страшно долго и, наверное, скучно?

Кари улыбается:

— Нет, совсем уж не так долго. Видишь, вон там в углу лежит веревка, вся выпачканная красной краской?

— Ну, вижу. Только при чем тут эта веревка? Я же спрашиваю, долго ли вы делаете клетки?

— А при том, что мы этой самой веревкой и делаем клетки на стенах! Сначала рассчитываем, где пройдут поперечные и продольные линии, и ставим на краях стен в этих местах точки. Потом обмакиваем длинную веревку в красную краску и, натянув как можно туже, щелкаем веревкой по стене. На ней и получается красная линия. И так по всей стене, все линии — вдоль и поперек. А потом, когда художник начинает рисовать, то он смотрит на образец и считает, сколько там клеток приходится на всю человеческую фигуру, сколько на ногу, на голову, и на таком же количестве клеток намечает контур фигуры на стене. Понял?

— Понял, конечно, чего же тут не понять! — отвечает Тути.

— Ну, а если понял, то вот и помоги мне сделать такие клетки на этих двух стенах! Ты ведь обещал помочь выполнить задание Хеви, а учитель велел мне сделать это!

Тути никак не ожидал этого и немного растерялся.

— А я справлюсь? — спрашивает он.

— Ну конечно, справишься! — весело говорит Кари. — Это совсем не трудно, тем более что я вчера все

уже рассчитал и поставил точки, так что нам с тобой надо только провести линии.

Кари быстро устанавливает по краям стены небольшие приставные лесенки и вытаскивает на середину комнаты глиняный горшок с красной краской. Вот веревка уже опущена в краску, вот Кари вынимает ее, дает один конец Тути.

— Держи крепко и осторожно поднимайся по лестнице! Смотри, чтобы веревка пока не коснулась стены!

Тути старается сделать все так, как говорит Кари. Вот он, как и Кари, забирается уже на верхнюю ступеньку своей лесенки.

— Ну, видишь там, наверху, точку? Прижми к ней конец веревки и держи крепко-крепко, а я буду натягивать веревку и потом щелкну ею по стене! Ну, держишь?

— Держу!

— И я держу! Раз!..

Кари ловко отводит пальцем натянутую веревку и быстро отпускает палец, так что веревка щелкает по стене.

На белом фоне теперь отчетливо видна тонкая красная полоска.

— Хорошо! — говорит Кари. — А теперь то же самое сделаем ниже... Нашел следующую точку? Прижал конец веревки? Опять держи крепче, я натягиваю!

Тути уже перестает смущаться и ловко помогает Кари. Еще полоска, еще... Изредка Кари слезает вниз, снова намачивает веревку, и мальчики дружно продолжают работу.

Вскоре стена уже вся покрывается горизонтальными полосами.

— Теперь надо делать поперечные полосы, — говорит Кари. — Я думаю, тебе лучше полезть наверх, а я буду внизу натягивать веревку.

Тути снова поднимается на самый верх своей лесенки. Теперь веревка натягивается уже не вдоль стены, а от потолка до пола, и на стене появляются четкие ряды клеток. Кари хорошо расставил точки — клетки все одинаковые, квадратные, ровные.

Тути с удовольствием помогает товарищу, и маль-

чки вскоре заканчивают и вторую стену. Пока Кари складывает в углу лесенки, веревку и горшок с краской, Тути стоит посередине комнаты и любуется клетками.

— Послушай, Кари, — говорит он, — а ведь срисовывать с образцов по клеткам, наверное, не так уж трудно, а?

— Ну, как тебе сказать, — улыбается Кари. — Надо рисовать очень точно, линия должна быть ровная, четкая. Приходится очень долго упражняться, пока этого добьешься. Вот, смотри!

Кари берет другую корзинку. В ней лежат черепки битой глиняной посуды и небольшие, но все почему-то плоские куски известняка. Оказывается, и на этих камнях, и на гладкой стороне черепков — везде рисунки. Кари вынимает один черепок и протягивает его мальчику.

На черепке — профиль мужской головы в царской короне. Одной четкой линией сделаны низкий лоб, большой орлиный нос, крепко сжатые губы, крутой подбородок. Так же четко сделаны глаза, бровь, головной убор. Весь рисунок выполнен черным цветом. Но кое-где видны красные штрихи, и Кари именно на них показывает концом кисточки.

— Эту голову фараона нарисовал я, а красные линии — поправки учителя. Лоб надо было сделать немного прямее, бровь круче и дальше проложить ее к виску, ровнее сделать вот этот бок короны...

— Значит, Хеви поправляет твои рисунки так, как в школе учителя поправляют наши рукописи? — говорит Тути.

— Да, совсем так же, — соглашается Кари.

— А тебе не скучно учиться? Тебе действительно хочется стать художником? — спрашивает Тути.

Кари перестает перебирать черепки и оборачивается.

— Очень хочется, очень! — горячо говорит он. — Я всегда мечтал об этом и так рад, что Хеви заметил, как я рисовал для отца разные образцы, и взял меня к себе в ученики. — Кари думает минуту и продолжает: — А насчет того, скучно ли учиться, — нет, наоборот, учиться очень интересно, особенно у такого человека, как Хеви. Он так все хорошо показывает,

объясняет... А вот другое действительно скучно — скучно рисовать все одно и то же, да к тому же с образцов, а не то, что хочется рисовать самому!

— А что тебе хотелось бы нарисовать? — с любопытством спрашивает Тути.

— Новое, такое, чего еще никто не рисовал, такое, чего нет в образцах, что я сам замечаю! Нарисовать то, что я вижу интересное, красивое, необыкновенное, вот что! А здесь, в гробницах, это можно сделать очень редко. Вот, смотри!

Кари хватает Тути за руку и тянет его к той стене, которую они рассматривали раньше. Здесь он останавливается около левого края стены и говорит:

— Видишь, как будто самая обыкновенная картина, обязательная для каждой гробницы, — люди приносят подарки умершим родителям. Ты, наверное, видел много раз такие изображения в гробницах, правда? А посмотри внимательно. Видишь, около Инхерхаа и его жены — их внуки? Скажи, ты когда-нибудь видел, чтобы в гробницах так живо были нарисованы дети?

— Нет, никогда не видел, — говорит Тути, — а ведь это очень хорошо сделано! Особенно мне нравятся маленькие ребята — совсем как живые! Они точно разговаривают с дедом! А почему же здесь так необычно изобразили детей? Это что, Хеви так придумал?

— Да. Инхерхаа очень любит своих внуков, и, когда Хеви предложил ему сделать вот такую живую группу и показал черновой набросок, Инхерхаа сразу же согласился. Он ведь сам зодчий и умеет оценить художественное произведение...

— Ах, Кари, а я ведь сразу и не разглядел, как хороша эта птичка в руках у девочки! — неожиданно перебивает Тути, внимательно рассматривавший роспись.

Кари улыбается.

— Тебе нравится? А ведь это я ее написал! — говорит Кари, довольный похвалой.

Тути никак не ожидал такого ответа.

— Какой же ты молодец, Кари! — говорит он. — Как же это ты сумел так нарисовать птичку?

— Как? А я и сам не знаю. Я просто всегда стараюсь запомнить, как ходят или играют животные, запомнить движения людей или необычные фигуры, а потом рисую их для себя. В этой корзинке у меня сложены именно такие рисунки — для себя самого. Вот, смотри!

Кари достает еще одну корзинку и, порывшись в ней, протягивает глиняный черепок. На нем — великолепный рисунок лошади, роющей землю копытом.

— Здорово! — восхищается Тути.

— А это? — Кари дает еще черепок, на нем опять лошадь, совсем как живая — она точно остановилась на миг на всем скаку и, стоя на трех ногах, задней ногой чешет морду. Все полно движения, все сделано с настоящим мастерством — и летящий по воздуху хвост лошади, и красивый изгиб ее спины, и поворот головы, и тонкие ноги.

— А вот теленок. Видишь, как он повернул голову назад? Это он смотрит, где его мать... А вот кошка ест рыбу... Вот котенок!

Один рисунок лучше другого, и Тути продолжает восхищаться талантом Кари.

— Котенок-то как живой, смотрит вверх и лапку кому-то протягивает! А кошка так и впилась зубами в рыбу! Ты замечательно рисуешь, Кари, ты просто настоящий художник, тебе и учиться больше не надо!

— Ну, до настоящего художника мне еще очень далеко, — отрицательно качает головой Кари. — Наоборот, мне как раз еще надо много учиться. Я еще часто делаю ошибки, вообще еще мало знаю... Вот видел бы ты замечательные росписи в гробнице скульптора Ипи! Он жил больше ста лет тому назад, но эти росписи и сегодня выглядят так, точно их только что сделали. Эта гробница большая, там можно было изобразить разные сцены и из жизни Ипи. Вот где много интересного и необычного! Например, как показаны работы в мастерской, когда под руководством Ипи изготовлялась обстановка для одного храма: несколько столяров делают большой резной балдахин; все работают, а один лентяй взял да и улегся спать. Надсмотрщик бранится, другой столяр пробует растолкать лентяя, а тот все спит. Ты бы видел, до чего это здорово сделано, просто замечательно!

— А ты покажешь мне сегодня эти росписи? — спрашивает Тути.

Но Кари отрицательно качает головой:

— Сегодня нельзя, мы не успеем, ведь тебе надо еще засветло вернуться домой, а ты лучше приходи к нам еще, хорошо? Тогда я покажу тебе все свои другие рисунки и росписи в гробнице Ипи и еще много интересного, — обещает Кари.

Тути очень не хочется уходить, не посмотрев всего, о чем рассказывает его товарищ, но он понимает, что Кари прав — пора домой.

Мальчики направляются к выходу. На дворе их сразу охватывает зной, глаза невольно жмурятся от яркого света, тяжелее становится дышать. По-прежнему ни ветерка, ни облачка. Вот они снова на тропинке. Начинается обратная дорога.

IV. УЧЕНИЦЫ СТАРОГО АРФИСТА. В СВЯТИЛИЩЕ

К удивлению Тути, Кари, выйдя из двора, поворачивает не направо, откуда они пришли сюда, а налево.

— Куда же ты? — спрашивает Тути. — Ведь нам надо **обратно**, сюда!

— Нет, так короче, — отвечает Кари и, показывая вниз на поселок, добавляет: — Видишь, мы ведь находимся почти у южного конца поселка? Пока мы шли до гробницы Инхерхаа, мы прошли чуть не вдоль всего поселения. Значит, теперь нам ближе обойти его здесь, чем идти **обратно** опять вдоль поселка и огибать его с севера. Да и отсюда тебе до твоего дома будет ближе. Ты, пока плутал утром, зашел очень далеко в сторону, а отсюда можно пройти гораздо короче.

Тути смотрит вниз на поселок, потом кругом на горы, на солнце, мысленно прослеживает направление к дому и соглашается — Кари прав.

Мальчики некоторое время идут молча, потом Тути, взглянув еще раз вниз на поселок и перебирая в памяти все события этого необыкновенного дня, вспоминает о Панебе и о том, что он еще не спросил о нем Кари. Вот сейчас, кажется, самое удобное вре-

мя узнать что-нибудь об этом человеке, которого следует почему-то опасаться, — кругом нет никого, одни скалы.

— Скажи, Кари, а кто такой Панеб, о котором тебе говорила твоя мать? Почему он у вас всех обижает?

— Панеб — начальник одного из отрядов работников нашего поселка, — отвечает Кари. — У нас все работники царского кладбища разделены на два отряда. Начальник другого отряда — зодчий Инкерхаа, человек как человек, тоже не очень-то добрый, но все-таки с ним жить можно. Ну, а Панеб — такого зверя никогда еще у нас не было! Он и начальником-то стал незаконно... Ну, да об этом я тебе когда-нибудь потом расскажу, — неожиданно сам себя перебивает Кари.

Тути понимает, что Кари сейчас не хочет больше говорить про Панеба, и решает не спрашивать его.

Мальчики огибают поселок, вот они уже идут вдоль его противоположной стороны.

Здесь легче дышать — скалы местами защищают от солнечных лучей. Тропинка идет немного ниже, еще ниже. Внезапно до слуха мальчиков доносятся звуки музыки и пение. Тути вопросительно смотрит на Кари, но тот продолжает путь, ничему не удивляясь, и Тути не задает вопросов.

Музыка и пение слышатся все отчетливее, можно уже различить высокий, тонкий голосок и низкий мужской голос. Еще ближе. Кари останавливается и, перегибаясь через плоский большой камень, смотрит вниз. Тути тоже с любопытством заглядывает туда же.

Под ними — небольшая ровная площадка, которую почти совсем окружили скалы.

С правой стороны виден вход в пещеру. На площадке танцуют две девочки лет десяти-одиннадцати. Одна держит бубен, другая две костяные палочки, которыми она ловко щелкает в такт пляски.

Перед входом в пещеру на разостланной пёстрой циновке сидят еще одна девочка и старик. Этой девочке лет восемь или девять. Она поет и при этом бьет в ладоши. Старик играет на арфе и тоже поет.

Около танцующих девочек смешно подпрыгивает и машет ручонками совсем маленькая девчушка. Ей не больше пяти лет. На ее чисто выбритой головке

кое-где торчат нарочно оставленные пучки черных волос — обычная прическа маленьких детей. Волосенки забавно встряхиваются при движении.

У старших девочек волосы заплетены в длинные тонкие косички. У каждой много таких косичек, и во время пляски они то извиваются, как змейки, то, при быстрых поворотах, разлетаются во все стороны и даже закрывают лицо.

Движения девочек настолько грациозны и свободны и в то же время так отработаны и точны, так соответствуют музыке, что, посмотрев пляску даже несколько минут, можно убедиться, что исполнительницы — умелые, хорошо подготовленные танцовщицы.

Музыка и пение не уступают пляске; песня льется свободно, и слушать ее — большое удовольствие.

О чем они поют?

Маленькая сикомора,
Как она прелестна!
Ее листва прекрасна,
Зеленая, как папирус.

Она полна плодами,
Краснее красной яшмы,
Ее листья — как малахит,
И в зной она дает прохладу...

Последние слова песни повторяются на слегка измененный напев, певцы умолкают, в музыке слышны заключительные аккорды, танцовщицы замирают в сложном повороте, подняв руки кверху. Еще мгновение звенит бубен, два раза щелкают костяные палочки... Все!

Маленькие плясуньи со смехом бегут к подруге и садятся на циновку. К ним торопится и малышка.

— Кто они? — тихо спрашивает Тути.

— Это девочки из нашего поселка, — отвечает Кари, — с бубном плясала сестра Паири, Райа, с палочками — ее подружка Мерит, самая маленькая — младшая сестра Паири, Тади, а пела моя сестренка Таиси. Ну, а старого арфиста ты не узнал?

Тути сначала удивленно смотрит на Кари, потом вглядывается в старика и вскрикивает:

— Неферхотеп?! Тот, которого изобразил Хеви?!

Кари кивает головой:

— Тот самый. Что, похож?

Тути не успевает ответить, внизу поднимается шум,

и все головы оборачиваются наверх, к ним. Чуткий слух слепого арфиста уловил звуки голосов мальчиков, и он что-то спрашивает у девочек, показывая рукой наверх. Девочки вскакивают и, перебивая друг друга, кричат:

— Это Кари!

— И с ним чужой мальчишка!

— Эй, вы! Что вы там делаете? Спускайтесь к нам! — зовет Райа.

— Пойдем! Мне хочется увидеть Неферхотепа! — просит Тути. — И, может быть, они еще что-нибудь споют и станцуют, мне очень понравилось!

— Хорошо, — соглашается Кари, — только ненадолго. Тебе надо торопиться.

Мальчики спускаются вниз. Девочки с любопытством смотрят на Тути. Кари вкратце объясняет, почему он оказался здесь, и подводит его к арфисту. Тути почтительно склоняется перед арфистом, а тот кладет руки на голову мальчика, проводит гибкими проворными пальцами по его лицу, потом тихо гладит голову и плечи.

Кари садится на циновку рядом с арфистом и манит к себе Тути.

— Иди сюда, посмотри, какие красивые вещи умеет делать Таиси!

Вокруг девочки лежат связки окрашенной в разные цвета соломы, крепкие стебли каких-то растений, пучки тростника. На коленях у Таиси небольшая, почти готовая корзиночка, которую она, видимо, плела в промежутках между песнями. Девочка явно смущена словами Кари, она смотрит вниз и молчит. Тогда старик ощупью берет ее за руку и ласково говорит:

— Покажи гостю свою работу! Не бойся, Таиси!

Девочка все так же молча поворачивается и достает из-за спины несколько готовых корзинок. Все это она ставит перед собой и только потом решается взглянуть на мальчика — как, нравится ему?

Тути осторожно берет корзинки и внимательно их рассматривает. Ему, конечно, не раз приходилось видеть корзинки и другие изделия, сплетенные из цветной соломы или тростника. И дома у них есть такие вещи, есть даже еще и столики, и скамеечки, и маленькие шкафики. Но, пожалуй, такого красивого

плетения он еще не видел. Корзиночки, которые достала Таиси, все разные и по форме, и по узорам.

Одна довольно большая, круглая, с крышкой. Она сплетена из зеленой и красной соломы простым узором — шашечками. Другая, маленькая, из очень тонкой соломки, сделана так, что снизу почти до половины идет мелкое плетенье одного желтого цвета, зато по верхней части точно наложена гирлянда из голубых и белых лотосов. У этой корзиночки тоже есть крышка, вся синяя, с пестрой веселой шишечкой посерединке. На остальных корзинках — то разноцветные спирали и розетки, то ромбики с кругами внутри, то гроздь винограда и бутоны лотосов.

— Это действительно очень красиво! — с восхищением говорит Тути. — Откуда ты берешь такие замечательные узоры?

— Отовсюду, где увижу, — отвечает Таиси. — Вот этот узор я переняла с росписи потолка. А гирлянды цветов я увидела на больших кувшинах у нашего гончара. Только мне у него не понравилась расцветка — я сделала цветы ярче, а листья другого оттенка. А многие узоры я составляю сама, часто смотрю, как отец расписывает стулья или ларцы, которые он делает. Выбираю, что мне понравится, и переделываю так, как мне каждый раз нужно, чтобы подходило к форме корзинки.

Таиси уже не боится чужого мальчика. Она довольна его похвалой и охотно рассказывает о своей работе.

— А почему ты делаешь все это здесь, а не дома? — спрашивает Тути.

— Дома в комнатах тесно и душно, на дворе тоже, — отвечает Таиси, — а на крыше можно сидеть только вечером — днем все время солнце. А здесь так хорошо, прохладно. Утром отец или мама меня сюда приносят, и я тут целый день и сижу. Еду мне тоже приносят, а все нужное для работы у меня там. — Девочка показывает на пещеру.

Тути хочет спросить у Таиси, почему она сказала, что ее «приносят», но в разговор вмешиваются другие девочки. Перебивая друг друга, они рассказывают, что и они тоже любят здесь бывать, тут тихо, их никто не слышит, не мешает им петь и плясать. Сюда приходят

их учить и арфист Неферхотеп, и главная танцовщица поселка. У них в поселке многие женщины — певицы, или танцовщицы, или музыкантши. Они участвуют по праздникам в торжественных процессиях, пляшут, поют в местных святилищах, их приглашают петь на похоронах. И девочек тоже иногда уже берут вместе со взрослыми.

— Пожалуйста, спойте и спляшите еще что-нибудь! — просит Тути.

Девочки смеются, слегка отказываются, но потом соглашаются. Мальчики усаживаются около Неферхотепа, танцовщицы выходят на середину площадки. Мелодию начинает арфа, затем вступают голоса, вот резкий удар бубна, и начинается пляска. Но в это время неожиданно сверху раздается громкий голос:

— Вот молодцы! А ну, быстрее, быстрее!

Однако действие от этого пожелания получается обратное: все останавливается — и танец, и музыка. Все смотрят вверх — туда, где раньше находились мальчики, а теперь стоит рослый молодой мужчина. вооруженный дубинкой и луком.

Девочки с криком прячутся за Неферхотепа и что-то оживленно шепчут ему.

Пришелец ловко спрыгивает вниз. Он одет в короткую одежду, через плечо на перевязи у него висит колчан со стрелами, за пояс заткнут кинжал.

— Чего вы испугались, разве я хочу вас съесть? — весело шутит воин. — Или, может быть, вы собираетесь грабить царские гробницы и потому боитесь меня?

— Действительно, чего вы так испугались-то? — тихо говорит девочкам Кари. — Это же Монту, один из новых маджаев¹ царского кладбища. Его не надо бояться: говорят, он добрый, не то что другие маджаи; помните, я вам про него рассказывал и даже показал как-то? Вы, наверное, не узнали его?

Кари приветствует маджая наклоном головы, его примеру следуют другие дети. Маджай, в свою очередь, здоровается с Неферхотепом и детьми и просит продолжать пляску. Неферхотеп кивает головой и хлопает в ладоши. Девочки покорно выходят и повторяют

¹ М а д ж а й — стражник.

все, что уже видели и слышали мальчики, — быстрый танец и песенку про сикомору. Маджай шумно выражает свое одобрение и присаживается около старого арфиста.

— Откуда ты идешь и куда? — спрашивает тот.

— Да вот, ловим неизвестно кого, — смеется Монту.

— То есть как это — неизвестно кого? — спрашивает Кари.

— А очень просто, так и не знаем, кого надо ловить! Рассказать, так не поверите! — говорит маджай. — Такая идет кутерьма, и ничего понять нельзя! Началось с того, что крепко поссорились два больших начальника, правитель Восточной части Города Пасер и правитель Западной части Пауро. Пасер пожаловался везиру, что Пауро плохо смотрит за порядком на царском кладбище и что там разграблено много гробниц. Везир и спрашивает у Пауро, так ли это, а тот отрицается, уверяет, что Пасер все это написал просто по злобе на него... И вот сегодня Пауро послал и стражу, и писцов кого куда: одних к царским гробницам, причем и сам пошел туда же, других к вам в поселок, а третьих осматривать горы. Вот я с другим маджаем и бродил сегодня по горам... Сейчас он остался на сторожевом посту, а я пошел вокруг поселка. А чего осматривать, кого ловить? Ловите, говорит, всех, кто там шатается без дела, и тащите ко мне! Вот тебе и приказ, думаем, кого же понесет сюда без дела?

Тути встревоженно смотрит на Кари, тот подмигивает: ничего, не робей, все будет хорошо!

— Ну и что же, так вы никого и не видели? — спрашивает Неферхотеп.

— Нет, никого, — отвечает Монту. — Вот отдохнем да и пойдем опять бродить до самого заката, а потом придется идти к начальнику с докладом. Все зря ноги топчем, — начальники ссорятся, а мы ищем вчерашний день! О, а что это тут у тебя такое? — Маджай замечает красивые корзинки Таиси. — Это твоя работа, крошка? Ты что, продаешь их?

Девочка молча кивает головой.

— Продай мне вот эту корзинку, ладно? — Монту берет самую маленькую корзиночку с пестрой шишечкой на крышке.

— Хорошо, — тихо отвечает Таиси.

— А что у тебя еще есть красивого? — спрашивает маджай.

— Есть еще корзиночки, есть ларчик, — говорит девочка.

— А ну, покажи!

— Принеси, пожалуйста, Райа, оттуда, ты знаешь! — просит Таиси, показывая в сторону пещеры.

Райа бегом бросается выполнять ее просьбу.

— Вот какая ты ленивая, посылаешь подругу, а сама не идешь! — смеется Монту.

Кругом наступает неожиданная тишина. Таиси становится очень серьезной, ее губы вздрагивают. Она смотрит прямо в глаза маджаю.

— Я не ленивая, — говорит она, — у меня просто не ходят ноги.

— Как — не ходят ноги? — Маджай поражен.

— Не ходят, болят. Я не могу даже встать, — спокойно объясняет Таиси.

«Так вот почему она сказала, что ее приносят», — думает Тути.

— Ох, прости, девочка, я ведь не знал, — говорит маджай. — Я здесь недавно и мало знаю людей и из вашего поселка, и живущих на берегу. Как тебя зовут и кто твой отец?

— Меня зовут Таиси, это мой брат Кари, а наш отец — столяр Онахту...

— Как, твой отец столяр Онахту?! — перебивает маджай. — Твоего отца я как раз успел узнать очень хорошо, да и не только узнать, ведь он мне жизнь спас! Разве он ничего об этом вам не рассказывал?

— Нет, ничего! — в один голос отвечают Таиси и Кари.

Теперь все детские глаза так и впиваются в маджая. Его неожиданные слова мгновенно пробудили острое желание узнать все, что можно, о таком интересном событии. Как бы это сделать — ведь прямо спросить нельзя, детям не полагается спрашивать старших, тем более чужих. И тут выручает старик Неферхотеп. Он внимательно слушал весь разговор девочки с маджаем и теперь обращается к нему:

— Расскажи, воин, как это случилось.

— Охотно, — отвечает Монту. — Это было вскоре после того, как меня назначили сюда. Я обходил горы и только что встретил двух мужчин, которые шли по направлению к вашему поселку, как меня неожиданно ужалила в ногу ядовитая змея. Нога сразу начала опухать, я не мог двинуться, потом упал и начал звать на помощь. Тогда один из прохожих вернулся и, узнав, в чем дело, немедленно опустился на колени и высосал яд из раны... Понимаете, он рисковал жизнью ради незнакомого ему человека!..

Таиси крепко сжимает руки, у Кари сверкают глаза. «Ах, отец, отец! И ни олова никому не рассказал! Вот он всегда такой!»

— Потом он оторвал кусок своей одежды, — продолжает Монту, — перевязал мне рану и вместе со своим спутником довел меня до ближайшего сторожевого поста. Ну, а там уже сбежали за врачом... Но, конечно, главное дело сделал ваш отец. И ведь он отказался назвать себя! Это уже потом стражники сказали мне, кто мой спаситель и где он живет. А когда я, поправившись, пришел к нему и хотел чем-нибудь отплатить за его поступок, так он и слушать не захотел и меня же еще угостил ужином!.. Так, значит, твой отец, девочка, это столяр Онахту... — Маджай внимательно вглядывается в Таиси и спрашивает: — И давно ты болеешь?

Таиси, в свою очередь, смотрит в глаза Монту. Да, этого человека, кажется, действительно тронула ее беда, это не простое любопытство, которое ее всегда так раздражает при встречах с незнакомыми людьми. Этому сильному, здоровому воину, видимо, по-настоящему жаль ее, да и неловко ему за свою шутку, оказавшуюся такой неуместной. Лицо у него доброе, глаза ласковые. Ему можно рассказать, как все это случилось.

— Это со мною уже давно. Как-то отец пошел в долину, там ему хотели что-то заказать. Он взял меня с собой, а я была еще совсем маленькая, меньше, чем Тади. Пока отец договаривался о заказе, мне стало скучно, и я убежала. Сначала я играла на берегу канала, мне так понравилась вода! А потом я свалилась в воду. Там было очень мелко, я не утонула, но и вылезти сама не смогла. Меня искали всю ночь и нашли

уже под утро. Я была вся холодная, холодная! Долго болела, потом поправилась, а вот ноги так и не ходят. А иногда очень-очень болят!

— А тебя лечили? — спрашивает Монту.

— Лечили, но ничего не помогает, — отвечает Таиси. — Это, наверное, уже навсегда.

— В главном храме Амона-Ра недавно появился новый молодой врач, его зовут Бекенмут, — задумчиво говорит Монту. — Он таких больных вылечивает, от которых все другие отказывались. Вот бы тебя ему показать.

— Ну что ты. — Таиси только машет маленькой смуглой ручкой. — Это невозможно! Туда я не могу попасть, а сюда он не придет. Да и потом, у нас все равно нечем ему заплатить. Раз он такой замечательный врач, значит, ему надо много платить.

— Нет, он не такой жадный, — говорит маджай. — Я что-нибудь придумаю.

— Таиси, вот твой ларчик и еще другие корзиночки, — шепчет Райа, которая во время рассказа Таиси успела сбежать в пещеру и принести работы своей маленькой подружки.

Корзиночки почти такие же, как та, которую уже выбрал маджай, поэтому он берет ларчик — небольшой, весь сплетенный из бледно-зеленой соломки, с широкой пестрой гирляндой из цветов и плодов на крышке.

— Я беру ларчик, он очень хорош, — говорит Монту. Он снимает с руки нитку великолепных красных сердоликовых бус, которая была намотана на запястье вместо браслета, и протягивает ее девочке. — Вот тебе за корзинку и ларчик, согласна?

— Это слишком много, — отказывается Таиси.

— Бери, бери, носи на счастье! — И Монту бросает ей бусы на колени.

Девочка надевает их и радостно улыбается. Подруги с любопытством разглядывают и хвалят обновку.

— Ну, прощайте, мне пора, — говорит Монту. — А врач Бекенмут все-таки будет лечить тебя, Таиси, вот увидишь! — Монту забирает корзиночку и ларчик и, помахав всем рукой, начинает взбираться наверх.

— А теперь идем и мы, Тути, — говорит Кари. —

Тебе лучше как можно скорее добраться домой, понял?

— Понял, — отвечает Тути.

Новые друзья прощаются, и мальчики уходят вниз, в долину.

На этот раз дорога кажется Тути менее трудной и утомительной. Он хорошо отдохнул, а уверенность в том, что теперь он не заблудится, придает ему силы. Тути быстро идет следом за Кари по тропинке и легко перебирается через камни. Страшная Вершина Запада осталась далеко за поселком, и мальчики разговаривают и смеются, не боясь разгневаться Мерит-сегер, «любящую молчание», грозную богиню кобру.

Солнце уже давно не в зените, и хотя все еще жарко и душно, но тени, отбрасываемые скалами, становятся все длиннее, и мальчикам все чаще удается ускользнуть от знойных лучей.

Кругом такое же безмолвие, такие же голые скалы.

Но вот тропинка выводит мальчиков на перекресток. Здесь сходятся еще три тропинки, а дальше вниз начинается уже довольно широкая дорога. Тути останавливается.

— Постой, Кари, — просит он, — скажи, куда ведут все эти пути?

— Вот эта дорога ведет к Святилищу, мы по ней и пойдем, — показывает Кари, — а эта тропинка — в Долину гробниц цариц и царских детей... — Кари зажимает рот рукой, но уже поздно: он проговорился!

— Ага, значит, ты все-таки все знаешь! — Тути весело хлопает в ладоши. — Ну, уж говори дальше, раз начал! Ну хочешь, я поклянусь тебе, что никому не скажу?

Кари искоса взглядывает на Тути и молчит, потом машет рукой и говорит:

— Ладно, чего уж там... И так не будешь болтать, сам понимаешь, чем может кончиться! Так вот, если идти в ту сторону, то действительно придешь в долину, где находятся гробницы жен фараонов, их сыновей и дочерей. А вот та тропинка идет по направлению к гробницам самих фараонов — только не прямо, и вообще это очень далеко. Смотри же, помни, ради всех богов, — обо всем, что я сказал, — никому ни слова! А теперь идем.

Дорога постепенно становится все шире и удобнее. Видно, что здесь много ходят. Вниз, вниз, еще два поворота, потом Кари останавливается и, протягивая вперед руку, говорит:

— Ну, вот и пришли. Отсюда дальше ты уж иди один, а я пойду обратно!

Тути подбегает к нему. Действительно, пришли! Хотя справа и слева еще высятся горы, но впереди их нет; дорога спускается среди небольших скал, а потом идет уже просто по каменистой равнине. А дальше внизу, направо и налево, точно звенья длинной цепи, стоят каменные здания — то гигантские святилища, то маленькие молельни. Это поминальные храмы фараонов, построенные здесь в течение пяти столетий. Их фасады обращены на восток, туда, где расстилаются поля, где видны пересекающие эти поля оросительные каналы, пальмовые рощи, хижины. А еще дальше катит свои бесконечные волны великий Хапи¹ — широкая река, на противоположном берегу которой виден огромный город.

Все залито розовеющим светом вечернего солнца, спускающегося за те горы, откуда вышли мальчики. То оранжевыми, то красными начинают казаться колонны храмов на восточном берегу, и золотые верхушки их обелисков точно горят пламенем. Ответным пламенем сверкают обелиски храмов западного берега. Постепенно краснеют обычно желтые воды Нила, появляются огненные блики на каналах, на прудах около храмов.

Проносится легкий ветерок. Снизу слышны лай собак, мычанье коров. Вот по дороге вдоль храма промчались две колесницы, клубится поднятая ими пыль.

— Ну как, доберешься? — спрашивает Кари.

— Ну конечно, — весело отвечает Тути, — ведь теперь уже совсем близко, смотри! — И он показывает на большую группу зданий, расположенных немного правее того места, где стоят мальчики. — Это и есть Святилище — дом Рамсеса Мериамона.

Весь большой участок, на котором размещены здания, окружен двойными массивными стенами с широкими зубцами наверху. В стенах есть двое ворот — на

¹ Хапи — древнеегипетское название реки Нила.

западной и восточной сторонах. По бокам каждой ворот, точно в крепости, стоят высокие зубчатые башни. Внутри стен — множество разных построек.

— Где ты там живешь? — спрашивает Кари. — И кто еще там живет?

— Сейчас расскажу. Видишь, посередине большой-большой храм? — показывает Тути. — Это поминальный храм фараона Рамсеса Мериамона. Я там никогда внутри не был. А вон справа — сад храма, большой пруд, дворец, вон там и там — кладовые. Ох, сколько в них всего — и зерна, и вина, и тканей, и золота! Всего, всего! Сюда все время привозят всякое добро. Я это постоянно вижу. А вон, налево, вдоль стены, — много-много домиков, видишь? Это жилища всех, кто работает в храмовых мастерских, в самом храме, в его хозяйстве. Тут живут ремесленники, садовники, стража, пастухи, пчеловоды... Здесь-то мы и живем. А дальше, ближе к Восточным воротам, — там дома большие и красивые. Там живут жрецы и всякое начальство — писец войск Кашути, начальник Западной части Города Пауро, потом писец сокровищницы, главный садовник, начальник привратников... всех не пересчитать! Теперь найдешь меня?

— Найду, конечно, — отвечает Кари.

— Знаешь, что? Приходи к нам на Праздник Долины! — неожиданно предлагает Тути. — В этот день с того берега привезут статуи богов! Отсюда навстречу поплывет много лодок. Я попрошу отца взять и тебя в нашу лодку, хочешь?

— Еще бы! Спасибо, Тути! Если меня отпустит мой отец, я непременно приду! — обрадованно отвечает Кари.

Тути благодарит своего нового друга, и мальчики расстаются. Кари быстро убегает вверх по дороге, изредка он оглядывается и машет рукой смотрящему ему вслед товарищу. Вот он скрывается за поворотом... Все! Надо идти домой.

«Интересно, ищут меня?» — с тревогой думает Тути.

Эта мысль впервые сегодня приходит ему в голову. Правда, вечер еще не кончился... Ну что же, он скажет, что бродил в горах, немного заблудился, ничего особенного! И мальчик бодро шагает к Святилищу.

Пройдя между гигантскими башнями Западных ворот, он бежит вдоль огромных длинных зданий кирпичных кладовых, перед которыми стоят стражники, потом проходит по узким улочкам между двумя рядами домов. Вот и его дом. Мальчик останавливается, переводит дух и осторожно заглядывает во двор. Что это? Никого нет? Куда же все ушли? Он вбегает в дом и в дверях почти сталкивается с выходящей ему навстречу старушкой; Тути едва успевает ухватиться руками за створку двери, иначе он налетел бы на старушку, и они оба, наверное, упали бы на пол.

— Ох, прости, бабушка, — извиняется Тути, переводя дыхание.

Бабушка испугана и рассержена.

— Вот, всегда ты несешься, как дикий осел! Что это такое? Чуть с ног не сбил!

Тути еще раз извиняется и хочет пройти в дом, но бабушка успевает цепко схватить его за руку:

— Постой, постой! Где ты был целый день, а? Отец искал, искал, а тебя все нет?!

— А где отец, бабушка? — Тути пробует вопросом заменить ответ, и это ему вполне удается.

— Отец в садах, — отвечает бабушка, — сегодня много работы, главный садовник осматривал сады и вызвал всех. Кроме того, привезли новых пленных, надо было их посмотреть, узнать, что они умеют делать, и поставить их на работы.

— А где мама?

— Она пошла помочь по хозяйству твоей тете, та заболела, так надо за всем домом присмотреть.

— А где Таха?

— Печет лепешки.

— Я пойду к ней, бабушка, я есть хочу! — Тути делает робкую попытку освободить руку; прямо сопротивляться бабушке нечего и думать, она старше всех в доме и, как обычно в Египте, пользуется всеобщим уважением. Ее слушаются все, начиная с отца и матери.

— А умыться? — строго спрашивает бабушка. — Ты же весь в пыли. Смотри, какой грязный! Сейчас же ступай мыться и надень чистую одежду. Совсем разбаловался! Хоть бы отец пристроил тебя к делу, а так и до беды добегаешься, чует мое сердце.

Бабушка отпускает Тути, и он покорно идет мыться, переодеваться и есть. Когда он выходит снова, уже совсем темно.

В доме зажигают светильники, и их неровный свет падает колеблющимися лучами через высоко расположенные окна комнат на отдельные участки двора. Тути садится на сложенную из кирпичей завалинку у ворот. Наконец-то он дома, чистый, сытый! Ноги все еще гудят, в голове мелькают скалы, тропинки, поселок, новые знакомые...

— Ты что это, сынок, заснул? — Жесткая рука трясет его за плечо.

Тути вскакивает.

— Не-ет, я просто немного задумался... — бормочет он.

Перед ним стоит отец и смеется.

Садовник Паседи среднего роста худощавый человек. Он всю жизнь работает в садах. Еще с детства Паседи учился у своего отца и даже деда, опытных садовников, искусство выращивать цветы, подбирать и связывать красивые букеты, гирлянды, венки. И сейчас, пожалуй, в Фивах найдется мало садовников, которые могли бы в этом с ним сравниться. Недаром так ценят его и главный садовник, и верховный жрец Святилища, и даже сам начальник Западной части Фив — суровый хитрый Пауро. Об искусстве Паседи хорошо знают и на другом берегу Города: его приглашают в дома знатных людей то украшать комнаты для пиров, то учить молодых садовников красиво планировать сад или выращивать редкие цветы или кустарники. Иногда его даже посылают в главный храм бога Амона-Ра, когда там готовятся к какому-нибудь празднику.

Паседи давно начал учить своему делу и сына. Тути в свободное от школы время с удовольствием ходит с отцом по садам, запоминает сорта растений, приемы ухода за ними, иногда помогает делать букеты. Вот и сегодня ему, конечно, следовало бы с утра быть в садах, а он убежал в горы.

— Где же ты был сегодня, Тути? — как раз и спрашивает Паседи.

Тути смотрит отцу в лицо, потом опускает глаза:

— Я был в горах, отец, и немножко заблудился.

— В горах? — Лицо отца становится строгим. — А зачем это ты туда пошел?

К счастью для Тути, в это самое время в воротах появляется высокий негр. Тути его хорошо знает — это Нехси, раб верховного жреца Святилища. Нехси подходит к Паседи, кланяется и говорит, что жрец приказал садовнику прийти через час и рассказать, как размещены новые пленные. Паседи обещает прийти и торопится в дом. Теперь ему уже не до сына — надо успеть помыться, поужинать, одеться так, как полагается, когда идешь к верховному жрецу. И Тути, облегченно вздохнув, опять садится на свою скамеечку.

V. ДОЛИНА ЦАРЕЙ

Попрощавшись с Тути, Кари постепенно все замедляет и замедляет шаги. Торопиться ему некуда, он хорошо знает дорогу и вовремя придет домой. А пока ему хочется еще раз вспомнить все события этого необычного дня и разобраться в них.

Кари так задумался, что не слышит оклика. Только при втором зове мальчик оборачивается и радостно вскрикивает:

— Учитель!

Обрадованный неожиданной встречей, Кари подбегает к высокому человеку с крупными чертами красивого волевого лица. Это учитель Кари, известный живописец Хеви. Он возвращается из Города в поселок.

— О чем ты так задумался, Кари, что даже не слышишь, что тебя зовут? — спрашивает Хеви, касаясь рукой плеча мальчика.

— Думал обо всем, что сегодня случилось в поселке, господин, — отвечает Кари.

— А что же такое случилось? — спрашивает Хеви. — Расскажи мне.

И Кари начинает рассказывать.

Он давно уже привык делиться с учителем своими радостями и горестями. Хеви всегда внимательно выслушивает мальчика, умеет вовремя дать нужный совет, никогда не оттолкнет его. И Кари не только грубо уважает своего учителя за его выдающийся та-

лант художника, но и просто очень любит, как близкого и дорогого ему человека. Вот и сейчас, пока они доходят до поселка, Кари успевает откровенно рассказать о всех событиях дня.

Хеви выслушивает все, изредка задавая вопросы, чтобы уточнить то, о чем Кари, торопясь, говорит недостаточно ясно. Известие о безобразной выходке начальника ремесленников Панеба Хеви воспринимает с тяжелым огорчением. Его лицо мрачнеет, взгляд становится жестким, губы крепко сжимаются. Однако он ничего не говорит мальчику. Выслушав же то, что маджай говорил о ссоре Пасера и Пауро, Хеви снова хмурится и коротко отвечает:

— Да, я тоже кое-что об этом слышал.

Незаметно подходят они к поселку. Хеви направляется к своему дому и, прощаясь с Кари, говорит:

— Мне придется отложить просмотр того, что ты сделал без меня в гробнице Инхерхаа, Кари! Теперь уже поздно идти туда, да и оба мы устали, а завтра на заре мы с тобой идем в Долину царей. Иди домой и утром не опаздывай!

— Хорошо, господин, — отвечает Кари, кланяется и идет домой.

Он не ожидал такого поворота дел, думал, что еще некоторое время будет работать здесь, около поселка, и сможет каждый день бывать дома. Теперь же придется расставаться с семьей на несколько дней. Да и не любит Кари эту долину, не любит далекую трудную дорогу туда, тяжелую работу глубоко под землей, в жаркой духоте вырубленных в скале помещений будущей царской гробницы. Но делать нечего, он привык беспрекословно слушать учителя и завтра пойдет с ним, раз это надо.

Ранним утром, еще до восхода солнца, Кари уже стоит у дома Хеви, держа в руках узелок с едой, красками и кистями.

Хеви вскоре выходит, и они отправляются в путь. Учитель, видимо, чем-то озабочен и не склонен разговаривать. Молча доходят они все по той же тропинке до перекрестка, у которого Кари проболтался Тути. Здесь Хеви и Кари сворачивают на север. Так же молча долго идут они среди высоких, каких-то особенно мрачных скал и наконец добираются до отдаленной

лощины, в утесах которой и вырубают подземные гробницы фараонов.

Хотя Кари не раз бывал здесь с Хеви, но он так и не может привыкнуть к этому далекому глухому ущелью. Ему почему-то кажется, что долина, в которой расположен его родной поселок, гораздо живее и веселее, хотя на самом деле и там только одни голые скалы. Может быть, ему так кажется потому, что там он знает каждый камушек, а может быть, и потому, что в поселке звучат то голоса людей, то песня, то плач ребенка. Да и скалы там ниже, не то что эти гигантские отвесные утесы.

Кари передергивает плечами — неприятное место, жуткое какое-то с его мертвой тишиной и черными пятнами теней... Настоящее царство смерти! Скорей бы уж дойти до будущей гробницы фараона! А вот Тути, наверное, был бы совершенно счастлив, если бы ему удалось попасть сюда. Как ему этого хочется! Эта мысль развлекает Кари и помогает ему скоротать остаток пути.

Вот наконец и вход в новую, еще не готовую гробницу. Это большое прямоугольное отверстие, вырубленное в скале, за которым сразу же начинаются ступени, ведущие в глубь горы.

У входа стоит стража — дежурный отряд маджаев царского кладбища. Все они хорошо знают Хеви и свободно пропускают его и Кари внутрь гробницы. Один из маджаев берет светильник, зажигает его и дает Кари.

На первой лестнице светильник еще не нужен — здесь дневной свет озаряет и ровные ступени, и великолепные росписи на стенах. Спускаясь вниз, Кари бегло осматривает знакомые ему фигуры фараонов и богов, длинные столбцы четких красивых иероглифов. Все это он уже не раз видел и хорошо запомнил. Вот фараон стоит перед богом, у которого тело человека, а голова шакала; это бог мертвых Анубис. А вот другой бог, с головой ибиса, — бог мудрости Тот; жрецы учат, что он ведет души умерших людей в загробное царство бога Осириса.

Кончается первая лестница — небольшая площадка и снова ступени, вниз, вниз... Сюда дневной свет

уже не достает, и только слабое пламя светильников озаряет лестницу и стены.

После второй лестницы — ровный коридор и третья лестница. И всюду на стенах росписи, росписи... Красиво? Да, очень, все так говорят. Вот и Хеви рассказывает, что осматривавшие гробницу придворные хвалили ее. Но Кари, спускаясь вниз по лестницам этого подземного дворца, каждый раз думает об одном и том же: как несколько лет тому назад, когда еще только вырубали третью лестницу, случилась беда — обвалились огромные куски камня... Четверо каменотесов были задавлены насмерть, двое остались навсегда калеками, нескольких ранило. Хотя Кари был тогда маленьким, однако он на всю жизнь запомнил страшный день, когда в поселок принесли трупы каменотесов, принесли еле живых тяжелораненых, запомнил отчаянные вопли женщин, особенно вдовы одного из убитых, которая помешалась от горя и, не переставая, дико кричала весь день, а к ночи умерла.

Все это снова встает перед глазами мальчика, как только он входит в царскую гробницу, и он уже не может думать ни о поразительной точности линий помещений, ни о красоте росписей.

И работать Кари здесь тоже не любит — очень жарко и душно. И чем глубже, тем хуже. Насколько легче дышится в небольших склепах в гробницах его родного поселка!

Внезапно в глубине сквозь мрак начинает проникать слабый желтоватый свет. Вот он становится сильнее, и уже видно, что это отблески многих светильников, горящих в большом помещении в самом конце последнего спуска.

В то же время откуда-то сбоку доносится стук молотков. Он все слышнее — это вырубают какую-то комнату справа от того коридора, по которому идут Хеви и Кари. Мальчик вспоминает, что недавно в царскую гробницу неожиданно потребовали отряд каменотесов, хотя считалось, что все черновые работы были уже закончены. Оказалось, что фараон, осматривая свое посмертное жилище, нашел, что в нем устроено мало кладовых, и приказал вырубить еще комнаты по сторонам последнего коридора, перед входом в тот зал, где должен стоять гроб. Вот поэтому-то из поселка

и отправили группу каменотесов, в числе которых был и дядя Нахтмин, отец Паири, опытный мастер, хорошо знавший сложную работу в подземных гробницах.

«Это, значит, они и стучат, — думает Кари, — надо будет зайти туда потом».

А вот наконец и зал, в котором после смерти фараона будет поставлен огромный каменный гроб с его телом. Вернее, несколько гробов, вставленных один в другой для большей сохранности мумии умершего владыки Египта. Кари слышал, что обычно мумию фараона укладывают в гроб из чистого золота, украшенный самоцветами, затем этот гроб вставляют последовательно в два деревянных, обитых листовым золотом и тоже украшенных вставками из самоцветов и ярких стеклянных паст, а потом опускают в каменный гроб с тяжелой, массивной крышкой. Кругом расставляют драгоценные светильники, статуи божеств, а кладовые наполняют красивыми ларцами с тонкими одеждами, ценным оружием, ожерельями, браслетами, перстнями. Даже игры положат сюда, даже едой и питьем снабдят царя, для того чтобы обеспечить ему счастливую жизнь в загробном мире. Огромные богатства, прекрасные вещи будут навеки замурованы в этом зале, вырубленном тяжелым трудом каменотесов, украшенном руками талантливых скульпторов и живописцев.

Отделка погребального зала еще не закончена. Готов только потолок и одна стена.

Потолок должен изображать ночное небо — он поэтому окрашен в синий цвет, на котором хорошо выделяются большие золотые звезды. На стене большая фигура сидящего на троне царя загробного мира, бога Осириса, перед которым стоит фараон.

В зале довольно светло: горят несколько светильников. У двух стен работают люди. Кари их всех хорошо знает — это живописцы из их поселка. Услышав шаги Хеви и Кари, они обернулись ко входу в зал и, увидев главного художника, приветствуют его. Хеви отвечает им, Кари, в свою очередь, склоняется в общем поклоне.

Два художника подходят к Хеви — это его главные помощники, опытные мастера, которые уже давно работают и пользуются известностью.

Хеви начинает вместе с ними осмотр всего, что было сделано во время его отсутствия. Кари не отстаёт и внимательно слушает, что говорят лучшие художники поселка.

В зале трудятся несколько младших живописцев, выполняющих менее важную часть работы, а также подмастерья, которые готовят краски, следят за светильниками, переносят приставные лестницы.

Наконец осмотр закончен. Все возвращаются на свои места и принимаются за работу. Хеви отходит в сторону с одним из главных художников — Амоннесом — и некоторое время о чем-то с ним говорит, потом идет к еще не тронутой росписью стене и знаком подзывает к себе Кари. Они стоят теперь в самом дальнем конце зала. На стене только фон и нанесены контуры фигур, но к росписи их еще здесь не приступали.

— Давай сядем, Кари, и побеседуем, — говорит Хеви, садясь на легкий плетеный стул и указывая мальчику на такую же низкую скамеечку рядом с собой.

Кари садится. Он очень любит беседы учителя. Наверное, и сейчас, как всегда в таких случаях, Хеви скажет ему что-нибудь нужное и интересное. И мальчик не ошибается.

— Слушай внимательно, Кари, все, что я тебе скажу, — начинает Хеви. — Я доволен тем, как ты работаешь...

Кари вспыхивает от радости и хочет что-то сказать, но Хеви останавливает его движением руки.

— Ты хорошо усвоил все приемы и правила стеной росписи, — продолжает художник. — Я убедился, что у тебя верный глаз и твердая рука. Твои зарисовки, которые ты делал на черепках сосудов и обломках камней, показали мне, что ты не только наблюдатель, тебе всегда хочется нарисовать то, что показалось интересным. Я говорю все это не для того, чтобы просто похвалить тебя, я уверен, мои слова не принесут тебе вреда — ты сам хорошо знаешь, что тебе надо еще многому и многому учиться. Я сказал все это потому, что настало время испытать твои силы на более сложной работе, и я хочу, чтобы ты, поняв, насколько я тебе доверяю, приложил все свои знания,

все уменьше, чтобы как можно лучше выполнить задание.

Кари слушает учителя затаив дыхание. Значит, Хеви действительно доволен им. Но неожиданно вместе с радостью он чувствует и страх: справится ли он, действительно ли он готов для такой работы? По-видимому, волнение Кари так ясно отражается на его лице, в крепко сжатых пальцах рук, в неровном дыхании, что Хеви прекрасно понимает чувство мальчика и говорит:

— Я вижу, что ты и рад, и волнуешься, — это так и должно быть. Плохо, когда человек настолько самоуверен, что спокойно берется за новое дело, считая, что он все знает и со всем прекрасно справится. Но и лишние колебания тоже не нужны. Думай о работе, а не о себе, и все будет хорошо. А теперь вставай, я покажу тебе, что надо делать.

Хеви встает и оборачивается к стене, около которой они сидели. Кари вскакивает, подходит к учителю и вглядывается в фигуры и иероглифы. Вот ладья, посередине сидит на троне бог солнца Ра.

— Вот, Кари, ты распишишь эту часть, — говорит Хеви, указывая на стену. — Начинай, и пусть тебе поможет сам Ра! А теперь выслушай еще вот что: я сейчас уйду, меня посылают в Инти для осмотра работ в храме богини Хатор. Ты останешься здесь и со всем, что тебе будет нужно, обращай к Амонмесу. Он будет заменять меня и обещал помогать тебе. Краски и кисти возьмешь тоже у него.

Кари очень огорчен отъездом учителя.

— А когда ты вернешься, господин? — спрашивает он, и голос выдает его чувства.

— Я не могу сейчас этого сказать, Кари, — отвечает Хеви, кладя руку на плечо мальчика. — Я и сам этого не знаю. Думаю, что дней через пять-шесть. Но ты не должен беспокоиться. Амонмес тебе поможет.

Хеви слегка сжимает плечо Кари и уходит. Вот он останавливается еще у Амонмеса, они разговаривают и прощаются, вот Хеви подходит к одному из молодых живописцев и затем направляется к двери... Все — учитель ушел, надо начинать работу. И Кари идет к Амонмесу за красками и кистями.

Он снова на прежнем месте. Все получено, все го-

тово, кисть в руках, образец изучен до конца, а Кари все еще стоит перед стеной, не решаясь приступить к росписи. Наконец он собирается с духом и осторожно начинает раскрашивать ладью. Это не такая важная часть росписи, как фигура бога Ра, и мальчик выбрал для начала именно ее.

Ох, как страшно!.. Рука точно чужая, пальцы не гнутся, в глазах рябит. Но Кари берет себя в руки и, слегка закусив губу, продолжает роспись. Минуты проходят за минутами, и постепенно он увлекается работой и забывает, где он. Исчезает скованность руки, возвращаются привычные движения, и вот уже Кари с увлечением погружен в любимое занятие.

Он не видит, что Амонмес изредка поглядывает на него и один раз даже довольно близко проходит мимо и, по-видимому успокоенный, продолжает свое дело.

Кари не замечает, как бежит время, не чувствует усталости. Вот ладья готова! Она коричневая, а верх кормы, изображающий цветок лотоса, окрашен зеленым и голубым. Тонкими черными линиями отмечены борта, разноцветный рисунок украшает весла. Теперь можно немного передохнуть.

Но Кари не успевает еще вытереть кисть, как до его слуха доносится какой-то шум, крики, брань... Что это? Кажется, кого-то бьют?!

Все живописцы, работавшие в погребальном зале, бросают работу и спешат к двери. Кари тоже бежит туда. Ему кажется, что среди крика и шума он узнает голос дяди Нахтмина, и Кари стремится узнать, так ли это, и вообще — что же там случилось?

Ему не сразу удастся пробиться вперед, и, когда он выскакивает в коридор, из боковых комнат стражники уже выталкивают двух человек со связанными за спиной руками. Одежды их разорваны, по лицам течет кровь. Маджаи тащат их вперед, осыпая ударами дубинок.

— Я не грабитель! Вы не смеете меня уводить, не смеете бить!

Сердце Кари замирает: это голос дяди Нахтмина! Великие боги, что же это такое?!

Рядом с Нахтмином так же отчаянно отбивается молодой, очень сильный, рослый каменотес. Кари узнает его — это Харуди, единственный сын вдовы Та-

мит, добрый и хороший человек. Ох, как его ударил по голове маджай! Кари сжимает кулаки и уже готов броситься вперед, но чьи-то руки хватают его за плечи.

— Стой смирно, куда ты? — шепчет над его ухом Амонмес. — Сейчас же уходи обратно, слышишь?

Амонмес крепко держит Кари, а в это время остальные живописцы, теснясь вперед, заслоняют от них все, что происходит в коридоре. Кари дрожит от ярости и волнения и пробует вырваться, но не может — Амонмес не выпускает его из своих сильных рук. А между тем шум борьбы и крики доносятся все глуше — значит, маджаи уводят каменотесов. Куда? В тюрьму?

— За что они их забрали, за что бьют? — шепчет Кари, все еще вздрагивая.

— Этого пока мы не знаем, — услышав шепот мальчика, отвечает Амонмес. — Бежать тебе за ними незачем — ты им ничем не поможешь... Ведь и я не иду, хотя Харуди сын сестры моей умершей матери, мой двоюродный брат... Даже если мы все бросимся туда — сейчас ничего не вышло бы: нас просто перебили бы стражники... Мы и сами бы погибли, и никого бы не освободили... Надо иначе!..

Кари поднимает глаза и видит, как взволнован художник.

— Идем обратно, Кари! — шепчет он. — Я потом постараюсь узнать, что случилось, и подумаю, как и что можно сделать... А пока иди и берись за работу!

Легко сказать «берись за работу», когда он не может ни о чем думать! Кари садится на скамеечку у своей стены, берет в руку кисть, придвигает краски — и ничего не может делать. В его глазах стоят связанные люди, а ушах чудится их крик. «Я не грабитель!» — кричали и Нахтмин, и Харуди. Значит, их обвинили в ограблении царских гробниц? Но ведь это чудовищно — все же знают, что они честнейшие люди! Как же могло возникнуть это страшное обвинение? Кто мог их оклеветать?!

Ох, а что же будет с Паири и его семьей? Как будет житу мать Харуди? Она стара и так слаба, что уже не может работать. Даже подумать страшно обо всем этом!

«Берись за работу»... И все-таки Амонмес прав — Кари обязан работать, как бы он ни был расстроен и огорчен. Подумав, мальчик решает расписывать иероглифы, это проще и легче, можно в это время думать о своем.

Кари потом никогда не мог вспомнить, как закончился этот день. Как все живописцы, мальчик обедал, немного отдыхал, снова расписывал иероглифы. Потом, когда после окончания рабочего дня они все поднялись наверх, Амонмес привел его в свою хижину, в которой ночевал, когда работал в Долине царей, и показал небольшую лежанку, на которой Кари должен был спать.

Кари послушно лег, но долго не мог заснуть.

Только под утро мальчик смог немного забыться, но вскоре его разбудил Амонмес.

Снова началась работа в великолепном зале, вырубленном глубоко-глубоко в недрах горы.

Однако на этот раз сразу же после полудня в зал неожиданно вошел Хати, помощник начальника отряда ремесленников Панеба. Он встал посередине помещения и три раза громко хлопнул в ладоши.

Живописцы, поклонившиеся Хати еще раз при его появлении, с удивлением смотрели на него, ожидая, что он им скажет.

— Наш господин Пауро, начальник Западной части Города, приказал объявить всем вам радостную весть! — громко начал Хати. — Сегодня утром сам везир изволил обследовать гробницы великих фараонов, о которых Пасер, начальник Восточной части Города, лживо написал везиру, что их будто бы ограбили и что случилось это потому, что будто бы наш господин Пауро плохо следит за порядком на царском кладбище. Так вот, все это оказалось ложью — гробницы владык Египта целы! Наш господин Пауро велит вам по этому радостному случаю прекратить работу и идти домой, а завтра устроить торжественное шествие по всей Западной части Города, как это бывает в дни больших праздников! Кончайте работу и отправляйтесь в поселок.

Хати стоит, ожидая благодарности от живописцев за предстоящий отдых и празднество, но люди угрюмо молчат. Тогда Хати грубо кричит:

— Вы что же, не слышите меня, что ли?!

— Слышим, господин, — твердым голосом отвечает Амонмес, — слышим и сейчас уйдем.

Хати обводит глазами живописцев — везде его взгляд встречает нахмуренные враждебные лица. Тогда, поняв, что освобождение от работы не принесло никакой радости людям, огорченным судьбой их односельчан, Хати раздраженно пожимает плечами и затем уходит.

Через некоторое время со светильниками в руках, один за другим направляются к выходу мастера. Постепенно в зале становится все темнее, и наконец горят уже только два язычка пламени — в светильниках Амонмеса и Кари. Мальчик долго убирает кисти, укладывает краски. Наконец Амонмес подходит к нему:

— Ну, ты готов? Идем!

Кари послушно встает, и они начинают подниматься по многочисленным ступеням лестниц.

Кари явно хочет о чем-то спросить художника, но долго не решается первым вступить в разговор. Однако нетерпение берет верх, и он обращается к Амонмесу:

— Прости, господин, но я не могу понять, если, как сказал Хати, все царские гробницы целы, то почему же маджаи забрали наших каменотесов? А ведь раз Нахтмин и Харуди кричали, что они невиновны, что они не грабители, значит, их обвинили как раз в грабежах?

— Не понимаю сам, — говорит Амонмес, — я тоже об этом думаю. Попробую узнать у маджаев наверху. Сейчас вступила новая смена, может быть, они что-нибудь слышали. Ты иди вперед и подожди меня недалеко от входа в Долину царей, я тебя скоро догоню.

— Хорошо, господин, спасибо, — говорит Кари.

Выйдя из столь нелюбимой им Долины царей, мальчик садится на камень и ждет художника. Все остальные живописцы и несколько каменотесов, которых не тронули маджаи, давно уже ушли вперед.

Но вот и Амонмес. Кари встает и вопросительно смотрит на него.

— Ну, идем, — говорит художник, — я кое-что узнал. Дело обстоит совсем не так просто, как сказал Хати. Оказывается, было два осмотра царских гроб-

ниц — вчера и сегодня. Вчера везир послал проверить заявления Пасера, послал Пауро, писца везира и двух жрецов...

— Прости, господин, но я не понимаю, — неожиданно перебивает Кари, — как же это получается? Пасер обвиняет Пауро в том, что тот плохо следит за порядком на царском кладбище, а везир посылает самого же Пауро проверять это обвинение?

— Да, это довольно странно, — соглашается Амонмес. — Слушай дальше. При этом осмотре все царские гробницы оказались целыми, кроме одной — фараона Себекемсафа, который жил давным-давно, лет шестьсот тому назад. Выходит, что Пасер написал неправду. В грабеже гробницы Себекемсафа обвинили трех человек — двух наших каменотесов и медника Пахара. Каменотесов отвели в тюрьму, а медника прямо в дом Пауро, зачем — неизвестно.

— А что было сегодня? — спрашивает Кари.

— А сегодня пошел уже сам везир и писец фараона. Повели и медника Пахара, о котором Пасер прямо писал, что он грабитель. Но он отпирался, уверял, что даже не знает, где находится Долина царей. Ему завязали глаза и вели так, а развязали уже в горах, но еще далеко от царского кладбища. Ему велели идти туда, где он бывал, и показать, что он здесь знает. И вот он пошел не в Долину царей, а совсем в другую сторону, и привел всех к пустой гробнице, которую когда-то готовили для старшего сына фараона, а потом она не понравилась, и для него стали делать другую, а эта так и осталась пустой. Везир рассердился, потому что всем ясно, что тут нечего было грабить. Везир решил, что медник врет, и велел его бить, чтобы он сказал правду, но Пахар так ничего другого и не показал, поэтому решили, что он не виновен ни в чем.

— А зачем же он лазал в пустую гробницу? — недоверчиво спрашивает Кари.

— Его как раз об этом и спросил царский писец, — отвечает Амонмес. — А он сказал, что просто так, ходил в этих местах, увидел вход, прорубленный в скале, заинтересовался и пошел посмотреть, думал, что может быть, что-нибудь найдет.

— Странно как-то все это, правда, господин? — за-

думчиво говорит Кари: — Как это везир да и другие поверили такому вздору?

— Люди часто верят тому, чему им хочется верить, — отвечает Амонмес, тоже, видимо, думая о странности поведения везира.

— Что же сделали с медником? Опустили его? — спрашивает Кари.

— Нет, так просто отпустить нельзя, это можно сделать только по решению суда. Послезавтра будет заседать городской суд на том берегу, и там уже все решится. А пока медника опять отвели в дом Пауро.

— Опять к Пауро... — повторяет Кари и задумывается.

Амонмес больше ничего не отвечает, и они молча доходят до поселка.

VI. ВРАЧ БЕКЕНМУТ

Появление Кари не удивляет его родных: они уже знают о случившемся от тех, кто вернулся из Долины царей, и поэтому ждут мальчика.

Однако, несмотря на возвращение сына, дом столяра Онахту полон горя, как полны им и многие дома поселка. Поэтому и нет того веселого шума, который обыкновенно наполняет селение при возвращении мужчин с работы. Не слышно песен и музыки, не заметно приготовлений к праздничному ужину. Даже предстоящее завтра шествие не веселит людей.

В семье Онахту особенно тяжело. Лица Неши и Таиси заплаканы, сам столяр молча шагает взад и вперед по комнате. Он глубоко переживает арест брата, и, когда Кари подробно обо всем рассказывает отцу, Онахту становится все мрачнее и мрачнее. Уже при встрече Кари заметил, что отец чем-то озабочен. Мальчику кажется, что отца тревожат еще какие-то дела, помимо беды с его братом и Харуди.

— Отец, можно я схожу к Паири, как-то там у них? — спрашивает Кари, окончив рассказ.

— Паири ушел в Святилище, он хочет попытаться узнать что-нибудь о своем отце и если это удастся, то передать ему еду. Так что ты не найдешь его, не стоит тебе ходить. Мать была уже и у них, и у Харуди, помогла, чем можно... Мать Харуди слегла, у нее все

время по очереди сидят женщины... — говорит Онахту. — Эх, если бы твой учитель был здесь! Вот кто мог бы еще, пожалуй, помочь, а то боюсь, что худо будет нашим друзьям...

Да, если бы учитель был здесь!.. А может быть, попробовать поискать его в Святилище или даже на том берегу?

— Да, вообще худые дела, мальчик мой, худые дела... — задумчиво продолжает Онахту.

— У тебя что-нибудь случилось, отец? — решается спросить Кари.

Онахту отрицательно качает головой, но мальчик не верит ему: слишком озабоченно его лицо, он все время думает о чем-то своем, о чем-то очень тяжелом...

Вся семья тихо ложится спать...

Утро не приносит облегчения. Неши, сбегав проведать семьи Нахтмина и Харуди, торопливо готовит обед. Кари сначала помогает отцу починить печь во дворе, потом они оба садятся в комнате. Онахту погружается в свои думы, Кари начинает резать соломинки для Таиси. Девочку не унесли сегодня в горы, она сидит в спальне и тихо плетет свои корзиночки.

Но вот раздается стук в дверь. Кари идет, открывает и отступает от неожиданности: на пороге стоит маджай Монту, а за ним высокий молодой жрец в безукоризненно чистом белом одеянии, с наголо выбритой головой.

— Здравствуй, друг! — весело кричит Монту столяру. — Вот, принимай гостя — это врач Бекенмут из великого храма Амона-Ра! Он хочет посмотреть твою дочку. Вот увидишь, он непременно ее вылечит.

Онахту и Кари приветствуют врача поклоном.

— Входи, господин, — говорит столяр. — Пусть Амон благословит твой приход. Спасибо тебе, не каждый врач пришел бы к нам ради девочки. Спасибо и тебе, Монту!

— Благодарю за добрые слова, — отвечает Бекенмут. — А где девочка? Я могу ее видеть?

— Да, господин, конечно... Только... не гневайся, господин, но я хочу тебя предупредить, что дочь мою пробовали лечить уже три врача. Художник Хеви, учитель моего сына Кари, приводил к нам врачей, но никто не помог моей девочке, все сказали, что ее нельзя

вылечить... Так что, если окажется, что ты напрасно трудился, не сердись на нас!

— Ну что ж, это не беда, а вот попробовать еще раз полечить девочку, если только есть хоть какая-нибудь надежда, надо обязательно. Идем, друг, и покажи девочку. — В лице Бекенмута есть и доброта, и упорство одновременно.

Онахту еще раз кланяется и ведет гостя внутрь дома.

Кари и Монту садятся на циновки. Мальчик так взволнован, что не может молчать, и решается задать вопрос маджаю:

— Откуда ты знаешь этого врача?

— О, я его знаю давно! Мы встретились еще на Севере, в Саисе, я служил в охране храма богини Нейт, а там, как ты, может, знаешь, учатся молодые врачи. Там учился и Бекенмут. Про него и тогда уже говорили, что он будет очень хорошим врачом. Потом он кончил учиться и вернулся сюда, в храм Амона-Ра.

Снова наступает молчание. Наконец слышны голоса: Бекенмут и Онахту возвращаются. Кари с нетерпением всматривается в лицо врача, который это сразу же замечает.

— Ты, наверное, хочешь спросить меня, что я думаю о болезни твоей сестры, мальчик? — спрашивает Бекенмут.

— Да, господин, — отвечает Кари.

— Я надеюсь вылечить ее, — говорит Бекенмут и улыбается при виде радости, заливающей лицо Кари. — Мне пришлось уже излечить троих таких же больных, излечить новым способом, который я сам придумал... Но для этого мне надо увести девочку с собой. Твоя мать тоже поедет. Пока Таиси не поправится, они обе будут жить у моей матери. Я хотел бы, чтобы ты пошел с нами, Кари: придется помочь в дороге. Твой отец согласен. Идешь?

— С радостью, господин! — отвечает Кари. Мальчик так доволен, что врач считает болезнь сестры излечимой, что даже забывает на минуту так огорчавшие всех события с каменотесами. Однако он сразу же вспоминает обо всем, потому что ему приходит в голову мысль, что, попав на тот берег, он еще успеет повидать Хеви до того, как тот уедет в Инти.

— До Святилища и я могу вас проводить и понести девочку, — предлагает Монту, лицо которого так и сияет радостью.

— Очень хорошо, спасибо! — отвечает Бекенмут.

— Я должен только предупредить об этом начальника сторожевого поста. Мы там и встретимся! — говорит маджай и быстро уходит.

— Присядь, господин, — приглашает Онахту, показывая гостю на покрытый циновками приступок, — отдохни, я сейчас принесу еду. А ты, Кари, пойдя, тебе надо собираться в дорогу.

Кари повинуется отцу и выходит. Бекенмут опускается на циновки и с удовольствием протягивает ноги. Онахту уходит и вскоре возвращается, неся большой поднос с угощением. За ним его жена Неши приносит посуду, придвигает к приступку два легких плетенных из соломы столика и ловко расставляет на них все, что они с мужем принесли для своего гостя.

— Ешь и пей, господин, — говорит она с легким поклоном. — Мы всегда рады гостю, а тем более такому, как ты.

Женщина явно взволнована, на ее щеках горит румянец, веки слегка распухли, видно, что она недавно много плакала, но теперь на ее красивом худощавом лице появилась надежда.

Бекенмут благодарит за приглашение. Онахту придвигает для себя один из стоящих вдоль стен низеньких табуретов и садится рядом с врачом. Неши уходит продолжать сборы в дорогу.

Некоторое время гость и хозяин молча едят, запивая легким пивом вкусное гусиное мясо и свежие пшеничные лепешки. Потом Онахту говорит:

— Я не знаю тебя, господин, но мне кажется, что если ты пришел сюда для того, чтобы помочь дочери столяра, и ничего не хочешь взять от нас за это, то ты, верно, хороший человек. Может быть, я скажу лишнее, но у меня случилось большое горе, а может, впереди будет и еще не одно, и я хочу тебе обо всем рассказать.

— Я тебя слушаю, говори все, что думаешь, — отвечает Бекенмут.

Онахту рассказывает об аресте Нахтмина и Харуди, а потом прибавляет:

— Боюсь, что и мне грозит беда. Может, как раз хорошо, что жены и дочери здесь не будет. Видишь ли, господин, я сейчас делаю резной футляр для статуи бога Амона. Работаю в мастерской с другими столярами. У каждого из нас свое дело, кому что поручено — футляры, подставки, жертвенники. Я на своем футляре уже кончил резьбу, теперь надо его обивать листовым золотом. И вот третьего дня приходит ко мне вечером домой помощник начальника отряда Хати и предлагает такую сделку: заднюю стенку футляра просто окрасить в желтый цвет, а золото, которое пошло бы на обивку, поделить с ним.

Бекенмут слегка поднимает брови:

— Ну и что же?

— Ну, я, конечно, наотрез отказался! У нас в роду воров не бывало, как бы трудно ни жилось! Но этим дело не кончилось. Тогда-то он ушел, а вчера приходит опять, спрашивает, не передумал ли я. «Нет, говорю, не передумал и впредь не передумаю, а потому прошу ко мне больше не являться!» Рассердился он страшно и говорит: «Смотри не пожалей!» С этим и ушел.

— Так ты боишься, что он сделает тебе какие-нибудь неприятности?

— Да уж не без того, господин. Если бы только неприятности, а то может и совсем погубить, вот что страшно. За себя-то я бы еще не так беспокоился, а ведь у меня семья.

— А если рассказать все начальнику отряда? — спрашивает Бекенмут.

— Да что ты, господин? — удивленно смотрит на него Онахту. — Это Панебу-то рассказать про его помощника?

— Ах, твой начальник — Панеб? Так ты считаешь, что он заодно с помощником, что ли? Думаешь, что он его покроет?

Онахту молчит и смотрит в пол, потом поднимает глаза на гостя и решительно говорит:

— Думаю, хуже. Думаю, что его и подослал ко мне Панеб.

— Вот как! А почему ты так решил?

— Потому что этот человек способен и на худшее, господин. Разве мы мало знаем о его страшных делах?

Вот взяли теперь моего брата Нахтмина и Харуди. Они непричастны к ограблению царских гробниц, господин! Клянусь фараоном, они невиновны! А их взяли! И это не без Панеба — он давно на них точит зубы за то, что они его не боятся и ему не поддаются... А следовало бы взять не их, а самого Панеба. Он-то как раз лучше всех знает, кто на самом деле залезает в гробницы фараонов! Без него такие дела не делаются, только он всегда остается в стороне... Осудят либо мелких ворюшек, либо и вовсе невинных, вроде Нахтмина и Харуди. Ведь осудили же три года назад писца Хнумнахта за кражу из гробницы фараона Сети-Мериптаха покрывала с колесницы и руку писцу отрезали! А украл-то Панеб! И не раз так, а доказать нельзя, все боятся, да он всегда так устроит, что и свидетелей не найдешь.

Онахту встает и взволнованно начинает ходить по комнате.

— Он не брезгает ничем, даже ворует из наших гробниц, тут, на кладбище поселка. Он, например, спустился в подземелье гробницы одного ремесленника и украл ложе, на котором стоял гроб с мумией! Подумай, господин: украл вещи, которые были даны умершему человеку! А когда мы его спросили, как он посмел это сделать, так он сказал, что он это ложе купил, и выставил свидетелем того же помощника, который теперь вот пристаёт ко мне! Говорим ему: а куда же делось ложе из гробницы? А он отвечает: «Почем я знаю, кто из вас его украл!» А сколько раз он избивал нас! Ведь его собственный сын убежал от него — пришел на сторожевой пост, плачет и твердит: «Я не могу больше жить с ним». Так и ушел к своему дяде в храм фараона Сети-Менмара. Чего же больше, господин, — родной сын! Панеб вообще ни перед чем не остановится, он — убийца, господин!

— Что ты этим хочешь сказать? — перебивает врач.

— А вот что. Ты знаешь, как он стал начальником нашего отряда ремесленников? Был у нас начальником Небнефер; после того как он умер, его должен был заменить его старший сын Неферхотеп, как это у нас обычно делается. А Панеб убил Неферхотепа.

— Как убил?

— Этого никто не знает, но всем известно, что это сделал Панеб. После Неферхотепа должен был бы стать начальником его младший брат Амоннахту, а назначили Панеба. И знаешь почему? Говорят, что Панеб отдал пять рабов везиру — тогда еще был везиром Праэмхэб, — и тот назначил начальником Панеба и замял дело об убийстве.

Бекенмут слушает все это молча, только крепко сжатые руки и нахмуренные брови показывают, что рассказ Онахту глубоко волнует врача.

— А пожаловаться на него некому, господин, — продолжает Онахту. — За него горой стоит сам Пауро. Так его защищает, что, видно, ему выгодно, чтобы Панеб сидел у нас в начальниках. А на Пауро кому жаловаться? Может, скажешь, везиру? А вот, смотри, что получилось, когда даже такой важный человек, как правитель Города Пасер, подал везиру жалобу на Пауро? Все обвинения оказались клеветой: Пауро ни в чем не виноват, все у него в порядке! Все царские гробницы целы, кроме одной — наверно, в ней не успели для видимости навести порядок и снова запечатать, а может быть, нельзя было уж совсем отпереться! А заодно и от неугодных людей избавились... А вот почему это везир в первый раз послал во главе обследования именно Пауро? А? Разве так делают, господин?

Бекенмут молчит.

— А жаловаться некуда. Нет правды... нет помощи... Остается только на волю богов положиться. Хочу сегодня же пойти помолиться Владычице Западной Вершины, покровительнице нашего поселка, буду просить ее отвести от меня беду! Другой помощи мне не найти...

Бекенмут опускает голову и все так же молчит. Умолкает и Онахту. Бекенмут встает и решительно кладет руку на плечо Онахту.

— Вот что, друг, — говорит он, как всегда, спокойно, но с каким-то оттенком твердости в голосе, — ты говорил, что Панеб получил место начальника отряда, убив сына прежнего начальника, который получил это место по закону? Так? И еще ты, кажется, сказал, что у убитого остался брат, который, собствен-

но, и должен был бы стать начальником отряда, раз эта должность переходит у вас по наследству?

— Да, господин, все это так, — отвечал Онахту. Он не понимал, что имеет в виду его гость, но слушал внимательно и с полным доверием.

— Так вот, пусть этот человек напишет все подробно, понимаешь? Все, как было дело и что он вообще знает про Панеба. Ну, словом, все, что ты мне сейчас рассказывал. И пусть этот документ он отвезет сам на Север, где сейчас находится фараон, и передаст его, тоже лично, везиру Северной части страны. Только пусть все это он сделает сам, никому не поручая и никому не доверяя, понял?

— Понял, господин. — Онахту продолжает так же внимательно слушать.

— И еще. Если потом сюда приедут от того везира посланные им люди для проверки всего дела, вам надо действовать дружно, не бояться Панеба и говорить прямо и твердо все, что вы знаете. Запомни, Онахту, что сила в единении, одна пчела не прогонит гиену, а много пчел могут ее одолеть. Ну, пора идти. Посмотрим, готовы ли твои? Да, вот что. Если действительно с тобой что-нибудь случится, непременно дай мне знать. Пусть Кари меня найдет. Если уж стряется несчастье, помни, что твою семью я не оставляю! Молчи, ничего не надо говорить, иди поторопи их, нам надо вовремя приехать на ту сторону.

Онахту все-таки успеваает произнести несколько слов благодарности, хотя волнение мешает ему сказать все, что рвется из его сердца. Он машет рукой и уходит. Бекенмут опять садится на приступок и опускает голову на руки. Он сразу становится каким-то утомленным, точно постаревшим. И так, сжимая бритую голову своими сильными руками, он сидит, пока за дверью не раздаются веселые детские голоса. Тогда Бекенмут сразу поднимается, принимает свой обычный спокойный вид и так встречает входящих Онахту с Таиси на руках, Неши и Кари, несущего узелок.

— Ну, вот и хорошо, собрались? — бодро говорит Бекенмут. — Тогда идемте.

Все выходят. Онахту хочет проводить семью и сам несет дочку, остальные идут сзади. Пройдя несколько

домов вдоль главной улицы, Онахту останавливается и говорит, обернувшись к Бекенмуту:

— Прости, господин, но девочка очень хочет проститься с арфистом Неферхотепом, это его дом, я зайду с ней на минуту и догоню вас, хорошо?

— Конечно, очень хорошо, что Таиси помнит своих друзей, — ласково говорит Бекенмут.

Онахту с девочкой входит в дом, а остальные не спеша идут дальше.

У ворот Онахту догоняет их. Маленькая группа подходит к сторожевому посту, у которого их уже поджидает Монту.

— Ну, мне, пожалуй, пора идти обратно, — говорит, останавливаясь, Онахту. — Нужно еще навестить семью брата...

— Давай мне дочку, я понесу ее, — говорит маджай и ловко берет Таиси от отца.

Все прощаются. Онахту смотрит на жену и детей с такой грустью, что Неши останавливается в нерешительности.

— Иди, иди, жена, — спохватывается столяр и старается придать лицу спокойное выражение. — Иди, все будет хорошо! Будь здорова, дочка! Спасибо тебе, господин, и тебе, Монту! Возвращайся скорее, Кари!

Онахту стоит и машет рукой вслед уходящим. Таиси смотрит на него и тоже машет ему ручкой.

VII. НОВЫЙ ДРУГ

Лодка медленно пересекает реку. Гребец, сильный сириец, равномерно поднимает и опускает весла, а сидящий на корме старик ловко правит длинным рулевым веслом, направляя лодку так, чтобы ее не сносило течением.

Посередине, на самом удобном и спокойном месте, сидит Неши, на коленях которой полулежит Таиси. Глаза девочки широко раскрыты, чувствуетея, что она с напряженным вниманием смотрит вперед. Позади Неши, перед рулевым, расположился Бекенмут, а на самом носу сидит Кари.

Таиси все еще не вполне может прийти в себя от множества новых впечатлений. Она даже не очень

отчетливо помнит, как они дошли до поразивших ее своей высотой башен Западных ворот храма, как Бекенмут привел их в дом своего друга, врача Минхау, где они немного отдохнули. Там с ними простился маджай Монту и ушел обратно в горы, а Минхау послал с ними своих рабов — старика рулевого и вот этого сирийца, который нес Таиси до берега, а теперь гребет. Лодка тоже принадлежит Мийхау, хорошая лодка, крепкая, на ней не страшно плыть даже по такой широкой и глубокой реке.

Таиси видит на берегу много зданий. Особенно привлекает ее внимание огромный храм, колонны которого отражаются в воде. Бекенмут уже сказал, что это Ипет-Рес, второе по величине святилище бога Амона-Ра, царя всех богов Египта. Но они едут не туда: им надо пристать севернее, вон к той пристани, от которой идет дорога к главному храму того же бога Амона-Ра, который называется Ипет-Сут. И Таиси затаив дыхание смотрит на ступени красивой каменной пристани, к которой они приближаются.

Вот она ближе, ближе, вот нос лодки уже слегка ударяется об нижнюю ступеньку. Кари выскакивает и держит лодку, пока все, кроме рулевого, выходят. Сириец опять несет Таиси, и через его плечо девочка видит, как старый раб, уложив свое длинное весло на дно лодки и крикнув что-то на незнакомом языке сирийцу, берет его весла и начинает медленно грести, направляясь вдоль берега к северу, где виднеется множество рыбацких лодок.

Бекенмут идет впереди, за ним — сириец с Таиси, сзади — Неши и Кари. Вот кончается лестница, и Таиси слегка вскрикивает от удивления и восторга: прямо перед ней — широкая аллея, по обеим сторонам которой стоят большие гранитные статуи баранов. Таиси знает, что баран — священное животное бога Амона-Ра, поэтому ей понятно, почему два ряда огромных каменных баранов точно охраняют подход к храму Амона. А вот в конце аллеи виден и фасад храма — две широкие башни с бронзовыми воротами между ними. К башням прикреплены высокие деревянные мачты с флагами. По сторонам ворот стоят гигантские скульптуры фараонов.

Слева от аллеи Таиси видит большую пальмовую

рощу, зелень которой особенно привлекает девочку, выросшую среди выжженных солнцем скал.

Что это? Бекенмут как раз сворачивает туда. Как хорошо здесь в тени, хоть бы подольше ее несли под этими чудесными деревьями!

Но роща не так велика, как это показалось Таиси на первый взгляд. Уже видны расположенные за ней налево огороды, а правее — побеленные невысокие стены, в которых кое-где есть ворота. Поверх стен местами поднимают свои горделивые верхушки пальмы.

Около одних ворот, имеющих вид маленьких, красиво расписанных башенок, Бекенмут останавливается.

— Ну, вот мы и пришли, — говорит он и входит в ворота, прямо от которых идет дорожка к небольшой глинобитной стенке, за которой расположен довольно обширный сад.

К огорчению Таиси, Бекенмут идет не туда, а направо — к дому, в дверях которого стоит высокая пожилая женщина и радостно улыбается молодому врачу.

Бекенмут почтительно склоняется перед ней, а она нежно обнимает его голову. С минуту они смотрят друг другу в глаза, потом Бекенмут оборачивается и, показывая рукой на пришедших с ним, говорит:

— Я привел гостей, мать!

— Очень хорошо, сын мой, гости всегда желанны! — Женщина приветливо протягивает руку навстречу Неши и ласково обнимает ее.

— Входи, сестра, под нашим кровом ты найдешь отдых и покой! А это и есть Таиси? Иди ко мне, девочка!

Она осторожно берет Таиси ловкими сильными руками, привычными к уходу за больными, и уносит девочку в дом. Неши идет за ней. Сириец кланяется и уходит обратно, и только тогда Кари замечает, что в доме за дверью стоит мальчик почти одного с ним возраста, который не сводит глаз с Бекенмута.

— А, это ты, Рамес, — приветливо обращается к нему Бекенмут.

— Здравствуй, господин, — отвечает мальчик, кланяясь, и отступает, желая дать дорогу Бекенмуту.

Но тот продолжает стоять и, положив руку на плечо Кари, слегка подталкивает его вперед:

— Вот, Кари, познакомься, это Рамес, мой ученик. А это — Кари. Ты знаешь его учителя, Рамес, художника Хеви, ты ведь не раз встречал его у твоего деда. Вы с Кари должны подружиться. Ты покажешь ему все у нас здесь, а он тебе расскажет про свой поселок «слушающих зов».

Рамес кивает головой, и мальчики внимательно смотрят друг на друга. Рамес чуть повыше Кари, такой же худощавый и стройный. Его голова совершенно выбрита, как у жреца. Он одет в очень чистую белую одежду из тонкого полотна, на шее у него висит узенькая золотая цепочка с подвеской — фигуркой сокола из полупрозрачного красного камня сердолика. Кари, запыленный после дороги, кажется очень неопрятным по сравнению с Рамесом. Бекенмут понимает состояние мальчика и говорит:

— Рамес, проводи Кари в сад, пусть он выкупается и переоденется, я тоже приду к вам освежиться.

— Хорошо, господин, — отвечает Рамес и, обращаясь к Кари, предлагает: — Пойдем. Чистая одежда у тебя с собой?

Получив утвердительный ответ, он ведет своего нового знакомого в сад.

Бекенмут тем временем входит в дом. Рассказав матери о своем путешествии в горы и попросив ее вымыть Таиси в теплой воде и распорядиться с ужином, врач берет чистые одежды и тоже идет в сад.

Кари уже выкупался и сидит рядом с Рамесом в тени под ветвями старой сикоморы. «Что-то есть в них общее, наверное, они подружатся», — думает Бекенмут, спускаясь по ступенькам к большому пруду, вырытому посередине сада.

А мальчики действительно нравятся друг другу. Рамес расспрашивает Кари о поселке, про который он много слышал, о том, как он учится у Хеви. Кари, в свою очередь, узнает, что родителей у Рамеса нет — они погибли во время большого пожара. Рамес живет у старого деда, важного человека — второго жреца Амона-Ра в Ипет-Сут. В доме у деда очень тихо, очень строго. Рамес тоже будет жрецом, он уже и сейчас помогает во время обрядов в храме. Но он хочет быть врачом, как Бекенмут. Дед разрешает ему учиться у Бекенмута, которого считают очень способным врачом.

А потом, может быть, ему удастся поехать на Север, в Саис, в то замечательное врачебное училище, самое лучшее в Египте, где учился Бекенмут.

— А сюда ты пришел, чтобы проводить Таиси? — спрашивает Рамес.

— Нет, чтобы узнать, не здесь ли еще мой учитель Хеви, — отвечает Кари.

— Могу тебе сказать, что он уехал совсем недавно. Видишь ли, моему деду поручено управлять всеми художественными мастерскими нашего храма да и работами в царских гробницах и храмах на вашем берегу. Дед тоже направляет зодчих, художников и скульпторов иногда в другие города. А меня он часто посылает в мастерские с разными поручениями, так что я знаю все, что там делается, знаю также, кто куда уезжает по приказу деда. Твой учитель еще сегодня утром был у деда, а потом сразу уехал. А зачем он тебе нужен?

Кари дает уклончивый ответ, и Рамес, поняв, что его новый товарищ не хочет об этом говорить, уже не повторяет вопроса и переводит разговор на другие темы. Бекенмут уходит в дом посмотреть, как там идут дела. Через некоторое время он возвращается в сад, неся на руках Таиси.

При виде цветов, деревьев, виноградных лоз с тяжелыми гроздьями синих ягод девочка вскрикивает от восхищения. Бекенмут ходит с ней по всем дорожкам, все показывает, объясняет, как называются те растения, которых Таиси не знает. Он позволяет ей срывать то веточку с дерева или куста, то цветок с клумбы. Особенный восторг вызывает у Таиси пруд. Врач садится на ступеньки, ведущие к воде, и девочка не может налюбоваться на голубые и белые цветы лотосов и на плавающих в прозрачных струях рыбок.

— Как у тебя здесь хорошо, господин! — говорит Таиси, прижимая к груди собранный букет. — Как легко дышится, как славно пахнут цветы! А рыбки-то, рыбки!.. А вон на дереве, смотри, какая красивая птичка с ярким хохолком! А вот летит другая, с голубой головкой! Ох, как хорошо!.. Я даже не думала, что такое бывает!

Бекенмут улыбается. Рамес внимательно следит за маленькой гостьей своего учителя. Бедная девочка,

совсем не может ходить. Хоть бы удалось ее вылечить! Чем бы ее развлечь, что бы ей подарить?

Семья Бекенмута и гости ужинают в беседке, выстроенной в самом тенистом углу сада. От свежего воздуха или от радостного возбуждения, но у Таиси сегодня хороший аппетит, она, вопреки обыкновению, ест с удовольствием.

После ужина Рамес уходит и обещает скоро вернуться. Таиси остается с братом в беседке. Мать Бекенмута укутывает ноги девочки и уходит с сыном и Неши в дом.

В саду наступает тишина. Слышно, как безостановочно звенят кузнечики, слегка шелестят листья пальм, чуть журчит вода в канале, соединяющем пруд с большими оросительными каналами, пересекающими огороды, которые Таиси видела по дороге сюда. Громко поет какая-то птица, сладко пахнут цветы. Таиси молча наслаждается всем, что ее окружает. Кари тоже молчит и думает свои невеселые думы.

Проходит час, и появляется Рамес. Он несет довольно большую корзинку, бережно держа свою ношу обеими руками.

— Вот и я, — говорит Рамес, входя в беседку и ставя корзинку рядом с Таиси.

В корзинке что-то шевелится, и оттуда раздается легкий писк. Таиси и Кари с удивлением смотрят то на Рамеса, то на корзинку. Рамес улыбается, потом встает и медленно отодвигает крышку. Из корзинки показывается смешная головка маленькой обезьянки, с любопытством, но без всякого страха смотрящей на детей черными блестящими глазками.

Таиси в восторге хлопает в ладоши, и Рамес, вынув обезьянку, отдает ее девочке.

— Вот, Таиси, бери ее! — говорит Рамес. — Она хорошая, добрая и веселая. Она ручная, ты не бойся — она не кусается, не царапается, она уже несколько месяцев живет с людьми. На ночь сегодня ты ее все-таки привяжи, чтобы она не убежала, а завтра она уже к тебе привыкнет, особенно если ты сама будешь ее кормить.

Таиси робко берет обезьянку и тихо гладит ее мягкую коричневую шерстку. Зверек, в свою очередь, гладит ручку девочки и делает ей уморительные гри-

масы. Таиси смеется и уже не боится обезьянку. Ей только не верится, что этот чудесный зверек теперь принадлежит ей!

Незаметно подошедший к детям Бекенмут некоторое время с улыбкой смотрит на девочку, радующуюся живому подарку. Рамес первым замечает врача. Таиси оживленно показывает ему зверька и спрашивает:

— А мне можно оставить обезьянку у себя, господин?

— Конечно, девочка, можно, она никому здесь не помешает. Только теперь тебе надо ложиться спать, давай я тебя отнесу!

Бекенмут уносит Таиси, и мальчики остаются одни.

Рамес начинает расспрашивать Кари о его работе, о поселке. Он слушает так внимательно, так всем интересуется, что Кари постепенно рассказывает ему и о последних тяжелых событиях. Рамес сдвигает брови и молча выслушивает все до конца, подперев щеку кулаком.

— Да, это действительно худо, — говорит он наконец. — Твой отец прав: здесь может помочь, пожалуй, только твой учитель. Его очень ценят. Сам верховный жрец нашего храма знает, какой это художник. Недаром он руководит всеми работами в гробницах фараона, царицы и царских детей! Вот что, Кари, о приезде Хеви я сразу же узнаю, потому что он придет к деду, и тогда я ему все расскажу, вернее, попрошу рассказать Бекенмута, так будет лучше. И вообще, я буду узнавать все, что смогу, про это дело, ведь мой дед входит в состав городского суда.

— Вот спасибо тебе, Рамес! — Кари горячо сжимает руку мальчика.

— Ну что ты, не стоит, очень уж это гадкое дело, — отвечает Рамес.

Мальчики замолкают и оба задумываются. Потом Рамес встряхивает головой и встает:

— Когда ты уезжаешь?

— Завтра, а что?

— Я подумал, может быть, успею что-нибудь узнать от деда. Ты подожди меня завтра, хорошо? Я приду после обеда.

Но на следующий день Рамес приходит в дом вра-

ча гораздо раньше, чем обещал накануне. Однако хмурое выражение его лица не предвещает ничего хорошего.

— Ты узнал что-нибудь? — с тревогой и надеждой спрашивает Кари.

— Завтра будет заседать главный суд Города, — тихо говорит Рамес. — Будут разбирать жалобу Пасера на то, что Пауро плохо смотрит за царскими кладбищами, и обвинение медника Пахара в грабежах...

Кари хватается Рамеса за руку.

— А других людей, обвиненных в том же, разве не будут завтра судить?

— О них никто ничего не говорит, а спрашивать я не могу, сам понимаешь, что меня тогда тоже сразу же спросят, откуда я про них знаю, — отвечает Рамес и, помолчав, говорит: — Ну, я иду домой. Мне придется весь день и всю ночь быть в храме, помогать готовиться к Празднику Долины. Ты ведь знаешь, что через два дня праздник и статуи богов из наших храмов торжественно отправятся на ваш берег? Все жрецы тоже поедут.

— И ты?

— И я, конечно. Поэтому у нас теперь все очень заняты. Но я все равно узнаю от деда, чем кончится суд. А вот как мне это потом передать тебе? Ты будешь на празднике?

— Я очень хочу быть! До самого праздника мы все свободны от работы. Я хочу уйти из поселка еще накануне праздника к одному моему приятелю. Его зовут Тути, его отец — садовник Паседи в Святилище. Они там и живут. Тути обещал, что он попросит своего отца взять меня на их лодку встречать знаменитые священные корабли вашего храма. Я ведь их еще никогда не видел, а Тути говорит, что они действительно замечательные!

— Да, это, конечно, стоит посмотреть. Так, значит, ты будешь во время праздника в Святилище? Я ведь тоже приеду туда с нашими жрецами... Вот бы нам с тобой там и встретиться! Как бы это сделать?

— Как?.. Постой... Может быть, мне подождать тебя у храма?

— Нет, я могу очень долго задержаться.

— Тогда вот что: я буду ночевать у Тути, приходи туда. Тути живет слева от храма, по направлению к Западным воротам. Там все знают садовника Паседи, ты спроси, где его дом, и приходи. Хорошо?

— Да, это, пожалуй, самое лучшее! Ну, а пока прощай, меня ждут.

VIII. ПИР У ПАУРО

Вечером в тот же день Кари прощается с матерью и Таиси, с Бекенмутом и его матерью и направляется к реке. Ему удается довольно быстро переправиться на западный берег — какие-то торговцы, которые везут туда к празднику свои товары, разрешили мальчику пристроиться на корме большой грузовой ладьи.

Вот и грандиозные башни Восточных ворот Святилища. Кари проходит на территорию храма и вскоре уже стоит перед домом Тути. Однако здесь его ожидает разочарование — его друга нет. Оказывается, он помогает своему отцу украшать для пира дом начальника Западной части Города Пауро.

Мать Тути, Танеферт, говорит, что мальчик вернется не скоро, но, заметив растерянность Кари и узнав, кто он, предлагает ему войти в дом и подождать Тути. Кари с радостью соглашается.

Во дворе, усеянном обрывками циновок и лент, увядшими цветами, обломками веток, навстречу им почти бегом проходят два раба с корзинами, наполненными свежими цветами.

— Вот видишь, еще понесли цветы, а сколько их туда уже отправлено! — говорит мать Тути, покачивая головой. — Войди в дом, Кари, я дам тебе пообедать.

— Нет, спасибо, я не голоден, — отказывается Кари. — Я только что обедал у врача Бекенмута на том берегу.

— А почему ты был у врача? У тебя кто-нибудь болен из родных? — заботливо спрашивает Танеферт и с участием выслушивает краткий рассказ Кари о его сестренке.

— Ну, будем надеяться, что Амон поможет врачу исцелить твою сестру! — горячо говорит Танеферт. — Где же ты хочешь подождать моего сына, здесь или, может быть, пройдешь на крышу дома?

Кари выбирает крышу. Мать Тути показывает ему пристроенную снаружи к дому кирпичную лестницу.

— Вот, поднимись туда, сынок. Там тебе будет хорошо... Пстой-ка! — Женщина исчезает в доме и через минуту появляется с небольшой корзинкой, полной винограда. — На, возьми, поешь. — Добрая улыбка освещает ее лицо. — Не так скучно будет ждать. Бери, бери! Тути мне про тебя много рассказывал, я ведь знаю, что если бы не ты, так он, может быть, совсем бы заблудился в горах. Поднимайся наверх, там можешь лечь на циновки и поспать. Когда Тути придет, я пришлю его к тебе.

Кари благодарит, берет корзинку и быстро забегает на крышу. Там он с наслаждением вдыхает посвежевший к вечеру воздух, находит груды циновок и вытягивается на них. Как хорошо отдохнуть, какой вкусный виноград! Интересно, что сейчас делает Тути? Скорей бы он пришел, Кари так много надо ему рассказать!

А Тути в это время становится свидетелем и участником совсем неожиданных событий.

Все началось еще днем, когда он был на берегу и смотрел, как рыбаки ловят рыбу. Только принялись тянуть сеть и Тути с замиранием сердца ждал, что же удалось поймать, как прибежал его младший братишка Меси с известием, что отец требует его к себе. Тути со всех ног бросился к дому и сразу же увидел, что во дворе творится невероятная суматоха. Бегают садовники, свои и чужие рабы и рабыни уносят куда-то корзины с цветами, куски циновок, ленты. На крыльце стоит сам Паседи и отдает распоряжения. Увидев сына, он манит его к себе:

— Вот что, Тути, правитель Пауро устраивает сегодня у себя большой пир, и он приказал немедленно украсить его дом цветами. Пойдешь сейчас же туда с Усержетом и будешь ему помогать во всем, что он тебе скажет. Я приду потом, сейчас мне надо идти в сады, еще отобрать цветов. Ты там останешься и во время пира — придется все время иметь наготове свежие венки и гирлянды, — будешь нам помогать.

Тути едва успевает кивнуть и бежит за помощни-

ком отца садовником Усерхетом и рабами, нагруженными корзинами.

Вот и дом Пауро. У него, как и во всех богатых домах, два входа: парадный для хозяев и гостей и другой, который ведет на большой двор. Сюда-то и входят сейчас Усерхет, Тути и рабы. По сторонам двора устроены кухни, кладовые, помещения для слуг и скота. Тути здесь впервые, и он с любопытством оглядывается вокруг. Ого, какой большой двор и как много людей занято разными делами! Бегут то в дом, то в кладовые, кто-то кричит и бранится.

Интересно, откуда это так вкусно пахнет? Ах, это повара жарят гусей. Каждый повар сидит на земле перед небольшой жаровней и держит над ней хорошо оципанного и выпотрошенного гуся, надетого на вертел-палку. Повар медленно поворачивает эту палку так, чтобы гусь прожаривался равномерно. В другой руке у повара небольшое опахало, которым он то защищает лицо от огня, то пробует отогнать чад.

Немного дальше на длинном столе готовят печенья на меду. Опытный пекарь делает их разной формы, даже в виде лежащего теленка. Но Тути не успевает хорошенько рассмотреть другие печенья, — его сильно толкает высокий мужчина, который несет на коромысле два больших сосуда. За ним идет целая вереница людей с такой же ношей. Тути потирает ушибленное плечо, вспоминает, зачем его сюда послали, и бежит в дом.

— Наконец-то! — сердито встречает его Усерхет. — Ты зачем пришел, зевать по сторонам или работать? Бери вот эту пачку циновки и иди за мной.

Тути послушно берет большой сверток и взваливает его на плечо. Они проходят по коридору, потом через две большие комнаты входят в зал, где будет происходить пир.

Здесь все залито ярким светом — расписной потолок и стены, разложенные по полу циновки, суевающиеся люди. Множество светильников стоит на полочках и подставках. Особенно бросается в глаза мальчику один — из желтоватого камня, сделанный в виде трех цветов лотоса. В каждый каменный цветок налито масло, опущена свечелня, и язычки пламени не только бросают кругом лучи света, но благодаря им про-

свечивают жилки ценного камня, видна тонкая резьба на цветах.

— Опять зазевался? Вот так помощник! — раздраженно говорит Усержет. — Клади сюда циновки, разверни одну на полу и держи, а я буду составлять букет.

Тути старательно держит края циновки, пока садовник возится с укладкой цветов. Букет должен быть огромный, выше человеческого роста, и такие связки цветов ставят по углам комнаты, по сторонам дверей. Усержет и Тути ловко справляются с работой. Вот уложены три длинных стебля распустившегося папируса, к ним привязываются лотосы, маки, васильки. Циновка заворачивается вокруг стеблей, и ее перевязывают пестрыми жгутами соломы, поверх которых обвиваются еще гирлянды из лепестков лотоса, гибкие ветки плюща.

Букет готов, и рабы несут его на место, а Усержет и Тути берутся за другой. Постепенно мальчик осваивается и, не переставая работать, успевает заметить многое из того, что происходит вокруг.

Уже приготовлены места для гостей — для каждого приглашенного поставлены стул или табурет и отдельный столик. Вдоль стен на резных подставках из черного дерева стоят большие сосуды с вином, они глиняные, ярко расписанные: на одном изображена гирлянда цветов, на втором — мчащаяся галопом лошадь, на третьем — заросли папирусов и летящие над ними утки. Около сосудов хлопочут рабыни: они украшают их гирляндами из лепестков лотосов, нанизанных на нитки, прикрепляют к подставкам большие гроздья темно-синего винограда. Через открытую дверь видно, как в соседней комнате готовят цветочные гирлянды и венки — ими потом украсят гостей. Здесь разливают в маленькие красивые флакончики душистые масла, чтобы предлагать их пирующим.

Вот в зал входят музыканты, певицы, танцовщицы. Они устраиваются прямо на циновках у одной из стен и начинают проверять свои инструменты. Тути вспоминает сценку около поселка «слушающих зов» — этот оркестр гораздо больше. Здесь два арфиста, три флейтистки, две девушки с кифарами, две — с лютиями. И танцовщиц не меньше десятка.

Внезапно в комнате наступает тишина, и все низко кланяются входящему из внутренних комнат дома высокому мужчине. Кланяется и Тути. Он догадывается, что это сам Пауро, хозяин этого дома, грозный правитель Западной части Города, начальник всех маджаев царских кладбищ.

Пауро, нахмутив брови, внимательно осматривает зал, что-то негромко, слегка заикаясь, говорит идущему за ним человеку, который все время кивает головой, как будто заранее соглашается со всем, что ему говорит Пауро. При этом он как-то сгибается, не то кланяется, не то просто очень внимательно слушает.

«Довольно противный человек», — думает Тути.

Пауро со своим спутником выходят в соседнюю комнату, и в зале опять начинается прежняя суматоха.

— Ну, Тути, букеты готовы, — говорит Усерхет. — Теперь пойдем, я покажу тебе, где ты будешь работать.

Они выходят из зала и, пройдя через небольшую комнату, оказываются в просторном, вытянутом в длину помещении. Это не то зал, не то веранда — здесь вместо одной стены устроено большое окно. Тути с наслаждением вдыхает свежий воздух.

— Вот садись сюда в угол, чтобы никому не мешать, и начинай готовить гирлянды, — говорит Усерхет и уходит.

Корзина, еще корзина с цветами... Тути не знает, сколько прошло времени, пока он сидит здесь. Наверное, уже очень поздно. За окном давно темно. Зеленоватый свет луны падает в комнату через огромное окно и смешивается с желтым пламенем светильников. За стеной пир, видимо, в полном разгаре. Оттуда доносятся звуки музыки, пение, веселые крики.

Мальчик очень устал, его глаза слипаются, пальцы стали точно деревянные, голова тяжелая-тяжелая. Главное — страшно хочется спать. Вот так лечь бы на циновку и заснуть! Но этого нельзя сделать — то отец, то Усерхет приносят все новые охапки лотосов, и Тути продолжает нанизывать на длинные нитки голубые продолговатые лепестки этих душистых цветов. То же самое делают и две рабыни.

Изредка рабыни уходят с готовыми гирляндами и

снова возвращаются. Но вот в дверях появляется еще одна рабыня — нужны цветы, скорее, скорее! Не только гирлянды! Три женщины осторожно собирают все, что могут, кладут в корзинки и уходят.

Тути остается один. Сначала он еще немного продолжает работать, но потом чувствует, что сейчас непременно заснет. Тогда он встает, берет свою корзинку и пробирается с ней за стоящее в углу рядом с окном большое кресло с высокой спинкой. На кресло брошено покрывало, поэтому позади кресла совсем темно, и никому не придет в голову, что там кто-то спрятался. Тути ложится, свертывается клубочком и немедленно засыпает.

Его будят звуки голосов; в комнате разговаривают двое мужчин. Один из них сидит в кресле, другой, видимо, стоит рядом.

«Вот попался-то!» — в страхе думает мальчик. Теперь ему уже больше не хочется спать — ему просто страшно.

— Значит, в Городе говорят, что шествие вчера прошло хорошо? Торжественно? — говорит сидящий.

По тому, как он иногда немного заикается, Тути узнает Пауро и пугается еще больше.

— Все было прекрасно, господин, можешь быть спокоен, — отвечает второй человек.

— Это удачно, — говорит Пауро, — пусть Пасер почувствует, что со мной бороться не просто!

— Еще бы! — слышится ответ.

В это время в дверях раздался третий голос:

— Разреши войти, господин!

— Это ты, Амоннахт? Входи.

Слышны шаги, кто-то останавливается недалеко от кресла.

— Что скажешь? — спрашивает Пауро.

— Господин, у меня очень важное известие, — говорит человек по имени Амоннахт. («Интересно, кто он такой?» — думает Тути.) — Я был сегодня на восточном берегу с двумя ремесленниками, и около храма Птаха мы встретили Пасера и царского писца Несиамона. Пасер был очень зол. Он увидел нас и стал кричать, что мы устроили шествие нарочно, чтобы показать, как мы рады тому, что он оказался неправ, и что мы трое пришли сюда тоже нарочно, чтобы по-

смеяться над ним. И тут он сказал, что все-таки докажет свою правоту, что у него теперь есть бесспорное доказательство, потому что к нему пришли два писца царского кладбища и рассказали о том, как были ограблены пять больших гробниц фараонов, Пасер добавил, что его писцы записали эти показания и что он немедленно сообщит обо всем прямо фараону! Господин, он десять раз поклялся, что именно так и сделает. Я и решил сразу же тебе обо всем доложить.

Наступает молчание. Тут слышит, как тяжело дышит Пауро. Что он — напуган или разгневан? А может быть, и то и другое? Пасер-то, видимо, не собирается оставлять дела!

— Хорошо сделал, что пришел! — наконец говорит Пауро. — Я прикажу тебя наградить. Теперь пойд... я должен подумать. Так этого оставлять нельзя.

— Слушаю, господин, — говорит Амбнахт и уходит.

Опять молчание. Ох, уж лучше бы они говорили, а еще лучше ушли бы из комнаты.

— Надо узнать, кто эти писцы, — говорит Пауро. — Как они вообще смели идти к Пасеру? Они же должны обо всем, что случается на кладбище, докладывать мне!

— А если ты уже знаешь об этом, господин? Если они тебе уже докладывали? — вкрадчивым голосом спрашивает правителя Запада его собеседник.

— То есть как я уже знаю? Мне эти дни никто из писцов ничего не сообщал!

— А если дело идет о тех гробницах, про которые тебя извещали раньше? Тогда как?

— Раньше? Да ты с ума сошел, Панеб! О чем ты говоришь? — Голос Пауро становится все громче и грознее.

Так вот это кто — Панеб! И как смело он разговаривает с начальником! Тут теперь уже старается не пропустить ни одного слова.

— О тех гробницах, господин на которых печати найдены целыми, а следовательно, решено, что и сами гробницы не тронуты. Ну, хотя бы о гробницах фараонов Сети-Менмара и Рамсеса-Сетепенра! — В голосе Панеба совсем не слышно страха. Похоже, что этот человек даже усмехается.

— Аа-а, вот ты о чем... Много себе позволяешь! — Пауро уже не кричит, хотя говорит сердито, отрывисто. — Молчи, я понял! Надо мне немедленно обо всем написать везиру, написать, что Пасер хочет помимо него обращаться к фараону...

— И послать везиру с этим письмом хорошие дары, — тихо говорит Панеб. — Прикажешь принести? Слитки или вещи?

Опять молчание. Пауро постукивает пальцами по ручке кресла.

— Слитки, — коротко приказывает он. — Завтра, к утру. Иди!

— Одно слово, господин! Позволь спросить, список имен грабителей уже подан в суд?

— Завтра будет послан, он готов.

— А Харуди и Нахтмин там?

— Да... Я же тебе обещал! Иди, ну!

Панеб уходит, но через минуту возвращается чуть не бегом.

— Господин, — быстро шепчет он, подойдя почти вплотную к креслу, — под окном стоял какой-то маджай из дежурной стражи...

— Кто такой? Узнать немедленно!

— Будет сделано, господин!

— Стой! Ты думаешь, он мог слышать?

— Может быть...

— Если он слышал, ему конец! — Голос Пауро упал до шепота, но какой это страшный шепот!

Тути кажется, что он цепенеет от ужаса. Он-то ведь все слышал, значит, и ему конец? И ведь никуда не уйти. Только бы не шелохнуться, не двинуть ни ногой, ни рукой.

— Ну, иди же, что ты стоишь? И пришли мне моего писца Себекнахта.

Панеб уходит, и опять наступает молчание. Тути кажется, что оно длится бесконечно долго, но на самом деле Панеб очень быстро выполняет приказание, и через две-три минуты в комнату кто-то входит — очевидно, писец Себекнахт.

— Ты исполнил мое приказание относительно медника Пахара? — спрашивает Пауро.

— Да, господин. Его перевязали, хорошо накор-

мили. Я показал ему то, что он возьмет отсюда потом... после суда. Все в порядке, господин.

— Думаешь, он не подведет?

— Ни в коем случае, господин! Он прекрасно все понимает.

— Хорошо. Кормить его и впредь получше! Утром придешь писать письмо везиру. Все. Можешь идти.

Себекнахт уходит. Пауро еще некоторое время сидит на кресле, потом встает и, тяжело ступая, уходит — вероятно, опять к гостям.

Тути осторожно выглядывает. Никого, комната пуста. Тогда он тихонько вылезает из-за кресла, стараясь не зацепить за него корзиной, и подходит к двери в проходную комнату, через которую его привел сюда Усерхет. Мальчик прислушивается, ставит корзинку на плечо, чтобы не было видно его лица, и, войдя в комнату, быстро ее пересекает. Уже почти при выходе из нее он слышит сзади стремительные шаги, кто-то бежит мимо, толкает его.

— Скорее шевелись, не вертись под ногами! Чуть не свалился из-за тебя! — говорит какой-то раб, выбежавший из пиршественного зала с пустым подносом.

За ним бегут еще рабы, навстречу спешат другие, и Тути, замешавшись среди них, благополучно выбирается во двор. Вот он и на улице. Не веря своей удаче, растерянный, он торопится скорее прочь от этого страшного дома, надеясь успокоиться и забыть все пережитое.

Почти везде уже погашены огни. Узкий серп луны ярко блестит в черном небе. Ветра нет, и флаги на мачтах у ворот храма висят без движения. Мальчик медленно идет, с трудом переставляя ноги. Вот и дом. От ворот отделяется маленькая черная тень.

— Тути, это ты? Наконец-то!

— Кари?! Откуда ты? Почему ты здесь?

— Я зашел к тебе по дороге домой, я был на том берегу. Твоя мать сначала позволила мне подождать тебя, а потом и переночевать. Мне тебя непременно надо было видеть! Идем на крышу, там для нас приготовлен ужин, — говорит Кари и помогает другу снять корзинку. — Да что с тобой? Ты просто устал или заболел? Ты какой-то странный!

— Будешь тут странным, — бормочет Тути. — Я не больной... я даже не знаю, что тебе сказать...

— Ну, идём скорее на крышу, там расскажешь... Ох, Тути, Тути, что у нас случилось, такие ужасы!

— Ну, уж верно, не такие, о которых я тебе расскажу! — отвечает Тути.

Кари смотрит на товарища; пожалуй, его поражают не столько слова мальчика, сколько выражение его лица и тон. С Тути, видимо, случилось что-то тяжелое, он так переменялся.

Мальчики поднимаются на крышу.

— Дай мне пить! — просит Тути и с наслаждением выпивает кружку воды. Теперь он чувствует себя немного лучше, хотя все еще находится под впечатлением услышанного в доме Пауро. — Ну, рассказывай, что у вас произошло, — говорит он, — а потом уж я расскажу!

И Тути узнает грустные новости. Мальчик внимательно слушает и внезапно начинает мысленно сопоставлять рассказ Кари с тем, что говорили Пауро и Панеб. Нахтмин и Харуди... Почему Панеб спрашивал, включены ли именно эти имена в список грабителей, который послали в суд? Почему Пауро сказал, что он ему «уже это обещал»? Значит, их схватили по просьбе Панеба?!

— Скажи, Кари, почему Панеб не любит Харуди и твоего дядю? — спрашивает Тути.

Кари удивлен:

— Откуда ты знаешь, что он их не любит?

— Ну, неважно, потом скажу, а пока ты ответь мне.

— Панеб не то что их не любит, а просто ненавидит. Они его не боятся и несколько раз выводили его проделки на чистую воду. Панеб заставляет работников поселка работать на него — пасти его скот, тащить хороший камень, привезенный для отделки царских гробниц, в поселок для его собственной гробницы. Он из такого камня поставил там четыре колонны. А дядя Нахтмин и Харуди отказались это делать. Потом еще Панеб украл большую хорошую кирку, которую выдали для работ на царском кладбище, и тоже притащил ее в свою гробницу. А отвечать за нее пришлось отцу Паури, так как она была выдана ему. Панеб хо-

тел вычесть ее стоимость из пайка, который выдают работникам царского кладбища, но Нахтмин пригрозил, что известит об этом везира. Тогда Панеб подбросил кирку за большой камень и сделал вид, что нашел ее. Он заставлял женщин поселка ткать для него ткани, а дядя запретил своей жене это делать. Харуди тоже не позволил матери и сестре работать на Панеба, а за ними и другие. У нас многие боятся Панеба, он способен на очень худые дела... А вот дядя Нахтмин и Харуди говорят ему правду в глаза, и их теперь начинают поддерживать другие.

— А почему же все-таки его так у вас боятся? Что ты хотел сказать, когда упомянул про его худые дела? — допытывается Тути.

— Его нельзя не бояться, — говорит Кари. И он рассказывает, как Панебу удалось стать начальником отряда ремесленников. — Видишь теперь, какой он страшный человек? — добавляет Кари.

— Да, вижу. Вижу и то, что, пожалуй, Нахтмин и Харуди пропали. Потому что Панебу во всем помогает Пауро, а может быть, и везир. Вот послушай-ка, что я тебе расскажу.

Кари слушает своего друга с напряженным вниманием. Да, теперь все становится понятным. Тути, кажется, прав: вокруг отца Паири и молодого Харуди сплетается такая прочная сеть, что освободить их, кажется, уже невозможно. Да еще к тому же и Хеви нет, и неизвестно, когда он вернется.

— Вот что, Тути, — говорит Кари. — Я должен все это рассказать отцу. Сами мы с тобой ничего не сумеем сделать, а он, может быть, что-нибудь все-таки придумает. Давай сейчас спать, а завтра, на заре, я уйду домой.

— Но ты вернешься послезавтра? — с тревогой спрашивает Тути. — Ты хотел поехать с нами встречать священные корабли храма Амона! Я уже говорил с отцом, и он согласен, чтобы ты провёл у нас весь праздник.

— Спасибо, Тути. Если я не буду нужен отцу, я непременно постараюсь прийти послезавтра вечером. Хотя, по правде сказать, праздник будет совсем не веселый...

Мальчики ложатся.

— Да, вот что, чуть не забыл. — Кари приподнимается на локте. — Если я почему-нибудь не приду, помни, что вечером в день праздника сюда придет мальчик из великого храма Амона-Ра. Его зовут Рамес, он ученик врача Бекенмута. Он нам может помочь... — И Кари вкратце рассказывает о своей встрече с Рамесом. — Так ты встреть его, все ему расскажи и сам запомни то, что он тебе скажет. Не забудешь?

— Ну, ты тоже скажешь! Разве я могу такое забыть? — Тут даже готов обидеться, но сразу же засыпает, а когда просыпается, солнечные лучи заливают крышу, Кари уже нет.

Кари действительно ушел на заре, как и собирался. Когда он подходит к Западным воротам Святилища, они еще закрыты, и ему приходится ждать. Но, несмотря на ранний час, Кари здесь не один — тут уже стоят ослы с вьюками, их погонщики и сопровождающие караван два маджая. Один из них пристально смотрит на Кари и потом манит его к себе. Кари, узнав в предрассветном сумраке маджая Монту, охотно подходит к нему и здоровается.

— Здравствуй. Ну, как здоровье сестренки? Что говорит врач? — спрашивает Монту.

— Спасибо, — отвечает мальчик. — Врач обещает вылечить сестру. Я только что оттуда. — И Кари еще раз горячо благодарит маджая.

— Не стоит, очень уж хорошая у тебя сестренка. Она мне напомнила мою сестру, такая же славная. А у кого же ты ночевал сегодня здесь, в Святилище?

— В доме садовника Паседи, — отвечает Кари. — Его сын Тути — мой друг. Если отец меня отпустит, то я опять вернусь к ним — они звали меня на Праздник Долины.

— А я ведь сейчас иду к вам в поселок, вам везут к празднику добавочную выдачу! — Монту показывает на вьюки. — Ждем писца из управления. Как он придет да откроют ворота, так и отправимся. А ты, значит, домой? Ну вот и пойдем вместе!

Кари с удивлением замечает, что Монту, которого он всегда видел таким веселым, готовым пошутить, сегодня серьезен и озабочен. Брови сдвинуты, лицо хмурое, сосредоточенное.

«Что это с ним?» — думает Кари.

Но вот приходит писец, вскоре затем открывают ворота. Погонщики выстраивают ослов вереницей и направляются в горы. Монту предлагает другому маджая идти во главе маленького каравана, а сам замыкает шествие. Писец тоже уходит вперед, Кари остается вместе с Монту.

Через некоторое время мальчик замечает, что маджай идет все медленнее и медленнее, и постепенно они отстают от последнего проводника. Убедившись, что их не услышат, Монту говорит, понизив голос:

— Слушай, мальчик, я хочу тебе кое-что рассказать. Только смотри никому, кроме своего отца, не говори того, что сейчас услышишь, иначе всем нам конец! Понял?

— Понял, — отвечает Кари, хотя и не может еще представить себе, о чем пойдет речь.

— Так вот, брата твоего отца и Харуди взяли зря, они ни в каких грабежах не участвовали. Подстроил это все Панеб, а ему помог Пауро. На самом же деле Панеб-то и замешан в этих грабежах. Посоветуйся с отцом, как тут быть. Может, что и придумаешь.

Кари слушает маджая затаив дыхание. Конечно, ничего нового Монту ему не сказал, мальчик все это уже знает, но его поражает другое: откуда Монту узнал все это и почему он ему решился рассказать? И точно в ответ на последний вопрос Монту говорит:

— Я этого Панеба давно не терплю, он раз попробовал и меня втянуть в свои дела, да я, конечно, не поддался!

— А почему же ты никому не сказал про это? — спрашивает Кари.

— Кому же мне было сказать? Самому Пауро, что ли? И потом, разговор у нас был один на один, значит, свидетелей нет, и Панеб от всего бы отперся!

— А как ты узнал про наших каменотесов? — решается спросить Кари.

— Неважно, как... Главное, узнал!.. — говорит маджай с необычной для него резкостью.

Кари, видимо, задал неуместный вопрос. Больше он не решается спрашивать и молча раздумывает, откуда Монту мог узнать обо всем, что он сейчас рассказал. И внезапно мальчик догадывается — ведь Тути же говорил, что какой-то маджай стоял под окном у Пауро

и все слышал. Еще Пауро приказал найти его! Может быть, это и был как раз Монту? Спросить его об этом, конечно, нельзя — пришлось бы выдать Тутти и вообще показать, что Кари знает об этом деле гораздо больше самого Монту. Но ведь Пауро обещал убить того маджая... Значит, если под окном стоял Монту, то ему грозит смертельная опасность. А ведь он был так добр к Таиси, и если девочка поправится, то это именно благодаря Монту...

Как бы все-таки узнать, он ли там был? Кари колеблется, придумывая то один вопрос, то другой, и не замечает, как они доходят до поселка. Тогда он наконец говорит:

— Ну, так я все скажу отцу. Спасибо тебе! А отсюда ты пойдешь обратно?

— Да, надо выспаться, — отвечает Монту. — Меня ведь не в очередь послали, я уже всю ночь дежурил.

— Где, на кладбище? — хитрит Кари.

— Нет, при доме Пауро. Ну, прощай, мальчик, да смотри помни!

— Не беспокойся, я не забуду, что болтать об этом нельзя, я ведь понимаю, что если Пауро узнает, что кому-нибудь стало известно обо всем этом, так такому человеку тут же и смерть! — Мальчик выразительно смотрит прямо в глаза маджаю, тот отвечает ему тоже пристальным взглядом, и они расходятся.

Кари бежит домой. Так, все ясно: Монту действительно и был тем маджаем под окном Пауро! Но... раз он на свободе, значит, Пауро и Панеб ничего не узнали. Замечательно. Значит, Монту пока ничто не угрожает! И, сообразив это, Кари облегченно вздыхает.

Дома мальчик застаёт отца в том же тяжелом состоянии. Правда, Онахту оживляется при рассказе сына о том, как хорошо отнеслись в доме Бекенмута к Неши и Таиси. Особенно светлеет лицо столяра, когда Кари говорит, что врач уже начал лечить девочку и что он уверен в удачном исходе лечения.

Но зато новости, которые принес Кари о судьбе каменотесов, не только снова возвращают Онахту к его мрачным думам, но приводят в еще большее уныние. Ему начинает казаться, что никакого выхода уже не найти, и даже прежняя надежда на заступничество Хеви теперь представляется ему несбыточной. Он не

говорит об этом сыну, не желая огорчать мальчика, пусть он верит еще хоть немного в возможность счастливого исхода. Еще успеет он нагореваться, когда осудят Нахтмина и Харуди, да и потом — когда беда придет в их собственный дом! Этого, очевидно, тоже не избежать — вон как Панеб расправляется с неугодными ему людьми, значит, дойдет очередь и до него, Онахту.

Поэтому столяр охотно соглашается на просьбу Кари отпустить его в семью Тути на Праздник Долины. «Пусть развлечется мальчик», — думает отец.

Пообедав, Кари идет к Паири, которого он находит с кувшином в руках около его дома на улице — Паири несет домой воду. Кари молча идет за ним, молча ждет, пока Паири выльет воду в большой сосуд около печи. Ни матери, ни сестер Паири нет — их увела к себе сестра матери, и мальчики одни усаживаются на циновки. Только теперь начинают они разговаривать. Сначала говорит Паири. Не глядя на Кари, внешне спокойно, но с подергивающимися губами он рассказывает, как пробовал пробраться в тюремный двор, как его прогнали и избili стражники... Так ничего он и не узнал.

Кари слушает друга с тяжелым сердцем. Чем он может помочь Паири или хотя бы утешить его? Ведь надежды так мало... Да есть ли она вообще?

Но Кари берет себя в руки и все-таки пытается убедить Паири, что суд, может быть, отложат, что Хеви успеет вернуться и спасти его отца.

— А я завтра опять иду в Святилище и, как только что-нибудь узнаю, сразу же приду, слышишь? — добавляет Кари.

— Да, спасибо, — тихо отвечает Паири.

Они вместе выходят на улицу и тут же расстаются: Паири идет за матерью, Кари — домой.

IX. ПРАЗДНИК ДОЛИНЫ

Яркое, солнечное утро. Необычное оживление царит на реке, около пристани храма Амона-Ра. По всему восточному берегу теснятся толпы народа. Празднично одетые люди, украшенные гирляндами цветов, с цветами в руках, всё приходят и приходят сюда из разных концов Города. На реке множество лодок, боль-

ших и маленьких, тоже украшенных цветами. На одной из них сидят, тесно прижавшись друг к другу, Тутти и Кари.

Мальчики с любопытством оглядываются вокруг. Больше всего их внимание привлекают три странных корабля, которые покачиваются у самой пристани. Кажется, они отлиты из золота. Но разве золотой корабль может удержаться на воде? И Тутти рассказывает товарищу, что эти три гигантские ладьи сделаны из великолепного дерева, привезенного издалека — со склонов Ливана. А сверкают они потому, что обиты листовым золотом! Солнце блистает на их бортах, на скульптурных украшениях, прикрепленных к носу и корме, на палубах.

Первым у ступенек пристани стоит самый большой корабль. Это «Усерхет», священная ладья бога Амона-Ра, на которой будет перевезена на западный берег статуя царя богов, хранящаяся в храме Ипет-Сут, главном святилище столицы Египта. Второй корабль, меньших размеров, предназначен для статуи богини Мут, третий — для статуи бога луны, Хонсу.

Каждый из этих трех кораблей привязан крепкими канатами к большим ладьям с гребцами, на самих же кораблях гребцов не видно.

Но вот толпа зашевелилась, все головы поворачиваются к воротам храма Амона-Ра. Оттуда доносится отдаленное пение. Кари и Тутти приподнимаются на лодке, чтобы лучше видеть. Сегодня на высоких мачтах храма укреплены новые флаги. Тяжелые бронзовые створки ворот между двумя гигантскими башнями раскрыты настежь, и вот оттуда показывается начало торжественной процессии. Сперва издали заметны только белые одеяния жрецов, сверкание чего-то золотого над ними, клубы дыма от благовонных смол, тлеющих на углях каминов.

Шествие медленно движется между двумя рядами сфинксов к пристани. Вот уже видны обитые золотом носилки, на которых стоит золотая ладья со статуей бога Амона-Ра. На носу, на высокой подставке, укреплен золотой сфинкс, над ним большое опахало из великолепных белых и красных страусовых перьев. Вокруг каюты золотые статуэтки божеств. Все ослепительно сверкает в лучах солнца.

— Смотри, смотри! Вон носилки с ладьей царя богов. Их несут духи двух древнейших городов Египта — Нехена и Пе! — возбужденно говорит Тути.

Кари с удивлением видит, что у носильщиков, на плечах которых лежат шесты от носилок, необычайные головы: у одних — соколиные, у других — черные головы шакалов с вытянутыми острыми мордами и настороженно торчащими ушами. Не может быть, чтобы это были сами духи. А если?! Ох!

За первыми носилками видны вторые и третьи. На них тоже ладьи с золотыми статуями богини Мут и бога Хонсу.

Но вот шествие приближается к ступенькам пристани, и Кари невольно хватает Тути за руку.

— А это кто? — шепчет он. — Смотри, один с волчьей головой, другой с бараньей, третий с соколиной. Тоже духи? И кто этот человек между ними?

— Это не духи, это сами боги, — шепчет Тути. — А человек — это Аменхотеп, верховный жрец великого храма Амона-Ра. Смотри, они вошли на ладьи, которые поведут «Усерхет» на буксире!

Действительно, на высокоом, богато украшенном помосте головной ладьи появляются четыре фигуры. Впереди становится тот, у кого на плечах голова волка.

— Это Вепуат, бог — открыватель путей! — поясняет Тути.

Вторым встает верховный жрец Аменхотеп, а за ним существа с головами барана и сокола. Тути говорит, что это боги Хнум и Гор. У Кари все путается в голове. Не верить Тути он не решается, а в то же время совершенно невозможно представить себя так близко от богов!

Между тем Аменхотеп и «боги» берутся за канат, привязанный к кораблю Амона-Ра.

Конечно, канат прочно прикреплен сначала к корме буксирной ладьи, а «боги» и жрец держат только его свободно висящий конец, но впечатление получается такое, точно это именно они сами повлекут вперед тяжелый корабль «царя богов».

В это время носильщики со статуей Амона-Ра уже поднялись на «Усерхет», поставили принесенную ими золотую ладью на помост посередине палубы корабля. Вот они опускаются на одно колено с двух сторон

ладьи — «духи» с головами шакалов слева, «духи» с головами соколов справа — и, подняв кверху одну руку, другой начинают медленно ударять себя в грудь в такт музыке и пению.

Устанавливают носилки и на других кораблях. Вот уже поднимаются длинные, украшенные слоновой костью и золотом весла на передней ладье, и сидящие на ней шестьдесят гребцов дружно опускают их в воду. Торжественное плавание начинается.

Люди на лодках начинают грести изо всех сил, чтобы скорее достичь противоположного берега и встретить процессию. А там, на великолепной пристани Святилища, уже ждут, вдоль всего берега стоит народ, низкими поклонами и молитвами встречающий «царя богов».

Тути и Кари уже совсем ничего не видят. На реке столько лодок, что многие, в том числе и их лодочка, могли причалить только значительно ниже пристани Святилища, и, пока мальчики добегают до его ворот, шествие уже скрывается в них.

— Эх, очевидно, опоздали! — говорит с досадой Тути. — Ну, да ничего уж не поделаешь. Зато завтра постараемся прибежать пораньше, чтобы все увидеть с самого начала. А теперь идем к нам. Мать приготовила разные вкусные вещи, мы с тобой будем пировать в саду одни — отец уйдет в гости, а мать и сестры принимают своих гостей на крыше. Правда, здорово?

Мальчики идут к дому садовника Паседи. Всюду полно народа — свои жители, приезжие гости с восточного берега столицы и из других городов заполняют улицы, группами сидят на плоских крышах домов. Все в праздничных одеждах, слышится веселый говор. Мальчики с трудом пробираются сквозь шумную толпу.

Но вот наконец они в саду дома Тути. Под большой сикоморой, в тени, разостланы циновки, и сестры Тути уже принесли и расставили разные кушанья, лепешки, сладости, плоды. Мальчики усаживаются и с удовольствием принимают за вкусный обед.

— Брат, к тебе еще гость, — неожиданно говорит старшая сестра Тути, подходя к мальчикам. За ней стоит хорошо знакомая Кари фигурка в жреческой одежде и с бритой головой.

— Это Рамес! Здравствуй! — вскакивает Кари. — Знакомьтесь, — вот Тутти, помнишь, я тебе о нем рассказывал?

Тутти здороваётся с Рамесом и с любопытством смотрит на него: ещё бы, ведь он из прославленного храма Амона-Ра!

Тутти усаживает своего нового гостя и начинает его усиленно угощать. Рамес не отказывается — он очень торопился повидать Кари и не остался обедать с дедом. Некоторое время мальчики молча едят, то и дело бросая вопросительные взгляды на Рамеса.

Понимая, как им хочется поскорее узнать новости, Рамес решает, что надо рассказать все немедленно.

— Так вот, — говорит он. — Третьего дня состоялся суд Города. Решено, что медник Пахар ни в чем не виноват, а жалоба Пасера признана неправильной. Медника тут же освободили.

— А кто были судьи? — перебивает Кари.

— Обычный состав главного суда Города, — отвечает Рамес. — Председателем, как всегда, был везир, а судьями верховный жрец Аменхотеп, потом мой дед как второй жрец того же храма Амона-Ра, потом другие важные люди, например, царский писец... Знаете, ведь и сам Пасер — один из судей главного суда Города. Представляете, что он чувствовал, пока шло разбирательство! Дед сказал, что никогда еще не видал ни одного человека в таком страшном гневе, в каком Пасер ушел после окончания суда!

— Ещё бы! — горячо говорит Кари. — Ну, а как же с другими?

— Их дело отложено. Сказали, что их надо еще допросить. Так вот, вчера их снова допрашивали, а потом вечером привезли в тюрьму нашего храма. Это твой дядя Нахтмин и Харуди. Они очень избиты, потому что до сих пор не сознаются в грабежах.

Мальчики так поражены, что сразу даже ничего не могут сказать.

— Мне удалось переслать им еду и мазь для ран, — говорит Рамес. — И ещё я успел обо всем рассказать Векенуту.

— Ты их сам видел? — спрашивает Кари.

— Нет, это невозможно, — отвечает Рамес.

— А как же ты передал им все?

— Ну, передал... у меня есть друзья... В общем, это неважно. А мне самому ведь нельзя даже показать, что я интересуюсь этим делом или знаю этих людей.

— А что, дед рассердился бы? — спрашивает Тути.

— Конечно! Но главное не это, а то, что я больше не смог бы ничего для них сделать или даже про них узнавать. И никто другой тоже, потому что за ними стали бы так следить, что ни один человек и близко не подошел бы к ним! Да, все это очень сложно, друзья!

— Еще гораздо сложнее, чем ты думаешь, Рамес, — говорит Кари. — Сейчас Тути тебе расскажет, что ему удалось узнать. Говори, Тути.

И Тути повторяет Рамесу все, что он рассказал Кари вечером после пира у Пауро.

Пока Рамес слушает, у него все сильнее и сильнее хмурятся брови; одной рукой он, сам не замечая того, разрывает на мелкие кусочки край циновки, на которой сидит.

— Так, — говорит он, выслушав Тути. — Теперь не только ясно, что Панеб — прямой участник грабежей, но и то, что через него все нити этого мерзкого дела идут к Пауро!

— Ну и что же, Рамес? Что все-таки можно сделать, чтобы спасти наших людей? Известно ли хотя бы, когда будет суд над ними? — Голос Кари дрожит, хотя он всеми силами старается сохранить спокойствие.

— Суд будет еще нескоро, дней через десять. А что делать — одна надежда на Хеви. Может, ему удалось бы доказать верховному жрецу, что Нахтмин и Харуди схвачены незаконно. А для этого нужно рассказать Хеви все, что вы знаете о Панебе и Пауро, обо всех их преступлениях. Это очень, очень нужно!

— Что Панеб — негодяй, Хеви и сам хорошо знает, — говорит Кари. — А вот про все, что услышал Тути в доме Пауро, ему надо рассказать подробно.

Мальчики задумываются, а потом Тути говорит:

— Надо не забыть рассказать Хеви, что когда медника Пахара схватили, то до суда он находился в доме у самого Пауро. И ведь недаром Пауро приказывал хорошенько кормить медника. Это ведь недаром, правда?

— Ну, ясно, — говорит Кари. — Я думаю, что мед-

ник грабил вместе с Панебом и что Пауро об этом прекрасно знает! Он его, наверное, и научил, что говорить на суде, а все следы его грабежей приказал уничтожить!

— Да, это все надо передать Хеви, — соглашается Рамес. — Ну, мне скоро уходить, дед велел не задерживаться. Надо еще кое-что приготовить к шествию, завтра ведь статую Амона понесут по всем вашим храмам, а потом на кладбище. Вы оба, конечно, придете?

— Непременно, — отвечает Тути и сразу оживляется. — Это будет так интересно, особенно когда пойдут в горы. Знаете, говорят, что во время шествия будет «суд бога»! Амон будет разбирать жалобы некоторых жителей твоего поселка, Кари. Почему ты улыбаешься, Рамес? Ну да, ведь ты, наверное, так часто бывал на «божьем суде», что тебе непонятно, что тут интересного! Но я-то ведь никогда при этом не был, вот мне и хочется посмотреть, как Амон будет судить!

— Амон? — В тоне Рамеса слышится странный оттенок насмешки.

— Ну конечно, Амон! Он передаст свою волю через свое изображение — золотую статую. Кто же этого не знает? — удивляется Тути. — А особенно ты — ведь тебе-то это должно быть известно лучше, чем, например, нам!

— Да, ты прав, мне все это очень хорошо известно, — теперь уж не с иронией, а с какой-то горечью отвечает Рамес и, словно вспомнив о чем-то, плотнее сжимает губы. Но, заметив, что Тути смотрит на него с недоумением, он быстро говорит: — Да, наше шествие будет очень красивое и торжественное. Тебе все это, конечно, очень понравится, Тути.

— А что ты будешь делать в процессии? Понесешь что-нибудь? Где нам тебя искать? — спрашивает Тути.

Рамес опять улыбается той же странной улыбкой и отвечает:

— Я буду около самой статуи Амона-Ра, совсем-совсем близко к ней! Только вы не старайтесь меня разглядеть, все равно не увидите.

— Ну конечно, где тебя увидишь среди всех взрослых жрецов! — недовольно говорит Тути. — Ну уж зато ты нам потом все подробно расскажешь! Хорошо?

— Хорошо, — отвечает Рамес и встает. — А теперь мне пора идти.

— Тути, я провожу Рамеса и сразу же вернусь, — говорит Кари и тоже встает.

Когда они выходят на улицу, Кари спрашивает:

— Ты действительно думаешь, что Хеви сможет убедить верховного жреца в невинности дяди Нахмина и Харуди?

— Да, если доказательства будут основательными. Аменхотеп очень умен и опытен и легко разбирается в самых сложных делах.

— Ох, как было бы замечательно, если бы удалось их освободить! — говорит Кари с надеждой.

Рамес смотрит на него и медленно говорит:

— Убедить Аменхотепа в невинности людей еще не значит получить от него приказ об их освобождении или даже оправдание на суде.

— Я тебя не понимаю, — растерянно говорит Кари. — Разве Аменхотеп станет их задерживать или обвинять, если он будет убежден в том, что они невинны?

— Может даже и осудить...

— Как? Почему же?

— А это зависит от многого. Если бы участь этих людей никого не интересовала, Аменхотеп, может быть, и решил бы дело так, как нам с тобой кажется правильно. Но ты знаешь, что обвинение против твоего дяди и Харуди выдвинул Пауро. И я убежден, что их судьба будет решаться только в зависимости от того, чью сторону в распре Пауро с Пасером примет Аменхотеп.

— Не может быть! — в ужасе говорит Кари. — Он же верховный жрец!

Мальчики останавливаются и смотрят друг на друга. Они незаметно прошли по улицам Святилища до ворот, ведущих к реке, и стоят около их северной башни. Кругом никого нет. Рамес тянет Кари за руку в тень, падающую от башни, и говорит:

— Кари, разве ты мало видел и слышал в вашем поселке? Неужели ты считаешь, что жрецы всегда все делают правильно?

— Нет, я не так глуп! — горячо возражает Кари. — Но ведь то — обыкновенные жрецы, а тут самый глав-

ный, знающий всю премудрость священных книг, все тайные обряды! Он же должен быть замечательным человеком. Как же он может лгать и обманывать? Зачем ему это?

— Затем, чтобы удержаться на своем высоком месте! — жестко говорит Рамес. — Слушай, Кари, я это говорю только тебе, потому что я полюбил тебя, как брата, я тебе верю, верю, что ты не способен ни на какую подлость... Я бы этого никому другому не сказал! Так вот, знай, что Аменхотеп может решиться на любой поступок, если это поможет ему укрепить его власть или расширить богатство храма или его собственное. И таков не он один. Таков и мой дед, и многие, многие жрецы... Есть, конечно, и среди них исключения, вот Бекенмут или старик Нахт — очень добрый человек... Но ведь зато как им тяжело жить в этом круговом обмане! Все только напоказ... И вообще...

Рамес замолкает. Кари потрясен и тоже молчит. Потом Рамес говорит снова. Очевидно, у него так накипело, что он не может молчать.

— Недавно у нас судили жреца, который нарушил одно из основных наших правил — вошел в молельню бога, не совершив всех предварительных обрядов, постов, очищений и так далее. Оказалось, как он сам признался, что ему было просто лень все это проделывать...

— Как же он не побоялся, что бог его накажет? Ведь если он надеялся, что никто из людей не узнает этого, то ведь бог-то всегда знает? — перебивает Кари.

— А ты думаешь, что он тоже верил в это, вот как ты? Я в этом очень сомневаюсь! Думаю, что нет.

— Как — нет?!

— А так! Ты, кажется, никогда ни о чем всерьез не думал, Кари! Почему, например, Панеб до сих пор зрячий, если Владычица Западной Вершины ослепляет людей за грехи? А?

Рамес в упор смотрит на Кари. Тот молчит. Тогда Рамес говорит с усмешкой:

— Ведь если богиня справедлива, то Панеба давно давно следовало бы ослепить, правда? Ну, а разве богиня может быть несправедливой? И заметь еще, Кари, что никто из умерших царей, гробницы которых грабил Панеб, тоже его не наказал! И вообще, чем это

объяснить, что грабители забираются в гробницы, а ни духи умерших, ни бог — покровитель этих духов, Ану-бис, ни богиня — хранительница царских кладбищ, Мерит-сегер, вот эта самая Владычица Западной Вершины, — никто не останавливает воров, не убивает их тут же какой-нибудь молнией или просто камнем? Молчишь?

Кари действительно молчит. У него даже кружится голова от вопросов Рамеса и от тех ответов, которые запрашиваются на них.

— Ну, ты подумай, а я теперь уйду, будь здоров! — Рамес кладет Кари руку на плечо, сильно его сжимает и поворачивается, чтобы идти.

Но Кари хватает его за руку:

— Постой! Мне все это никогда не приходило в голову! Я еще ничего не могу сообразить! Ты как будто хочешь сказать, что боги не всё знают... или что они несправедливы.... Что духи умерших... или...

— Думай, думай сам, Кари! Надо до всего доходить самому.

— Да, я буду думать, буду... Постой, еще только один вопрос! Кто они, эти носильщики с головами шакалов и соколов?

— Как всегда, жрецы в масках.

— Жрецы?

— А неужели ты думал, что это действительно духи Нехена и Пе?

— Нет... я не знал... А на передней ладье, с канатами, — тоже жрецы в масках?

— Ну конечно! Кари, Кари, да разве ты никогда не видал на похоронах жреца в маске в виде головы шакала, который изображает бога Анубиса во время погребального обряда? Или ты считал, что проводить умершего человека в его гробницу приходит действительно бог Анубис? Ох, мне теперь уже надо бегом бежать! Ну, Кари, до завтра! Думай и молчи!

Х. «СУД БОГА»

— А, это ты, — говорит дед Рамесу. — Ты пришел вовремя. Бери все, что нужно для письма, ты пойдешь со мной на совет «божьего суда».

Рамес молча кивает головой и берет письменный

прибор, чистые свитки папируса. Он знает, что сейчас дед и третий жрец их храма будут знакомиться с теми делами, которые завтра во время шествия должны всенародно разбираться перед статуей бога Амона-Ра и решение по которым даст сам бог.

То есть так будут думать все, кроме нескольких жрецов и Рамеса, потому что в действительности это именно Рамес, спрятанный под покрывалом на носилках за статуей бога, будет, по условному сигналу, тянуть ремень, привязанный к правой руке статуи бога, и тогда эта рука поднимется и тронет положенный на колени статуи черепок с написанным на нем вопросом или решением. Рамес знает, что для каждого дела заранее готовят два черепка, на которых пишут два разных решения: например, если разбирается дело о краже, то на одном черепке пишут «виновен», а на другом «невиновен» и кладут по очереди эти черепки перед статуей. К которому из них прикоснется рука статуи, тот и считается решением «божьего суда». Иногда запись делается в форме вопроса. Тогда если статуя тронет черепок — то ответ положительный, а если статуя остается неподвижной — ответ признается отрицательным.

Но жрецам надо подготовиться к «божьему суду», ведь необходимо заранее знать, какие дела должен будет решать бог в этот день.

Вот сейчас и будет происходить такая подготовка дел. Надо торопиться, дед уже взял посох и направляется к двери. Рамес, собрав все, что ему было сказано, идет за ним. Они входят в комнату, которую отвели деду, — это приемная.

Там уже находятся приехавший с ними третий жрец их храма со своим писцом Чараи и писец царского кладбища Амоннахт. Все встают при появлении деда, который молча проходит к приготовленному для него креслу, усаживается в него и дает знак третьему жрецу начинать. Рамес бесшумно становится за креслом деда.

— Так какие же дела передаются завтра на суд бога от вашего поселка «слушающих зов»? — спрашивает третий жрец писца Амоннахта.

Тот раскрывает принесенный им с собой деревянный ларчик и вынимает свиток папируса.

— Первое дело — это обвинение ремесленником Пауахом ремесленника Ипуи в краже циновки. Ипуи отрицается, но все утверждают, что, кроме него, этого сделать было некому. К тому же его не раз уже ловили на мелком воровстве.

— Ну что ж, бог Амон осудит его, — спокойно говорит третий жрец.

Дед Рамеса молчит, закрыв глаза, — то ли думает, то ли соглашается с тем, что сказал третий жрец. Видно, что ему глубоко безразлично, будет ли признан вором Ипуи или нет. Писец Амоннахт делает какую-то пометку на папирусе, писец третьего жреца Чараи тоже что-то записывает.

— Второе дело. Старуха Хенут, вдова ремесленника, желает знать, будет ли ее сын Хаи жрецом храма фараона Сети-Менмара.

— Ммм... А что говорит об этом главный жрец этого храма? — спрашивает третий жрец.

— Он не возражает... Хаи учился в их храме... К тому же брат Хаи, живописец Яхмес, расписал для главного жреца гробницу и сделал это очень хорошо, — отвечает Амоннахт.

— Ах, так! Ну, тогда бог Амон пообещает вдове Хенут, что ее сын Хаи будет жрецом в храме фараона Сети-Менмара.

Оба писца опять делают записи на своих свитках.

— Еще что? — спрашивает третий жрец.

— Следующее дело очень сложное, господин, — говорит Амоннахт. — Один из ремесленников царского кладбища обвиняется в краже золота, которое ему было выдано для работы.

— Кто этот ремесленник? — задает вопрос третий жрец.

— Это столяр Онахту. Он хороший мастер, но вредный человек — часто противоречит распоряжениям начальника отряда Панеба, который не раз уже жаловался на него правителю Западной части Города Пауро.

Рамес чувствует, как у него начинает биться сердце. Столяр Онахту? Отец Кари и Таиси? Опять Панеб? Почему же Кари ничего об этом не сказал? Он, значит, еще ничего не знает.

А третий жрец в это время задумчиво спрашивает:

— Он из отряда Панеба... Ты говоришь, что и Пауро им недоволен? Вот что! Мммм... А почему же дело не пошло в суд поселка?

— Потому что его надо решать немедленно, откладывать нельзя, а теперь праздники, когда еще соберется суд поселка!

— Кто подал жалобу? Столяр отрицает все?

— Это обвинение вчера подал помощник Панеба Хати, который выдает золото ремесленникам для работы. Он говорит, что выдал золото столяру, а тот утверждает, что этого не было и что он ничего не получал. Пауро очень торопит с этим делом и приказал сегодня же ночью арестовать столяра, — добавляет Амоннахт и смотрит прямо в глаза третьему жрецу.

— Значит, дело идет на суд бога по жалобе Хати, помощника Панеба? — медленно говорит жрец, тоже глядя прямо в глаза Амоннахта. — Так, так... Ну что же, он, несомненно, виновен, и бог осудит его.

— Это было бы хорошо, господин, он вполне заслуживает этого, но его очень любят и уважают в поселке, так как бы не произошло... — Амоннахт умолкает.

Но третий жрец резко спрашивает:

— Чего?

— Недовольства, господин!

— Чем же? Решением бога? Этого не может быть и не будет! Что у тебя еще там?

Писец смотрит в свои записи и начинает что-то говорить, но Рамес не слушает его. Отца Кари и Таиси обвиняют в краже золота! Это значит, что ему могут отрезать нос и уши и отправить навсегда в Нубию, в страшные рудники, где люди гибнут от непосильной работы. Что же это такое? Ведь он же, конечно, невиновен, это просто Панеб расправляется с ним так же, как он расправился с Харуди и Нахтмином. Что же делать?

Может, взять и рассказать вот тут, сейчас, все, что он знает про этих людей? Нет, нет, этим он никому не поможет, а только испортит все дело. Надо молчать, а уже потом подумать о том, как тут быть.

Мальчик всеми силами старается не выдать своего волнения, ничем не обратиться на себя внимания... К тому же он спохватывается, что надо слушать дальше. Может быть, он все-таки чем-нибудь сумеет помочь?

А писец уже докладывает о том, что ремесленник Мини подал жалобу на маджая Караи: Мини занял денег у маджая и, по его словам, вовремя уплатил долг, а маджай отрицает это и требует уплаты снова.

— Я думаю, что бог признает правым ремесленника, — говорит третий жрец. — Что говорят по этому поводу у вас в поселке?

— Да, народ считает, что Мини прав, многие видели, что он понес долг маджая, — отвечает писец.

— Ну видишь, значит, так и будет. Вообще, если мы хотим, чтобы дело со столяром прошло спокойно, надо решать все остальное так, чтобы не раздражать людей. Еще есть что-нибудь?

— Две женщины спрашивают, дадут ли ремесленникам ту часть их пайка за прошлый месяц, которую им все еще не дали, хотя они получили уже паек за этот месяц.

— Очень хорошо! — оживляется жрец. — Конечно, им выдадут то, что они не получили за прошлый месяц. Скажи Пауро, чтобы завтра же, тут же, сразу после решения бога, появились бы ослы с грузом из Святилища! Представляете, какое будет впечатление? Тут уж ни до какого столяра никому не будет дела! Все обрадуются пайку и будут прославлять Амона-Ра за справедливый и скорый суд! Все, больше нет дел? Тогда кончили!

Все поднимаются. Писцы складывают свои записи и приборы и склоняются перед жрецами. Дед Рамеса уходит; мальчик, поклонившись всем, тоже направляется вслед за ним, но третий жрец останавливает его и велит остаться. Остается и писец Чараи. Третий жрец молча ждет, когда уйдет писец Амоннахт, и тогда говорит:

— Завтра, как обычно, Рамес будет под покрывалом на носилках, а ты, Чараи, встанешь рядом и в нужные минуты будешь касаться жезлом плеча Рамеса. Помни, что это надо делать незаметно! Не забудь хорошо заучить, какими должны быть решения бога. А теперь идите в храм и проверьте, все ли в порядке со статуей. Вот моя печать, возьми ее, Чараи, покажи жрецам, они пропустят вас в молельню, где стоит статуя. Когда будете уходить, ты опять запечатаешь дверь молельни и принесешь мне печать. Идите!

Чараи и Рамес молча кланяются и уходят. Проверка механизма статуи не занимает у них много времени. Все оказывается в полном порядке — когда Рамес натягивает ремень, то рука статуи легко и бесшумно поднимается. Чараи запечатывает дверь молельни и выходит вместе с Рамесом.

Мальчик медленно бредет к главному выходу из храма. Охваченный тяжелой тревогой, он мучительно старается придумать какой-нибудь способ спасти Онахту от обвинения на «божьем суде». Он так отчетливо представляет себе ужасную участь, ожидающую столбара, отчаяние его близких!

Все еще ничего не придумав, Рамес выходит через Восточные ворота Святилища, еще более грандиозные, чем Западные, и направляется на пристань, туда, где вчера причаливали ладьи со статуями богов из Ипет-Сута. Мальчик облокачивается на каменные перила и смотрит вдаль, на спокойные воды реки и далекие здания восточного берега. Что же все-таки делать?

И неожиданно ему приходит в голову, что выход есть, очень простой и безошибочный. Ведь завтра все, в сущности, зависит от него, Рамеса, и если у него хватит мужества послушаться решения жрецов, то Онахту будет спасен! Щеки Рамеса начинают гореть. Решится ли он на такой отчаянный поступок? А если решится, то что с ним будет потом? Убьют его? Ну что ж, ведь он сирота, один, дед так мало им интересуется, что, наверное, и не пожалует о нем. А там, у Онахту, сколько будет несчастных, если Рамес струсит! Нет, он не струсит, он непременно сделает то, что задумал! Будь что будет, другого выхода нет.

Мальчик отходит от перил и идет обратно. Дома он тихо проходит в отведенную ему маленькую комнатку. Сегодня он не хочет видеть никого из своих друзей. Голова точно полна каким-то туманом, есть совсем не хочется. Рамес выпивает кружку холодной воды, ложится на кровать и засыпает тяжелым, не приносящим облегчения сном.

Он просыпается оттого, что его трясет за плечо раб деда. Утро! Мальчик быстро моется и одевается. Есть опять не хочется, и он с трудом проглатывает несколько фиников. Пора идти.

Храм уже наполнен жрецами из разных святилищ.

Старые и молодые, в белых одеждах, некоторые с наброшенными на плечи шкурами пантер, они заняты приготовлениями к торжественному шествию. Зажигаются светильники, несут благовония, опахала, букеты цветов. Слышно, как музыканты где-то настраивают свои инструменты.

Рамес подходит к молельне, в которой находится статуя бога Амона-Ра. Здесь уже стоят наготове жрецы в масках соколов и шакалов, которые понесут носилки со статуей, — рослые, сильные мужчины, хорошо подобранные по росту. Рамес встает у самой двери в молельню. А вот идет верховный жрец из храма, Аменхотеп, за ним дед Рамеса, третий жрец со своим неизменным спутником, писцом Чараи, и верховный жрец Святилица; дальше идут везир и начальники обеих частей столицы, ненавидящие друг друга, — Пасер и Пауро, за ними — высшие чины их свиты.

Раздаются торжественные звуки приветственного гимна Амону-Ра. Рамес не видит, кто из жрецов снимает печать с молельни. Он чувствует на своем плече чью-то руку — это писец Чараи слегка подталкивает мальчика вперед за жрецами, и они оба вместе с третьим жрецом входят в молельню, которую немедленно бесшумно закрывают за ними.

Третий жрец подходит к носилкам и жестом приказывает Рамесу взобраться на ладью. Мальчик повинуется и садится позади статуи, взяв в руки ремень, которым приводится в действие ее правая рука. Рамеса покрывают большим покрывалом, укрепленным так, что оно охватывает статую бога не только со спины, но частично и с боков. Чараи становится слева около ладьи, как раз рядом с Рамесом, и кладет себе на плечо небольшой жезл, которым он будет прикасаться к плечу мальчика каждый раз, когда тот должен натягивать ремень и приводить в действие руку статуи.

Рамес точно сквозь сон слышит, как распахивают двери молельни, как жрецы начинают праздничный обряд. Их протяжные возгласы чередуются с пением хора. Вот к ладье с двух сторон подходят жрецы-носильщики, вот они дружно, сразу поднимают на плечи тяжелые носилки, на которых стоит ладья со статуей Амона и спрятанным Рамесом, и направляются к выходу.

Медленно проходят они по залам храма. Сквозь покрывало Рамес видит колеблющиеся отблески бесчисленных светильников, горящих во всех помещениях, по которым проносят ладью. Внезапно становится гораздо светлее, и Рамес понимает, что шествие вышло из здания храма наружу. Теперь оно должно повернуть налево, пройти вдоль полей всех царских заупокойных святилищ, задерживаясь около каждого из них.

Носилки ровно покачиваются, и Рамеса начинает клонить ко сну. Он слегка приоткрывает складки покрывала — так, чтобы видеть, что делается кругом, а самому оставаться незамеченным. Теперь, когда перед ним западный берег, ему уже не хочется спать. Шествие минует множество величественных зданий — заупокойных храмов умерших владык, откуда навстречу выносят статуи этих царей. Колеблются большие опахала из ярко окрашенных страусовых перьев, курится дымок благовоний, доносятся пение гимнов, звенящие трели систров, звуки арф и кифар.

Но вот Амон-Ра повстречался уже со статуями из всех царских храмов, и ему предстоит посетить гробницы. Шествие поворачивает к горам. Носилки не смогут подойти вплотную к гробницам, они лишь пройдут по наиболее доступным путям.

Сейчас шествие движется по направлению к перекрестку, откуда расходятся дороги к разным кладбищам. И вот Рамес видит спускающуюся к ним навстречу еще одну процессию, на этот раз без носилок. Идут мужчины, женщины, дети, старики. На всех надеты самые лучшие одежды, парадные парики, блестят украшения, развеваются ленты пестрых повязок и венков. Это население поселка «слушающих зов» встречает Амона-Ра. Женщины играют на разных музыкальных инструментах, громко ударяют в бубны, звенят систрами, поют и пляшут. Разлетаются тонкие косички париков, широкие складки отороченных бахромой платьев.

Слава тебе, Амон-Ра,
Владыка Ипет-Сут, царь богов!.. —

поет хор.

Встречающие подходят к носилкам, поворачивают обратно и, став, таким образом, во главе шествия, ведут его за собой, продолжая петь и плясать.

Вот и перекресток. Остановка. Кто-то из жрецов провозглашает молитвы, ему отвечают другие жрецы, и опять звучит пение. Но вот Рамес замечает в толпе какое-то движение, музыка прекращается. Все стараются пробраться поближе к носилкам, и тут Рамес чувствует легкое прикосновение жезла к своему плечу — это условный знак. Приближается момент «божьего суда», Рамес должен приготовиться.

Вперед выходит третий жрец и, став лицом к статуе, зажигает новое благовоние. К нему подходит писец царских кладбищ Амоннахт, становится рядом и открывает свой ларчик. В это время из толпы пробираются вперед старая женщина и четверо мужчин, но их обгоняет, расталкивая всех локтями, пожилой мужчина с сердитым лицом, покрытым резкими морщинами. Он тащит за руку упирающегося юношу лет шестнадцати, который явно пытается вырваться и убежать. Но окружающие, охотно пропускавшие мужчину и юношу к статуе, смыкаются за ними плотной стеной. На юношу со всех сторон смотрят неприязненные лица, и, поняв, что убежать ему не удастся, он перестает вырваться.

Писец Амоннахт протягивает третьему жрецу два черепка. Тот берет их в руки и громко спрашивает:

— Ремесленник Пауах здесь?

— Здесь я, господин! — кричит мужчина с сердитым лицом. — И этот вор Ипуи тоже здесь, вот он!

— Подожди называть его вором, пока бог не решил, так ли это, — строго и спокойно отвечает ему третий жрец.

По толпе проносится шепот. Пауах растерянно смотрит на жреца, а тот берет один черепок и громко читает:

— Он ли украл циновку?

Жрец подходит к статуе, кладет перед ней черепок и громко говорит:

— О великий бог, рассуди этих людей!

Рамес чувствует прикосновение жезла Чараи и натягивает ремень. Легкий скрип шарнира и громкий крик множества людей показывают Рамесу, что рука статуи поднялась и коснулась черепка. Стража хватает и уводит юношу.

Крики еще продолжают, но жрец делает знак, и народ затихает. Писец протягивает два других черепка.

— Здесь ли вдова Хенут? — спрашивает жрец.

— Да, да, господин, я здесь, — бормочет старая женщина, низко кланяясь жрецу, статуе, Амоннахту. Ее осторожно поддерживает молодая девушка.

— «Будет ли сын вдовы Хенут принят в храм фараона Сети-Менмара?» — читает жрец, обращаясь к статуе, и кладет перед ней черепок.

Рамес снова чувствует жезл Чараи на плече и натягивает ремень. Радостный крик женщины, общее ликование ее соседей по поселку долго звучат вокруг носилок.

— Здесь ли маджай Карай и ремесленник Мини? — спрашивает жрец.

Да, они оба здесь — сильный рослый маджай с наглым лицом и маленький сухонький старичок.

— Маджай Карай, уплатил ли тебе ремесленник Мини свой долг? — спрашивает жрец.

— Нет, и не подумал даже, господин! — усмехаясь, отвечает маджай.

Мини пытается что-то сказать, но писец Амоннахт уже передал очередные черепки жрецу, и тот читает надпись на первом из них:

— «Правдивы ли эти слова?»

Рамес помнит, что сейчас сигнала не должно быть. Действительно, Чараи не трогает его. Наступает напряженное молчание. Кажется, слышно дыхание людей, впившихся глазами в руку статуи. Рамес тихонько отодвигает край покрывала. Ого, каким удивленным и встревоженным стало лицо маджая! Видно, ему пообещали другое! Ах, с какой внезапной надеждой смотрит теперь на статую Амона маленький старичок!

Но вот жрец берет второй черепок.

— Лживы ли эти слова? — раздается второй вопрос. Жрец забирает первый черепок и кладет перед статуей второй.

Рамес так уверен в сигнале, что начинает тянуть ремень на секунду раньше, чем Чараи касается его жезлом. Опять звучат радостные крики, кто-то обнимает старого ремесленника, несколько голосов запевают гимн, за ними подхватывают другие, и вот уже поют все. К маджаям тянутся угрожающие руки, но он

успевает исчезнуть. И в это время Рамес слышит, как жрец говорит:

— Помощник начальника отряда ремесленников Хати и столяр Онахту здесь?

Вот оно! Закусив губу, мальчик смотрит из своего убежища. К жрецу подходит довольно высокий человек, хорошо одетый, в туго завитом парике. Очевидно, это и есть Хати. Лица его Рамесу не видно из-за пиджака, который заслоняет его. Зато мальчик может хорошо рассмотреть столяра Онахту, которого грубо выталкивают вперед четверо маджаев. У него связаны руки... И тут Рамес слышит отчаянный крик:

— Отец?! Отец!..

Кари! У Рамеса сжимается сердце. А вот и сам Кари — он отчаянно проталкивается к отцу, за ним пробует пробиться и Тути, но его оттирает толпа... А Кари упорно пробирается вперед. Ох, как он кричит:

— Отец, что с тобой?! Пустите меня! Отец!

Добрался! Нет, стражники его отталкивают, один из них ударяет Кари по голове, другой сильно бьет по руке дубинкой. Кари чуть не падает, но его подхватывают какие-то мужчины и помогают устоять. На лице мальчика столько горя, что Рамес не может этого вынести и переводит взгляд на столяра. Тот смотрит на статую бога. Какое отчаяние в его глазах! А там, дальше, — какие напряженные, взволнованные лица.

А жрец уже читает:

— «Украл ли золото столяр Онахту?»

Жезл касается плеча Рамеса, но мальчик крепко сплетает пальцы рук и не берет ремень. Статуя бездействует. Ох, как жезл нажимает на плечо, он даже царапает кожу. Чараи, кажется, забыл о всякой осторожности. Что там думают сейчас Аменхотеп и третий жрец? Что с ним будет? Все равно, пусть хоть убьют, но он не сделает такой подлости. Онахту невиновен, и пусть суд его и признает таким. И если сейчас его оправдает «божий суд», то потом они уже ничего не посмеют сделать со столяром!

Рамес не смотрит в щелку, он закрывает глаза и все крепче сжимает руки. А вокруг носилок постепенно поднимается гул:

— Бог его оправдывает!

— Пусть читают второй черепок!

— Онахту невиновен!

— Слава Амону!

Жрец продолжает стоять перед статуей, не понимая, что могло случиться. Он ждет — ведь Онахту должен быть обвинен. Однако углом глаза он видит, как волнуется народ. Крики становятся все громче, в них начинают звучать угрозы.

— Пусть читают второй черепок! — уже громко кричат люди, все теснее окружая носилки.

И жрец чувствует, что больше ждать нельзя. Он поднимает глаза на верховного жреца Аменхотепа. Тот осматривается кругом и, видимо оценив положение, говорит:

— Читай другой вопрос!

Третий жрец берет второй черепок от писца и высоко поднимает его над головой, показывая этим, что всеобщее желание выполняется.

— «Невиновен ли столяр Онахту?» — отчетливо слышится голос жреца.

Черепок положен перед статуей, и Рамес, рассчитав время, сильно натягивает ремень. Оглушительные, ликующие крики, точно буря, проносятся над долиной. Рамес сжимается в комочек. Он не смотрит в щелку и не видит, как сияет лицо Онахту, которому тут же развязывают руки, как повисает на шее отца Кари, как обнимают столяра друзья. Не видит Рамес и искаженное злобой лицо Хати, не видит, с каким внешним спокойствием жрец объявляет о том, что бог Амон-Ра признает столяра Онахту невиновным в краже золота, которое, очевидно, похитил кто-то другой, о чем и надлежит произвести расследование.

Мальчик немного приходит в себя только в ту минуту, когда жрец читает просьбу женщин поселка:

— О, наш благой владыка, отдадут ли нам наши пайки?

Рамес чувствует резкий толчок жезла и немедленно тянет ремень. Новое ликование охватывает народ: бог обещал, что им отдадут удержанный паек! Слава Амону-Ра, слава царю богов! Хор женских голосов запекает гимн, но в этот момент раздается чей-то крик:

— Смотрите, смотрите, паек уже везут! Бог сказал правду, смотрите!

Действительно, со стороны Святилища показывает-

ся вереница ослов, нагруженных мешками и сосудами. Радость народа неопишима. Женщины снова запевают гимн, который теперь подхватывают все:

Восхвалим Амона-Ра,
Прославим царя богов!
Воздадим хвалу ему до неба
И во всю широту земли!
Расскажем о нем сыну и дочери,
Поколениям и поколениям!
Расскажем о силе его рыбам в воде
И о мощи его птицам в небе!
Ты, Амон, защитник молчаливого,
Ты приходишь на зов бедняка!
Я зову тебя, когда я в печали,
И ты спасаешь меня от оков!
Прославим же царя богов,
Восславим Амона-Ра!

Верховный жрец Аменхотеп стоит неподвижно, хотя в нем все сильнее и сильнее нарастает гнев. Что могло случиться с этим мальчишкой? Так напутать! А тут еще выдумка третьего жреца с возвращением пайка! Ослы с продуктами выглядят какой-то насмешкой над ним. Аменхотеп встречается глазами с третьим жрецом. Тот и рассержен, и растерян. Взгляд Аменхотепа призывает его к спокойствию, хотя и не обещает ничего доброго. Жрец понимает, что ему еще предстоит немало неприятностей от Аменхотепа. Но сейчас нельзя показать даже тени тревоги или недовольства. И вообще пора кончать всю эту историю. По видимому, то же самое думает и Аменхотеп. Он подает знак рукой и, когда постепенно наступает тишина, подходит к носилкам и, подняв руки к небу, громко провозглашает:

— Слава тебе, великий бог, царь богов, за твой суд, правый и скорый!

В ответ звучит громкий хор жрецов. Носилки трогаются, и Рамес чувствует, что они поворачиваются. Значит, шествие направляется обратно в Святилище. Значит, скоро его призовут для разбора небывалого еще случая. Кто же будет его допрашивать? Вернее всего, сам Аменхотеп.

У мальчика стучит в висках, сильно бьется сердце. Все равно он ни о чем не жалеет, и, если бы надо было все начинать сначала, он еще раз сделал бы то же самое. В волнении он не замечает, что шествие уже

вошло в Святилище. Рамес больше не откидывает покрывала, хотя ему становится нестерпимо душно, все начинает плыть в каком-то тумане.

Вот кто-то резким движением откидывает покрывало. Рамес с трудом приоткрывает глаза, хочет встать и не может. Он понимает, что ладья уже снова стоит в молельне, что, кроме него, здесь находятся только Аменхотеп, третий жрец и писец Чараи. Дверь молельни плотно закрыта. Аменхотеп смотрит на мальчика в упор. Взгляд его жесткий, суровый.

— Что с тобой? — резко спрашивает он.

Мальчик не отвечает и закрывает глаза. Третий жрец берет его за плечи и встряхивает, но тут же отпускает:

— Да он совсем горячий! Он просто болен! Теперь все понятно, — говорит он, обернувшись к Аменхотепу.

— Снимите его, — приказывает тот.

Чараи берет Рамеса на руки и ставит на пол, но мальчик тут же чуть не падает, — Чараи успевает подхватить его.

— Да, кажется, он действительно заболел, — медленно говорит Аменхотеп, все еще пристально глядя на Рамеса. — Тогда это еще ничего... Его надо отнести к врачу Минхау. Чараи, пойдя приведи кого-нибудь в помощь и скажи Минхау, чтобы он не удивлялся, если мальчик будет говорить разный вздор, — у него может быть бред. Впрочем, Минхау умный и опытный человек, он и сам поймет и не будет никому ничего рассказывать о том, что может наболтать мальчишка.

Чараи выходит и возвращается с высоким молодым жрецом, который берет Рамеса на руки. Писец набрасывает на мальчика свой плащ, и они уходят.

Глаза Рамеса опять закрываются, и он перестает замечать окружающих. Когда он опять поднимает веки, первое, что он видит, — это лицо Бекенмута. Врач склонился над ним и дает ему понюхать небольшой флакон, содержимое которого сильно и раздражающе пахнет. Мальчик чихает и окончательно приходит в себя.

— Это ты, господин? Почему ты здесь? Где мы? — шепчет Рамес.

— Наконец-то ты очнулся! — говорит Бекенмут.

Он кладет флакон на столик рядом с кроватью, на

которой лежит Рамес, берет чашку с питьем и заставляет мальчика выпить ее до дна. Напиток, кисловатый и холодный, замечательно освежает и точно придает силы. Приятно и ощущение холодной влажной повязки на голове. Рамес с тревогой вопросительно смотрит в лицо врача, и Бекенмут понимает, что для спокойствия мальчика ему необходимо объяснить, где он и что с ним происходит.

— Ты лежишь у главного врача Святилища Минхау; тебя сюда принесли по приказанию Аменхотепа, потому что тебе стало дурно во время шествия. Аменхотеп велел, чтобы тебя здесь лечили, а потом отвезли домой, к деду. Так что ты ни о чем не беспокойся и лежи смирно. А я приехал сюда на Праздник Долины и, как всегда, остановился у Минхау. Видишь, все очень просто. Сейчас тебе нельзя много говорить, скажи мне только: когда ты ел последний раз?

— Вчера утром, кажется. Потом мне ничего не хотелось, — отвечает Рамес.

— Так, все понятно. Сейчас я тебе принесу еды, а потом изволь спать. Говорить мы будем завтра.

Бекенмут приносит разные вкусные вещи, и Рамес с удовольствием ест. Врач дает ему выпить хорошего легкого вина, и мальчик немедленно засыпает, успокоенный тем, что все, по-видимому, пройдет благополучно, раз жрецы приписали его «ошибку» болезни.

XI. ЗАГОВОР

Вечереет. С криком носятся птицы, тянет прохладой с реки. Тут и Кари стоят на берегу и машут вслед уходящей ладье, а с нее им тоже машет Рамес.

Сразу же после своего оправдания на «суде бога» столяр Онахту вместе с Кари отправились на восточный берег. Онахту боялся, чтобы известие о случившемся не дошло до жены и дочери и не испугало бы их. Он решил сам рассказать обо всем Неши и убедить ее ничего не говорить девочке.

На обратном пути в Святилище Кари упросил отца разрешить ему еще раз повидаться с Рамесом. Так как у Кари разболелась правая рука, которую ударил маджай во время «божьего суда», мальчик все равно не мог работать, и отец позволил ему еще погостить у

Тути. Это оказалось очень кстати, потому что Кари узнал о болезни Рамеса. Бекенмут изредка позволял мальчику посидеть у больного друга.

Прошло несколько дней, прежде чем Рамес настолько окреп, что смог отправиться домой. Уже уехали обратно в Ипет-Сут парадные ладьи богов с их статуями, а Бекенмут все еще не разрешал мальчику выходить на улицу. Теперь наконец он здоров, только похудел и как будто вырос. Вместе со своим маленьким учеником уезжает и Бекенмут.

Все дальше и дальше уходит ладья, все меньше становится знакомая фигурка на ее корме. Тути перестает махать и оборачивается к Кари:

— Ну, с твоим отцом кончилось все прекрасно, слава Амону, — говорит он, — а вот что будет с твоим дядей и с Харуди? Хоть бы их тоже судили «божьим судом», тогда можно было бы не бояться за них! Вон как Амон правильно все рассудил!

Кари молчит и смотрит на реку. Вот уже два дня как он не может забыть того, что услышал от Рамеса. Они были одни и разговаривали как раз о том же — об участии двух каменотесов. И Кари высказал такое же пожелание, которое сейчас выразил Тути. Ох, как посмотрел на него Рамес, как он усмехнулся, странно и горько, и вдруг сказал:

— Не стоит. Не всегда ведь можно направить руку царя богов так, как это соответствует истине.

А когда Кари пристал к нему с расспросами, Рамес, взяв с него клятву хранить молчание, рассказал ему всю правду о «божьем суде».

— Но ведь это подлость, именем бога осудить невиновного! — вскричал тогда Кари.

— У них так много подлости и лжи, что одной больше, одной меньше, — не все ли равно! — сказал на это Рамес.

Кто-то вошел, и Кари не успел ответить, а потом им уже не удалось остаться вдвоем. А теперь Рамес уехал, а у Кари столько вопросов к нему, он никому больше не может их задать.

— Что же ты молчишь? — говорит Тути. — Разве ты не согласен со мной?

— Зачем говорить о том, чего все равно не может быть? Давай лучше подумаем, как бы доказать их не-

виновность, — отвечает Кари. — Не поехать ли мне завтра опять в Ипет-Сут, чтобы узнать, вернулся учитель или нет. Здесь все равно делать нечего. Идем-ка к тебе, уже поздно.

Мальчики идут к дому Тути. Войдя во двор, они с удивлением замечают, что на скамеечке сидит маджай Монту. При виде Кари он вскакивает и возбужденно говорит:

— Ну наконец-то ты пришел. Ты мне очень нужен!

— А как ты догадался, что я приду сюда? — удивляется Кари.

— Ты же сам мне сказал, что проведешь Праздник Долины у садовника Паседи, помнишь? Ну, мне некогда... Где бы я мог поговорить с тобой так, чтобы нас никто не слышал, а лучше даже, чтоб и не видел? Этот мальчик — твой друг Тути? Это его я видел с тобой в поселке?

Тути тоже узнает маджая.

— Идите в кладовую семян, — предлагает Тути. — Туда сейчас никто не придет, да она к тому же около ворот, вот здесь!

Действительно, кладовая находится совсем близко. Тути слегка приоткрывает дверь в нее и входит. Кари и Монту идут за ним, но сразу же останавливаются, не решаясь двигаться дальше в полной темноте. Окон здесь нет, кругом ничего не видно, и они молча стоят, вдыхая пряные запахи разных сушеных растений.

— Я сейчас принесу светильник, — говорит Тути.

Он убегает и сразу же возвращается с небольшим глиняным светильником.

— Закрой дверь, Кари, — говорит он. — Ну вот, садитесь здесь на мешки и разговаривайте, только не громко. — И Тути уходит, прикрыв за собой дверь.

— Случилось такое, что не знаю, как и рассказывать-то, — говорит Монту. — Сегодня утром я возвращался с дежурства на посту в горах вместе с Караи (меня теперь всегда почему-то назначают дежурить с ним). Идем, и вот я вижу, стоят помощник Панеба Хати и медник Пахар и так это живо о чем-то разговаривают. Ну, думаю, вот так приятели собрались, а тут еще Караи отстал и тоже к ним подошел. Странно! Ну, я иду дальше, и вот догоняет меня Караи и говорит,

что у него есть ко мне дело и при этом выгодное. «Ну, говорю ему, выкладывай!» И что бы ты думал, он мне предлагает? Сначала спрашивает, знаю ли я сына каменотеса Нахтмина, по имени Паири? «Ты, говорит, ходишь с разными мальчишками, может, и его встречал?» Видишь, как выследили! «Ну, говорю, встречал!» Так вот, оказывается, скоро будут судить тех каменотесов, которых забрали по обвинению в грабежах царских гробниц, и Панеб боится, что нет достаточных улик для обвинения Нахтмина и Харуди, от которых ему непременно надо избавиться, и он придумал вот что. Я должен пойти и сказать Паири, что завтра ночью настоящие воры собираются снова на грабеж и что он может их выследить и узнать, кто они. А если будет установлено, кто истинный виновник преступлений, в которых обвиняют отца Паири и Харуди, им будет легко оправдаться. Паири, конечно, поверит и пойдет в горы, а там в темноте к нему подкрадется Караи, стукнет его по голове так, что он потеряет сознание, сунет ему в руку какое-нибудь золотое украшение и позовет других стражников. Паири окажется пойманным с краденым золотом, а это послужит уликой против его отца: ведь тогда все поверят, что Нахтмин и сам грабил, и сына научил тому же.

— Ох, негодяи, вот негодяи! — вырывается у Кари. — Ну и что же дальше, Монту?

— А дальше я сделал глупость! Мне бы надо схитрить и притвориться, что я согласен, а потом мы бы уж что-нибудь придумали такое, чтобы они сами попались в свою же ловушку! А я вместо этого так разозлился, что пихнул его хорошенько и сказал, что я не тот подлец, который ему нужен! Да еще прибавил, чтобы он шел и жаловался своему приятелю Панебу или уж прямо начальнику Пауро.

— Что ты? Как ты мог? — в ужасе говорит Кари.

— Это я уже сообразил после того, как он мне крикнул: «Ну, смотри, пожалеешь, да поздно будет!» А вечером вызывают меня срочно к Пауро. Встречает он меня ласково, не кричит, как обычно. Дает мне запечатанный свиток и говорит, чтобы я около полуночи отнес его к начальнику тюрьмы и что в этом свитке содержится важный секретный приказ, так надо с ним обращаться осторожно, не потерять и никому

не показывать. Ну, я взял свиток, поклонился и пошел. К начальнику тюрьмы идти было еще рано, и я стал ждать и заодно раздумывать, что бы все это значило. И вот почему-то мне кажется, что все это неспроста. Не рассказал ли уже Караи про мои слова Пауро? Не затевают ли теперь что-то и против меня? И вот я решил найти верного грамотного человека, чтобы прочесть, что ж такое написано в этом проклятом свитке. И вот тут-то я и вспомнил о тебе. Прочитай мне, пожалуйста!

— То есть как это прочесть то, что написано в свитке? А печать Пауро? Ведь ее придется сломать! Как же ты потом отдашь свиток начальнику тюрьмы? — взволнованно спрашивает Кари.

Монту машет рукой и говорит, встряхнув головой:

— Э, что тут думать, ведь если там что-то плохое, так я и совсем не понесу письма, а если ничего особенного, ну, тогда что-нибудь придумаю! Бери свиток, снимай печать и читай!

Кари еще колеблется, но Монту так решительно сует ему свиток в руки, что мальчик берет его и молча, очень осторожно выдергивает тонкие концы шнура, которыми он завязан, из-под маленького расплющенного оттиском печати комочка глины, разворачивает свиток и впивается глазами в неровные, видимо наспех написанные строчки, покрывающие папирус.

Внезапно глаза мальчика расширяются так, точно сейчас выпрыгнут из орбит. Кари закусывает губу, с трудом удерживая крик.

— Ох, негодяи! — тихо говорит наконец Кари. — Да, счастье твое, что ты нашел меня и что мы решились это прочитать! Вот, слушай, что здесь написано: «Начальник Запада Города — начальнику тюрьмы Пашунбу». Подтвердилось все, что я тебе говорил относительно этого маджая. Посылаю его к тебе, а также двух свидетелей, которые скажут, что этот маджай действительно слышал те слова. И когда ты уверишься в преступлении этого маджая, посади его в корзину и брось его ночью в воду. Пусть ни один человек во всей стране не знает об этом».

— Это здорово! — говорит Монту. — Значит, в корзину и в воду? Ну нет, я на это не согласен!

— Как ты можешь еще смеяться! — в ужасе говорит Кари. — Ведь тебе угрожает смерть!

— Ну, раз я узнал, что она мне угрожает, я еще попробую избавиться от нее. Меня не так-то просто напугать! А интересно, какие еще два свидетеля должны прийти туда? Не иначе как Панеб и Караи.

— Вероятно, именно они, — соглашается Кари и спрашивает: — А вот что еще важно: значит ли все это, что и начальник тюрьмы заодно с Пауро?

— Не знаю, — говорит Монту, — может, и заодно, может, и нет. Ведь неизвестно, что ему про меня наговорил Пауро. Он мог придумать разное. Но сейчас надо решать, что мне делать? Что необходимо бежать, это ясно, а вот куда?

— Конечно, на тот берег, — быстро говорит Кари. — Ведь здесь Пауро полный хозяин, в его руках вся стража, да и начальник тюрьмы и жрецы Святилища сделают все, что он захочет. А тебе надо бежать на тот берег и прямо к Пасеру. Расскажи ему все и, главное, покажи это письмо. Только не потеряй его — в нем твои спасенье, потому что оно доказывает, что ты говоришь правду, и потом, это такое важное оружие для Пасера в его борьбе с Пауро, ради которого он тебя укроет так, что никакие ищейки Пауро не разыщут! Торопись и иди осторожно, чтобы тебя не выследили! Кого из лодочников ты знаешь? Надо такого, который бы тебя не выдал!

— Такой есть. Ты совершенно прав, мальчик: мне надо немедленно бежать к Пасеру!

— Подожди, — говорит Кари, — я дойду до угла, не заметил кто-нибудь, как мы зашли сюда, и не следит ли за этим домом.

Монту соглашается, что это разумно. Кари тушит светильник и выходит на улицу. Вскоре он возвращается — никого нет, путь свободен. Маджай хочет прощаться, но мальчик решительно говорит, что он его проводит. Предупредив Тути, что он должен уйти, но скоро вернется, Кари уходит вперед, проверять дорогу, а за ним на некотором расстоянии идет маджай. В полном молчании они доходят до берега. Монту отправляется искать лодочника, а Кари садится около одной из вытасненных на сушу лодок так, чтобы тень загоразживала его от лунного света.

Слышны быстрые шаги — бежит Монту.

— Все в порядке, Кари, — говорит он. — Лодочник уже в лодке, прощай! Спасибо тебе, будь здоров!

И маджай уходит, точно растаяв в темноте.

Кари все-таки еще некоторое время стоит на берегу. Все тихо, слышны только крики ночных птиц, тихий шелест воды, далекий вой шакалов в горах. Но вот доносится слабый всплеск весел, еще, еще...

— Отчалили! — радостно шепчет Кари.

Когда утром Тути открывает глаза, первое, что он видит, — это задумчивое лицо Кари. Мальчик сидит, охватив колени руками, и смотрит вдаль.

— Ты давно проснулся? — спрашивает, приподнимаясь, Тути.

— А я как-то совсем не мог сегодня заснуть, — отвечает Кари, — лежал и думал, а потом встал, смотрел, как солнце взошло...

— О чем же ты думал?

— О разном... О том, какие гадкие люди есть на свете! Слушай, Тути, поклянись, что никому не скажешь о том, что сейчас услышишь.

У Тути сразу пропадает сон. Он смотрит на друга широко раскрытыми глазами и быстро отвечает:

— Клянусь жизнью фараона!

— Так вот... Знаешь, зачем вчера приходил Монту?.. — И Кари рассказывает о страшной участи, которая грозила маджаям.

Тути поражен так, что даже не может говорить.

— И вот я все думаю теперь: ну хорошо, Монту спасся, но ведь Панеб будет снова пробовать поймать Паири в ловушку? И тогда Паири тоже попадет в тюрьму, как дядя Нахтмин. Как я подумаю об этом, да еще о том, что там с дядей и Харуди делается и что еще будет... Ну, не могу я тут жить спокойно!

Кари неожиданно со всего размаха ударяет кулаком по циновке. Тути еще никогда не видел таким возбужденным своего обычно сдержанного друга.

— Помнишь, Рамес нам говорил, что надо искать точных доказательств невиновности дяди Нахтмина и Харуди? И еще — доказательства участия в грабежах Панеба и Пауро? Вот я и думаю, что важнее всего было бы выследить настоящих грабителей, потому что если даже среди воров не окажется Панеба, то все рав-

но через них можно до него добраться, потому что они с ним связаны, это ведь нам известно, правда?

— Правда!

— Вот мне и кажется, что теперь мне незачем возвращаться на тот берег и ждать Хеви — ему ведь обо всем расскажут Бекенмут или Рамес. Гораздо важнее установить здесь слежку за царскими гробницами и поймать преступников при попытке их ограбить!

— Хорошо, я согласен, что это важно, только я не понимаю, как ты думаешь их ловить? Ну, предположим, удастся их выследить, а как задержать? Ведь раз в этих делах участвуют Панеб и Пауро, то в ту ночь, когда воры пойдут к царским гробницам, наверное, уж и стражи поблизости не будет или будут дежурить маджай вроде того же Караи, которые с ним заодно! Кто же поможет задержать грабителей? Ведь нам-то с ними не справиться!

— Я это и сам знаю, что не справиться и что на стражу нельзя надеяться. Сделать это могут только мужчины из нашего поселка, вот кто! Беда в том, что мы не будем знать, когда это случится, и не сможем их заранее предупредить. Поэтому мы должны сделать вот как: надо ходить каждую ночь к дороге, которая ведет к царским гробницам и ждать; ходить надо вдвоем, мне и Паири, и когда мы увидим, что воры идут, один из нас пойдет следом за ними, а другой побежит за нашими мужчинами и приведет их, понимаешь? Их много, у них топоры и кирки! Задержат! И Пауро тоже не отвертится: мы сразу же дадим об этом знать по всему Святылицу! Представляешь себе, что будет, если все наши жители выбегут навстречу и увидят, как наши ведут грабителей?

— Ох, вот было бы здорово! Как ты только придумал это, Кари? А меня ты разве туда не возьмешь? — В голосе Тути явно звучит тревога и обида.

— Не обижайся, Тути, но, по-моему, тебе не стоит идти с нами, — отвечает Кари и дружески кладет руку на плечо друга. — Подумай сам, ты ведь там не бывал, дорогу не найдешь. Лучше не ходи.

Тути нехотя соглашается, и мальчишки еще некоторое время обдумывают свой план, после чего Кари уходит в поселок.

Там он застаёт обычную картину: мужчины отсутствуют, женщины заняты работой по хозяйству, водовозы привезли воду, разносят ее по домам и наполняют сосуды на улицах.

Кари идет прямо к Паири, который радостно встречает двоюродного брата. Мальчики забираются на кровать Паири, и Кари рассказывает все новости — и про болезнь и отъезд Рамеса, и про бегство маджая. О той роли, которую Рамес сыграл в спасении Онахту, Кари, конечно, умалчивает — ведь он дал клятву Рамесу никогда никому об этом не говорить.

Потом Кари делится с Паири своими планами: попытаться поймать настоящих грабителей и установить виновность Панеба, а может быть, и самого Пауро. Паири с восхищением слушает и соглашается со всеми планами Кари. Они решают начать наблюдение за дорогой в Долину царских гробниц с этой же ночи, условившись ничего не говорить об этом ни Онахту, ни матери Паири.

И мальчики принимаются выполнять свое решение. Целую ночь дежурят они на перекрестке, где сходятся два пути в Долину царских гробниц — с юга, из поселка, и с севера, с берега реки. Здесь они устраиваются за большим камнем, который стоит так, что, сидя за ним, можно видеть обе дороги.

Однако первая ночь проходит спокойно — никто не появляется ни на дороге, ни среди скал, и мальчики, усталые и сонные, на заре уходят домой.

Днем братья отсыпаются, а вечером снова идут к перекрестку. Мальчики в пути не обмениваются ни одним словом, они стараются ступать бесшумно и идти в тени скал так, чтобы их не освещала луна. Они благополучно добираются до своего камня и усаживаются за ним.

Тишина. Наверху черное небо с бесчисленными яркими звездами, крупными и мелкими. Луна заливает своим светом таинственную Вершину Запада и серебрит отдельные выступы скал. Изредка слышно, как срывается камень под лапой шакала да раздаётся вой этих животных, и опять тишина.

И тем неожиданней для мальчиков звучит над их головой громкий насмешливый голос:

— Вот вы где! А нам-то вас и надо.

Прежде чем Кари успевает вскочить на ноги, что-то тяжелое ударяет его по голове, и мальчик теряет сознание. Паири чувствует острую боль в плече, кто-то хватает его за руку, но мальчик изо всех сил впивается зубами в руку своего неожиданного врага и, воспользовавшись мгновением, когда тот с криком выпускает его, выскакивает из-за камня и хочет бежать, но тут же скользит, падает и катится куда-то вниз, тщетно стараясь удержаться за камни.

Когда ему это наконец удастся, кажется, что он лежит где-то глубоко-глубоко. Страшно болит нога — так, что он даже забывает о раненом плече. Только бы не закричать, только бы они его не нашли! Мальчик закусывает губу и прижимается к скале. А наверху слышны шаги и голоса.

— Ты поймал второго? — спрашивает мужской голос.

— Нет, он укусил меня и сбежал! — отвечает другой. Это голос маджая Караи.

— Плохо, надо его искать! — говорит первый.

— Ищи там, а я посмотрю здесь!

— А что мне делать с этим мальчишкой, которого ты стукнул по голове? — спрашивает третий голос.

— Он жив?

— Дышит, только не в себе, глаза закрыты!

— Так неси его к начальнику, а мы тебя догоним. Да, возьми-ка этот браслет царевны, пусть запишут, что он был у него в руке! Ну, иди!

Кто-то уходит. Значит, он уносит Кари! А Паири лежит здесь и ничего не может сделать! И при каждом движении нестерпимая боль в ноге.

Те двое еще некоторое время остаются на месте, потом Караи кричит:

— Эй, пошли! Мальчишка, видимо, удрал. Надо торопиться, а то он еще приведет кого-нибудь!

Шаги. Они уходят, уходят! Он спасен! Скорее, скорее бежать в поселок, звать всех на помощь Кари! Только как он отсюда выберется? Болит нога, но теперь Паири ощущает боль и в раненом плече, и вообще во всем теле. Он, видимо, сильно оцарапался о камни, пока катился вниз. А из плеча даже течет кровь — его, значит, ударили чем-то острым. Хорошо еще, что он отшатнулся или тот человек бил наудачу в темно-

те, нож (или что это там было, кинжал?) только скользнул по плечу.

Паири пробует встать на ноги, держась за скалу, но сразу же падает от боли. Однако мысли о Кари придают мальчику силы, и он повторяет попытку. Закусив губу, чтобы не стонать, он снова пробует подняться, и на этот раз ему удается удержаться на ногах. Прислонясь спиной к скале, он переводит дыхание, потом ощупывает ногу. Больно, но надо идти.

Паири оглядывается и при свете луны намечает путь наверх. Сначала надо перелезть через этот камень, так... Теперь туда — левее, теперь самое трудное — подняться на тот выступ!

Ох, как ноет плечо! Ну да ничего, надо думать о Кари, тогда сразу находятся силы. Еще немного. Неужели он действительно уже лежит на дороге?

Встать, встать скорее, вот так, а теперь идти, только куда? В Долине царей работает лишь несколько живописцев, каменотесы уже все кончили. А живописцев так мало, что, пожалуй, им не справиться со стражей. Почти все мужчины поселка заняты сейчас в Долине цариц, их-то и надо известить в первую очередь. Но ведь обо всем, что случилось с Кари, надо сообщить и его отцу, и на восточный берег — может быть, Хеви уже там?

Куда же идти прежде всего? А сил так мало, кровь из плеча все еще течет... И Паири решает как можно скорее добраться до поселка — рассказать обо всем Онахту. А он уж сам решит, что лучше делать.

Пошатываясь и хромя, мальчик едва бредет по знакомой тропинке...

XII. ХУДОЖНИК ХЕВИ И ВЕРХОВНЫЙ ЖРЕЦ АМЕНХОТЕП

— Великие милосердные боги! За что вы посылаете на мою голову еще и это несчастье! Сын мой, сын мой! Что с тобой будет?

Художник Хеви открывает глаза, потому что за дверью раздается отчаянное женское рыдание.

Вчера, когда Хеви, приехав наконец в столицу, пошел доложить о поездке второму жрецу храма Амона, его встретил при выходе из ворот храма мальчик в

жреческой одежде и передал просьбу врача Бекенмута немедленно прийти к нему. Мальчик проводил Хеви к дому врача.

Бекенмут рассказал художнику все, что случилось в поселке за время его отсутствия. Их разговор затянулся далеко за полночь, и Хеви остался ночевать у врача.

Услышав рыдания, Хеви вскакивает, накидывает одежду и распахивает дверь.

— Беда, господин, новая беда! — вся заливаясь слезами, бросается к нему Неши. — Сколько горя в нашей семье, сколько горя! Сначала схватили Нахтмина, потом чуть не осудили мужа, а теперь они утащили моего сына, моего Кари, в тюрьму, и мы даже не знаем, жив ли он!.. Вот муж прислал своего ученика сказать мне об этом!

Около Неши стоят высокий юноша и мальчик, которые кланяются Хеви.

Новость как громом поражает художника.

— Как это случилось? — только и может он сказать.

Юноша рассказывает все, что ему известно. Во время его рассказа входит Бекенмут и тоже слушает.

Выслушав юношу и немного успокоив Неши обещанием немедленно пойти к верховному жрецу, Хеви снова уходит в спальню и зовет с собой ученика столяра.

— Можно и мне, господин? Мне тоже надо тебе много рассказать, — робко говорит мальчик.

— А кто ты, дружок? — спрашивает Хеви.

— Я Тути, друг Кари... — Тути хочет еще что-то сказать.

Молодой столяр перебивает его:

— Отец Кари велел мне найти этого мальчика в Святилище и отвезти сюда, чтобы он рассказал все, что знает, врачу Бекенмуту и тебе, если ты уже вернулся.

— Тогда идем, мальчик!

Хеви сначала выслушивает молодого столяра и отпускает его, а потом долго беседует с Тути.

В это время Бекенмут всячески успокаивает Неши и уговаривает ее собраться с силами и не говорить о тяжелом событии Таиси, иначе лечение девочки будет нарушено таким потрясением. Мать врача уводит

к себе Неши, а ученик Онахту уходит обратно в поселок. Бекенмут терпеливо ждет конца беседы Хеви и Тути.

Наконец дверь спальни открывается и художник выходит в сопровождении мальчика. Хеви уже совершенно готов для посещения верховного жреца. Он отказывается от еды, которую ему предлагает Бекенмут, и торопливо уходит, попросив разрешения у Бекенмута оставить Тути в его доме до своего возвращения. Художник глубоко потрясен и тем, что ему передал столяр со слов Паири, и рассказом Тути. Мальчик подробно сообщил Хеви обо всем, что он услышал в доме Пауро, а также историю с маджаем Монту, которую ему рассказал Кари. Сопоставив все это вместе, Хеви смог ясно представить себе настоящее положение дела.

Гнев до такой степени переполняет художника, что порой ему становится трудно дышать и приходится останавливаться, хотя он стремится дойти как можно скорее. Через пальмовую рощу храма Амона-Ра Хеви выходит к жилищам жрецов.

Вот и дом Аменхотепа. Появление Хеви не удивляет ни привратника, ни сидящего в первой комнате писца, который обычно докладывает о приходящих верховному жрецу, — художник не раз бывал здесь по вызову Аменхотепа. Хеви просит узнать, может ли он видеть верховного жреца по очень важному и срочному делу. Писец уходит и, вернувшись, молча указывает рукой на дверь в приемную верховного жреца Аменхотепа.

Хеви входит. Он бывал уже в этой просторной комнате, посередине которой на постаменте из прекрасно отполированного темного гранита стоит тончайшей работы резной деревянный футляр, покрытый листовым золотом. В этом футляре помещается великолепная золотая статуэтка бога Амона-Ра. Сейчас дверцы футляра открыты, и статуэтка поблескивает в свете горящего перед ней золотого же светильника. Здесь всегда сравнительно прохладно: высланные каменными плитами пол, высокий потолок, окна, выходящие на север и запад, постоянный легкий сквозняк — все это смягчает жар палящего дня. В комнате приятно пахнет благовониями, тлеющими на углах жертвенника перед статуэткой Амона-Ра, и цветами, большие букеты

ты которых стоят возле нее. Мебели здесь немного — четыре кресла черного дерева с вставками из слоновой кости и золота, такие же скамеечки, которые ставятся под ноги, и столики, тоже из ценных пород дерева и тоже украшенные резьбой или вставками из кости, самоцветов, золота.

Аменхотеп сидит на своем обычном месте — в глубине комнаты справа. Хеви приветствует его поклоном еще с порога, а подойдя, кланяется еще раз.

— Здравствуй, Хеви! — говорит Аменхотеп. — Ты хотел меня видеть?

— Да, господин!

— Что же тебе нужно?

— Сегодня ночью в горах западного берега совершено нападение на моего ученика Кари. Его избили так, что он потерял сознание, и заключили в тюрьму в Святилище. Я пришел просить тебя распорядиться о срочном расследовании этого дела, об освобождении мальчика и строгом наказании виновных! — твердо говорит Хеви.

Верховный жрец Аменхотеп слегка приподнимает брови.

— Ты уверен, что тебе сообщили правду об этом происшествии? — спрашивает он. — Мне известно совсем другое. Этот мальчишка был схвачен с украденным им золотым браслетом царевны Меритамон.

— Этот браслет ему подбросил маджай Каран, господин, который сделал это по приказанию начальника отряда ремесленников царских кладбищ Панеба. Только он ошибся, — ему было велено поймать не Кари, а Паири, сына того каменотеса Нахтмина, который совершенно незаконно захвачен по обвинению в грабежах.

— Как это у тебя все странно получается, Хеви, — с легкой усмешкой говорит Аменхотеп. — И мальчик, и каменотес — оба схвачены незаконно и оба невиновны! Откуда у тебя эти сведения? На чем они основаны? — В голосе верховного жреца звучит угроза.

Но Хеви отвечает ему прямым бесстрашным взглядом и по-прежнему твердо говорит:

— Мне известно, господин, что Каран предлагал другому маджаяу проделать все это, но тот отказался.

— Где же этот «другой» маджай? И зачем надо

Панебу обвинить в краже мальчишку, который, как ты утверждаешь, ни в чем не виноват?

— Об этом маджае ты скоро услышишь, господин, такие вещи, которые тебя убедят лучше моих слов. А Панебу нужно обвинить Паири для того, чтобы тем самым подтвердить виновность его отца в грабежах!

— А это ему, зачем понадобилось? — Аменхотеп уже не сдерживает раздражения.

— Потому что Нахтмин и Харуди мешают ему делать те преступления, которые он безнаказанно творит в поселке и в Долине царских гробниц.

— О каких преступлениях ты говоришь, Хеви? Почему же о них никто не знает: ни Пауро, ни везир, ни я, наконец? Как это может быть? — Аменхотеп сдвигает брови, но это не производит на Хеви никакого впечатления.

Он смотрит в упор на верховного жреца и отвечает:

— Пауро об этом знает и покрывает Панеба... Не может не знать хотя бы о некоторых вещах и везир... Почему он молчит — спроси его сам, господин! А ты, господин... Разве ты не помнишь, как по моей же просьбе ты в прошлом году освободил от преследований Панеба двух ремесленников? Ты еще обещал тогда вообще расследовать все дела Панеба, но, видимо, не успел...

Аменхотеп сжимает губы, в его глазах загорается недобрый огонек... Он вспоминает эту историю с ремесленниками. Да, действительно он тогда обещал Хеви заняться Панебом, а потом забыл. Но как все-таки решается этот художник напоминать ему об этом? А художник смело продолжает:

— Я прошу тебя, господин, вмешайся в эти дела хоть теперь! Нельзя больше терпеть! И лучше, если это сделаешь ты сам, чем другие...

— Кто это другие?! — гневно перебивает жрец.

— О всех действиях Панеба и Пауро уже сообщено везиру Севера, господин, а это значит, что об этом немедленно узнает и фараон...

Аменхотеп встает и выпрямляется во весь рост.

— Это ты написал везиру Севера? — грозно спрашивает он.

— Нет, господин, не я, но я теперь очень жалею, что сам не сделал этого!

Они стоят друг против друга — прославленный художник и верховный жрец, их взгляды встречаются, и ни один, ни другой не отводят глаз. Напряженное молчание нарушает Хеви:

— Освободи мальчика, господин, прошу тебя! Клянусь фараоном, он не виновен ни в чем! Это самый талантливый из моих учеников, моя надежда и гордость. Он будет замечательным художником. Освободи его!

— Я не верю в его невиновность! — резко отвечает Аменхотеп.

Его речь теперь утратила обычное величавое спокойствие, он говорит быстро, запальчиво и, пожалуй, сам не верит в то, что утверждает.

— Будет суд, суд и разберет, а до этого я не дам приказа об его освобождении!

Хеви отступает на шаг назад:

— Ты мне не веришь, господин? Ты не хочешь освободить мальчика? Но ведь он ранен, он может погибнуть в тюрьме!

— Ничего, не умрет! — жестко говорит Аменхотеп. — А если и умрет — одним щенком меньше, только и всего. Талантливый художник! Ха-ха! Кто это может знать? Чего только не придумают люди, чтобы добиться своего!

Хеви сжимает кулаки. Кажется, он готов броситься на жреца, но, сдержав свой порыв, он говорит, отчетливо выговаривая каждое слово:

— Я уйду, господин... Я иду к себе в поселок, но имей в виду, что, пока Кари и оба каменотеса не будут освобождены, я не дотронусь до кисти!

Хеви склоняется в легком поклоне и поворачивается, чтобы уйти.

— Стой! — гневно вскрикивает Аменхотеп, теряя наконец самообладание. — Что это — ты мне смеешь угрожать?!

Хеви останавливается.

— Нет, господин, я предупреждаю! — говорит он и уходит.

Аменхотеп с минуту стоит неподвижно, пораженный смелостью художника, потом начинает быстро ходить большими шагами взад и вперед по комнате. Его брови сдвинуты, руки заложены за спину; белое широ-

кое одеяние обвивается вокруг ног при резких поворотах.

«Мальчишка несомненно невиновен, иначе Хеву не стал бы так себя держать. Не дотронется до кисти! И ведь действительно не дотронется, хоть убей его! А работа будет стоять, росписи гробниц самого фараона, потом царицы и старшей царевны — эти росписи никому нельзя доверить. А они должны быть готовы к приезду фараона. И что это он еще говорил о каком-то письме везиру Севера насчет Панеба? И еще о маджае, которому известны проделки Панеба и даже самого Пауро? Необходимо немедленно выяснить: кто писал это письмо везиру и где этот маджай? И как он мог забыть про этого негодяя Панеба, ведь обещал же он тогда разобраться во всем, художник прав: действительно обещал! А те ремесленники, которых он в прошлом году освободил по просьбе Хеви, ведь они таки оказались невинными. Что, если и теперь Хеви прав? Неужели уступить и освободить мальчишку? Нет, он не уступит, надо придумать что-то другое...»

В это мгновение в дверях показывается писец.

— Что тебе? — раздраженно спрашивает Аменхотеп.

— К тебе идет начальник Города, господин, — докладывает писец с поклоном.

— Пасер?

— Да, господин.

— Хорошо, я жду его, пусть войдет!

Писец бесшумно исчезает.

«Этот еще зачем пришел?» — думает Аменхотеп.

Пасер входит быстрыми шагами. Это высокий плотный мужчина, энергичный и крепкий, с порывистыми движениями и суровым выражением небольших черных глаз. Верховный жрец и градоначальник столицы обмениваются обычными приветствиями, и Аменхотеп предлагает гостю кресло. Оба садятся.

Аменхотеп ждет, чтобы Пасер первым начал разговор. Жрец не расположен вести праздную беседу и предпочел бы сразу узнать, что привело к нему этого неожиданного посетителя. Пасер понимает это, да он и сам стремится поскорее кончить переговоры и поэтому говорит:

— Я пришел сообщить тебе следующее: теперь я могу доказать, что решение суда по моей жалобе на действия Пауро было неправильным, как я, впрочем, тогда же тебе и сказал. Но в тот день у меня еще не было достаточных доказательств. Теперь наконец они у меня в руках.

— Именно? Какие же это доказательства? — медленно произносит Аменхотеп.

— Еще в день суда над медником, после того как решение уже было вынесено, ко мне пришли два писца царского кладбища и рассказали о том, что гробницы действительно были ограблены. Я записал их показания, но решил подождать, пока у меня не будет какого-нибудь неопровержимого доказательства, и только тогда потребовать пересмотра дела. А вот на днях ночью ко мне явился маджай из стражи Пауро и предъявил мне его письмо к начальнику тюрьмы Святилища, в котором Пауро пишет, что так как этот маджай слышал что-то лишнее, то он приказывает его утопить. Письмо написано рукой Пауро и было запечатано его печатью.

— А что слышал этот маджай?

— Разговор Пауро с Панебом, из которого совершенно ясно, что Панеб причастен к грабежам царских гробниц, что Пауро это знает, но все обычно сваливается на мелких грабителей либо просто на невиновных, причем заодно избавляются от нежелательных людей. Могу передать тебе все подробно.

И Пасер рассказывает то, что ему стало известно от Монту. Аменхотеп молча выслушивает все — и о чем говорили Пауро с Панебом, и о том, что медник Пахар содержался не в тюрьме, а в доме Пауро, и о попытке маджая Қараи уговорить Монту подстроить ложное обвинение Паири, и перечень преступлений Панеба, и подозрения, которые вызывает у Пасера поведение не только Пауро, но и везира.

— Вот копия письма Пауро к начальнику тюрьмы, а вот копии показаний маджая и писцов, — говорит в заключение Пасер и протягивает жрецу три свитка.

Аменхотеп молча берет их и медленно читает один за другим. Впрочем, он не столько читает, сколько пользуется возможностью продумать все услышанное и принять нужное решение. Он сразу же понимает, что

сведения Пасера соответствуют действительности и что отвратительные преступления, о которых он сейчас услышал, были совершены на самом деле. Слишком многое совпадает с тем, что ему только что говорил Хеви.

Аменхотеп видит, что если ему не удастся уговорить Пасера не требовать немедленного пересмотра решения суда, то неизбежна широкая огласка всех этих грязных дел. А это покажет, что в столице Египта царит полный беспорядок и безнаказанность и что он, Аменхотеп, либо не умеет держать всех в руках, либо сам замешан в этих же преступлениях. А тут еще отказ главного художника продолжать работу в гробницах фараона и царицы!

Дело не в том, что он боится фараона. Царь слабохарактерен, а он, верховный жрец Амона-Ра, в сущности, играет не меньшую роль, особенно здесь, на Юге Египта, и еще неизвестно, кто из них двоих, он или царь, оказался бы победителем в случае какого-нибудь столкновения. Но эти события могут положить такое пятно на его имя, что ему уже не удастся сохранить такое уважение, которым он окружен. А этим, несомненно, воспользуются его враги, в первую очередь — жрецы Мемфиса, второго главного города страны, ее древней столицы. Да и здесь, в Фивах, у него достаточно недоброжелателей, завидующих его званию, власти, богатству. Ему известно, что и фараон его не любит и втайне боится его огромного влияния.

Кто знает, как все может повернуться, если эти преступления станут известны. Да, надо непременно привлечь на свою сторону Пасера, непременно, ценой любых уступок, как бы это ни было неприятно.

Верховный жрец возвращает документы Пасеру.

— Ты прав, я в этом убедился, — говорит он.

Пасер торжествующе поднимает голову и удовлетворенно усмехается.

— Значит, решение суда будет пересмотрено? — спрашивает он.

— Безусловно, — отвечает Аменхотеп. — Только я прошу тебя немного подождать с подачей новой жалобы. Ты сам видишь, сколько людей замешано в этих преступлениях. И каких людей! Мне необходимо принять меры для того, чтобы, во-первых, собрать все улики, в чем я рассчитываю на твою помощь, а во-вторых,

чтобы никто из виновных, узнав о готовящемся пересмотре дела, не успел бы скрыться. Согласен?

Пасер смотрит в упор на Аменхотепа.

Можно ли ему верить? Он так умен и хитер! Но в то же время его доводы вполне убедительны, да и как может небольшая отсрочка ослабить его обвинения, если доказательства настолько неопровержимы, что сам Аменхотеп признал его правоту.

— Хорошо, согласен, — говорит он.

— Я дам тебе завтра же знать о моих намерениях и, вероятно, попрошу тебя еще раз прийти ко мне, — говорит Аменхотеп, поднимаясь с кресла.

Пасер тоже встает, и они прощаются. После ухода градоначальника верховный жрец снова опускается в кресло и погружается в глубокое раздумье.

XIII. ПЧЕЛЫ ПРОГОНЯЮТ ГИЕНУ

Выйдя от Аменхотепа, Хеви направляется прямо в дом Бекенмута, где его ждут с таким нетерпением. Неши, Рамес и Тути сидят в саду около пруда, стараясь говорить как можно тише, чтобы не разбудить Таиси, которая дремлет в беседке.

Завидев Хеви, Рамес и Тути стремительно бросаются к нему. Неши встает и молча ждет, прижав руки к груди. Однако выражение гнева и горя на лице художника показывает, что его разговор с верховным жрецом ни к чему хорошему не привел. И первые слова Хеви подтверждают это.

— Он отказался выпустить даже Кари, — говорит художник.

— Как, совсем отказался? И ты не смог убедить его, господин? — упавшим голосом говорит Рамес.

— Нет, он не хочет.

— Значит, Кари пропал!

— Нет, Кари еще не пропал и, надеюсь, не пропадет, как и его дядя Нахтмин и Харуди! — Голос Хеви звучит так твердо, в нем слышится такая решительность, что дети поднимают опустившиеся было головы. — Я сказал Аменхотепу, что не дотронусь до кисти, пока Кари, Нахтмин и Харуди не будут на свободе, и я это сделаю! Никто меня не заставит расписывать гробницы фараона и царицы, прежде чем они

вернут мне моего ученика! Я иду в поселок, пусть там все бросают работу и требуют освобождения невинных. Чего я не мог добиться один, мы сумеем добиться вместе! Посмотрим, что сделают Аменхотеп, Пауро и везир без нас — работа должна быть сдана в срок, а заменить нас всех сразу невозможно.

Взволнованная уверенность Хеви передается всем, и они уже с надеждой смотрят на художника.

— Бекенмут дома? — спрашивает Хеви и, получив отрицательный ответ, говорит Рамесу: — Передай твоему учителю все, что слышал. Ну, будьте здоровы, друзья, я ухожу! Ты идешь тоже, Тути?

— Нет, господин! Мне разрешили остаться здесь до вечера, — отвечает Тути, кланяясь.

И Хеви уходит один.

Ему удастся найти хорошего лодочника, который быстро перевозит его на западный берег. Художник решает не заходить в Святилище и идти прямо в поселок.

Вот и родные, о детства знакомые скалы. Скорее, скорее! Накипающий в груди гнев все сильнее охватывает Хеви. Сознание своего бессилия перед производом жрецов и знати никогда еще не наполняло его таким глубоким возмущением.

Хеви вырос в суровой обстановке и с детства привык видеть несправедливость. Ему всегда казалось, иначе и быть не может: так боги создали мир, изменить ничего нельзя. Годы шли, он учился, работал, бывал с поручениями в разных местах и встречал столько зла... Иногда он сам, пользуясь славой известного мастера, добивался «милости» от фараона или везира для какого-нибудь человека, попавшего в беду. Он понимал, что сломить тяжесть власти царя и знати невозможно, если не поднимется весь народ, как это было когда-то давно, во время грозного восстания земледельцев, ремесленников и рабов. Хотя и это восстание было в конце концов подавлено, но память о нем жива.

Сегодня во время разговора с Аменхотепом Хеви вспомнил рассказы своего отца о том, как жители их поселка отказывались работать, когда им задерживали выдачу положенного пайка, и если они действовали дружно, то добивались своего. Так надо поступить и на этот раз.

Думы Хеви прерываются — навстречу ему спешит человек с испуганным лицом. Он почти бежит, и Хеви едва успевает заметить, что это помощник Панеба, Хати. Куда это он? А, не все ли равно — вот уже виден поселок. Хеви останавливается, чтобы перевести дыхание, и с удивлением слышит непривычный гул, доносящийся из поселка. Что это? Там полно народу, слышны даже отдельные выкрики. Ага, это значит, что мужчин известили о случившемся и они прибежали домой!

Хеви видит, что постепенно весь народ выходит из поселка и собирается около гробниц, видит, что какой-то человек встает на большой камень и начинает говорить, возбужденно взмахивая руками. Художник бросается вперед. Еще издали он узнает в говорящем человеке отца Кари, столяра Онахту.

— Братья и сестры, до каких же пор мы будем терпеть все эти преступления? — далеко несется громкий голос Онахту. — Неужели мало мы уже видели горя от Панеба? Он не начальник отряда, а палач и предатель!

— Правильно! Хватит! Долой Панеба! — звучат возбужденные голоса.

— Он убил старшего сына прежнего начальника, чтобы захватить его место! — с новой силой продолжает Онахту. — Сколько раз он избивал нас, сколько раз заставлял работать на себя! Это по его проискам посажены в тюрьму мой брат Нахтмин и Харуди, которых он обвинил так же лживо, как пытались обвинить и меня! Но ему все мало, сегодня ночью они пробовали устроить ловушку для сына Нахтмина, а попался мой сын Кари! Он тоже в тюрьме, мы даже не знаем, жив он или нет! Панеб добрался уже до наших детей! Довольно злодеяний! Бросайте работу, идем к Святилищу требовать свободу невинным!

— Идем, все идем! — кричат одни.

— А если начальник пошлет против нас стражников, — раздается чей-то голос, — как мы отобьемся?

— Не посмеет он этого сделать! — кричит Онахту.

И неожиданно рядом с ним появляется старый арфист. Ему помогают взобраться на камень, и все замолкают, ожидая, что скажет старик,

Слепец твердо стоит рядом с Онахту, опираясь одной рукой на плечо столяра. Солнце освещает множество морщинок на пожелтевшем лице, дряблую шею. Он протягивает вперед руку и говорит сильным певучим голосом, так несоответствующим всему его облику:

— Дети мои, не бойтесь, никто не решится послать против вас стражу. Наши отцы и деды не раз покидали эти стены и шли туда, на дорогу, к храму, требовать то, что они заработали. С ними шли их жены и дети, и никто не уходил, пока им не выдавали того, что им следовало получить... И стража не трогала их, и ни везир, ни верховный жрец не могли с ними справиться, если они шли все вместе. Или вы все трусы, недостойные называться детьми своих отцов и внуками своих дедов?! Или так запугал вас Панеб, что вы и шагу ступить боитесь?! Идемте, дети мои, идемте дружно! Дай мне руку, Онахту, я пойду с тобой впереди всех!

Слова старого арфиста встречаются громким одобрением. Гнев людей вспыхивает теперь с новой силой. Поднимаются сжатые в кулаки руки, раздаются угрозы.

И снова одинокий голос задает вопрос:

— А что, если попробовать сначала обратиться с просьбой к верховному жрецу Аменхотепу? Может быть, он не знает обо всем этом, а когда ему станет все известно, то он поможет нам?

Но в ответ раздается взрыв негодования, и тогда на камень поднимается Хеви и становится по другую сторону старого слепца. Его встречают бурей приветствий. Художника любят и уважают в поселке, и то, что он пришел сюда в этот трудный час, вызывает всеобщий восторг.

— Здесь кто-то сказал, что следует обратиться к верховному жрецу Аменхотепу и просить его освободить наших людей, — громко говорит Хеви. — Это бесполезно, я сегодня утром уже был у него, и он наотрѣз отказался освободить даже Кари!

Крик возмущения вырывается у всех. Кольцо народа, окружающего камень, становится еще плотнее.

— Онахту и Неферхотеп правы, братья! Нам остается только прекратить работу! Я уже сказал верховному жрецу, что не возьму кисти в руки, пока спра-

ведливость не будет восстановлена! Идемте, братья и сестры, идемте!

— Да здравствует Хеви, да здравствует наш славный художник! Идемте все, идемте! — звучит в ответ. Порыв снова растет, лица становятся суровыми и решительными, в руках появляются кирки и топоры; женщины наспех собирают еду и фляги с водой и, окруженные детьми, идут вместе с мужьями, братьями и отцами.

Хеви и Онахту помогают Неферхотепу сойти с камня и ведут его под руки. И так же, втроем, как стояли перед народом, они идут теперь впереди всех — рослый столяр, слепой арфист и знаменитый художник, родившиеся и выросшие в этом поселке, кровно связанные со всем его населением и равно готовые разделить с ним общую участь. За ними идет весь остальной народ — мужчины, и женщины, и старики, и дети. Идут каменотесы и живописцы, скульпторы и водовозы, водчие и столяры, певицы и музыкантши. Идет мать Харуди и жена Нахтмина с дочерьми, идет даже начальник второго отряда ремесленников, старик Инхерхаа.

Молча пропускает их стража у поста, и грозное шествие начинает спускаться в долину.

Но еще раньше, чем работники царских кладбищ выходят из поселка, весть о том, что они собираются это сделать, достигает Святилища. Первым ее приносит туда помощник Панеба Хати. Уход всех людей с работы, возмущение и гнев ремесленников, встреча с Хеви — все это Хати с тревогой и страхом передает Пауро и бывшему у него в это время Панебу. Новость ошеломляет и Пауро, и Панеба. Давно уже ничего подобного не случалось в поселке, поэтому грозный начальник западного берега и его сообщник приходят в замешательство и не знают, на что решиться. Их растерянность еще увеличивается, когда приходит начальник стражи и докладывает, что все население поселка идет к Святилищу и что он уже послал гонца с этим известием на восточный берег, к верховному жрецу Аменхотепу.

— Как, они вышли все? — спрашивает Пауро с удивлением.

— Все, господин! И женщины, и слепец Неферхотеп, и сам начальник второго отряда Инхерхаа!

На лице Пауро явно отражается страх.

— Я пойду поговорю с ними, — решает Пауро и уходит с начальником стражи.

Когда он возвращается обратно, то по его лицу Панеб и Хати сразу же понимают, что этот разговор Пауро ни к чему не привел.

— Где они, господин? — спрашивает Панеб.

— Как и в старину, сели на дороге около стены храма, кричат и не уходят.

— А чего они требуют?

— Убрать тебя, и это в первую очередь! — со злостью говорит Пауро. — И, конечно, освободить тех двух каменотесов и мальчишку! — И, услышав, что кто-то входит в комнату, резко поворачивается к двери. — Кто посмел... — начинает он и осекается — перед ним стоит третий жрец из храма Амона-Ра в Ипет-Сут и смотрит на него пристальным холодным взглядом, не предвещающим ничего доброго.

— Верховный жрец Аменхотеп приказывает тебе немедленно явиться к нему и взять с собой начальника отряда работников царских кладбищ Панеба, его помощника Хати, а также захваченного сегодня ночью в горах ученика художника Хеви и тех людей, которые его взяли. Распорядись доставить их сюда, и едем — ладья ждет у пристани.

Жрец садится и не обращает больше внимания ни на кого из присутствующих. Пауро с недоумением смотрит на него. Что означает этот приказ верховного жреца? Кто ему успел обо всем сообщить и что именно? В душе Пауро тревога все растет. Но противиться сейчас невозможно, и он отдает требуемый приказ. Через несколько минут приходят маджай Карай и медник Пахар, недавно освобожденный на городском суде; приводят и Кари. Мальчик с трудом держится на ногах, его голова обвязана какой-то тряпкой, все тело покрыто синяками и ссадинами. Жрец внимательно смотрит на него и говорит, обращаясь к Карай:

— Возьми мальчика на руки! А теперь, — он поворачивается к Пауро, — идем!

Все молча выходят. Так же молча совершается и переезд. Кари так плохо, что он не вполне отдает себе

отчет в том, что происходит на ладье. Однако постепенно он приходит в себя и с удивлением видит, что его везут на восточный берег. Что это — тут же третий жрец, Пауро, Панеб, медник Пахар, маджай Карай? Значит, все кончено, и его везут в тюрьму храма Амона, как Нахтмина и Харуди?

Ну что же, надо держаться!.. И когда, высадившись на берег, Карай опять хочет взять мальчика на руки, тот отталкивает его и идет сам. Вот они входят в какой-то дом, распахивают двери, и Кари видит, что перед ним сидит в кресле верховный жрец Аменхотеп. Мальчик оглядывается — все те люди, которые были в ладье, тоже стоят тут.

Аменхотеп пристально смотрит на Кари и спрашивает его:

— Как твое имя?

— Кари, господин, — тихо отвечает мальчик.

— Кто твой учитель?

— Художник Хеви, господин.

— Так, хорошо. — Аменхотеп поворачивает голову к своему писцу. — Отправь немедленно Кари, ученика художника Хеви, к врачу Бекенмуту. Мальчик свободен. Пусть врач займется его лечением. И прикажи войти отряду стражи храма.

Писец помогает Кари выйти из комнаты верховного жреца в первую приемную и, дав знак уже стоящему здесь отряду стражи войти к Аменхотепу, передает мальчика слуге, повторив ему приказание верховного жреца.

А в это время мимо них выходит обратно отряд стражи, посередине которого, опустив головы, идут Панеб, Хати, Карай и медник Пахар. После всех выходит третий жрец и плотно затворяет за собой дверь.

А за дверью Аменхотеп говорит Пауро своим жестким, холодным, привыкшим повелевать голосом:

— Слушай внимательно, правитель Запада, и постарайся понять. На этот раз ты проиграл игру, и дело может коснуться твоей собственной головы. Маджай, которого ты велел утопить, находится у Пасера, и твое письмо к начальнику тюрьмы тоже у него. Пасер сам мне все это рассказал и дал прочесть копию с твоего письма. Знай еще, что кем-то (я не знаю кем) послана жалоба везиру Севера с перечислением преступлений

Панеба. А теперь еще из-за него прекратились работы на царских кладбищах! Я уже обо всем говорил сегодня с везиром, и он полностью согласен с тем, что я собираюсь сделать. Я думаю, что и ты сам не захотел бы слушать на суде показания Панеба, а пытка может заставить его сказать все.

Аменхотеп встает и начинает ходить по комнате.

— Так вот, поскольку Панеб и все эти люди, которых сейчас увела стража, находятся на службе храмов, значит, они могут подлежать храмовому суду. Сейчас этот суд собирается, и я иду туда. Они все будут осуждены и отправлены немедленно же в рудники. Одновременно суд освободит двух каменотесов, которых ты включил в список грабителей... включил по просьбе Панеба, вероятно, ошибочно, не так ли?

Аменхотеп на минуту замолкает, потом снова садится в свое кресло и продолжает:

— В общем, когда Пасер сегодня придет ко мне, со всем уже будет кончено, и ни Панеб, ни его сообщники не смогут ничего показывать при Пасере — они будут уже по дороге к рудникам. Пасер должен будет удовлетвориться решением нашего суда... А если придет везир Севера или его посланный разбирать жалобу на Панеба, им будет сказано, что мы сами обо всем узнали и уже наказали виновных. Работы в царских гробницах возобновятся завтра же, потому что сегодня оба каменотеса вернутся в поселок, а мальчик уже свободен.

Аменхотеп снова встает, подходит совсем близко к Пауро и говорит, глядя на него в упор:

— Теперь хочу дать тебе два совета: во-первых, назначь на место Панеба того человека, которому оно принадлежит по праву, а во-вторых, мне кажется, что ты очень плохо выглядишь, вероятно, эти дела тебя расстроили, так что тебе надо полечиться, и подольше. Обратись к врачу своего храма, а еще лучше — поезжай помолиться божеству какого-нибудь далекого святилища! Учти, что когда человек болен, то его не позовут давать показания ни в суде, ни везиру Севера!

Пауро слушает в полном смятении. Ему, любящему власть и привыкшему к ней, нелегко признать свое поражение, торжество Пасера, потерю сообщников. Для него ясно, что Аменхотеп о многом умалчивает:

Конечно, верховный жрец знает, что Пауро сам получал часть добычи от грабежей и ему тяжело сознавать унижительность своего положения. Он понимает, что верховный жрец мог бы погубить его окончательно — он ясно дал это понять. Вероятно, он не делает этого только потому, что союзник, обязанный ему жизнью, может пригодиться.

Но другого выхода нет, жрец прав. Игра проиграна, надо расплачиваться. Могло быть и хуже. Пауро заставляет себя поклониться жрецу, выразить полное согласие с его решением, поблагодарить за советы, которыми он, конечно, воспользуется. Еще поклон, и Пауро уходит.

Аменхотеп облегченно вздыхает и, встав с кресла, расправляет плечи. Кажется, все кончается благополучно. Он пришел к этим решениям не сразу; еще утром, после ухода Хеви, он колебался в поисках выхода, не хотел уступать. Но известие о восстании ремесленников царских кладбищ заставило его немедленно разрубить узел, грозивший теперь затянуться мертвой петлей. Он был слишком умен, чтобы рисковать всем из-за мелких уколов его самолюбия. Пусть получают свободу два каменотеса и мальчишка-художник, зато он спасет свое высокое положение и власть, которую оно дает.

Ну, а теперь на суд — и кончать все как можно скорее, пока не явился Пасер и не перешли границ там, на дороге около Святилища!

XIV. РАССВЕТ

Пока в одном из отдаленных помещений храма заседает суд, в доме врача Бекенмута горе и печаль сменяются сначала надеждой при облетевшем весь город известии о восстании в поселке, а потом и радостью. Первой появление Кари замечает стоящая у ворот Неши.

— Кари, Кари! Сын мой!.. Господин, там кто-то несет сюда Кари!

Мать бросается к сыну. На ее крик выбегают Бекенмут, его мать и Тути.

Слуга верховного жреца, опустив Кари на землю, вместе с Неши поддерживает его — такого исхудавше-

го, жалкого и тем не менее уже радостно улыбающегося.

— Ты врач Бекенмут, господин? — спрашивает слуга.

— Да, я, — отвечает Бекенмут.

— Верховный жрец приказал тебе принять этого мальчика Кари, ученика живописца Хеви, и лечить его. Мне велено также сказать тебе, что мальчик свободен.

Слуга кланяется и уходит, а Бекенмут горячо обнимает Кари. Пошатываясь от слабости, но сияя от счастья, мальчик переходит из одних объятий в другие. Его ведут в дом, усаживают, приносят вина и еды, и, утоляя голод и жажду, Кари тут же коротко сообщает обо всем, что произошло. Известие об аресте Панеба с сообщниками поражает всех присутствующих. То, что дела работников царских кладбищ принимают хороший оборот, первым понимает Бекенмут.

— Ну, я думаю, что Нахтмин и Харуди тоже освободятся сегодня же, — говорит врач. — Восстание в поселке спасло вас всех.

— Какое восстание?

— Ах да, ты еще ничего не знаешь! Сейчас я тебе все расскажу, только сначала мне нужно тебя осмотреть.

Бекенмут берет Кари на руки и уносит его в дом. Он внимательно осматривает мальчика, потом тщательно моет его, накладывает на голову пропитанную чем-то повязку, мажет какой-то мазью ссадины и царапины. При этом он рассказывает ему обо всем, что сегодня случилось.

Кари слушает внимательно, то негодуя, то радуясь. Какое счастье, что Паири уцелел! Какой же он молодец — раненый добрался до поселка. Ведь без него там никто бы ни о чем не узнал. Возможно, и восстание не произошло бы так скоро, а значит, и Кари еще сидел бы в тюрьме!

— Теперь лежи спокойно, и ты скоро поправишься, — говорит Бекенмут, уложив Кари в небольшой комнате с выходом в сад. — Я уверен, что ты скоро увидишь своего учителя!

Кари блаженно улыбается, и в это время в комнату вбегает Рамес. Лицо мальчика, обычно такого сдер-

жанного и молчаливого, сейчас сияет откровенной радостью. Он бросается к Кари, крепко обнимает его и счастливо смеется.

— Осторожнее, Рамес, не сделай ему больно! — останапливает его Бекенмут.

— Ох, господин, прости, я тебя не заметил! — говорит, вскакивая, Рамес. — Я так обрадовался, когда узнал, что Кари здесь! И еще большая радость, господин! Сейчас был суд в храме, и там признали Нахтмина и Харуди невиновными, и их сразу же освободили и велели немедленно идти в поселок!

— Ах, значит, сегодня же был суд в храме? — переспрашивает Бекенмут.

— Да, господин, мне сказал дед, он сейчас вернулся оттуда. И еще новость: Панеба, Хати, Караи и медника Пахара осудили и направили в рудники...

— Не может быть! — вскрикивает Кари и даже пытается сесть, но Бекенмут тут же укладывает его обратно.

Врач сам тоже не скрывает удивления. Ну, значит, у верховного жреца другого выхода не было. И Бекенмут вспоминает свой разговор с Онахту и совет, который он тогда дал столяру. Да, пчелы прогнали гиену, да еще и не одну!

Бекенмут подходит к двери и широко ее распахивает. Волна света и аромата цветов наполняет комнату. Рамес подходит к врачу и становится рядом с ним. На лице мальчика все то же счастливое выражение, исчезла свойственная взгляду Рамеса сосредоточенность, принимавшая иногда оттенок какой-то горечи.

— А у меня есть еще одна хорошая новость, господин, — говорит он, — дед посылает меня учиться в Санс! Верховный жрец сегодня сам об этом с ним заговорил, он ведь знал, что я просил деда отправить меня учиться, чтобы стать врачом, но раньше все не позволял, а сегодня сказал деду, что я больше не го- жусь для участия в «божьем суде»: вдруг мне опять станет плохо!

Рамес хитро улыбается, но у Бекенмута мелькает мысль: не подозревает ли чего-нибудь Аменхотеп? Самому врачу Рамес давно рассказал, как было дело. Но Бекенмут тут же решает, что никаких доказательств сознательного неповиновения Рамеса у верховного жре-

ца нет, а поэтому если он и подозревает мальчика, то это еще не беда. Главное, что он разрешил ему уехать учиться! Рамес будет прекрасным врачом, а здесь мальчик просто зачахнет от тоски. Правда, Бекенмуту будет очень не доставать его любимого ученика, но зато он потом вернется и станет его верным помощником! Бекенмут крепко обнимает Рамеса и горячо поздравляет его. Кари тоже рад за своего друга, хотя и ему будет его не доставать.

Входит мать Бекенмута и зовет всех обедать. Кари говорит, что он не хочет есть — его ведь только что накормили, он лучше подремлет, а потом пусть непременно снова все придут и пусть принесут Тайси, он очень хочет видеть сестру.

Мальчику обещают выполнить его просьбу, и все уходят. Кари едва успевает поудобнее пристроить голову на подголовнике, как уже засыпает крепким сном.

Он просыпается часа через два, отдохнувший и по-свежевший. Откуда-то доносятся голоса, и, хотя говорящие явно стараются не шуметь, Кари все же различает то и дело прорывающийся смех Тути. И он кричит:

— Тути, это ты? Рамес, идите сюда скорее!

Голоса внезапно замолкают, потом слышно, как кто-то вскакивает, шлепают босые ноги... Дверь распаивается — вот они, его верные друзья: Тути, Рамес! Ах, вот даже учитель Хеви входит! Кари садится на кровати и протягивает им руки.

Он потом никогда не мог вспомнить, кто из них что говорил в эти первые минуты встречи. Запомнилась только бесконечная радость от того, что он их снова видит, что он свободен, что кончился кошмар этой ночи, что исчезло горе прошлых дней.

Позже, когда все немного успокоились, Кари узнает новости. Сначала Хеви рассказывает о той радости, которая охватила всех работников царских кладбищ при виде Нахтмина и Харуди, шедших к ним в сопровождении писца верховного жреца, о всеобщем ликовании при известии об освобождении Кари и ссылке Панеба и Хати. Когда еще не было в горах такого веселого шествия, как теперь, когда ремесленники возвращались в свой поселок!

Кари слушает все это с огромным интересом. Он

даже не замечает, что Бекенмут выходит из комнаты и возвращается, держа на руках Таиси. Только радостный крик девочки привлекает к ней внимание Кари.

— Таиси! Как я рад тебя видеть! Как ты пополнила! Господин, принеси, пожалуйста, ее ко мне, сюда, — просит он врача. Но, к удивлению Кари, тот отрицательно качает головой.

— Нет, я больше не хочу ее носить, — говорит он и неожиданно опускает Таиси на пол.

Что это — девочка стоит! Все затаив дыхание смотрят на нее. А она медленно и осторожно делает шаг, потом второй, еще... и вот она уже дошла до кровати Кари и весело, счастливо смеется.

— Таиси поправилась! Ты ее вылечил, господин! — говорит Кари, и в его голосе Бекенмут слышит столько уважения и благодарности, что он подходит к мальчику и гладит его по голове.

— Таиси еще только начала поправляться, Кари, — говорит Бекенмут. — Ей еще предстоит долго лечиться, но она такая терпеливая, что я совершенно уверен в том, что она будет совсем здорова.

Теперь очередь рассказывать за Таиси. Хеви и Бекенмут уходят в сад, и дети весело болтают около часа, после чего врач возвращается и говорит, что Кари больше волноваться нельзя, да и всем уже пора спать.

Тути устраивают на крыше, Хеви — в комнате для гостей. Кари выпивает какое-то лекарство, Бекенмут меняет ему повязку на голове и тоже уходит. Мальчик засыпает. Он спит спокойно, без всяких снов, но просыпается рано, когда небо только что начинает слегка светлеть. Как сейчас, должно быть, хорошо на реке! Кари тихо встает с кровати и набрасывает на себя лежащую рядом одежду. Никакой боли он не чувствует, если не считать того, что больно трогать затылок. Но ведь его можно и не трогать.

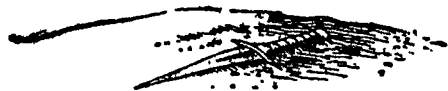
Кари открывает дверь и выходит в сад. Луны уже нет, а звезды бледнеют и пропадают прямо на глазах. Он выходит из сада и идет по улице на запад — наверное, где-нибудь тут можно выйти к реке. Улица упирается в поле, и, осторожно пробираясь по насыпи вдоль канала, Кари действительно доходит до реки и садится на берегу.

Вон видны его родные горы! Их уже начинает за-

ливать золотом рассвета, особенно Вершину Запада, хотя солнца еще не видно. Но совсем быстро светлеет, небо становится голубым, и волны яркого света льются через голову мальчика из-за восточных гор, зажигая верхушки обелисков на обоих берегах. Сколько замечательных памятников создано в течение веков на этих берегах, сколько гениальных мастеров работало здесь из поколения в поколение! Хеви обещал приводить его сюда, показывать все это... А потом Кари будет учиться в том же Доме жизни, где учился сам Хеви, чтобы стать настоящим художником. Кари всегда мечтал об этом, но не смел надеяться, что это будет. А вчера Хеви сказал, что уже никто этому не помешает. Будет это? Будет!

Да, он знает, что ему придется много работать, — ничего, он любит свое дело. Он знает и то, что в будущем предстоят не только радости, но и тяжелые дни. Могут встретиться на его пути такие же люди, как Панеб или Пауро, но он узнал и другое — силу дружбы, верности...

Никогда еще ему не было так хорошо. Свежесть утреннего воздуха, рассвет нового дня, рассвет его юности!..

Р. Рубинштейн

ГЛИНЯНЫЙ КОНВЕРТ

Предисловие

В Париже, на набережной Сены, расположен старинный дворец французских королей — это знаменитый музей Лувр.

В одном из небольших нижних залов музея меж двух колонн стоит высокий столб из черного камня — базальта. Книзу столб слегка расширяется, а верх его украшен рельефом с изображением двух фигур. Справа сидит на троне вавилонский бог солнца Шамаш. На нем длинная одежда с поперечными складками, на голове высокая тиара, большая борода спускается на грудь. Перед ним стоит в почтительной позе царь Хаммурапи. На голове у царя круглая шапка; одежда из тяжелой ткани прямыми складками спускается до самых ступней, правое плечо открыто. Одна рука поднята вверх. Шамаш протягивает царю жезл и обруч — знаки царской власти. Это означает, что Шамаш сделал Хаммурапи царем и дал ему законы, согласно которым должны поступать подданные царя — «черноголовые», как называли жителей Вавилона. Поверхность столба, от рельефа до низа и вся обратная сторона, покрыта клинописными знаками — здесь записаны 282 статьи свода законов царя Хаммурапи.

Три с половиной тысячи лет назад этот столб стоял около храма в вавилонском городе Сиппаре; он должен был прославить «Хаммурапи, славного и богобоязненного царя, который дал справедливость стране, чтобы погубить беззаконных и злых, чтобы сильный не притеснял слабого».

Спустя много лет после смерти Хаммурапи войско народа эламитян совершило набег на Вавилонское царство. Эламский царь приказал своим воинам захватить как трофей столб Хаммурапи и по-

ставил его на площади перед дворцом в своей столице Сузах.

Эламскому царю не нужны были вавилонские законы. Он захватил этот памятник только для того, чтобы, глядя на него, люди думали, как велик и могуч царь, совершивший набег на Вавилон. Он хотел написать на нем свое имя и для этого велел соскоблить на столбе несколько строчек.

Мы не знаем, что случилось с эламским царем, что помешало ему, но имя осталось ненаписанным.

Так и нашли археологи этот базальтовый столб с великолепно сохранившейся надписью, и только внизу стерто несколько статей законов Хаммурапи.

* * *

Давно исчезло Вавилонское государство, нет больше ни древних городов, ни царских дворцов и храмов. От них сохранились только развалины. Но памятники, которые находят в раскопках археологи, — письма Хаммурапи к правителям городов, переписка с царем Зимрилимом и многими другими людьми, хозяйственные отчеты и документы, судебные протоколы и, наконец, свод законов вавилонского царя, — рассказывают нам, как жили люди в древнем Вавилоне во времена царя Хаммурапи и действительно был ли он таким «справедливым» и «славным», как он сам говорит о себе.

.

ВО ДВОРЦЕ ЦАРЯ ХАММУРАПИ

— Стой! — закричал стражник и, опустив копьё, преградил им дорогу юноше, подъехавшему верхом на осле к воротам города Вавилона.

— Как ты смеешь не пускать меня? Ведь я из свиты Ярим-Адду, посла царя Зимрилима. Разве ты не видишь, что на мне плащ из дорогой ткани и круглая шапка, которую носят только знатные люди? — высокомерно спросил юноша.

— Откуда я знаю, кто ты?! Ты мог ограбить посла на дороге и забрать его одежды... А может быть, ты пришел в нашу столицу со злым умыслом, тебя прислали враги царя Хаммурапи...

— Ты ответишь за свои подлые слова, негодяй! — вспыхнул юноша и, спрыгнув с осла, выхватил из-за пояса нож и замахнулся на стражника.

— Остановись, Манум! Не горячись! — И подошедший Ярим-Адду так сильно сжал руку юноши, что кинжал упал на землю.

К воротам города медленно приближались люди, сопровождавшие Ярим-Адду, посла из страны Мари. Сначала подъехали на ослах писцы и военачальники, за ними пешком следовали слуги и рабы, шествие замыкали воины, охранявшие Ярим-Адду и всю его многочисленную свиту.

— Достань письмо, где сказано, что нас посылает наш господин Зимрилим к царю Хаммурапи, и покажи его стражнику, — приказал Ярим-Адду старшему писцу.

Тот вынул глиняную табличку и подал воину.

На шум у ворот вышел начальник охраны, взял у стражника табличку и медленно начал читать, с трудом разбирая мелкие клинописные знаки, оттиснутые на глине.

— Пропусти их, — приказал начальник охраны, возвращая табличку Ярим-Адду, — они едут во дворец.

Стражник посторонился, и все сто человек во главе с Ярим-Адду медленно вошли в город.

— Вот видишь, как плохо ты поступил, — недовольно сказал Ярим-Адду юноше. — Ты один помчался вперед и чуть было не затеял драку со стражником!

— Мне хотелось поскорее увидеть столицу Хаммурапи, Бабили — «Врата бога». Я так много о ней слышал...

— Если бы ты убил вавилонского воина у ворот города, то вместо дворца попал бы в тюрьму и тогда уже ничего бы не увидел. Ни я, ни даже сам царь Зимрилим не смогли бы спасти тебя. Смотри, если будешь так горячиться, я отправлю тебя домой, в Мари.

— Больше это не повторится, — виновато отвечал Манум.

Путешественники выехали на широкую прямую дорогу, вымощенную большими плитами из светлого камня. По обеим сторонам стояли гладкие высокие стены, за ними были двухэтажные дома с плоскими кровлями, в которых жили дворцовые чиновники и приближенные царя. «Дорога процессий» — так называлась главная улица — казалась длинным коридором, сверкавшим на солнце белизной своих стен.

Вдали, в розовой дымке восходящего солнца, видна была зубчатая каменная ограда, поднимавшаяся над ней верхняя часть дворца и храма, а над ними высоко в небо устремлялась семиэтажная башня — зиккурат.

Манум остановился на мгновение, пораженный открывшимся видом, и затем погнал своего осла. Ему хотелось поскорее попасть во дворец.

— Ты опять торопишься? — окликнул его Ярим-Адду. — Снова хочешь затеять драку со стражником оюло дворца?..

Манум недовольно нахмурился, но все же придержал осла и послушно поехал рядом с Ярим-Адду.

Дорога процессий окончилась, и путешественники очутились в самом сердце столицы, где, отгороженные глухой стеной из сырцового кирпича, высились дворец и храм — жилище царя Хаммурапи и бога Мардука.

— Посмотри, — сказал Ярим-Адду, указав на ве-

личественное здание. — Это знаменитый храм Э-Сагила с башней-зиккуратом Этеменанки — «Домом основания неба и земли».

И действительно, башня поражала своей величиной. Она сверкала всеми цветами радуги, ее этажи были окрашены в семь различных цветов. Казалось, она уходила ввысь, в небеса. Манум слышал, что в самой верхней башне стояли статуя бога Мардука из чистого золота и золотой трон, украшенный серебром. Туда поднимались один раз в год во время праздника «загмук», когда справляли свадьбу бога Мардука.

«Хорошо бы посмотреть на это торжество! — подумал Манум, остановившись у подножия зиккурата. — Но праздник будет еще не скоро — весной, в день Нового года. И к тому же мне туда не попасть. Вероятно, здесь, как и в моем родном Мари, в святая святых храма имеют доступ только царь и главный жрец».

Ярим-Адду со свитой уже направлялся по узкому мостику к воротам через канал Мардука. Манум без труда догнал их.

Не один раз приходилось Мануму бывать во дворце в Мари, славившемся своим богатством. Многие люди приезжали из далеких стран — Угарита и Алеппо, Ассирии и Эмутбала — только для того, чтобы полюбоваться великолепием дворца Зимрилима. Поэтому юноша не был поражен ни размерами дворца Хаммурапи, ни строгими формами его построек.

Ярим-Адду со своими людьми прошел через ворота во двор и остановился возле охраны. Навстречу им вышел управитель дворца — он встречал гостей.

Обменявшись приветствием с Ярим-Адду, управитель дворца сообщил, что великий Хаммурапи вчера был предупрежден об их приезде.

— Хаммурапи, господин мой, еще не вставал. Он будет рад видеть тебя, Ярим-Адду, днем, после того как закончит свои обычные занятия. А пока слуга проводит тебя и твоих людей в покои, где вы сможете отдохнуть с дороги. Ведь путь от Мари до Бабилы велик, и много дней вы находились под открытым небом.

Ярим-Адду отвели две комнаты, где стояли удобные стулья, широкий стол, длинные лари, куда можно было складывать вещи, и скамья, служившая постелью.

На полу были разостланы циновки. Такими же циновками, но расписанными яркими узорами, были завешаны белые стены. Дневной свет проникал через узкие проемы окон, помещенных на северной стене под самым потолком, поэтому в комнатах было прохладно и приятный полумрак давал отдых глазам, уставшим от ослепительно яркого солнца. Воины и писцы разместились рядом в других комнатах без окон. В них было просторно и прохладно, на полу были постланы циновки.

— Манум будет жить со мной, он может понадобиться мне в любое время.

Правитель приказал внести еще одну постель в покои посла.

Прежде всего Ярим-Адду и Манум отправились в комнату для омовений. Затем, освеженные купаньем, они позавтракали вареными овощами, чечевичной кашей, сильно приправленной чесноком, рыбой и сушеными финиками, запивая все это прохладным пивом — сикерой. Наконец после завтрака оба улеглись отдыхать.

В правой части дворца, вокруг открытого дворика, расположены были жилые комнаты повелителя и его семьи. В тени, падающей от высоких стен двухэтажного дома, стояли удобные скамейки: царь любил сидеть на них рано утром и обдумывать все, что предстояло ему сделать днем.

Пока здесь властвовала полная тишина, никто не выходил из царских покоев. Только слуги и рабы уже давно поднялись, и во втором дворе, куда можно было проникнуть через узкий коридор, пылал очаг, в котле кипела вода и был приготовлен большой вертел, на нем поджаривали барашка, которого слуга закалывал тут же. Две рабыни, обливаясь потом, растирали зерна между двумя плоскими камнями. Для царского стола присылалась отборная пшеница, из которой получалась мелкая душистая мука. Уже раскалена была глиняная печь, на стенках которой пеклись румяные лепешки.

Все знали, что господин не любит долго спать и с раннего утра, пока прохладно, принимается за работу. До полудня все дела должны быть окончены: необхо-

димо разобрать жалобы, познакомиться с донесениями, ответить на письма, послать приказы наместникам в другие города. Надо освободить время после дневного отдыха, чтобы спокойно принимать посетителей. Много их приходит во дворец: кто жалуется на несправедливость чиновников, кто на неправильный суд, кто просит помощи или защиты. Во всем надо разобраться. Дорога Хаммурапи слава милостивого царя.

А когда прибывают чужеземные послы, их принимают в большом зале. Там полы устланы коврами, на стенах узорчатые циновки. В глубине зала на троне восседает сам владыка, за ним стоят рабы и обмахивают его веерами. Вдоль стен тянутся длинные глиняные скамейки, покрытые тканями. Когда Хаммурапи находится в зале, никто не сидит на этих скамьях. И приезжие гости, и знатные придворные должны стоять в его присутствии. Но если великий господин устраивает званый обед, то гостей вводят в другую комнату. Там расставлена парадная мебель — легкие плетеные кресла из тростника, скамьи с подлокотниками, на которые так удобно опираться, столы с резными ножками. Слуги обносят гостей сикерой, вкусными жирными блюдами, сладстями. И тут Хаммурапи любит показать себя радушным, гостеприимным хозяином, который не скупится на угощения. Пусть все знают, как он богат. Ничего не жалеет Хаммурапи для дорогих гостей. Правда, не все гости одинаково ему приятны и желанны. Но он неизменно ласково и дружески разговаривает с каждым. А о чем он при этом думает, об этом известно только ему одному.

Солнце взошло. Хаммурапи вышел из своей опочивальни на галерею, которая шла вокруг всего двора на высоте второго этажа. Он только что встал, искупался в ванне. Придворный цирюльник чисто выбрил ему усы, расчесал пышную бороду и курчавые волосы. Гардеробщик уже стоял, дожидаясь своей очереди. Он надел на великого господина тонкую открытую рубашку с короткими рукавами, ловко обернул стан в длинный прямой кусок ткани, затканый пестрым узором; правое плечо осталось открытым, с левого спускалась на руку пушистая бахрома. Наконец Хаммурапи подали круглую шапку, без которой он никогда не выходил из дому, — она защищала голову от палящего солнца, и

туалет был закончен. «Царь четырех стран света» медленно спустился по узкой лестнице во дворик. До начала занятий осталось около часа. Можно посидеть на скамейке во дворе. Хорошо в тишине утра обдумать все, что предстоит сделать за день. Сегодня Хаммурапи должен отправить гонца с письмом к царю Зимрилиму в Мари. Гонец поедет с секретным поручением, о котором никто не должен знать, даже чиновники. Только он и Тарибу — военачальник, которого Хаммурапи отправляет под видом простого посыльного. Главное, надо так составить письмо, чтобы никто не догадался, что оно только предлог, и чтобы Зимрилим поверил, что из-за него Хаммурапи отправил нарочного в Мари.

Писцы постепенно собирались. Из открытой двери в канцелярию доносились голоса. Хаммурапи поднялся со скамейки и вошел в комнату. Сразу наступила тишина. Авиль-Нинурта, царский секретарь, разложил на столике глиняные таблички. Тут были письма, доношения, жалобы — Авиль-Нинурта все разложил по порядку.

— Ну, какие у нас сегодня дела? — обратился Хаммурапи к секретарю.

— Из Дильбата¹ пишут, что корабли не были готовы в срок, поэтому твои купцы не выехали, что делать?

Хаммурапи нахмурился.

— Напиши, — обратился он к писцу Улли, — через неделю все должно быть готово. Если не справятся, будут отвечать за неотправленные товары. Дальше...

— Два воина, Лалум и Авиль-Илим, пишут, что в канале Угдимша спала вода и не доходит до их поля.

— Пиши, пусть расследуют это дело, и, если вода правда не достигает их поля, вели устроить там, в устье канала, водоподъемное сооружение.

— И дальше, — читает Авиль-Нинурта, — царские пастухи жалуются: им прислали слишком мало людей для стрижки овец, они не успеют вовремя доставить шерсть во дворец. Засорился канал Думанум, и поля не орошаются...

¹ Д и л ь б а т — город в Вавилонии.

Уже целый час докладывает секретарь, читая таблички, и еще много их дожидается своей очереди.

Хаммурапи внимательно слушает и тут же решает все дела. Но вот наконец все рассмотрено, ответы на главные письма продиктованы, менее важные отложены в сторону, а жалобы на чиновников, бравших взятки, Хаммурапи приказал проверить и наказать виновных.

— Ну, на сегодня все!

— Теперь пойдешь отдыхать, господин? — спросил Авиль-Нинурта.

— Нет еще. Утром приехал посол от Зимрилима, надо его повидать. Вели позвать ко мне, да не всех, а только одного Ярим-Адду.

— Отвести его в приемный зал?

— Нет, слишком много чести! Приведи его сюда.

Авиль-Нинурта вышел и вскоре вернулся в сопровождении Ярим-Адду.

— Привет тебе, царь великий, владыка четырех стран света, могучий воитель, покоривший все земли! Твой брат Зимрилим шлет брату своему Хаммурапи привет и призывает благословение богов на твою голову. День и ночь молит Зимрилим своих богов о твоём здоровье и благополучии!.. — Всю эту длинную тираду Ярим-Адду произносит, склонившись в почтительном поклоне перед Хаммурапи.

— Что еще просил сказать мне брат мой Зимрилим?

— Брат твой просил сказать еще, что на севере племена субарейцев опять начали совершать набеги на Мари, беспокойно на востоке в Эмутбале, а в Эшнуне не признают его власти. Если купцы Эшнуны признают тебя, то правь ими, как ты хочешь.

— Так, — усмехнулся Хаммурапи. — Что делать с Эшнуной, я и сам знаю. Мне не нужны советы. Дальше...

— Брат твой Зимрилим опасается, что он не сможет один охранять свои северные границы. Он просит брата своего Хаммурапи прислать ему два отряда вооруженных людей, и тогда никто не сумеет устоять против Зимрилима...

— Хорошо, подумаем. Когда приму решение, то-

гда вызову тебя опять. — И Хаммурапи легким кивком головы дает понять, что разговор с послем окончен.

Ярим-Адду снова низко поклонился и вышел из комнаты, пятясь, чтобы не повернуться к царю спиной.

Авиль-Нинурта проводил Ярим-Адду и, вернувшись, с удивлением спросил:

— Ты пошлешь Зимрилиму свое войско?

— Обещать все можно... — Хаммурапи многозначительно замолчал.

Авиль-Нинурта понимающе улыбнулся. Только совсем недавно окончилась война с Римсином, наконец-то, на тридцать первом году правления, Хаммурапи освободил Ларсу от эламитян и присоединил к Вавилонскому царству весь юг. Теперь «царь четырех стран света» собирался усмирить Эшнуу. Посол Зимрилима правильно угадал. Не время сейчас посылать свое войско в Мари.

Хаммурапи встал и несколько раз прошелся по комнате.

— К Ярим-Адду приставь верного человека, — снова обратился он к своему секретарю, — пусть смотрит за ним, следит за каждым шагом: куда ходит, с кем разговаривает, не посылает ли гонца в Мари. Да только надо быть очень осторожным: Ярим-Адду не должен ничего знать. Плохо будет, если он что-нибудь заподозрит. Понял?

— Все будет сделано, господин мой! Может быть, подкупить кого-нибудь из его свиты, чтоб доносил на Ярим-Адду?

— Опасно. Подкупленному верить нельзя. Будет служить и нам, и Зимрилиму. Своего человека надо найти — достаточно слуг у нас во дворце. А теперь позови Улли.

— Приготовь получше табличку, — обратился Хаммурапи к писцу, — будем писать письмо в Мари царю Зимрилиму.

Улли достал комочек влажной глины и, старательно разминая его, придавал ему форму четырехугольной таблички. Затем он взял новую тоненькую палочку четырехгранной формы и приготовился писать. Хаммурапи сидел, погруженный в раздумья. Потом он встал,

молча прошелся несколько раз по комнате и, остановившись около Улли, продиктовал:

— «Зимрилиму скажи: так говорит Хаммурапи. Я получил твое письмо. Ты пишешь, что на границах у тебя беспокойно и тебе нужны воины, чтобы отражать набеги из Эмутбала, ты просишь у меня людей на помощь. Я пошлю тебе отряд моих воинов. Только дорога от Вавилона до Мари очень длинная, и воины не скоро придут к тебе. И еще я сообщаю тебе, что придет к тебе человек из Элама. Я пишу тебе об этом, чтобы ты знал заранее о его приезде. И пусть мой слуга ожидает его у тебя в доме, и потом они вместе поедут дальше». Все, — сказал Хаммурапи. — А теперь пошли за Тарибу. Он отвезет письмо Зимрилиму.

— Как? Внезапный Тарибу повезет письмо как простой гонец? — удивился Улли.

— Не простой гонец, а царский посланник, — поправил его Хаммурапи. — А лучше помолчи, не спрашивай, если тебе не говорят. Делай что приказано. — С этими словами великий господин удалился в соседнюю комнату, куда без его вызова никто не смел входить.

Улли покачал головой. Это письмо к Зимрилиму — не простое дело. Хаммурапи что-то задумал. Но лучше молчать об этом, раз он сам не хочет ничего говорить.

Вскоре явился Тарибу и прошел прямо к царю. Вместе с ним вошел Улли и подал Хаммурапи готовое письмо на глиняной табличке.

Хаммурапи взял письмо.

— А теперь ступай. — И Хаммурапи повелительным жестом указал писцу на дверь.

— Слушай, поговорить надо, — обратился царь к Тарибу, когда они остались одни. — Вот тебе письмо, отдай его Зимрилиму. Скажи ему, что брат его Хаммурапи день и ночь думает о его благополучии и молит об этом богов. Скажи, что я сам к нему собираюсь в гости, да вот всё дела задерживают. Но скоро к нему придет человек из Элама, я пишу об этом. Пусть он окажет ему ласковый прием, покажет дворец и столицу. Это ты скажи Зимрилиму. А сам живи в посоль-

ском доме и жди. Тебе придется сопровождать гостя домой.

— И только? Это все, что я должен сделать? — удивился военачальник.

— Все, да не совсем. Главный разговор впереди. Эламитянин без тебя найдет дорогу сюда. Тебе же нужен предлог, чтоб подольше остаться в Мари. Пока будешь жить там, высмотри все, свяжись с нашими людьми, которые там тайно находятся, собери у них сведения, сам всюду побывай.

— Понимаю. Главное — надо узнать о войске Зимрилима, где расположено, сколько воинов. Да еще выяснить, какие связи у Зимрилима с другими царями.

— У тебя хорошая голова, Тарибу, сразу понял. Потому и посылаю тебя. Когда о чем-нибудь узнаешь, не записывай. Все в памяти держи. Не оставляй следов. И наших писцов в это дело не посвящай. Шамайя живет у Зимрилима во дворце, в посольском доме. Он тебя с людьми сведет. Больше никому не верь.

— Все ясно. А зачем все это? Неужели поход?

— Именно так. С Римсином в Ларсе покончили, весь юг до моря в наших руках. Надо теперь север закреплять. Хватит Зимрилиму царствовать. Уж слишком он зазнался, думает, так силен, что никто его не одолеет. И будто столица у него не хуже Бабилы и дворец лучше нашего. Ездил его смотреть царевич из страны Угарит. Слышал я, теперь Шаррия из Расама собирается... Но не в этом дело. Главное то, что нам нужно расширять наши границы на севере, — мы Асур разгромили, теперь очередь за Мари. Все четыре страны света будут в наших руках. Вот почему тебя посылаю как гонца. Далеко вперед смотреть нужно.

— Все будет сделано, мой господин. Когда ехать? Кто будет меня сопровождать?

— Собирайся поскорее. Завтра на рассвете отправляйся в дорогу. С собой возьми охрану да еще человек пять. Много не нужно. Ты едешь не как посол, а как царский гонец.

— Все будет так, как ты приказываешь.

Тарибу взял письмо, низко поклонился царю и вышел из комнаты.

— Да хранит тебя Мардук и богиня Иштар, — вслед ему произнес Хаммурапи.

Оставшись один, Хаммурапи встал, прошелся по комнате несколько раз, остановился около порога и позвал Авиль-Нинурту:

Секретарь тихо вошел.

— Какие дела еще у нас остались?

— Письмо из Дильбата: сестра жалуется, что брат выгнал ее из дома.

— Это завтра.

— Пришли вести из Алеппо. Скоро приедут послы оттуда.

— Как только придут, веди их ко мне.

— Еще ты хотел посетить суд...

— А что там?

— Хозяин привел беглого раба, который объявил себя свободным. Свидетели показали, что это раб, и судьи постановили отрезать ему ухо.

— Правильно. Так в законах записано.

— Еще разбирали дело жрицы: она хотела два раза получить деньги за аренду земли. Судьи разобрали документы и велели жрице уплатить штраф.

— Об остальных делах доложишь вечером. Я устал.

С этими словами Хаммурапи вышел из комнаты и, пройдя через открытый двор, направился в свои покои.

ЗАЛИЛУМ УБЕГАЕТ ИЗ ДОМУ НА ЦЕЛЫЙ ДЕНЬ

Бывают иногда такие несчастливые дни, когда все не ладится: что ни делаешь, все получается плохо. Залилуму не везло с самого утра. Отец его, бедный крестьянин Убар-Шамаш, собрался в город. Наступало время посева, приходилось идти к купцу Белидинаму просить в долг ячмень, иначе поле останется незасеянным. Весь хлеб, что собрали в прошлом году, давно уже съеден. Залилум надеялся, что отец возьмет его с собой. Мальчик редко бывал в городе, и ему очень хотелось поглядеть на длинные улицы, двухэтажные дома, храм с семизэтажной башней. Пожалуй, интереснее всего потолкаться на базарной площади, где можно увидеть много разных вещей и купцов, проезжающих из далеких стран. Один раз отец взял на базар Залилума, и до сих пор мальчик вспоминает этот день. Особенно

поразил его черный как сажа кудрявый негр, которого привезли с собой египетские купцы. Они торговали слоновой костью, золотыми украшениями, фаянсовыми флаконами с душистым маслом и тонкими белыми тканями из льна. А перед тем как отправиться домой, Залилум с отцом зашел в харчевню и ел там жирную похлебку, какой дома никогда не бывает.

«Вероятно, и теперь будет так же интересно в городе, как в прошлый раз», — мечтал Залилум накануне вечером, ложась спать.

Но мечта не осуществилась. Отец ушел очень рано, когда на дворе было еще совсем темно, и мать не позволила будить сына.

Когда Залилум проснулся и увидел, что отца уже нет дома, он расплакался от обиды и огорчения.

— Перестань реветь! — прикрикнула на него мать. — Присмотри лучше за малышами, пока я пойду к рыбакам за рыбой. Отец вернется поздно, усталый, голодный, надо приготовить ему ужин получше. — С этими словами она вышла из хижины.

Залилум с досадой посмотрел на малышей. Годовалый братишка ползал по полу, а трехлетняя сестренка ела лепешку.

— Ну, вы, смотрите у меня! Не шуметь! Я еще спать буду. — Залилум погрозил пальцем ребятишкам и снова улегся на свою циновку.

Его разбудил громкий крик. Это плакал брат. Его толкнула сестра, и, падая, он зацепился за глиняный кувшин с водой. Кувшин с грохотом разбился, вода растеклась по полу. Циновка намокла, лежать стало холодно и неудобно.

— Эх вы, мучители мои! — вздохнул Залилум и поднялся с циновки.

Малыш громко кричал. На лбу у него был синяк и вскочила большая шишка. Заревела и девочка. Она собирала черепки и расцарапала руку. Увидев кровь, она громко закричала. Залилум стоял в нерешительности, глядя на беспорядок. Что раньше делать — подбирать осколки и вытирать воду или успокаивать ребят? Вдруг он услышал голос матери, громко разговаривающей с соседкой.

«Мать вернулась! — подумал Залилум. — Попадет

же мне. Лучше удрать, пока она не вошла в дом. А вечером как-нибудь обойдется».

И, взяв со стола лепешку, Залилум тихонько вышел во двор и перелез через стену. У калитки стояли мать и соседка. Залилум не хотел попадаться им на глаза. Он пошел вдоль узкой улицы и через два дома очутился около хижины, где жил его приятель.

— Ахуни! — крикнул Залилум, подойдя к двери. — Идем со мной к реке...

— Ах ты, негодный бездельник! Ахуни уже давно в поле — работает с отцом и братьями. Только ты, большой мальчишка, болтаешься весь день без толку и думаешь о прогулках! — сердито встретила Залилума бабушка Ахуни. — Погоди, вот я тебя!.. — замахнулась она на него палкой.

Залилум поспешно скрылся.

«Ну ее, свяжешься с ней — еще к матери ответит... Тогда плохо будет».

Он быстро пробежал по грязной кривой улочке и вышел в поле.

Наступил конец декабря. Частые дожди превратили поле в мокрое мягкое месиво; надо было начинать сеять. Многие земледельцы уже трудились целыми семьями. Вон и Ахуни вместе с отцом и старшими братьями очищал поле от прошлогодних сорняков. Залилум прошел мимо своего участка, отделенного от других полей невысоким валом. Там никого не было. Пожалуй, следовало бы самому заняться вытаскиванием стеблей. Но нет, вечером вернется отец, принесет зерно, и завтра они с утра до поздней ночи будут работать. А сегодня можно погулять. И Залилум весело помахал рукой Ахуни, который на минуту оторвался от работы и удивленно посмотрел на товарища.

— Ты куда? Почему не работаешь?

— Отец в город ушел! Мы завтра выйдем в поле! — прокричал в ответ Залилум и побежал по направлению к большому каналу; только мелькали его босые загорелые пятки.

Весь день провел Залилум у канала, в зарослях камыша, купался, охотился за мелкими зверьками — ничего не поймал, искал съедобные коренья. Под вечер, когда начало темнеть, он вышел к реке. Сильно хотелось есть. Взятую из дому лепешку он уже давно

съел, а кореньев было слишком мало: они плохо утоляли голод.

На берегу, у небольшого залива, который образовался от изгиба реки, стояли маленькие глинобитные домишки. В них жили рыбаки. Они уже кончили рыбачить; сети были разостланы на земле для просушки, удочки смотаны, весь улов собран в садке, отгороженном тростником на мелком месте, у самого берега. Завтра женщины начнут потрошить рыбу, сушить на солнце, а рыбаки снова пойдут ловить — сети были взяты в долг у купца. За них нужно платить рыбой.

Но сегодня можно уже отдохнуть. На берегу около хижин горел костер, в котле варилась рыба. Оттуда тянулся дразнящий запах свежей ухи. У Залилума зассало под ложечкой. Как хочется есть! Он подошел поближе. Четыре бородатых рыбака, сидя на корточках, ели из общей миски. Залилум робко приблизился к ним.

— Эй ты, малыш! Присаживайся, поешь с нами, — окликнул мальчика один из рыбаков.

— Да это Залилум, сын Убар-Шамаша. Я его знаю, — сказал другой и подвинулся, чтобы дать ему место.

Второго приглашения не понадобилось. Залилум быстро уселся между рыбаками и с аппетитом стал есть уху.

Приятная теплота разлилась по всему телу — давно он так сытно не ужинал. Залилumu захотелось спать. Но нет, больше нельзя оставаться здесь. Стало уже совсем темно, поднялся ветер. Пора домой, и так ему попадет от матери за разбитый кувшин, за шишку брата, а больше всего, пожалуй, за то, что удрал на целый день. Залилум встал, попрощался с гостеприимными рыбаками и только собрался идти, как вдруг хлынул страшный ливень. Сквозь ветхую тростниковую крышу сочилась вода. В хижине стало мокро и холодно. Наконец буря прекратилась, и Залилум смог выйти.

Когда он наконец подошел к дому, было уже совсем темно. Он очень боялся гнева матери и надеялся только на то, что все уже спят: тогда он незаметно проскользнет на свою циновку.

Залилум вошел в калитку и увидел, что на двери не спущена циновка, мать не спит и сидит у зажжен-

ного светильника. Услышав шаги, она встрепенулась и подняла голову:

— Залилум! Где ты пропадал весь день? А отца еще нет до сих пор. Я места себе не нахожу — боюсь, не случилось ли с ним несчастье!

Залилум тихо вошел в комнату, сел рядом с матерью и ласково прижался к ней.

БОЛЕЗНЬ ОТЦА

Никакого несчастья не произошло с Убар-Шамашем. Он просто очень долго находился в пути. Еще накануне вечером Убар-Шамаш договорился с соседом Авил-Анимом, что тот одолжит ему осла, чтоб привезти из города зерно. А когда Убар-Шамаш, уже готовый в дорогу, зашел за ослом, оказалось, что Авил-Аним сам уехал на осле в соседнюю деревню. Что тут было делать? Пришлось идти в город пешком. Ведь завтра обязательно надо засеять поле. И так время упущено. На дворе конец декабря, многие земледельцы уже отсеялись. Убар-Шамаш не успел вовремя закончить работу, так как купец Белидинам заупрямился и не хотел давать зерна в долг. Не раз брал у него зерно Убар-Шамаш и всегда исправно отдавал полную меру и сверх того добавлял еще лишнее зерно.

В этот раз Убар-Шамашу пришлось долго упрашивать купца. Наконец Белидинам согласился дать ему зерно.

— Ты вернешь мне, после того как соберешь урожай!

— Как всегда, мой господин... — согласился Убар-Шамаш.

— А на табличке мы запишем, — продолжал Белидинам, — что я дал тебе не гур¹ зерна, а сикль² серебра, столько, сколько стоит сейчас гур зерна.

— Я верну тебе серебро? — удивился Убар-Шамаш.

— Нет, не так! Ты вернешь мне два гура зерна, потому что после сбора урожая на один сикль можно будет купить два гура, понял?

¹ Гур — мера сыпучих тел, около 252 л. Гур состоит из 300 ка. Так в древности измерялось зерно.

² Сикль — мера веса, 8,5 г.

Убар-Шамаш задумался. Значит, ему придется отдать зерна вдвое больше, чем он взял. И в документе будет записано, что он получил сикль серебра. А что, если Белидинам потребует и серебро, где же достанет его Убар-Шамаш?

— Ты лучше запиши в табличке, что я взял у тебя зерна один гур, а отдать должен два гура...

— Нет! — усмехнулся Белидинам. — Так нельзя писать. Это будет не по закону...

— Не по закону? — удивился Убар-Шамаш.

— Не по закону, — подтвердил Белидинам. — Если узнают, что я беру с тебя вдвое больше, чем дал, меня будут судить и мне придется уплатить штраф царю. А если мы запишем на табличке, что ты получил зерна на один сикль, ты должен будешь вернуть мне зерно тоже на один сикль. Никто не подумает о том, что после урожая зерно будет стоить дешевле, и я получу с тебя вдвое. Нужно так писать документы, чтобы и закон не нарушить, и прибыль получить.

Убар-Шамаш вздохнул. «Вот как живет по закону богатый купец», — подумал он.

— Пиши, как ты хочешь, мой господин, я согласен на все...

— Тогда приходи завтра за зерном, а я пока велю написать табличку. Только смотри не опоздай, а то отдам зерно другому. Сам знаешь, урожай был плохой в прошлом году, желающих взять в долг много, а зерна мало! — сказал на прощание Белидинам.

Ну разве мог после этого Убар-Шамаш откладывать поездку в город из-за того, что сосед не дал осла. Убар-Шамаш так торопился, что даже не запел домой предупредить жену Синнури, что вернется позже обычного. Ведь мешок с зерном ему придется нести на плечах.

До города Убар-Шамаш дошел без труда. И вскоре он уже насыпал ячмень в мешок и оттиснул свой палец на глиняной табличке, которую приготовил писец.

В полдень Убар-Шамаш отправился в обратный путь. Было жарко и душно, но Убар-Шамаш бодро шагал по пыльной дороге — он торопился домой. Чем дальше, тем труднее становилось идти. Дорога была длинная, тяжелый мешок давил спину и плечи, оттягивал руки. Пот градом катился со лба, лицо горело,

кровь молотками стучала в виски. Убар-Шамаш еле передвигал ноги. Наконец, совсем обессилив, он остановился у канала, чтобы передохнуть. Он сбросил мешок на землю, наклонился и смочил лицо мутной теплой водой; очень хотелось пить, но вода была такая грязная, что он не рискнул напиться. Он опять взвалил мешок на плечи и пошел. Вскоре снова вернулась прежняя усталость, и ему пришлось опять сделать привал. И так повторялось несколько раз. После каждой остановки дорога казалась еще труднее. Две лепешки, взятые с собой в дорогу, были уже давно съедены, и вначале Убар-Шамашу мучительно хотелось есть. Но теперь сильное утомление заглушило голод.

К вечеру, когда селение было уже совсем близко, поднялся ветер, все небо заволочло тучами, и короткий, но сильный ливень пронесся над долиной. Когда начался дождь, Убар-Шамаш испугался, как бы не промокло зерно. Он положил мешок в яму у дороги и лег на него, чтобы закрыть его своим телом. Убар-Шамаш промок до нитки, но зато зерно осталось сухим.

Дождь кончился, и Убар-Шамаш снова двинулся в путь. Дышать стало легче. Буря освежила воздух, но было очень трудно идти по скользкой глинистой дороге. Ноги скользили и разъезжались в стороны.

Убар-Шамаш едва сохранял равновесие, чтобы не упасть с мешком и не рассыпать зерно. Он промок, и ему было холодно.

Наконец поздно вечером он добрался до дому. Его ждали. Синнури сидела опустив голову, она думала, что мужа убили и ограбили или, быть может, что он упал и разбился и лежит теперь беспомощный на дороге... И чего только она не передумала за длинный вечер.

Но вот Убар-Шамаш вошел в хижину. Синнури вскрикнула и кинулась ему навстречу. Залилум подошел к отцу и помог ему снять мешок. Утомленный Убар-Шамаш сел на циновку. Он дрожал от холода, мокрая одежда прилипла к телу, ноги болели от усталости, руки и спина ныли от тяжелой ноши. Измученный трудной дорогой, он отказался даже от еды. Ему ничего не хотелось — только поскорее лечь, вытянуться и согреть озябшее тело.

Ночь прошла. А наутро Убар-Шамаш не смог подняться. Он весь горел, как в огне, его знобило. Голова была тяжелая и очень болела. Временами он терял сознание, никого не узнавал. Три дня лежал Убар-Шамаш, ничего не ел и только просил пить.

Приходили соседки, давали советы Синнури, но никто ничем помочь не мог — больному становилось все хуже: он начал бредить. Тогда Синнури решила послать за знахарем. Чего бы это ни стоило, надо спасти жизнь мужа. Залилум пошел за знахарем Хаблумом. В храме среди жрецов можно было найти лучшего лекаря, но жрецам надо было очень много платить за лечение.

Вечером пришел Хаблум. Все жители деревни боялись его. Ведь Хаблум умел разговаривать с богами, он знал на память заклинания от дурного глаза, от несчастного случая, он мог прогнать злого духа болезни, который вселялся в человека. Но горе тому, на кого сердился Хаблум, — он мог своим колдовством причинить человеку любую беду. Вот почему, когда Хаблум вошел в хижину, две сидевшие там соседки опустили головы и поспешно вышли. Осталась одна Синнури. Низко кланяясь знахарю, она подвела его к больному мужу.

— Ну, Убар-Шамаш, — сказал Хаблум, — рассказывай, что с тобой приключилось?

Ослабевший Убар-Шамаш смотрел на знахаря помутневшими глазами и ничего не отвечал. Только Синнури плакала и беспрестанно повторяла, что Убар-Шамаш вернулся вечером из города усталый и промокший от дождя, свалился на циновку и четвертый день не встает, не ест, не разговаривает.

Знахарь поднял веки больного, пощупал голову, посмотрел в рот и заявил:

— Твой муж заболел оттого, что на него напал злой дух из болота. Асаккум вошел к нему в тело. Надо выгнать Асаккума из Убар-Шамаша, тогда он будет здоров.

— Сделай это, господин, и мы всю жизнь будем молить за тебя бога! — взмолилась Синнури.

— Сделать можно. Только Асаккум — страшный дух, и выгнать его будет трудно. Надо заплатить один сикль серебра.

— Целый сикль? — всплеснула руками Синнури. — Где же нам взять такие большие деньги? Ведь на них можно купить хорошую свинью или хлеба на два месяца для целой семьи!

— Ну что же, если нечем платить, тогда и лечить не буду, — пожал плечами Хаблум. — А это что? Зерно? — спросил он, показывая на мешок. — Так вот, давай мне сто ка зерна, и мы поладим с тобой!

Сто ка зерна?! Ведь это треть того, что Убар-Шамаш занял на посев! Но если знахарь откажется лечить и Убар-Шамаш умрет? Лучше уж пожертвовать зерном. И бедная женщина согласилась.

Хаблум быстро наклонился над больным, сделал страшное лицо и громким голосом заговорил, четко произнося каждое слово:

Прочь, прочь, дальше, дальше!
Уходите далеко, далеко.
Отвернитесь, уходите, сгиньте!
Прочь от моего тела!
Убирайтесь из моего тела!
В мое тело не возвращайтесь!
К моему телу не прикасайтесь!
Не мучьте мое тело.

Потом Хаблум начал вертеться вокруг больного, размахивая руками и выкрикивая бессвязные слова, — это окончательно должно было испугать злых духов.

Наконец усталый Хаблум остановился, едва переводя дыхание. Теперь духи оставят Убар-Шамаша, и он скоро поднимется совсем здоровый.

А чтоб облегчить боли Убар-Шамашу, Хаблум дал Синнури пучок травы, велел залить ее горячей водой, прибавить щепотку воли из очага и давать несколько раз в день больному.

Синнури опять низко поклонилась знахарю, отсыпала ему зерно, и Хаблум удалился.

С тоской смотрела бедная женщина на опустевший на треть мешок, но что делать? Здоровье мужа дороже.

Прошло несколько дней, а Убар-Шамаш все не поправлялся. Залилум несколько раз бегал к знахарю, но тот даже не стал разговаривать с мальчиком. А в последний раз жена Хаблума выгнала Залилума из дома...

Только в конце недели стал выздоравливать Убар-Шамаш. Он был очень слаб, но жара уже не было и

голова не болела. Только кашель не переставал мучить беднягу, особенно по ночам.

В первый день, когда Убар-Шамаш поднялся, он вместе с Залилумом вышел в поле. Надо было вспахать его и засеять. Пока отец болел, Залилум очистил все поле от сорняков. Его дружок Ахуни помогал ему в этом. С утра до вечера мальчишки работали как взрослые. Только вечером, после ужина, они начинали играть и бегать. Не раз случалось им подраться, но ссора никогда не была долгой. Они тут же мирились. Вот и теперь Ахуни, увидев Залилума за работой, пришел помочь другу. Пришел и его отец, чтоб вспахать поле вместе с ослабевшим от болезни соседом.

Как только Хаблум узнал, что Убар-Шамаш вышел на работу, он пришел к нему и потребовал еще зерна:

— Сто ка очень мало. Ведь это мои заклинания прогнали Асаккума. Если бы не я, он задавил бы тебя.

Но у бедных людей больше ничего не было. Они низко кланялись знахарю и говорили:

— Мы отдали тебе все, что имели, больше у нас ничего нет. Тем зерном, что осталось в мешке, мы засеяли поле. Не гневайся на нас! Когда будет новый урожай, мы принесем тебе подарок.

И Убар-Шамаш, и Синнури были очень рады, когда Хаблум ушел, не проклиная их и не вызывая злых духов. А в глубине души они не верили в колдовство знахаря. Если бы духи испугались заклинания, Убар-Шамаш сразу бы выздоровел, а он еще целую неделю пролежал больной. Вероятно, болезнь как пришла, так и ушла сама. Но только не совсем ушла. Несколько дней поработал Убар-Шамаш в поле и опять стал мучительно кашлять, и уже не только ночью, а все время. Потом опять началась лихорадка, и чем дальше, тем все хуже становилось ему.

Прошел месяц. Убар-Шамаш уже совсем не вставал. Он сделался похожим на скелет, глаза ввалились, на щеках горели красные пятна, кашель не прекращался.

Синнури больше не звала знахаря, ей нечем было платить ему. В доме давно не ели горячего. И однаж-

ды наступил такой день, когда совсем нечего было есть.

Что делать? Только Белидинам может помочь. Убар-Шамаш не дойдет до города. На этот раз Синнури отправилась к купцу просить у него мешок зерна.

ПРОДАЛИ СЫНА

Поздно вечером вернулась Синнури из города ни с чем. Белидинам отказался дать ячмень.

— У меня в закромах осталось мало зерна. Все теперь просят хлеба, а за вами и так большой долг. Как будешь отдавать? Муж болен, кто в поле работает, кто соберет урожай?

— А сын Залилум? Он крепкий мальчик, ему уже одиннадцатый год. Мы с ним вместе уберем хлеб и вернем тебе долг! — упрашивала купца бедная женщина.

— Говоришь, сын у тебя крепкий мальчик и умеет работать? Мне как раз нужен такой мальчик в доме. Давай так порешим: я дам тебе одиннадцать сиклей серебра, ты заплатишь из них старый долг и купишь ячмень, кунжутное масло, сушеную рыбу, и еще деньги останутся. А за это ты отдай мне мальчишку.

— Как — отдай?

— Ну, продай!

— Продать сына за одиннадцать сиклей?! Как же это можно, господин? — Бедная женщина еле сдерживала рыдания.

— Как знаешь! Мои слуги неплохо живут. Всегда сыт будет, а работа не очень трудная. А когда Убар-Шамаш поправится, отработает одиннадцать сиклей, я верну вам сына.

— Как же так — продать родного сына в рабство?! — не переставала ахать Синнури.

— Ну вот что, мне тут с тобой некогда возиться. Иди домой, поговори с мужем, посоветуйтесь. Но помни: не отдашь сына — ничего тебе в долг не дам. Только смотри, — прибавил купец, — поскорее решай. Если долго будешь думать, я другого мальчишку куплю, тогда твой мне не понадобится.

Горько плакала Синнури, передавая мужу разговор

с Белидинамом. Что делать? Неужели придется продать сына, отдать Залилума в чужой дом?

— Для бедняка лучше умереть, чем жить, — вздохнул Убар-Шамаш. — Если у него есть хлеб, у него нет соли; если у него есть соль, у него нет хлеба!

— А у нас с тобой ни хлеба, ни соли, — вздохнула Синнури. — В плохой день родился наш мальчик, если нам приходится его продавать.

Так ничего другого не придумали родители.

Всю ночь не спала Синнури, думая о несчастной судьбе своего старшего сына. Глубокой ночью встала она, зажгла светильник, подошла к циновке, где спали дети, села у изголовья и долго-долго всматривалась в лицо спокойно спавшего Залилума.

Он еще не знал о том, что его ждет. Мать тихонько смахнула комара с его лба, нежно провела рукой по его черным кудрям и смотрела, смотрела без конца на сына, точно хотела навеки запомнить его лицо. Так просидела Синнури до самого рассвета.

Синнури разбудила Залилума и велела ему собираться в город.

— Зачем? — удивился мальчик.

— Ты пойдешь в услужение к Белидинаму, — ответила мать. — Сам знаешь, дома совсем нечего есть. А там ты будешь сыт. Только смотри не озорничай и во всем слушайся хозяина.

Залилум хотел побежать к своему другу Ахуни, поделиться этой новостью, но мать не позволила — она торопилась поскорее явиться к купцу.

Невеселое это было путешествие. Оба молчали всю дорогу, каждый думал о своем. У Синнури сердце рывалось от горя, и она потихоньку утирала слезы. Залилум думал о том, какая жизнь ждет его в новом месте, среди чужих людей. Ему было немного страшно и вместе с тем интересно: он будет жить в городе в большом доме купца.

Наконец они добрались до города, пришли на базар в лавку Белидинама.

— А, надумала! — встретил их купец. — Ну, давай составим табличку о продаже мальчика.

Белидинам позвал писца. Тот достал приготовленную из влажной глины табличку и написал, что Синнури продала Белидинаму своего сына Залилума за

одиннадцать сиклей серебра. Вызвали девять свидетелей, записали их имена на табличке, и Залилум стал собственностью купца. И только теперь понял мальчик, что он не просто отдан в услужение, а продан, что он принадлежит хозяину, он — раб. С громким плачем кинулся он на грудь матери.

— Забери меня, уйдем! Я не хочу тут жить!

— Ничего, потерпи, сынок, — утешала его мать. — Отец поправится, мы тогда выкупим тебя, ты опять вернешься домой, — говорила она и сама не верила своим словам.

Разве смогут бедные люди скопить столько денег? Сколько раз продавали бедняки своих детей, и никому не удавалось выкупить их у хозяев.

Так Залилум из свободного мальчика сделался рабом в доме купца Велидинама.

В НЕВОЛЕ

Залилум живет в доме купца. Его не посылают работать в поле, он не грузит тяжелые тюки с товарами на баржи, не навьючивает ослов. Он слишком мал для этого — его оставили в доме прислуживать господам. Работа не очень трудная. Залилум с ней легко справляется, он всегда сыт, его даже не так уж часто бьют. Он даже привык к тому, что у него, как у всех рабов, сбриты волосы на половине головы. Слуги полюбили живого, доброго мальчика, готового всем помочь и услужить. Даже хозяйка как будто привязались к маленькому рабу. И все-таки Залилум страшно тоскует. Он тоскует по дому, по родителям, ему даже хочется поныть брата и сестру, поиграть с ними, повозиться. Он вспоминает родную деревню, далекие прогулки и своего дружка Ахуни, с которым они и играли и работали вместе, ссорились и дрались, но тут же мирились и поверяли друг другу все секреты. Залилumu даже не удалось с ним проститься. Что-то он теперь делает? Знает ли он, как грустно живет его товарищу?

Дома, бывало, мать больно отшлепает его за какие-нибудь проказы — Залилум заревет во весь голос. Впрочем, чаще всего он кричал не от боли, а для того, чтобы показать матери, что довольно его бить. А здесь он ни разу не плакал, когда его били. Он стискивал

зубы и молчал, потому что не хотел показывать, как ему горько и обидно, когда его бьют чужие жестокие люди, бьют даже тогда, когда он не виноват. И только ночью, лежа на жесткой подстилке из соломы, Залилум давал волю своим слезам. Но плакал он тихо-тихо, накрыв голову стареньким, прохудившимся плащом, который служил ему и одеялом, и одеждой в холодные, ненастные дни.

Да, трудно жить в неволе, не сметь шагу ступить без разрешения хозяина, не знать, что тебя ожидает завтра.

На днях был у хозяина важный гость, купец из Ларсы. Все утро готовили на кухне угощение. Хозяйка не раз бегала туда попробовать, хорошо ли сварилось мясо, как зажарили утку, достаточно ли сладки бобы с финиковой патокой. А когда сели обедать, Залилума послали прислуживать за столом.

Очень не понравился гость мальчику. Важный, толстый, сердитый, он с недовольным видом оглядывался вокруг и злобно смотрел на слуг, заходивших в комнату.

— Хорошо живут у тебя рабы, — обратился гость к Белидинаму, — вон какие толстые!

— Чем сытнее кормишь слуг, тем лучше они работают, — ответил Белидинам.

— Я своих не кормлю, — возразил гость. — Они сами где-нибудь свой корм промышляют. А раб у меня работает, пока не сдохнет, потом новых покупаю. Так дешевле!

Залилум не слышал, что ответил хозяин, — мальчик ушел на кухню за новым блюдом. А когда вернулся, гость хлопнул его по спине и сказал хозяину:

— Продай мальчика. У меня как раз умер такой. Мне нужен другой на его место.

У Залилума задрожали руки и ноги, он чуть не уронил на пол кувшин, из которого наливал пиво в глиняные кубки.

— Мне он и самому нужен, — ответил хозяин и, подтолкнув Залилума к двери, прибавил: — Иди, ты больше не понадобишься!

У Залилума отлегло от сердца. Как ни плохо ему в неволе, все же у Белидинама жить можно, а вот у этого купца из Ларсы было бы, вероятно, во много раз

хуже. И потом у Залилума появился тут друг. Правда, это не настоящий друг, как Ахуни, равный во всем товарищ. Его новый друг — Наби-Син, старший сын хозяина. Но все же он хороший мальчик. Не раз он выручал Залилума из беды, даже как-то спас от побоев и часто приносит ему что-нибудь вкусное с хозяйского стола. А теперь забил себе в голову Наби-Син, что надо Залилума обучать грамоте.

— Понимаешь, — убеждал Залилума Наби-Син, — если ты научишься писать и считать, отец сделает тебя своим помощником, тогда тебе хорошо будет. А когда я вырасту, мы с тобой вместе будем торговать: ты у меня главным приказчиком сделаешься.

Залилум промолчал. Неужели он всю жизнь будет рабом? Но он не стал спорить с сыном хозяина.

Каждый вечер, когда Залилум кончает работу, приходит за ним Наби-Син. Мальчики идут во двор, садятся в углу за амбаром, и начинается урок.

Наби-Син приносит мягкий кусочек глины и тонкую палочку. Залилум уже научился из этого комочка делать плоскую, круглую табличку. Потом Наби-Син оттискивает клинописные знаки и называет их.

— Ка, — говорит Наби-Син.

— Ка, — повторяет Залилум.

И так каждый урок Наби-Син показывает Залилumu десять — пятнадцать новых знаков и заставляет их выучить. Только они плохо запоминаются. Труднее всего научиться писать. Залилум берет в руки палочку и оттискивает на глине те же знаки, что и Наби-Син. Пишет, глядя на образцы, но получается совсем не то, что нужно, — криво, косо, одни черточки слишком толстые, другие так тонки, что еле видны. Плохо выходит. Совсем не умеет писать Залилум. Да и трудно ему держать заглубевшими пальцами тонкую палочку, и руки дрожат, устает он за целый день. Наби-Син сердится, кричит. А один раз даже побил Залилума, больно ударил линейкой по руке. Очень обидно стало Залилumu. Не в первый раз били его — всегда терпел. Так ведь это были чужие, старшие... А Наби-Син свой, друг называется... Конечно, Залилум мог бы дать ему сдачи, и, может быть, еще крепче, чем сам получил. Да разве ударишь!.. Наби-Син — хозяин, а он, Залилум, — слуга, раб, вещь, принадлежащая купцу.

Залилум закусил до боли нижнюю губу, молча встал и вышел.

На другой день Наби-Син пришел мириться; он пошел к сараю, где жили рабы.

— Залилум, выходи! Поиграем сегодня в шарики. Я подарю тебе самый лучший. Не будем сегодня учиться.

Залилум не отвечал.

— Ну, идем! — настаивал Наби-Син. — Я больше не буду драться. Я же не нарочно. Учитель всегда бьет нас линейкой. И мне не раз попадало от него.

Но в этот вечер Залилум так и не вышел.

Через два дня мальчики помирились.

Начались опять занятия, но толку от них не было. Залилум плохо запоминал знаки, с трудом оттискивал их на глине, они получались такие неразборчивые, что трудно было угадать их значение. И совсем не потому, что Залилум был тупым, неспособным мальчиком. Просто он очень уставал к вечеру. Весь день бегал он на побегушках. Им командовали не только хозяин и хозяйка, но и управляющий, и кухарка, и сторож, и все слуги вообще. С раннего утра носился Залилум по дому, иногда даже поесть толком не успевал. Какие уж тут занятия! Вот если бы он утром ходил в школу, как Наби-Син, наверное, и он, Залилум, не хуже его мог бы учиться. А так только ради Наби-Сина сидел он по вечерам над табличками. Да и то не всегда вечером бывал Залилум свободен.

Вот сегодня все ушли на свадьбу к брату хозяина, и не только Наби-Син пошел со старшими, но даже младших ребят взяли с собой. А слуг и кухарку отправили пораньше помогать готовиться к свадьбе и прислуживать. Дома остались только маленькая дочь хозяев, старая рабыня-нянька да Залилум.

— Будешь сидеть дома, возьми таблички и учи знаки, — приказал Наби-Син Залилumu на прощанье.

— И не подумаю, — пробурчал Залилум, но Наби-Син уже не слышал ответа — он вышел вслед за родителями.

Нянька уложила спать девочку и велела Залилumu сторожить ее, а сама тоже легла — совсем расхворалась старуха: спина у нее ныла и голова болела.

В комнате было тихо, начало темнеть. Девочка

мирно посапывала. Залилума начало клонить ко сну. Он задремал.

Но что это? Страшный крик разбудил мальчика. Должно быть, что-то испугало ребенка. Или укусило какое-нибудь насекомое. Девочка надрывалась от крика. Залилум взял ее на руки и заходил с нею по комнате.

— А-а-а, спи, спи, спи.

Но девочка не унималась. Что делать? Она никогда не перестанет плакать. Вдруг Залилум вспомнил, как его бабушка успокаивала брата и сестру, произнося над ними заклинание. Залилум много раз слышал его и хорошо помнил все слова. И, продолжая укачивать на руках ребенка, он заговорил нараспев:

Кто живет в темноте,
Прочь из потемок!
Выходи поглядеть на свет!
Кто рассердился так,
Что мать плачет?
Если это собака,
Вбросьте ей мясо!
Если это птица,
Киньте ей крошки!
Если это капризный ребенок,
Спойте ему заговор!
Пусть отец его спит спокойно,
Пусть мать его кончает работу.
Не мой это заговор,
Это заговор Нинакукутум,
Владычицы колдовства.

Мерное покачивание и ритмичный напев усыпили девочку — она затихла. Залилум уложил ее в постель и прилег около нее на полу и незаметно уснул. Ему снилось, что он снова дома, спит на циновке рядом с братом и сестрой и мать ласковой рукой гладит его по голове и шепчет: «Залилум! Проснись, Залилум!»

Он открыл глаза и увидел мать, наклонившуюся над ним и будившую его такими знакомыми и родными словами: «Залилум! Проснись, Залилум!» В первую минуту мальчик не мог понять, где он находится. Потом до его сознания дошло, что он в доме хозяина и мать пришла к нему сюда поздно вечером.

— Мать! Что случилось? Зачем ты здесь? Так поздно?

Синнури села на пол и тихо заплакала.

— Отец? — Залилум обнял мать. — С ним беда?

— Нет больше твоего отца, — зарыдала Синнури. — Злые духи не хотели оставить его в покое. Они мучили Убар-Шамаша и разрывали его грудь. День и ночь кашлял твой отец, и кровь лилась у него из горла. А потом злой дух отнял у него дыхание, и твой отец умер. Вот уже месяц, как его зарыли в землю, и теперь он в подземном царстве, откуда нет возврата. — И Синнури опять горько зарыдала.

— Почему ты раньше не пришла ко мне?

— Нельзя было.

— Как же ты живешь, мать? Одна теперь. Кто работать будет?

— Трудно без отца. Хлеб посеяли, поливали мало, плохо уродился. Убрать некому.

Залилум задумался:

— Мать, забери меня отсюда. Я работать буду. Я теперь сильный.

Синнури покачала головой.

— Белидинам не отпустит. Где я возьму одиннадцать сиклей серебра, чтоб выкупить тебя у хозяина?

Залилум вздохнул. Он забыл, что его продали, он раб. И Залилум провел рукой по своей наполовину обритой голове и печально повторил:

— Белидинам не отпустит.

Синнури встала:

— Пора идти.

Залилум проводил мать до ворот. Грустное было прощанье. Мальчик стоял рядом со стариком сторожем и глядел на мать, пока она не свернула в переулок. Потом он тихо побрел в сарай, где спали рабы, и улегся на свою соломенную подстилку. Было необычно тихо, никто еще не вернулся со свадьбы. Залилум вспоминал отца, представлял себе их опустевший дом, думал о том, как будет жить его мать, как справится она с работой. А брат и сестра? Что будет с ними? В конце концов их тоже продадут какому-нибудь богатому купцу. А ему, Залилumu, уже больше никогда не видеть свободы. Раньше, когда ему было особенно грустно, он мечтал о том, что его отец поправится, будет много работать, соберет хороший урожай, продаст зерно и выкупит сына. А теперь... Теперь отца больше нет, и Залилум будет вечно рабом.

— Не хочу быть рабом! Не хочу! — вслух простонал мальчик и сжал кулаки.

Но как это сделать, как вырваться отсюда, кто ему поможет, такому маленькому и одинокому в своем горе?

Однажды хозяин послал Залилума в кладовую на втором этаже.

Там управляющий Варадсин укладывал глиняные таблички, и Залилум должен был ему помогать. В кладовке на полках стояли плетеные корзины и большие глиняные сосуды; они доверху были наполнены клинописными табличками.

— Зачем хозяин хранит эту глину? — удивился Залилум.

— Это не глина, а документы, в них богатство нашего хозяина, — ответил Варадсин.

— Какое же богатство? — не мог понять Залилум.

— Смотри, вот корзина с договорами на землю, которую хозяин дает арендаторам, — за это ему платят большие деньги и отдают зерно. Здесь лежат долговые расписки. Много серебра и зерна дает Белидинам разным людям. Они за это проценты платят купцу.

— А если долг отдадут?

— Тогда разобьют табличку. Только редко это бывает. Видишь, сколько тут табличек в корзинке.

— Бедняк совсем платить не может. Что тогда будет с табличкой?

— Расписка останется у купца, а у должника заберут в рабство жену, или сына, или дочь. Вот так растет богатство нашего хозяина.

— И моя табличка здесь? Когда меня хозяин купил, на глине писали. И свидетели были.

— И твоя здесь. Вот в этом кувшине, где все купчие лежат.

— Купчие?

— Ну да, купчая, документ, который составляют, когда покупают товар, дом или раба. Хозяин бережет эти документы и держит их в верхней кладовке. Внизу сыро, глина размокнет, все написанное сотрется, и документ пропадет.

Сейчас Залилум вспомнил посещение кладовой. Вот бы забраться туда и выкрасть свою табличку и

разбить ее. Тогда не будет он больше рабом, опять станет свободным и вернется домой. Но как проникнуть в кладовую? Она заперта. Да и таблички не найти: Залилум не умеет читать, а без этого не разберешь, на какой записано, что он продан. Мучительно думает Залилум, как избавиться от ненавистного рабства, и не находит выхода.

Через несколько дней произошло событие, которое подсказало Залилumu, что ему надо делать.

Из дома Белидинама убежал раб Хизату. Ловкий, сильный юноша был одним из лучших работников в доме, а его веселый характер сделал его общим любимцем не только среди слуг, но даже и у господ. Сам купец относился к нему хорошо и отличал его от других рабов.

— Хозяин, — пришел как-то Хизату к Белидинаму, — я хочу жениться на Илтани из ткацкой мастерской. Возьми ее в дом служанкой, мы оба будем работать в твоём хозяйстве.

Белидинам нахмурился. Илтани была лучшей мастерицей. Ни одна ткачиха не работала так быстро и хорошо, как Илтани, и Белидинам не хотел лишиться такой искусной работницы.

— Зачем тебе жена-ткачиха? Разве мало служанок в доме? Бери любую.

— Мне нужна Илтани, хозяин. Я люблю ее. Не хочу другой.

— Будешь ты у меня мудрить! «Люблю, не люблю!» Женись на любой служанке, а об Илтани и думать забудь. Не позволю!

С грустной вестью пришел Хизату к Илтани в мастерскую. Как им быть? Как умолить хозяина разрешить им пожениться?

Когда на другой день Белидинам зашел в ткацкую мастерскую проверить работу ткачих, Илтани вскочила с места, кинулась хозяину в ноги и, заливаясь слезами, взмолилась:

— Хозяин, разреши нам пожениться! Мы всю работу будем делать для тебя. Только не разлучай нас с Хизату.

— Пошла прочь, негодная! Зачем бросила работу? Не нужна мне такая ткачиха!

И, сердито отпихнув ногой девушку, он вышел из мастерской.

А через день Илтани была продана в Ларсу хозяину рабочего дома. У него было много рабов, которых он отдавал внаем купцам и земледельцам. Ужаснее этого дома не было во всей Вавилонии. Там рабов истязали и обращались с ними хуже, чем со скотом. А хозяева, нанимавшие их на несколько дней, не жалели чужих рабов, кормили их впроголодь, лишь бы не умирали, чтоб не отвечать за них перед хозяином.

Когда Хизату узнал, что Илтани продали, он, не помня себя от гнева, вбежал в комнату и с кулаками набросился на Белидинама.

Двое слуг схватили Хизату за руки и оттащили его от хозяина.

— Свяжите мерзавца и дайте ему сто ударов, — закричал Белидинам.

Хизату увели. Тут же за ним выбежал управляющий Варадсин, и раб был избит.

В синяках и кровоподтеках, со связанными руками, лежал Хизату на глиняном полу и тихо стонал: «Пить, пить...»

Залилум несколько раз приносил воду и поил несчастного, приподняв его голову.

Глубокой ночью Залилум сквозь сон слышал возню в углу и громкий шепот. А наутро Хизату исчез.

Рассвирепевший Варадсин допрашивал слуг. Кто помог Хизату бежать? Кто развязал его веревки? Ни угрозы, ни побои не помогли Варадсину узнать правду. Все молчали и с ненавистью смотрели на Варадсина. Казалось, вот-вот лопнет терпение рабов и они кинутся, как Хизату, на своих мучителей.

Варадсин почувствовал это и поспешил удалиться.

Хизату так и не нашли. Ходили слухи, что его видели в Ларсе. Удалось ли ему выкрасть Илтани и бежать с ней, остался ли он сам на свободе или снова попал в рабство, так никто толком и не узнал.

НАБИ-СИН ЕДЕТ С ОТЦОМ В МАРИ

Поздно вечером пришел Велидинам домой. Он удивился, что Наби-Син еще не спит, но не стал его бранить, а только выслал мальчика из комнаты и приказал ложиться спать. Отец весело улыбался, с довольным видом потирал руки, что было у него признаком хорошего настроения, и, видимо, хотел поговорить с матерью о том, что с ним произошло.

«Какой-нибудь залежалый товар выгодно продал», — подумал мальчик. Не раз, бывало, после такой удачной сделки отец приходил домой веселый, довольный и хвастливо рассказывал, как он ловко надул покупателя. Но отец никогда не скрывал этого от сына: пусть слушает и учится, как надо торговать и наживать богатство. Ведь когда Наби-Син вырастет, он будет помогать отцу вести дела.

«Почему же сейчас отец выставил меня за дверь?»

Наби-Син нехотя вышел из комнаты.

Он тихо подошел к глиняной лежанке, где на разостланной циновке спал младший брат. Наби-Син снял набедренную повязку и, откинув тонкое шерстяное одеяло, лег рядом с малышом.

Из соседней комнаты доносились голоса родителей, впрочем, говорил только отец, мать изредка задавала вопросы или вставляла два-три слова.

Наби-Син прислушивался к разговору, но родители говорили очень тихо, иногда понижая голос до шепота. Все же из отдельных фраз, которые ему удалось уловить, он догадался, о чем рассказывал отец. Сегодня вечером его вызывали во дворец. Сам царь Хаммурапи дал отцу какое-то важное поручение. Отец поедет в Мари на баржах и повезет туда товары для продажи. Вот только что сказал отцу Хаммурапи? Этого Наби-Син не понял, отец как раз об этом говорил шепотом. А может быть, он и матери этого не сказал. Ясно, что здесь какая-то тайна.

— Поедем через два дня, — услышал Наби-Син громкий голос отца. — Да не забудь приготовить в дорогу и Наби-Сина. Он поедет со мной.

Как, отец берет его с собой? Наби-Син едва не задохнулся от радости. Он поедет в Мари с отцом! Он так давно ждал этого. Отец не раз обещал взять его с собой в далекое путешествие, но мать все не отпускала сына. Мало ли опасностей подстерегает путников в дороге. И дикие звери могут разорвать, и злые разбойники нередко нападают на купцов. Только и слышишь, что по дороге в Элам ограбили целый караван, где-то на юге убили купца... Мать всегда беспокоилась, когда отец уезжал. Но тут уж ничего не поделаешь. Жизнь купца полна риска, он часто в пути, с ним все может случиться. Отец Наби-Сина, купец Белидинам, богат и знаменит на весь Вавилон. Чего только нет у них в доме! Склады полны товаров, с больших полей собирают хороший урожай и доверху насыпают зерном закрома. День и ночь работают в мастерской ткачихи, делают узорные ткани, а в лавке на базаре идет большая торговля. Постоянно отправляет отец товары в разные города и даже в другие страны, изредка и сам сопровождает караваны. «Не всегда можно доверять чужим людям, нужен свой глаз», — любит повторять Белидинам. Поэтому он и Наби-Сина хочет приучить к торговле, чтобы свой помощник был в доме. Но до сих пор мать не отпускала сына в дальний путь ни с караваном, ни на баржах.

«Мал еще. Пусть посидит дома, успеет еще ездить с товарами и учиться торговать», — твердила она.

Но на этот раз отец так решительно заявил о своем намерении взять сына с собой, что мать промолчала. Она поняла: спорить бесполезно. Наби-Сину уже двенадцатый год, пора знакомиться с жизнью.

Наби-Син от возбуждения не мог уснуть. Он слышал, как отец сел ужинать. Потом пришла служанка, убрала со стола, гремя глиняными чашами и кубками. Наконец родители пошли спать. В доме погасили свет, и наступила полная тишина. А Наби-Син все еще не спал. Он мечтал о том, как он с отцом отправится в путь. То он представлял себе, как будут грузить баржи, то силился вообразить, как выглядит неизвестный город Мари. Потом ему стало казаться, что он уже плывет по реке, плавно покачиваясь в ладье, и слышит, как журчит вода. Он уснул поздно — уже было далеко за полночь.

А утром ему так не хотелось вставать! Сначала его будила старая няня: он едва поднимал голову, открывал глаза и снова засыпал. Потом пришла мать.

— Набия! Почему не встаешь? Торопись, в школу опоздаешь!

Наби-Син, даже не поворачиваясь к матери, проворчал сонным голосом:

— Не могу подняться. Голова болит, в глазах темно.

— Что ты, что ты? — забеспокоилась мать. — Не заболел ли? Может быть, сглазил тебя дурной глаз? — И она пощупала рукой лоб сына.

— Ламасум! — позвала хозяйка старую рабыню. — Принеси кувшинчик с питьем от лихорадки. Он стоит в кладовке, где лежат сушеные фрукты.

Наби-Син с отвращением выпил противное тягучее лекарство с неприятным запахом, позволил матери укрыть себя теплым одеялом и, свернувшись калачиком, крепко уснул.

— Спи, сынок, — сказала мать, уходя из комнаты. — Если к вечеру не пройдет, позовем из храма жреца Шамаш-Хасира: он хорошо умеет прогонять злых духов и лечит от всякой болезни.

Через два часа Наби-Син проснулся. Веселый, здоровый, он хотел бежать во двор.

— Набия, куда ты? Не смей выходить, ты болен! — в один голос закричали мать и няня.

Наби-Син удивленно остановился. Он чувствовал себя совершенно здоровым и совсем забыл о том, что утром у него «болела» голова.

И все же в этот день ему не позволили выходить из дому. Наби-Син был очень рад, что не надо было идти в школу. Всю прошлую неделю он почти не готовил уроков. Отец поздно приходил домой и не успевал проверить, как Наби-Син переписал табличку и выучил на память текст. Вчера учитель потерял терпение и побил Наби-Сина да еще пригрозил, что пожалуется отцу. Сначала угроза учителя не испугала Наби-Сина. Что ему сделает отец? Бить не станет, только отругает. Но теперь, когда Наби-Син узнал, что отец хочет его взять с собой, жалоба учителя была бы нестати. А что, если отец рассердится и оставит его дома? Лучше об этом не думать.

Очень скоро Наби-Сину надоело сидеть одному в комнате. Чем заняться? Может быть, все-таки выучить уроки? Нет, скучно, может разболеться голова. Лучше позвать Залилума и поиграть с ним в школу.

— Мать! Пришли Залилума, я хочу с ним играть.

Через несколько минут Залилум вошел в комнату.

— Зачем звал меня?

— Садись, учиться будем!

— Опять? Не хочу играть в школу.

— А я тебе говорю — садись! Я твой учитель, и ты должен меня слушаться.

Залилум пожал плечами и покорно сел на пол, скрестив ноги. Наби-Син достал комочек глины и протянул его Залилumu:

— На, сделай табличку.

Залилум опустил глину в чашу с водой, скатал шарик и примял его ладонью — получилась круглая плоская табличка.

— Так, хорошо, — похвалил Наби-Син, потом взял табличку и провел на ней несколько ровных линий. — Ну, теперь возьми палочку и пиши.

— Что писать? — удивился Залилум.

— Пиши знаки, которые я тебе показывал.

Залилум с трудом запоминал уроки Наби-Сина. А после посещения матери он обо всем позабыл. Всю последнюю неделю он думал только о смерти отца и мечтал о побеге.

— Я не помню ничего, мы давно не играли в школу, — тихо сказал Залилум.

— Ты ленивый ученик! — Наби-Син строго посмотрел на Залилума. — Вот моя табличка, списывай!

Залилум дрожащей рукой оттиснул на влажной мягкой табличке несколько знаков. Они получились кривые, некрасивые.

— Твоя рука очень плохо пишет сегодня, — важно сказал Наби-Син, подражая учителю, и хотел ударить Залилума, но, вспомнив прошлую ссору, опустил палку.

— Я не буду писать! — И Залилум решительно отложил в сторону тростниковую палочку. — Вот если бы ты научил меня читать, тогда... — Залилум запнулся и умолк.

Он подумал, что, если бы он умел читать, ему лег-

ко было бы найти «свою» табличку и разбить ее. Тогда он снова сделался бы свободным и ушел домой, к матери. Но он не хотел говорить об этом Наби-Сину.

— Ну что ж, давай читать, — согласился Наби-Син.

Он достал табличку, на которой были написаны различные клинописные знаки, и положил ее перед Залилумом.

— Вот смотри — это знак ноги. Его можно читать «алаку» — ходить, «узузу» — стоять, «вабалу» — приносить. Ну, теперь ты читай.

— Алаку, узузу, вабалу, алаку, узузу, вабалу, — покорно повторял Залилум.

— А это звезда «шаму» — небо, «илу» — бог.

— Шаму, илу, — старательно произносил ученик, внимательно вглядываясь в клинопись.

— Теперь, — сказал Наби-Син, припоминая уроки учителя, — выучи слоги: знак ноги — это «ду, гин, губ, гуп, ра, тум»; знак звезды...

— Набия, остановись! Я не понимаю, какие слоги. И как можно один знак читать по-разному?

Наби-Син растерялся. Он вызубрил много знаков и умел их читать, но он не знал, как объяснить Залилуму, что одним и тем же знаком можно писать и целые слова, и различные слоги.

— Так говорил нам учитель, — ответил Наби-Син.

— Набия! Мне никогда не выучиться читать, я не могу запомнить знаки, они все одинаковые, а читают их по-разному. — Залилум грустно опустил голову. Нет, не найдет он «свою» табличку, не вернется домой.

— Да ты не огорчайся, Залилум, — утешал его Наби-Син. — Мне тоже сразу трудно было. А теперь слушай, как я читаю.

И, взяв табличку, Наби-Син начал говорить нараспев, стараясь подражать интонациям учителя:

Хаммурапи прославил на вечные времена
Величие своей власти.

Хаммурапи — царь, могучий вонтель,

Сокрушитель своих врагов.

Он как ураган во время битвы.

Он унизил страну своего врага.

Он уничтожил всякое сопротивление

И положил конец восстанию.

Он сокрушил вражеские силы,
Точно глиняные статуи.
Он преодолел препятствия
Непроходимых гор.

Наби-Син кончил.

— Ну, теперь будем говорить вместе: «Хаммурапи прославил...» — начал он.

Залилум молчал.

— Да что же ты? Говори...

— Не буду говорить. Не хочу играть в школу...

— Ну, не хочешь в школу, другое что-нибудь придумаем.

— Не надо другого. Ничего мне не нужно...

— Да что ты такой скучный сегодня? Ничего не хочешь!

— Мать ко мне приходила, — тихо ответил Залилум. — Отец умер. Как они теперь жить будут?

Наби-Син с участием посмотрел на товарища:

— Отец?

Залилум кивнул головой.

Наби-Син огорченно вздохнул:

— А ты же у нас живешь. Ведь тебе не плохо, никогда голодным не ходишь. Ты всегда с нами будешь.

Залилум ничего не ответил. Опять Набия говорит так, будто Залилум никогда от них не уйдет, вечно будет рабом.

«Нет, — подумал Залилум, — после того как убежал Хизату, я знаю, что мне делать. Бежать и никогда не возвращаться сюда...» Но вслух он этого не сказал.

— Я пойду, — прошептал Залилум и встал.

Наби-Син не удерживал его, он понимал: у Залилума большое горе.

— Иди! Не плачь, Залилум. Мы всегда будем с тобой. Я твой друг, я не позволю тебя обижать.

Залилум вышел.

Вдруг Наби-Син услышал из соседней комнаты голос отца. Но что это? С кем он разговаривает? Учитель! Наби-Син похолодел. Зачем он пришел? Вчера Набия не выучил урока, сегодня не ходил в школу!.. Учитель пришел жаловаться на него отцу, и отец не возьмет его с собой в Мари! Все пропало... Никто ему не поможет! Наби-Син едва удержался от слез.

— Набия! — позвал Белидинам сына.

Мальчик вошел опустив голову.

— Учитель говорит, ты не учишь уроков, плохо пишешь, не можешь рассказать на память, что написано на табличке, — строго сказал отец.

Наби-Син молчал. Губы у него дрожали, он не мог проговорить ни слова. Но тут учитель вмешался в разговор:

— Вчера он не знал урока, я побил его плетью. А сегодня Наби-Син совсем не явился в школу. Я пришел к тебе, Белидинам, с жалобой на него. Накажи сына. Пусть он слушает учителя и учит уроки, тогда он будет ученым человеком.

Белидинам нахмурился и сурово посмотрел и на учителя, и на сына. Отец рассердился на Наби-Сина за то, что он плохо учился. Белидинам был недоволен учителем, который посмел ударить его сына, наследника богатого купца. Надо поставить на место бедного учителя и показать ему, с кем он имеет дело, кого обучает.

Белидинам пригласил учителя пообедать с ними. Он позвал жену и распорядился, чтобы приготовили угощение. Через некоторое время их позвали, и Белидинам с сыном и учителем вошли в комнату, где был накрыт стол. В высоком кувшине налито холодное пиво; в корзинке лежали фрукты — яблоки, груши; в глиняной миске было редкое угощение — кусок жирной баранины. Даже в таком богатом доме, как у Белидинама, мясо подавали лишь несколько раз в год, потому что его трудно было сохранять. Но отец ничего не пожалел, чтобы показать учителю, с каким богатым человеком тот имеет дело.

Все сели за стол. Отец и учитель — на складные стулья с сиденьем из толстой ткани, мать и Наби-Син — на скамейки. В комнату вошел Залилум. Он принес кувшин с водой и глубокую чашу, чтобы хозяева вымыли руки перед обедом. Прежде всего мальчик подошел к Белидинаму, но тот указал на учителя.

— На прошлой неделе я был у родителей Кулалума, — сказал учитель, подставляя руки под холодную струю и вытирая их полотенцем. — Там мне прислуживал сам Кулалум. Он и на руки мне поливал воду, и кушанья подносил.

Наби-Син хотел встать и заменить Залилума, но отец взглядом остановил его.

— В доме у Кулалума немного слуг. Ведь отец его — простой писец, поэтому учителю прислуживал ученик. Ну, а у нас дома, слава Мардуку, достаточно и слуг, и рабов, и мой сын никому не должен прислуживать!

Учитель, опустив глаза, принялся за еду. После мяса подали горох с чесноком, бобовую кашу, посыпанную зеленой пахучей травкой, и, наконец, мучные лепешки, сваренные в финиковой патоке. Учитель с удовольствием ел жирные и остро приправленные блюда, запивал их холодным пивом.

А Белидинам в это время расспрашивал о занятиях, об успехах Наби-Сина, советовался, как исправить почерк сына.

— Правда, Наби-Син не будет писцом, как Кулалум, — прибавил Белидинам, — но, когда мальчик вырастет, ему придется вместе со мной вести большую торговлю и тогда ему понадобится и умение писать, и хороший почерк.

— Для этого надо прилежно готовить уроки и не опаздывать в школу, — заметил учитель.

— Это верно, — согласился Белидинам. — Только не всех учеников нужно одинаково учить. Одним помогает плетка, другим вовремя сказанное слово.

Учитель понял намек. С сыном богатого купца надо обращаться осторожно; даже если он виноват, его нельзя наказывать, как других ребят.

Обед был окончен. На прощанье Белидинам подарил учителю кольцо и новый плащ из узорной ткани с бахромой.

Учитель надел кольцо на палец, бережно сложил плащ, низко поклонился купцу и поблагодарил за подарки.

Прощаясь с учителем, Белидинам сказал, что он уезжает на днях в Мари и Наби-Син поедет с ним, так что мальчик пропустит занятия. Учитель обещал заниматься с Наби-Сином отдельно.

— Смотри только, слушайся меня и прилежно учись, — сказал он на прощанье Наби-Сину. — Тогда ты будешь лучшим учеником в школе и вырастешь хорошим помощником своему отцу.

Теперь Наби-Син поверил в то, что он действительно поедет с отцом, что разговор, услышанный ночью, не приснился ему и что отец простил ему плохое поведение в школе и не оставит его дома.

Отъезд был назначен на другой день. Весь вечер прошел в сборах в дальний путь. Во дворе, около накалившейся печки, сидела старая рабыня. Она доставала из большого глиняного горшка кусочек теста, делала плоскую лепешку и ловким движением кидала ее в печь так, чтобы тесто прилипло к стенке. Готовые румяные хлебцы уже горой лежали на блюде около печки. На кухне тоже пекли и варили, готовили провизию на дорогу; слуги бегали из комнат во двор, на кухню и обратно в дом, укладывали вещи, увязывали тюки. Вольше всех суетились Наби-Син и Залилум. Наби-Сину казалось, что он помогает собираться в дорогу. Залилум надеялся, что, когда уедет хозяин, легче будет убежать. Наконец сборы были окончены, все легли спать.

ПОБЕГ

Еще не взошло солнце, а рабы погрузили тюки и мешки с товарами на баржи, и Велидинам с сыном отправились вверх по реке, в Мари.

Вечером хозяйка с младшими детьми уехала к сестре в Ворсиппу, город, расположенный к югу от Бабилы. Управлять хозяйством Велидинам оставил Варадсина. Он должен был наблюдать за всеми работами дома, в лавке и в поле. Подошло время жатвы. Погода стояла жаркая, солнце палило уже с раннего утра.

Если не убрать вовремя хлеб, то все зерно упадет на землю, останутся пустые колосья. Поэтому не только домашних слуг, но и плотников, кузнецов Варадсин отправил в поле. Даже закрыли ткацкую мастерскую и всех ткачих послали на уборку.

Двор опустел. Дома остались только две старухи рабыни, сторож и Залилум. Варадсин приходил домой поздно, после захода солнца.

У Залилума было много свободного времени, он слонялся по двору без дела и с тоской смотрел на запертые ворота.

Прошло два дня. Под вечер, раньше обычного, вернулся Варадсин. За ужином ему прислуживал Залилум.

— Сбегай в лавку, позови Иккатума. Пусть захватит с собой все таблички. Сделаем записи для хозяина. Приедет, будет спрашивать.

Залилум направился к выходу.

— Да смотри не бегай по улицам, возвращайся немедленно, — крикнул ему вдогонку Варадсин.

— Ты куда идешь? — спросил сторож, когда Залилум попросил открыть ворота.

— В лавку. Варадсин велел. — И Залилум выбежал на улицу.

Базар был недалеко, поэтому Залилум быстро добежал до лавки хозяина.

— Иккатум! Иди домой, Варадсин зовет тебя. Да не забудь захватить с собой все таблички.

— Зачем?

— Не знаю. Варадсин говорил, что надо.

Иккатум начал собираться.

— Я бегу домой, — сказал Залилум. — Варадсин не велел задерживаться. — С этими словами мальчик вышел на улицу.

В этот поздний час базарная площадь уже опустела. Залилум пересек ее и пошел по улице, которая вела к дому. Вдруг он остановился: «Зачем я иду туда? Отсюда так просто убежать».

Он оглянулся. Пусто, никого не видно. Тогда Залилум повернул в сторону и пошел по улице медников. Солнце зашло, наступили сумерки. Залилум прошел по переулку и попал в тупик. Пришлось идти обратно. Наконец, пройдя несколько кривых узких улиц, он вышел на широкую дорогу, которая вела к городским воротам. Когда он до них добрался, сделалось уже совсем темно. Ворота оказались запертыми. Теперь до самого рассвета никто не войдет в город, никто не выйдет. И не только эти северные ворота были на запоре, а вообще все городские ворота были закрыты — нигде не было ни входа, ни выхода. Город как крепость. Залилум стоял, растерянно глядя на закрытые ворота. Как быть, куда идти? Сидеть тут до утра — поймают...

— Ты что тут околачиваешься? — услышался сердитый окрик сторожа. — Уходи, пока цел!

Залилум вздрогнул. Идти обратно? Ни за что! Но куда? Улица темная, глухая, все дома на запоре. За высокими белеными стенами ничего не слышно. Тишина. Вдруг в одном домике приоткрылась дверь, узкая полоска света прорезала тьму и легла на дорогу. Из домика доносился глухой шум. Да ведь это трактир. Залилум помнил, что он недалеко от ворот.

« Попрошусь переночевать, — подумал Залилум, — а утром пораньше уйду ».

Он подошел к трактиру и поднял циновку, закрывавшую дверной проем.

В небольшой комнате стояли четыре длинных стола. На широких, как кровати, глиняных скамьях сидели бородатые мужчины в длинных одеждах и громко разговаривали. Они прямо из общей миски брали руками вареную рыбу, овощи и запивали пивом из глиняных кубков. Вдоль стен лежали мешки и большие тюки.

— Должно быть, купцы из дальних мест, — подумал Залилум. — А где же хозяин?

А вот она, старая толстая трактирщица, стоит в углу у стола, где разбросаны игральные кости. Там о чем-то горячо спорят старик с бородой и смуглый юноша: вот-вот начнется драка, и хозяйка их успокаивает. Замолчали и опять сели играть. Хозяйка подняла голову и увидела мальчика.

— Ты откуда? Что тебе надо?

— Я отстал от каравана, заблудился. А теперь ворота закрыты, и мне некуда идти. Позволь переночевать. Утром я уйду догонять своих.

Хозяйка подозрительно прищурилась. Не похоже на правду. Никакого каравана тут вечером не было. Да и кто же отправляется в дорогу на ночь глядя. Ведь и днем путь не безопасен.

« Должно быть, беглый », — подумала трактирщица.

— Ну ладно, оставайся, — сказала она мальчику.

А про себя решила не выпускать его: пусть помогает — в трактире дел много. Немного опасно прятать беглого. Да вряд ли его искать будут: он хилый, маленький. Кому нужен такой?

Ночь прошла. Утром Залилум хотел уйти, но хозяйка его не отпустила.

— Переночевал, поел, а потом бежать? Отработай, тогда уйдешь.

И Залилум остался в трактире.

С утра до вечера носился он по трактиру, приносил еду, раздавал вино, убирал грязную посуду, помогал хозяйке у очага. И только поздно вечером, когда все расходились, мальчик ложился спать в углу чулана, недалеко от хозяев.

«Что же такое? — с тоской думал он. — Ушел от Белидинама, а попал на постоялый двор. Еще хуже стало. Ни минутки свободной». И не один раз уже за этот день били его и хозяин, и хозяйка, и даже постояльцы. Надо бежать, бежать как можно скорее, пока совсем не погиб. Но Залилум скоро заснул от усталости, а наутро все опять началось сначала.

Прошло два дня.

— Что у тебя за мальчишка прислуживает? Откуда взял? — спросил как-то хозяина высокий, плотный мужчина.

Залилumu его лицо показалось знакомым. Да это приказчик соседа из лавки, что рядом с лавкой Белидинама.

— Купили у проезжих купцов, — ответила трактирщица.

— Так ли? А документ о покупке есть у тебя? И свидетели тоже? Смотри не попадись. Слышал, у Белидинама мальчишка-раб сбежал? Не он ли? Найдут его, тогда тебе несдобровать. Сама знаешь — закон...

— Да нет, это мой, купленный, — ответила хозяйка. — И чего ты под ногами вертишься? — закричала она на Залилума. — Иди отсюда! И не шлейся здесь больше! — И, дав мальчику подзатыльник, она выгнала его из комнаты.

Весь вечер хозяйка была беспокойна. Стоило Залилumu показаться в комнате, как его немедленно выставляли оттуда, а затем хозяйка необычно рано отравила его спать.

В середине ночи Залилум проснулся — хозяйка с мужем о чем-то довольно громко разговаривали в комнате рядом с чуланом. Залилум прислушался.

Взволнованно говорила трактирщица:

— Понимаешь, у Белидинама сбежал мальчишка. Это он и есть. Сегодня его узнал один купец, а завтра и сам Белидинам дознается, где его беглец. Тогда конец нам. Беда, если найдут беглого раба. Скажут, спрятали—все равно что украли. За это по закону смерть.

— И что это у Белидинама рабы бегут? Всего месяц прошел, как от него ушел раб Хизату. Говорят, его видели в Ларсе.

— Приезжий купец рассказывал, что Хизату убили в каком-то трактире.

«Бедный Хизату убит!» — огорчился Залилум.

Услыхав знакомое имя, Залилум стал прислушиваться к разговору еще внимательнее.

— Как — убили? — удивился трактирщик.

— Какой-то купец взял Хизату к себе, не зная, что это беглый раб. Один раз пошли они в трактир, а там были люди Белидинама. Они узнали Хизату и обвинили купца в краже. Ты, говорят, укрыл беглого раба, тебя за это казнить надо. Тогда купец задушил Хизату.

— Правильно сделал, — сказал хозяин. — За убитого раба только штраф платят. А кто беглого раба прячет, тому за это смерть. Спрятать раба — все равно что украсть!

— Что же будем делать с мальчишкой?

— Эх, не надо было с ним связываться. Да теперь поздно об этом говорить. Ну ладно, спать пошли. Завтра что-нибудь придумаем.

Хозяева улеглись, в комнате наступила тишина.

Залилум слышал весь разговор. Он лежал, сдерживая дыхание, но у него так сильно стучало сердце, что ему казалось, будто стук его слышен не только в доме, но даже на улице.

«Значит, Хизату погиб, — опечалился Залилум. — Убежал от одного хозяина, а другой убил его... А что же будет со мной?» — подумал мальчик.

Приказчик соседа часто бывает в доме у Белидинама. Завтра обо всем узнает Варадсин, и трактирщики вернут хозяину беглеца. А вдруг трактирщик убьет Залилума, задушит, как Хизату?

Рыдания подступили к горлу, но Залилум сдержался. Тихо. Нельзя плакать. Пусть хозяин думает, что он спит и ничего не знает. Залилум лежал с открытыми

глазами и вслушиваясь в тишину; ее нарушали только мерное дыхание хозяйки и храп хозяина.

Залилум встал, опять прислушался. Тишина. Спят. Еле слышно, на цыпочках, он вышел из чулана, прошел через большую комнату и тихо отодвинул засов. Открыл дверь. Она заскрипела, храп прекратился. Залилум замер в страхе, стараясь не дышать. Нет, все спокойно. Хозяин только повернулся на другой бок и снова захрапел. Залилум вышел и прикрыл за собой дверь.

На дворе совсем темно. Высокое черное небо усеяно яркими звездами. Мальчик облегченно вздохнул, почувствовав себя на свободе. Он пошел к городским воротам, сел на землю и стал дожидаться рассвета.

«Только бы не уснуть, — думал он, — а то проворишь время, когда открывают ворота. Тогда все пропадет: поймают, если не уйдешь рано».

Он поднял голову и стал рассматривать звезды. Сколько их — не сосчитать... Вон, почти прямо над головой, яркая, самая большая — это звезда бога Мардука, царя богов. Наби-Син научил Залилума узнавать звезды. А вон другая, мерцает и горит красным светом, — звезда страшного бога Нергала, бога войны. Сколько их там? Так много, что всех не запомнишь.

Постепенно небо начало светлеть, на востоке появилась бледно-розовая заря, звезды померкли. И только одна звезда, большая, яркая, засияла голубым светом в лучах утренней зари.

Это утренняя звезда богини Иштáр. Значит, скоро утро. Залилум подошел к воротам. Там уже собирался народ. Тут были и гонцы, которых царь Хаммурапи посылал с письмами в разные города, и караваны купцов с товарами, навьюченными на ослов, путешественники отправлялись по делам в разные места и даже в чужеземные города.

В этой суতোлке Залилум надеялся незаметно пройти через ворота. Однако стражники внимательно проверяли всех, кто шел мимо них.

— Ты куда? — схватил стражник Залилума за плечо. — Где твой хозяин?

Залилум растерялся. Он машинально провел рукой по своей наполовину обритой голове и испуганно ответил:

— Я потерял его. Он, наверное, вышел уже и...

— Никуда он не выходил, — грубо оборвал его стражник. — Сиди тут и дожидайся! — И он оттолкнул мальчика от ворот.

Залилум отошел в сторону и сел на камень у дороги. Мимо проходили люди; одни торопились, другие шли медленно и важно, но все были заняты своими делами и никто не обращал внимания на мальчика, одиноко сидевшего на камне.

Залилumu хотелось плакать, но он сдерживал слезы. Неужели ему не удастся выйти из города и он опять должен будет вернуться к хозяину и навечно остаться рабом?

ВВЕРХ ПО РЕКЕ .

Третью неделю плывет Наби-Син по реке. Вода стоит высокая, берега топкие. Рабы дружно налегают на лямки и тянут суда, но ноги вязнут в мокром песке, идти тяжело, и суда медленно подвигаются вверх по Евфрату. Река так широка, что Наби-Сину кажется, что он плывет по морю. Но он прекрасно знает, что Евфрат — река длинная, широкая и течет она с далеких высоких гор до самого моря. Так объяснял им учитель в школе.

А какие зеленые берега у Евфрата! Каждый день с самого утра до вечера, пока светло, не перестает ими любоваться Наби-Син. Вначале долго плыли мимо селений с небольшими фруктовыми садами. Чего тут только не было — абрикосы, яблони, груши, черешни, гранаты... Но, пожалуй, лучше всех рощи финиковых пальм. Густая, сочная трава покрывает зеленым ковром луга, на которых пестреют яркие цветы. Наби-Син никогда не видел в городе таких красивых. Хорошо плыть, когда стоит высокая вода. Летом Евфрат войдет в берега и начнется жара: тогда выгорит трава, увянут цветы, пожелтеет камыш. И только пальмы, у которых очень длинные корни, будут шелестеть своими пышными листьями. Недаром говорят про пальму, что это дерево любит, чтобы ноги у него были в воде, а голова в огне.

За последние дни селения встречались все реже. Около глиняных домиков стояли фруктовые деревья.

На полях, изрезанных каналами, работали люди. На берегу канала, около небольшого фруктового садика, стоял высокий столб с качающейся перекладиной, к одному концу которой была прикреплена бечевка с глиняным ведром.

— Отец, смотри, какой странный столб, — удивился Наби-Син.

— Это шадуф, — отвечал отец. — Летом, когда начнется засуха, ведром наберут воду из канала и будут поливать деревья в садах.

— Кто это делает?

— Здесь — сами земледельцы.

— А у нас?

— У нас — рабы, — важно отвечает Велидинам.

— Смотри, смотри, вон опять селение, и опять на высоком холме. Почему все селения на холмах?

— Это не холмы, это насыпи. Их сделали люди. Много лет стоят здесь селения. Берега Евфрата низкие и ровные, река во время разлива заливает всю долину. Глиняные домики разрушались от наводнения, а на их развалинах строили новые дома. Так продолжалось очень много лет. За это время выросли большие насыпи, совсем как холмы, и теперь наводнение уже не страшно — вода не доходит до селения.

— Ты говоришь — давно. Двадцать лет? Или даже сорок? — поинтересовался Наби-Син.

— Что ты, сынок, гораздо больше.

— Значит, сто!

— И даже не сто, а много сотен лет.

Наби-Сина занимает все. Он без конца задает вопросы, все ему хочется знать.

Сверху вниз по течению то и дело идут суда, большие и маленькие, груженные деревом, камнем, металлом. Это строительный материал, его везут в Вавилон. Ведь там нет ни лесов, ни гор. Жилища строят из глины и тростника; его много в долине, в нижнем течении Евфрата, а для храмов и дворцов нужны дерево и каменные плиты. Вот проплыл калакку — плот на надутом воздухе кожаных мешках. Изредка проходят деревянные суда. Они не велики. Дерево — дорогой материал. Обычно на них везут товары купцов из страны Хатти, где много лесов на склонах Сереб-

ряных гор¹. Чаще всего встречаются легкие тростниковые ладьи с загнутыми кверху носом и кормой, такие, на какой плывет сам Наби-Син. Иногда попадаются совсем круглые суда из тростника, обшитые снаружи кожей. Когда несколько судов одновременно идут по реке, раздаются звонкие голоса. Гребцы перекликаются друг с другом, купцы, встретив знакомых, спрашивают, как дела, какие товары лучше продаются, хороши ли барыши. А однажды Наби-Син очень удивился, когда мимо них прошла круглая ладья, на которой везли не только доски, но и осла.

— А осел зачем? Разве их мало в Бабили? — смеясь, спросил мальчик у Рибамили, который, стоя у кормы, держал рулевое весло.

— Они везут осла не для продажи, — ответил Рибамили. — Когда купцы распродадут свои товары, они выбросят тростниковые стенки и дно, а кожу погрузят на осла и вернутся домой сухим путем. На такой лодке трудно плыть вверх по реке, даже если ее будут тащить на веревках. Это не то что наша узкая ладья — она легко скользит по воде.

И Рибамили повернул весло влево, чтобы обойти небольшой островок.

Наби-Син успел подружиться со старым Рибамили. Много лет плавает Рибамили по реке и знает ее так хорошо, как свой дом. А сколько всевозможных историй рассказывает Рибамили!.. Не раз случались с ним различные приключения, бывал он и в опасных переделках, на волосок от смерти. Вот вчера Рибамили рассказал Наби-Сину о том, как однажды на судно, где он плавал, напали грабители. Темной ночью два разбойника подплыли к ладье. Один успел уже влезть в нее, другой только схватился за борт. Рибамили стоял у руля. Он не растерялся — сильным ударом весла оглушил грабителя, тот свалился за борт. Второй испугался и, подхватив упавшего товарища, поплыл с ним к берегу.

Сейчас Наби-Син подсел к Рибамили, надеясь услышать что-нибудь интересное.

— Рибамили, я сегодня всю ночь не спал,

¹ Так называли в Вавилонии горы Тавра (в нынешней Турции), где добывали серебро.

— Да ну? Разве мешок с шерстью, на котором ты спишь, набит камнями, тебе было больно лежать?

— Не смейся, Рибамили! Ночью кто-то плакал и кричал на берегу. Я проснулся от этих криков и испугался. Не разобрал со сна, что это шакалы воют. Потом уснуть не мог. Все казалось, что вдруг они прыгнут в ладью. Ведь мы идем почти у самого берега.

— Ну, шакалов не надо бояться. Они не трогают людей, они падалью питаются. Только воют по ночам очень противно. А вот со мной был случай, — прибавил старик, — я тогда чуть не поседел от ужаса, хотя мне было немного лет.

У Наби-Сина загорелись глаза :

— Расскажи, Рибамили! Пожалуйста!

— Ну ладно. Слушай! — Рибамили помолчал немного, собираясь с мыслями. — Давно это было. Я только два года плывал по реке, руль мне еще не доверяли, я был гребцом, сидел на веслах. Груз у нас был ценный: везли сверху, из страны Хатти, серебро. Его там в горах добывают, недаром эти горы называют Серебряными. С нами на судне ехали два воина, у каждого было копьё и лук со стрелами. Они охраняли мешки с серебром. Совсем уже близко было до Бабилы, через день надеялись подойти к пристани, последнюю ночь шли по реке. Тишина стояла кругом. Только чуть слышно было, как весла всплескивали воду. Луна взошла, все видно было как днем. Мы шли у самого берега, покрытого густыми зарослями травы и тростника. Вдруг раздался страшный крик. Никто не может без страха слышать это протяжное, воющее рычание. Звери стремглав кидаются в сторону и бегут без оглядки: они знают, что только быстрые ноги могут их спасти от гибели. А у человека от этого воя начинают дрожать руки и ноги и сердце сильно колотится в груди, будто хочет выскочить. Так кричит только голодный лев, когда он собирается на охоту. Горе тому, кто попадет на его дороге. Вот и все мы замерли в лодке. Крик повторился. Зашумел камыш. И тут мы увидели большого, сильного зверя с пышной гривой. Он вышел из зарослей и стал на берегу, почти у воды. Должно быть, кто-то потревожил льва, и он рассвирепел. Вдруг лев прыгнул прямо на нас. Только он не смог попасть в лодку, а вцепился лапами в борт. Если бы ему удалось

вскочить к нам, мы бы погибли. Но тут один воин выстрелил из лука и попал в глаз зверю. Лев взвыл от боли. Тогда второй воин метнул копье и попал льву в шею, в то место, где у него бьется кровь, и она сильно полилась из раны. Даже вода кругом потемнела, это было видно при лунном свете. Тут я и опомнился от ужаса и ударил льва ножом по лапам, вцепившимся в борт лодки. Но это уже было лишнее. Лев был ранен насмерть, он ослабел, больше не мог держаться и упал в воду. Так мы спаслись от льва.

— Ну, а что потом? Вы достали его из воды?

— Нет, — ответил Рибамили. — Мы так были напуганы, что сразу не могли прийти в себя. Ну, а потом уж поздно было искать его в реке. Лодку сильно отнесло вниз по течению... Ну, хватит на сегодня, — сказал старик, берясь за весло. — Видишь, лодку отнесло от берега. А вон и хозяин идет. Как бы он не рассердился, что мы болтаем! Иди отсюда.

Наби-Син нехотя встал и пошел на нос. Он сел на мешок и, глядя вниз на реку, снова переживал рассказ Рибамили. Он так живо представил себе лунную ночь, страшного, рычащего льва, схватку со зверем, что ему казалось, будто все это происходило с ним самим.

«Вот это жизни! — думал мальчик. — Она полна опасностей и разных приключений». А что у него? Каждый день утром он идет в школу, отвечает урок, пишет на глиняной табличке и учит новый урок к следующему дню. Скучно. Ну ничего, отец говорит, что через два года, когда Наби-Син кончит школу, он будет помогать отцу. Тогда и он, Наби-Син, будет ездить в далекие страны, с которыми ведет торговлю отец. Он попадет и в страну Хатти, расположенную в горах, где добывают серебро, в царство Угарит на берегу Великого моря Заката¹. Оттуда везут медь, высокие, ровные стволы ливанских кедров и пурпурные ткани, из которых делают дорогие одежды. Пожалуй, это будет еще интереснее, чем путешествие Рибамили по одной реке. Только раньше надо кончить учебу. Ну что ж, ради этого можно потерпеть.

Но сейчас об этом не стоит думать. Его мечта осуществилась — он едет с отцом в далекий город Мари,

¹ Море Заката — так называли вавилоняне Средиземное море.

о котором он так много слышал от отца. И школа, неприятности, уроки — все забыто! А сейчас они приближаются к небольшому городу, расположенному у самого берега. У пристани стоит множество различных судов. Баржи Белидинама и его компаньона Наратума подошли к причалу. Сидящий на носу раб спрыгнул на берег и привязал баржи к столбам. К купцам спустился в лодку чиновник и потребовал у них таблички с разрешением на вывоз товаров. Затем он пересчитал мешки, проверил, что в них лежит, и пошел к главному начальнику. Вместе с ним отправился и сам Белидинам. Все оказалось в полном порядке, и разрешение двигаться дальше было получено. Белидинам облегченно вздохнул, когда они отчалили от пристани и снова пошли вверх по реке.

— Сегодня все быстро окончилось, — сказал он Наратуму. — Не всегда бывает удача. Иногда чиновники так придираются, что на сутки задерживают суда.

— Мы же недаром ходили в храм к жрецу, чтобы узнать, можно ли выехать в намеченный нами день и нет ли плохих предсказаний, — ответил Наратум.

— Да, день был выбран удачно. Жрец сказал, что расположение звезд благоприятствует началу путешествия по торговым делам... Не помешал, конечно, и мешок с финиками, который я подарил начальнику... — прибавил Белидинам.

Наби-Син не принимал участия в этих разговорах. С самого начала путешествия для него все дни были удачными и счастливыми. Только что он сидел на носу, смотрел, как отчаливают, а теперь снова примостился около Рибамили.

— Смотри, мальчик, на город, пока он совсем не скроется из виду, и прощайся со своей страной! Отсюда начинаются чужие земли.

— Наконец-то чужие земли! — У Наби-Сина загорелись глаза. — Мы совсем уже далеко от дома!

— Скоро еще дальше будем, — ответил Рибамили.

Много дней уже плывет Наби-Син по реке, и все не надоело ему любоваться берегами. Селения стали совсем редко попадаться. Зато зеленые рощи были повсюду.

— Рибамили! — спрашивал Наби-Син своего друга. — Смотри, как здесь много деревьев, почему же финиковые пальмы так редко встречаются? У нас мало деревьев, но зато кругом целые рощи и сады из пальм.

— Финиковая пальма боится холода, — ответил Рибамили, — здесь финики не успевают созревать.

— Какой холод? Жарко так, что днем дышать трудно!

— Это летом стоит зной. А зимой тут дуют холодные ветры и даже иногда выпадает снег.

— Снег?! — удивился Наби-Син. — Что это — снег? Какой он? Я никогда не видел снега.

— Ты не мог его видеть, Набия. У нас в Бабили никогда не бывает снега. Он идет вместо дождя, когда холодно. Маленькие белые пушинки падают на землю и сразу тают. А в горах, когда зима наступает, они лежат на земле и покрывают ее белым одеялом. Будешь ездить в горы на север, тогда увидишь.

Широко раскрытыми глазами смотрел Наби-Син на рулевого, внимательно слушая все, о чем говорил старик.

— Рибамили, — попросил однажды Наби-Син, — расскажи, как ты жил, когда был маленьким.

— Давно это было, сынок, я уж не помню, сколько мне лет. Еще не родился наш царь Хаммурапи, правил тогда его дед Апильсин... — Рибамили помолчал. — Отец мой всю жизнь был бедняком. Мать вместе с ним работала в поле, братья им помогали...

— А ты, Рибамили?

— Я тогда совсем маленьким был. Не помню ни отца, ни братьев и дома своего не видел никогда.

— Как это? Ни дома, ни отца не знаешь?!

— Слышал, есть такая пословица: «Бедняк живет ценою своих детей»?

— Ценою детей? Я не понимаю.

— Это значит, что, если бедняку нечего есть, он продает своих детей. Отец продал моих братьев богатым купцам. Я их никогда не видел.

— И тебя потом продали?

— Нет, меня не продавали. Отец взял зерно у купца, в долг дал купец. Отец посеял зерно, а Адад, бог бури, послал страшный ураган на наше поле. У всех хлеб погиб. Плохой урожай собрал отец и не смог за-

платить купцу долг. Тогда хозяин забрал мою мать в залог. Сказал купец: «Вернешь долг — отпущу жену». Я тогда совсем маленьким был, хозяин меня вместе с матерью взял. Так я никогда на свободе не был — всю жизнь раб.

— Разве хозяин не отпустил тебя и мать через три года?

— Нет! Отец не смог отдать купцу зерно, что брал в долг.

— Как же так? — удивился Наби-Син. — Мы же читали в школе таблички с законами. Там сказано: если хозяин взял за долги жену или сына должника, то через три года он должен отпустить их на волю.

— Это теперь такие законы. А раньше, при Апильсине и при Сумулаэле, отце царя, этого не было. Кто попал за долги в рабство, тот всю жизнь рабом останется.

— Значит, Хаммурапи такой закон придумал? Отец говорит, он справедливый царь, хороший!

— Цари все хорошие, да мы этого не видим. А закон? Нам, рабам, все равно, есть он или нет его.

— Ну как это — все равно! — горячился Наби-Син. — Подумай сам, ты бы не был теперь рабом. Вы бы с матерью через три года вернулись домой.

— А через год опять в кабалу бы попали. Есть нечего было — опять купец за долги забрал бы мать и меня.

— Как же это? Хаммурапи велел написать на табличках, что сильный не должен обижать слабого... А ты говоришь...

— Написать все можно. Много лет я живу на свете, только ни разу еще не видел, чтоб богатый человек кого-нибудь боялся. Сила у него в руках, что хочет, то и делает.

— Надо царю жаловаться. Отец говорит, Хаммурапи сам жалобы разбирает. Он слушает, что читает писец, и сам все решает. Кто виноват, того царь наказывает.

— Отец правду говорит. Ты говоришь, жалобу надо написать царю. А кто умеет писать? Бедняк не может это сделать. Он не учился в школе.

— А писец?

— Писцу заплатить надо. Он даром ничего не делает. Вот ты и подумай, Набия, чьи жалобы разбирает царь, кому законы помогают жить. Понял?

Рибамили умолк. Он направил ладью ближе к берегу, где, натягивая веревки, с трудом передвигались рабы и тащили суда. Суда доверху были наполнены тяжелым грузом, и люди, изнемогая от усталости, шли, мерно покачиваясь и напрягаясь изо всех сил. Иногда какой-нибудь раб нагибался так низко, что казалось, он сейчас упадет. Но он вытирал пот, катившийся с него градом, выпрямлялся и шел дальше. Когда становилось совсем невмоготу, рабы затыгивали заунывную, монотонную песню — это помогало им идти. Они пели о том, что дорога длинная, ладья тяжелая, что веревка натерла грудь, и солнце опалило их голые спины, и ветер пустыни несет им навстречу свое горячее дыхание, и идти им нужно еще много дней по топким берегам, потому что далек путь от Бабили до Мари.

Наби-Син вслушивался в слова этой грустной песни и с жалостью смотрел на рабов. Он думал над словами Рибамили. Ведь, правда, в школе у них учатся только дети богатых людей. Среди них нет ни одного бедного мальчика. Всё сыновья купцов, военачальников, царских чиновников. Вот у Кулалума отец простой писец, но разве он плохо живет? Кулалума никогда не продадут в рабство, как Залилума. И Наби-Син вспомнил своего товарища. Каким он был веселым вначале, когда его привели к ним в дом. А как он был грустен, когда они в последний раз играли в школу. Теперь и Залилум будет всю жизнь рабом, как Рибамили. Наби-Син вздохнул:

— Знаешь, Рибамили, когда я вырасту и буду хозяином, я сделаю Залилума своим помощником. Я никому не позволю его обижать, мы с ним всегда будем вместе.

— Ты хороший мальчик, Набия. Помни, что ты сейчас сказал, и не забудь этого, когда станешь большим. А сейчас иди. Смотри, солнце уже зашло и скоро совсем стемнеет.

— А когда ты расскажешь сказку? Ты утром обещал, Рибамили...

— Сегодня уже поздно. Сказка завтра будет.

— Набия! Иди ужинать, — позвал Белидинам сына.

Мальчик встал и пошел к отцу.

Утром, как всегда, Наби-Син проснулся с восходом солнца и сразу пошел на корму к Рибамили, но старик был занят и отослал мальчика:

— Иди, Набия, сейчас мне некогда. Приходи после полудня.

Наби-Син нехотя отошел от Рибамили и сел на носу. Он с тоской смотрел на берега, покрытые зеленой травой и высокими камышами, на рабов, которые по-прежнему с трудом тянули баржу против течения.

Прошло уже много дней. Наби-Сину надоело путешествие по реке, он все чаще вспоминал дом, мать и своего товарища Залилума. Как было бы хорошо, если бы отец взял и Залилума с собой: им веселее было бы вдвоем. Рибамили знает много интересных историй, но не всегда же хочется слушать рассказы. Да к тому же у Рибамили мало свободного времени.

После полудня Рибамили позвал Наби-Сина. Тот с радостью уселся около старика и приготовился слушать давно обещанную сказку.

— Много, много лет назад, — начал Рибамили, — правил городом Уруком могучий царь Гильгамеш. Высокой стеной обнес он город, выстроил храм богине, своей матери. Днем работали люди Урука, а по ночам Гильгамеш устраивал пиры во дворце, сзывая всех на праздник.

Однажды пришел к Гильгамешу охотник и рассказал, что встретил он в лесу человека, великого силой. Энкиду звали его. Был Энкиду одет, как охотник, пышные кудри падали на плечи. Не знал Энкиду людей, жил он среди животных, вместе с газелями ел он траву, со зверями ходил к водопою. Все силки рвал Энкиду, все капканы ломал и спасал лесных зверей.

«Что мне делать? — спросил охотник. — Как избавиться от Энкиду?»

И дал ему Гильгамеш мудрый совет: «Иди к водопою и приведи с собой красивую девушку. Увидит красавицу тот человек, полюбит ее и забудет зверей, уйдет с нею из пустыни».

Нашел охотник красивую девушку и отправился с ней в пустыню. Три дня шли они и наконец достигли водооя.

День прошел, и второй день сидели они в ожидании, и только на третий день спустились с гор звери и стали пить воду. И с ними пришел Энкиду.

Увидел Энкиду красавицу, и любовь охватила его сердце. Подошел он к ней и не смог уже больше уйти.

И сказала ему девушка: «Ты силен, ты прекрасен, Энкиду. Что ты делаешь в пустыне среди зверей? Идем со мной. Я приведу тебя в Урук, в большой дворец, к Гильгамешу, который мудро правит людьми».

Позабыл Энкиду зверей своих, жадно слушал он речи любимой и согласился идти с ней во дворец.

«Идем в Урук, к Гильгамешу, великому силой. Я хочу вызвать его на бой, сразиться с ним. Посмотрим, кто из нас сильнее: он, могучий царь, или я, который родился в пустыне!»

— И они дрались, Рибамили? — спросил Наби-Син, внимательно следивший за рассказом. — Кто же из них сильнее?

— Погоди, Набия, не забегай вперед. Все узнаешь в свое время. Пришел Энкиду в Урук, — продолжал Рибамили, — встретился с Гильгамешем, и начался между ними великий бой. Много дней боролись герои, но не могли одолеть друг друга. Устали они, посмотрели друг на друга и поняли, что оба они равны силой. И заключили герои союз дружбы. И с тех пор не расставались друзья, не оставляли друг друга в беде, вместе делили и горе и радость. Много подвигов совершили Гильгамеш и Энкиду, спасая людей от беды. Задумал Гильгамеш добыть строевой лес из кедровой рощи, которую охранял Хумбаба, страшное чудовище.

Стал Энкиду отговаривать своего друга: «Знаю я это место, был я там, когда бродил по горам. Лес там дремучий. Как заберешься вглубь? Хумбаба же страшен, голос его — ураган, уста — пламя, дыхание его несет гибель, удар его смертелен. Откажись от задуманного!»

Не послушался Гильгамеш своего друга: «Кто из людей может равняться с богом солнца и жить вечно? Годы жизни — коротки они, а дела человека — ветер. Пройдет, и нет ничего. Если паду я в бою, останется

в памяти имя мое, будут говорить люди: «Погиб Гильгамеш от Хумбабы!»

— И Гильгамеш один пошел против чудовища? — не удержался от вопроса Наби-Син.

— Ты опять торопишься, Набия! Не оставил Энкиду своего друга, вместе пошли они искать кедровую рощу. Много дней шли герои и наконец достигли высокой горы, жилища Хумбабы.

Остановились они у входа в лес, смотрят вглубь и видят: огромные кедры высоко поднимают вершины, тропы лесные проложены в чаще, и бродит по ним Хумбаба мерными шагами. Перед горою стоят высокие деревья, тень под ними манит прохладой, и растут кругом кустарники и травы. Далеко простирается лес, и высока над ним гора Хумбабы.

Встретились герои с Хумбабой, и начался между ними жестокий, смертельный бой. Одолели друзья страшное чудовище, и вот уже мертвый Хумбаба лежал у их ног. Окончилось сражение, отдохнули друзья. Гильгамеш омыл свое оружие, расчесал кудри, надел чистые одежды. И увидела богиня Иштар прекрасного героя и полюбила его своим сердцем.

«Идем со мной, Гильгамеш. Ты будешь жить у меня во дворце, и я отдам тебе все мои сокровища. Не будет человека богаче тебя!»

— И Гильгамеш ушел с ней? Позабыл Энкиду?

— Нет, Набия. Злой и коварной была богиня Иштар. Была у нее любимая птица — она сломала ей крылья. Каждый день носил ей пастух-козопас вкусные хлебцы, резал для нее маленьких козлят — превратила его богиня в волка, и свои же подпаски его гоняют, свои же собаки кусают. Каждый день носил ей Ишуллани-садовник грозди фиников, украшал цветами ее стол. Рассердилась на него Иштар, ударила его и в паука превратила. Поселила его среди паутины — к потолку не подняться, не спуститься на пол. Гильгамеш не покинул друга, не захотел уйти из Урука и отверг любовь коварной богини.

Вспыхнула гневом оскорбленная Иштар и поднялась на небо к своему отцу, богу Ану. Пожаловалась она на Гильгамеша и потребовала, чтобы Ану наказал его.

Тогда Ану создал быка с огненным дыханием и ки-

нул его на землю. Упал бык в Урук, и погибло много людей от его пламени. Никто не мог одолеть быка. Тогда Гильгамеш и Энкиду решили освободить свой город от страшного зверя. Вскочил Энкиду быку на спину, схватил его сильной рукой за один рог. Разъярился бык, стал он бить Энкиду своим хвостом. Изловчился Энкиду и поймал хвост быка, крепко зажал его второй рукой. А Гильгамеш, воин могучий, бесстрашно подошел к быку и вонзил в него нож. Глубоко вошел нож меж рогов, и мертвым упало чудовище. Освободили друзья от ужаса людей Урука.

Озлилась богиня Иштар, не удалась ее месть, унижил ее Гильгамеш. Энкиду стал насмехаться над богиней: «Если бы я мог достать тебя, то и с тобой поступил так же, как с быком», — и кинул в нее рога быка.

Рассердилась Иштар на Энкиду, захотела она отомстить за смерть быка, за насмешки, и послала она страшную болезнь Энкиду и обрекла его на гибель. Ослабел Энкиду, лежит на постели, и снятся ему тревожные сны.

Лишь только заря занялась на небе, проснулся Энкиду и сказал Гильгамешу: «Смерть покорила меня. Никогда я не сяду рядом с тобой».

Шесть дней и шесть ночей сидел Гильгамеш над Энкиду: «Энкиду, друг мой, брат мой! Пантера пустыни! Вместе с тобой мы победили Хумбабу, убили быка. А теперь ты лежишь неподвижно. Что за сон овладел тобою? Потемнело твое лицо, и не слышишь ты моих речей!»

Тронул Гильгамеш сердце Энкиду, а оно не бьется, глаза не открываются. Закрыв локрывалом Гильгамеш тело друга и горько заплакал. Недвижим мертвый Энкиду, никогда не встанет он, не пойдет с Гильгамешем совершать подвиги.

— И все, конец сказке? — взволнованно спросил Наби-Син.

— Нет, Набия, еще не конец. Захотел Гильгамеш узнать у богов тайну жизни и смерти и осчастливить людей, сделать так, чтобы никто больше не умирает. Пошел Гильгамеш по свету до самого края земли, не побоялся он пройти сквозь гору мрака, наполненную чудовищами, пересек страшное море мертвых и достиг наконец острова богов.

— И они открыли Гильгамешу секрет жизни?

— Нет, Набия. Боги сделали человека смертным, а вечную жизнь оставили для себя. Но узнал Гильгамеш тайну богов: глубоко на дне морском растет волшебная трава. Не дает она вечной жизни, но тот, кто ее ест, становится молодым.

И пошел Гильгамеш искать чудесную траву. Пришел он на берег моря, привязал к ногам тяжелые камни и опустился на дно морское. Растет там трава с колючими шипами, как терновник. Все руки поранил Гильгамеш, срывая траву. А потом он отвязал камни и поднялся вверх. Радостно пустился он в обратный путь, спрятав волшебный кустик. Не попробовал его Гильгамеш, бережно нес он подарок в Урук — хотел осчастливить всех людей. Долго шел он по пустыне, раскаленной солнцем. Зной палил, жажда томила. Увидел Гильгамеш водоем и решил искупаться в нем. Осторожно положил Гильгамеш волшебную траву и погрузился в прохладную воду.

Но змея выползла из норы и утащила чудесный корень. С тех пор змеи меняют кожу и молодеют.

— А что же сделал Гильгамеш?

— А Гильгамеш зарыдал, увидев, что напрасны его труды. С пустыми руками пошел он домой.

И вот уже виден Урук, его высокие стены и город прекрасный. И вспомнил Гильгамеш, что сделал он для родного города: возвел стены, построил храмы, разбил сады. Много добрых дел и мужественных подвигов совершили Гильгамеш и Энкиду для счастья людей. И тогда понял Гильгамеш, что память о людях живет в том добре, которое они творят.

Смертен человек, но вечно живут его добрые дела, — так закончил Рибамили сказание о Гильгамеше.

Наби-Син горящими глазами смотрел на старого рулевого.

Прошло еще несколько дней. Наконец вдали, на холме, показался большой город.

Наби-Син опять подбежал к Рибамили:

— Это Мари?

— Мари, сынок, Мари, — ответил рулевой. — Скоро сойдем на берег. Увидишь, какие там храмы, какой большой дворец.

— Неужели лучше, чем у нас в Бабили? — удивился Наби-Син.

— Не то что лучше, но тоже хорош.

— Отец, смотри, Мари! — радостно сказал Наби-Син подошедшему к ним отцу.

— Да, Набия, это Мари. Слава Мардуку, окончен наш долгий путь.

— Отец, кто правит Мари? Царь? Как его зовут?

— Зимрилим.

— Он такой же сильный, как Хаммурапи? И все его боятся?

— Ну нет, — улыбнулся отец. — Хаммурапи — самый могущественный царь на земле. Недаром его называют «царем четырех стран света». Он покорил все города на юге и на востоке, разбил Римсина и прогнал его из Ларсы, заставил царя Ассирии платить дань.

— Я знаю, — сказал Наби-Син, — мы в школе читали:

Хаммурапи — царь, могучий воитель,
Сокрушитель своих врагов.

— Это верно, Набия! Ты хорошо помнишь то, что учил в школе, — похвалил сына Белидинам. — А было время, когда вавилонские цари платили дань Римсину. Но Хаммурапи одолел его. Кто почитает богов Мардука и Шамаша, тому они во всем помогают.

— И Зимрилим платит дань Вавилону?

— Нет, Зимрилим сам себе хозяин!

— А если Хаммурапи будет воевать с Зимрилимом, кто победит? Хаммурапи?

— Ну, этого никто не знает, — усмехнулся отец. — Только жрецы-прорицатели, которые гадают на печени овцы, могут предсказать будущее.

— Гадают на печени? — удивился Наби-Син. — Как это?

— Я не знаю, Набия! Я же не жрец. Довольно говорить об этом. Пока еще никто не воюет. Смотри лучше на берег, мы подъезжаем к городу.

Предвидя конец пути, гребцы налегали на весла, рабы напряженно тянули ладьи на бечевках. Суда шли быстрее, чем обычно. И вдруг за поворотом реки показался город, совсем уже близко. Вскоре они прошли

мимо окраины с маленькими глиняными домиками, хорошо были видны узкие, кривые улицы, пыльные, грязные, с кучами мусора около домов.

«Совсем, как у нас в Бабили в бедных кварталах», — подумал Наби-Син.

Вот и пристань. Она была значительно больше той, где проверяли документы, и очень много судов стояло у причалов. Тут и узкие, длинные ладьи из тростника, и плоские калакку, и круглые гуфы, обшитые кожей, и деревянные плоты. Одни стояли готовые к отправке, полные груза, другие пришли с севера и с юга, и грузчики выносили из судов привезенные товары. На берегу лежали мешки, тюки, сосуды с вином и маслом. Стоял такой шум и гомон, что с трудом можно было разговаривать. Купцы, грузчики, рабы, чиновники суетились, бегали с места на место. У Наби-Сина варябило в глазах.

Наконец к причалам подошли ладьи, на которых прибыли Велидинам и Наратум. Гребцы легко соскочили на берег и крепко привязали суда к столбам. Положили сходни. Первыми сошли на берег Велидинам и Наби-Син. За ними веревницей потянулись рабы, вынося на плечах тюки с шерстью, мешки с зерном и финиками, кувшины с сезамным маслом. На берегу выросла целая гора мешков. Наконец разгрузка окончилась. Последним вышел Наратум. Он проверил, все ли мешки вынесли на берег, не утащили ли рабы какой-нибудь тюк.

— Слава Мардуку, все благополучно! — сказал он, подходя к Велидинаму.

— Теперь только остается найти хороший амбар для товаров и выгодно их распродать, — ответил тот.

ГЛИНЯНЫЙ КОНВЕРТ

Город спит. Уже давно наступила ночь. Тишина. Даже ремесленники, которые работают позже всех в Бабили, легли спать. Спят и во дворце царя Хаммурапи. Одни стражники, охраняющие покой царя, стоят на часах.

И только в покоях, где живет со своей свитой посол царя Зимрилима, горит свет — не спится Ярим-Ад-

ду. Недавно приехал Ярим-Адду в Вавилон к Хаммурапи с поручением от своего господина Зимрилима. Ласково принял царь посла Ярим-Адду, поселил его в своем дворце, посылает ему обед из царской кухни, а все-таки не верит Ярим-Адду вавилонскому царю.

На днях был большой прием во дворце — в Вавилон прибыли послы из города Алеппо. Хаммурапи принял их с большим почетом. По царскому приказу, им выдали парадные одежды придворных — плащи, затканые пестрым узором и расшитые золотой нитью. Слуги сами одевали людей, они искусно обернули ткань вокруг тела и, перебросив край через левое плечо, оставили открытым правое, пушистая бахрома шла по краю плаща. Торжественно вошли гости в тронный зал и уселись недалеко от владыки. А Ярим-Адду и его люди были одеты в обычные платья — широкие юбки со складками — и заняли последние места за столом. Не выдержал Ярим-Адду, подошел к Хаммурапи после приема и спросил его:

— Почему, господин, ты так плохо обошелся со слугами твоего брата Зимрилима? Почему ты не дал нам праздничных одежд? Разве Зимрилим не твой союзник? Разве он не посылал тебе своих воинов, когда ты воевал с Эшнуной, когда шел в поход на Ларсу? За что ты обидел нас?

Хаммурапи насмешливо улыбнулся:

— Я сам знаю, как должен поступать, а нарядные одежды я дарю кому хочу.

Оскорбил Хаммурапи посла своим ответом, обидно было предпочтение, которое царь оказал людям из Алеппо. Ярим-Адду не мог успокоиться, так взволновало его это происшествие. Все уже легли спать, а Ярим-Адду все ходил по комнате и обдумывал, как написать Зимрилиму, что царь обошелся с посольством из Мари, как с людьми, не стоящими внимания.

Вдруг в комнату кто-то вошел. Ярим-Адду вздрогнул от неожиданности, он не видел в темноте лица вошедшего.

— Не пугайся, это я, Нитэни, твой слуга. — Нитэни помолчал, потом сказал: — Я слышу, ты ходишь, не спишь. Вот я и пришел.

— Зачем пришел? Что тебе надо?

— Есть важные известия. — Нитени опять умолк.

— Рассказывай! Здесь никого нет. Все спят.

— Сегодня утром прибыл гонец из Алеппо, привез письмо от своего царя. Хаммурапи сразу принял гонца, да не в приемном зале, а в своих покоях. При них никого не было, только один Авиль-Нинурта. Он прочел письмо царю.

— А что было в письме?

— Царь Алеппо посылает в Бабили свое войско, он будет помогать Хаммурапи, когда начнется война. Хаммурапи очень обрадовался, сказал: «Это очень хорошо».

— С кем будет война?

— Об этом ничего нет в письме. Там сказано только, что царь Алеппо и царь Бабили связали бахрому своих плащей — они заключили союз.

— Так ли это? Кто тебе сказал?

— Ты хорошо знаешь, мой господин, что я всегда тебе говорю только правду. Сейчас ко мне приходил раб Шу-Амурру. Он стоял около царя с опахалом и слышал весь разговор. Когда ты даешь мне деньги, мой господин, я делюсь с Шу-Амурру.

— Это все?

— Да, мой господин!

— Иди. Завтра получишь свое.

Ярим-Адду не зря делает щедрые подарки слуге, который прислуживает ему во дворце. Не в первый раз сообщает он ценные сведения.

Слуга ушел. Ярим-Адду снова стал ходить из угла в угол. Теперь все ясно. Хаммурапи заключает союз с царем Алеппо, поэтому он так отличает его слуг. И это военный союз, недаром из Алеппо посылают войско. Но с кем собирается царь воевать? С Римсином в Ларсе покончено, весь юг захватил Хаммурапи, в прошлом году завоевал Ассирию... Кто же теперь?

— Только Мари, только Зимрилим, — вслух произнес Ярим-Адду. — Надо предупредить об этом господина.

На рассвете Ярим-Адду разбудил Манума и продиктовал ему письмо:

— «Моему господину Зимрилиму скажи: так говорит Ярим-Адду. Воины из Алеппо посланы в Бабили. Хаммурапи этим доволен. Он сказал: «Хорошо это,

что брат мой послал мне войско». Хаммурапи с царем Алеппо связали бахрому своих плащей. Они заключили союз, а ты об этом ничего не знаешь».

— Зачем ты пишешь об этом царю? Пусть Хаммурапи заключает союз с кем хочет.

— Как? — возмутился Ярим-Адду. — Разве ты не знаешь, что царь Алеппо враг Зимрилима? А как Хаммурапи принял послов Алеппо? Нас же, людей Зимрилима, обидел, не дал нам праздничных одежд, не позвал к царскому столу. Все это неспроста.

— Чего же нам бояться? — не сдавался Манум. — Ведь Зимрилим тоже в союзе с Вавилоном.

— Ты что же, забыл, что мы перехватили письма Хаммурапи и Римсина и узнали, что они заключили союз и обещали помогать друг другу, если на них кто-нибудь нападет? Где теперь Римсин? Не помог ему союз, когда Хаммурапи сам напал на Ларсу, прогнал Римсина и захватил его земли. Ассирией он завладел в прошлом году. Теперь наша очередь. По всему видно, что Хаммурапи готовит поход на Мари, и мы должны предупредить об этом нашего господина. Понял теперь, зачем я написал это письмо?

— Да, господин мой, — вздохнул Манум. — Ты прав!

— А теперь сделай глиняный конверт — оберни тонким слоем глины табличку с письмом. Его надо немедленно отослать Зимрилиму.

— С кем пошлешь?

— Подумаю. Нужен верный человек и осторожный. Никто не должен знать во дворце, что я посылаю донесение Зимрилиму... — Ярим-Адду прошелся по комнате.

— Пошли меня!

— Тебя? Ты слишком горяч. Но среди моих слуг нет ни одного, кому я могу доверять так, как тебе! — размышлял вслух Ярим-Адду.

— Пошли меня! — повторил Манум и умоляюще посмотрел на своего начальника. — Я буду осторожен и в целости доставлю письмо.

— Ну что ж, попробую послать тебя. Ни с кем не спорь, не принимай участия в драке, помни, что у тебя важное поручение, береги глиняный конверт!

В комнату вошел Нитени, принес завтрак.

— Нитени, — обратился к нему Ярим-Адду, — вот тебе серебро, купи двух ослов, навьючь их мешками с шерстью и провизией. Пусть надежный человек стоит с ними за базаром, около улицы кузнецов. Туда придет Манум и заберет ослов. Да чтоб никто не знал об этом.

— Слушаюсь, мой господин! — Нитени ушел.

Манум, гордый доверием Ярим-Адду, быстро собрался: через час он покинул дворец. Глиняный конверт с письмом был крепко зашит в пояс.

Манум, избегая людей, повернул в боковую улицу и оттуда переулками вышел в ту часть города, где жила беднота. В этот ранний час обитатели этих кварталов уже давно встали. Маленькие глиняные лачуги теснились в узких, кривых улицах; через открытые проемы дверей видны были хозяева, сидевшие за работой. Тут же, у порога, женщины готовили еду в глиняных печках. Чад от прогорклого масла и дым от очага, который топили навозом, густым туманом поднимались вверх; здесь не видно было ни голубого неба, ни яркого солнца. Тошнотворный запах от несвежих продуктов, острых приправ и гниющих у домов отбросов был так ужасен, что Манум иногда зажимал нос. Он привык к чистому воздуху дворца, и временами ему казалось, что он задыхается. Голые малыши вертелись около матерей, шумели, плакали, дрались и играли. Старшие дети уже сидели за работой.

Наконец Манум прошел через базар и в условленном месте встретил раба с двумя ослами. Манум навьючил на них мешки, сел на одного из них, второго привязал сзади и отправился в путь. Второго осла Ярим-Адду велел взять для того, чтобы Манума принимали за купца. О том, что он едет в Мари как гонец, никто не должен был знать.

Хотя солнце уже поднялось высоко, у ворот еще толпился народ; стражники медленно пропускали выходящих из города. Манум выехал из бокового переулка и остановился на дороге, дожидаясь своей очереди. Его беспокоило: удастся ли ему выйти за ворота? Правда, у него два осла и мешки с товаром, но с ним нет ни раба, ни спутника. Это может показаться подозрительным. Ярим-Адду побоялся отправить с Манумом кого-нибудь из своей свиты, и Манум вынужден

был идти один. Он с беспокойством посматривал на ворота и медленно подвигался к ним вслед за толпой. Случайно повернув голову в сторону, Манум увидел мальчика, одиноко сидящего на камне у дороги. У мальчика были такие печальные глаза, он с такой мольбой посмотрел на Манума, что тот невольно пошел к нему:

— Ты кто? Что ты делаешь тут, у ворот?

Залилум вскочил и сказал первое, что пришло в голову:

— Я отстал от хозяина. Он ушел вперед, а меня одного не пускают... — Залилум умолк.

«Что, если попросить купца взять меня с собой? Тогда можно будет выйти с ним за ворота», — подумал Залилум и внимательно посмотрел на Манума.

Приветливый юноша ласково глядел на него.

— Господин, возьми меня с собой, я пойду как твой раб. А там я догоню своего хозяина...

— Куда пошел хозяин?

— В горы...

Манум с сомнением покачал головой:

— Ты что-то не то говоришь. Ведь мы на дороге в Мари, она идет на север, а в горы надо идти на восток. Да и как могло случиться, что хозяин ушел вперед и потерял тебя?

Залилум молчал. Он боялся рассказать правду и ничего не мог придумать, чтобы объяснить, что с ним произошло.

Юноша стоял в раздумье. Безусловно, мальчишка беглый раб. Вероятно, он нарочно отстал от хозяина. Не стоит с ним связываться. Но жаль его. Если хозяин найдет его, то изобьет до смерти.

«Может быть, взять его с собой?» — подумал Манум.

— Хорошо, пойдешь со мной, — сказал он вслух.

У Залилума отлегло от сердца. Он доверчиво улыбнулся Мануму:

— Я все буду делать для тебя, мой господин!

— Как тебя зовут?

— Залилум, — весело ответил мальчик.

— Залилум так Залилум, — похлопал его по плечу Манум.

Наконец Манум вместе с неожиданно приобретенным рабом подошел к воротам.

— Дождался хозяина! — сказал стражник.

Затем он пощупал мешки с шерстью, навьюченные на осла.

— Купец? — спросил он Манума. — Шерсть везешь?

— Да, — ответил юноша и незаметно положил в руку стражника небольшой слиток серебра.

Стражник еще раз посмотрел на Манума и сказал:

— Проходите!..

Юноша и мальчик вышли из города.

— Ты знаешь, Белисуна, — обратился стражник к другому, — эти двое, купец и раб, кажутся мне подозрительными... Лицо купца мне как будто знакомо. Только я не помню, где его видел.

Но тут к воротам подошел высокий купец в пестром плаще с длинной бахромой, за ним следовал целый караван осликов, нагруженных мешками и корзинами. Рабы в длинных набедренных повязках размахивали палками и громко кричали, подгоняя упрямых животных.

Белисуна проверял документы купца, второй стражник считал ослов и поклажу, и оба забыли о только что вышедших из ворот подозрительных путниках. Наконец шумный караван прошел в город. Толпа, скопившаяся у ворот, постепенно редела. Становилось жарко.

Неожиданно к стражникам, запыхавшись, подошел человек, по виду ремесленник или слуга. У него был растерянный вид. Он озирался по сторонам и, казалось, кого-то искал.

— Не проходил тут молодой купец с двумя ослами? — спросил он у стражников.

— Кто ты такой? Зачем я буду отвечать тебе на глупые вопросы? Здесь много купцов прошло, и молодых и старых, с ослами и без ослов.

Человек показал кольцо с царской печатью, и стражники поняли: он из дворца.

— Трудно запомнить всех, кто проходил, — вежливо ответил Белисуна.

Царская печать сразу заставила его переменить тон.

— Это не простой купец. Он из посольства, из Мари. Я следил за ним от самого дворца. А на базаре, когда ему передали двух ослов, я потерял его.

— Ты говоришь — из Мари? — переспросил стражник и потер рукой лоб, силясь что-то вспомнить.

— Белисуну! Это тот купец с мальчишкой, что утром проходили здесь. Они еще показались нам подозрительными. Не он ли проходил в Вабиле вместе с послом из Мари?

— Верно. Теперь и я припоминаю его. Это он обругал меня за то, что я не хотел его пропустить, и еще замахнулся ножом... Только он тогда был иначе одет: в круглой шапке и плаще из узорной ткани. Значит, он под видом купца потихоньку вышел из города...

— Да, это он! — ответил гонец из дворца.

С этими словами он отошел от ворот и почти бегом направился во дворец.

Стражники остались у ворот. Белисуну вынул из-за пояса мешочек, куда положил серебро, полученное от Манума, подержал его на ладони, как бы проверяя его вес, затем сунул обратно. Как могло случиться, что он не узнал юношу и выпустил его из города? Да и раб у него, наверное, чужой, беглый...

* * *

Манум и Залилум были уже далеко от города. Становилось жарко. Дорога опустела, но Манум очень торопился. Скорее надо добраться до Мари. Поэтому он не делал привала и шел, несмотря на палящий зной. Залилум был рад, что его хозяин торопится. Чем дальше от Вабиле, тем ближе свобода.

Поздно вечером, когда наступила полная тьма и уже нельзя было идти дальше, они подошли к постоялому двору и остановились на ночлег. Ночь прошла быстро, и на рассвете Манум с новым слугой опять вышли на дорогу.

У Залилума было легко на душе. Казалось, все ему улыбается — и восходящее солнце, и пожелтевшая, выгорающая степь, и встречные путники, которых он больше не боялся, чувствуя себя под защитой хозяина.

Манум и Залилум сделали большой переход за этот

день, частью они шли пешком, частью ехали верхом на осликах. Они проходили мимо селений, один раз миновали город. Но Манум не рискнул туда зайти. Он боялся, что кто-нибудь заподозрит в Залилуме беглого раба. Поэтому Манум во время одного из привалов остриг Залилума. После этого Залилум почувствовал себя свободным. Он смотрел на юношу как на своего спасителя и был бесконечно предан ему. Да и сам Манум привязался к услужливому мальчику.

Но радость Залилума была неполной. Чем дальше уходили они от Бабили, тем чаще вспоминал Залилум родной дом, мать, брата с сестрой. Как они там живут, бедные? Ему нельзя возвращаться в свое селение, и он никогда не увидит их.

— Никогда! — тихо шептал Залилум, и глаза его наполнялись слезами.

— Ты почему грустишь? — спрашивал его Манум. — Боишься?

— Я никого не боюсь, господин, когда ты со мной, — отвечал Залилум и сдерживал подступавшие рыдания.

Не раз думал Залилум и о Наби-Сине. Где-то он теперь? Может быть, уже в Мари? А вдруг они встретятся там? Что будет делать Набия? И Залилumu опять становилось грустно. Нет, лучше забыть обо всем, что было. Никто не знает, что ждет его впереди.

Однажды они остались ночевать в городе, но ушли оттуда на рассвете, так как Манум знал, что до ближайшего постоянного двора очень далеко. Если они поздно выйдут, то не попадут туда засветло. Этот день был особенно душным и жарким. Но Манум и теперь не делал привалов. Он помнил, что надо поскорее доставить письмо. Вдруг после полудня разразилась гроза. Пришлось пережидать, пока не пройдет дождь. После грозы стало легче дышать, но потом опять духота и испарения сделали зной невыносимым. По мокрой дороге было трудно идти, ноги скользили, ослики спотыкались на каждом шагу. Залилум очень устал, но Манум не хотел делать привала, надеясь все же засветло дойти до какого-нибудь жилого места.

Стемнело. Наступила ночь. Наконец взошла луна. Призрачный, голубоватый свет разлился кругом, и ясно стали видны дорога, кусты на берегу канала, близ-

кая роща, холмы. Вдруг из-за деревьев появились две фигуры. Это были двое мужчин. Один высокий, с бородой, другой поменьше. В руках у них были дубинки.

— Вот он! — сказал один из них, указывая на Манума. — Наконец-то мы дождались: он один на пустой дороге!

И оба преградили Мануму путь.

Высокий ударил Манума дубинкой по голове и едва не свалил его на землю, но Манум удержался на ногах. Другой сильным ударом отбросил Залилума в сторону. Быстрым движением Манум выхватил кинжал из-за пояса и кинулся на нападавшего. При этом пояс у него развязался и упал на землю, но в пылу борьбы Манум не заметил этого. С криком: «Ах, разбойники!» — он несколько раз ударил высокого кинжалом, отбиваясь от его дубины. Тогда второй зашел сзади и всадил юноше нож в спину. Манум закачался и упал лицом на землю, обливаясь кровью. Оба нападающих наклонились над ним. Манум был неподвижен.

— Конец! Я выпустил из него дыхание жизни, — сказал один из них.

— Посмотри, нет ли с ним письма, — ответил второй.

Они перевернули Манума на спину и стали обыскивать его, но нашли только мешочек с серебром. Потом они развязали мешки, но, кроме шерсти и провизии, в них ничего не было.

— Письма при нем нет, — сказал высокий, — наверное, он должен был передать донесение на словак.

— Теперь он уже не сделает этого. Мы выполнили приказ и можем возвращаться.

— А где же мальчишка?

— Сбежал, наверное.

— Видно, приبلудный. Этот выехал из дворца один.

Они забрали мешок с шерстью и, сев на ослов, отправились в обратный путь, в Бабили.

От сильной боли Манум потерял сознание. Потом он пришел в себя, громко застонал и позвал Залилума.

— Я здесь, господин! — ответил мальчик, выходя из-за кустов.

— Где ты был? Мне плохо, я умираю.

— Нет, нет, господин, ты будешь жить! — И Залилум, сев на землю, наклонился над юношей, истекавшим кровью. — Чем тебе помочь?

— Ты не сможешь мне, вся кровь из меня ушла. Все пропало. Они украли мой пояс.

— Нет, господин. Вот он! Когда ты вынул кинжал, пояс упал. Никто не видел этого. Я тихо подполз к нему и утащил. А потом я спрятался за кустом и крепко держал его. Ведь ты говорил, что пояс тебе дороже всего.

— Ты хорошо сделал, Залилум! — слабым голосом ответил Манум. — Там зашито письмо... в конверте. Иди в Мари... Отнеси его во дворец... царю. Оно очень важное. А про меня скажи... — Манум вздохнул и умолк.

— Что сказать, господин? Кому? Почему ты молчишь?! — с отчаянием закричал Залилум и потрогал руку Манума.

Она была холодна. Залилум дотронулся до лба юноши, приложил ладонь к губам — дыхания не было. Манум был мертв. Залилум упал на грудь Манума и громко зарыдал.

Убийцы были уже далеко. Они не слышали ни предсмертных слов Манума, ни плача Залилума. Они выполнили приказ и спокойно возвращались домой.

Когда человек, который следил за Ярим-Адду, доложил царскому секретарю Авиль-Нинурте, что писец Ярим-Адду, Манум, исчез, Авиль-Нинурта допросил слуг.

Тогда ему стало ясно, что Манум тайно уехал из Бабили.

«Он повез донесение Зимрилиму», — решил Авиль-Нинурта и отдал приказ догнать Манума и убить его. А если при нем найдут письмо, то принести его Хаммурапи. Ярим-Адду ничего не должен знать об этом. Поэтому воины, посланные в погоню за Манумом, должны были напасть на него под видом разбойников.

Долго лежал Залилум на земле около мертвого юноши и не переставал плакать. Потом он встал, свернул пояс, поднял брошенный мешок с провизией и пошел по дороге.

«Манум велел отнести письмо во дворец. Я должен

это сделать вместо него. Манум велел», — твердил Залилум про себя, и это придавало ему силу идти вперед.

Через несколько дней рано утром Залилум пришел в Мари. Он вошел через боковые ворота и попал на базар. Но как пройти во дворец? Залилум боялся спросить об этом прохожих. И он бродил по городу, пересекал одну улицу за другой, пока не вышел наконец на главную дорогу, которая вела прямо ко дворцу.

Вскоре Залилум стоял около ворот.

— Вот, — сказал он стражнику, протягивая пояс. — Здесь глиняный конверт. Манум сказал: «Очень важное письмо. Отдай царю».

— Что тебе нужно? Какой Манум? И почему пояс в крови? — удивился стражник. — погоди, я вызову начальника охраны, он с тобой будет говорить. — И стражник, повернувшись спиной к Залилumu, позвал своего начальника.

Залилум испугался: «А что, если начальник захочет отдать его хозяину? И как объяснить, кто убил Манума?»

Залилум кинул пояс на землю и убежал.

Когда стражник повернулся, чтобы пропустить Залилума в комнату охраны, его уже не было.

ЗАБЛУДИЛСЯ

Утром того дня, когда Залилум отнес письмо во дворец, Наби-Син с отцом приехали в Мари.

Белидинам пошел на базар. Он хотел найти склад, где можно будет сложить товары.

Наратум остался на берегу около пристани.

— Я возьму с собой Рибамили. Когда найму склад, он вернется за вами. Вы меня не дожидайтесь, сразу переносите тюки на базар.

— А ты куда пойдешь? — спросил Наратум.

— Я по своим делам пойду, в город. А ты пока присмотри за Наби-Синюм. Пусть без меня никуда не ходит!

— А где он, кстати? Набия! — позвал сына Белидинам.

Наби-Син бегал по берегу. Приятно было размяться после долгого плавания. Ему все еще казалось, что он

плывет в ладье и земля колеблется у него под ногами. Услышав, что его зовут, он подошел к отцу.

— Ты останешься здесь с Наратумом, — сказал Белидинам сыну. — И, пока я не вернусь за тобой, сиди на месте и не ходи никуда. Еще потеряешься в незнакомом городе. Ну, Рибамили, идем, — позвал он рулевого.

Они направились на базарную площадь, пустую в этот ранний утренний час.

По краям площади стояло длинное, узкое здание — это были глинобитные домики, плотно примыкавшие друг к другу, у каждого дома одна стена была общей с другим. Массивные столбы из кирпича-сырца поддерживали навесы из дерева или из натянутой ткани. Узкие проемы, завешенные циновками, служили дверями. Здесь были лавки. В некоторых жили хозяева, многие одновременно служили и мастерскими, где делали обувь — сандалии, столы и скамейки, глиняную посуду. Торговля еще не началась, но во многих домиках уже встали. Прямо на площади, перед дверями, разожгли огонь в очагах — больших глиняных казанах, — оттуда поднимался синий чад, который туманом стоял над площадью, пахло прогорклым маслом.

Белидинам не в первый раз приезжал в Мари с товарами. Он разыскал знакомого хозяина лавки и быстро сторговался с ним. После этого Белидинам отправил Рибамили на пристань и велел передать Наратуму, что можно переносить в лавку привезенный товар. Сам же Белидинам пошел во дворец, ему нужно было разыскать Тарибу, военачальника Хаммурапи, который все еще находился в Мари.

До дворца было недалеко. К нему вела широкая улица, которая кончалась у большого портала, где был единственный вход во дворец. У ворот Белидинама остановил дежурный стражник. Белидинам сказал, что он привез письмо вавилонскому послу от царя Хаммурапи, и показал стражнику глиняную табличку. Стражник вызвал начальника охраны. Тот внимательно посмотрел на табличку и велел пропустить Белидинама, указав ему дверь налево, которая вела в северо-восточную часть дворца, где помещались комнаты для послов. Дверь направо вела в покои царя. Белидинам не раз бывал во дворце Хаммурапи, но всегда, когда

он приезжал в Мари, его поражал огромный дворец Зимрилима. Более двухсот комнат, расположенных вокруг открытых двориков, было во дворце.

Белидинам нашел Тарибу во дворе около посольских покоев. Тот только что встал и собирался завтракать. Увидев Белидинама, Тарибу обрадовался встрече с земляком.

— Ну, как дела в Вавилоне? Все в порядке? Не был у моей жены перед отъездом? Письмо привез?

Белидинам не успевал отвечать на вопросы.

— Постой, не все сразу! Расскажу по порядку. Накануне отъезда господин вызвал меня во дворец. Письма к тебе он не дал, но велел передать на словах, что недоволен тобой. Сколько времени живешь во дворце у Зимрилима, а до сих пор никаких сведений не собрал, донесений не посылаешь. Господин велел поторопить тебя.

— Приказать можно, а сделать трудно. Надо людей было найти, заплатить им хорошо, тогда сведения будут.

— Одно письмо Хаммурапи все же послал, — сказал Белидинам, вынимая табличку.

— Что это Хаммурапи шлет письмо одно за другим? Вчера гонец привез, сегодня ты.

— Это письмо не Зимрилиму, — ответил купец, — а Бахдилиму, управителю Зимрилима. Мне нельзя его видеть, а ты передай письмо сам, только чтоб никто об этом не знал. К твоей жене господин не велел заходить. Слишком много ушей и глаз кругом, никто не должен знать в Вавилоне, что я увижу тебя. — И Белидинам положил табличку в руку Тарибу.

— Так, — ответил Тарибу, пристально вглядываясь в клинописные знаки глиняного письма. — «Бахдилиму скажи: так говорит Хаммурапи, — зашептал Тарибу про себя. — Войска тяжелые я послал Зимрилиму. Как ты знаешь, дорога длинная, придут они не скоро. Сведения о Зимрилиме, о войске его и о его намерениях посылай мне исправно». — Хорошо, отдам письмо, — сказал громко Тарибу. — Хаммурапи не терпит узнать, что делает Зимрилим: собирает ли войска, с кем заключает союз. Хаммурапи мало, что я тут сижу и собираю сведения, он теперь слуге Зимрилима, управителю дворца, пишет. Ну ладно, пусть тот сам от-

вечает. Ты когда едешь? — спросил он Белидинама.

— Думаю, дня через четыре-пять закончу дела и отправлюсь домой.

— Так, значит, к твоему отъезду приготовлю письмо. Пока нет новостей. Зимрилим не помышляет о войне с Вавилоном, но войско держит наготове. Кочевники с востока часто делают набеги, раворяют города. А о замыслах Хаммурапи Зимрилим не подозревает.

Белидинам встал:

— Я все сказал. Теперь пойду на базар.

— Где остановился? — спросил Тарибу.

— Хочу у тебя в посольском доме ночевать. Можно? Я с сыном.

— Хорошо. Пойду к Бахдилиму, попрошу его предупредить стражу, чтобы вас пропустили обоих. Тут же и письмо передам.

Белидинам попрощался и ушел.

Когда он пришел на базар, все мешки и кувшины были уже в складе. Наратум и Рибамили сидели у порога лавки, ожидая Белидинама, но вид у обоих был встревоженный и смущенный.

Наби-Син пропал. Рибамили обошел все улицы около пристани и не нашел мальчика. Теперь оба сидели расстроенные и не знали, что делать, где искать Наби-Сина, что сказать отцу.

Вот что произошло с Наби-Синим.

Когда отец ушел, Наби-Син некоторое время тихо сидел около Наратума. Потом он несколько раз обежал пристань, потолкался в толпе. Но это занятие ему быстро надоело.

С их лавки раздавались громкие голоса. Рабы обедали, радуясь тому, что окончился длинный и тяжелый путь. Наби-Син подсел к ним и с удовольствием стал грызть высохшие за дорогу лепешки, запивая холодной водой.

После обеда рабы улеглись спать — им нужен был отдых после изнурительного труда. В пути им ни разу не пришлось выспаться. Наби-Син опять пошел бродить по пристани, всматриваясь в каждого прохожего, не идет ли отец. Но нет, отца нигде не было видно. Что делать? Рибамили спит. Наратум что-то бормочет, разглядывая документы. Как скучно сидеть одному на берегу!

«А что, если немного пройтись по улицам, совсем недалеко? Со мной ничего не случится, я сразу же вернусь», — подумал мальчик.

Наби-Син направился по узкому переулку, дошел до конца и очутился на широкой улице, по обеим сторонам которой тянулись длинные беленые стены; за ними находились дома. Иногда из-за стены виднелся второй этаж дома из кирпича-сырца, изредка верхушки акаций или тамарисков. Наби-Син прошел вдоль улицы, потом свернул в переулок, чтобы выйти на пристань. Но когда он вышел из переулка, то оказалось, что он попал не туда, куда хотел. Он очутился на другой широкой улице, где стояло высокое здание с семиэтажной башней. Все этажи этой башни были окрашены в различные яркие цвета.

«И тут зиккурат! Башня в храме совсем такая же, как в Бабили в храме Мардука», — подумал Наби-Син.

Он подошел поближе, заглянул в приоткрытую дверь и увидел большую залу; пол выложен кирпичом, около алтаря — цветы, в глубине, у стены, стоит огромная статуя богини. Оттуда доносилось слабое журчание. В руке у статуи — чаша, в которую медленно наливается вода.

Первым движением Наби-Сина было войти внутрь храма. Но потом он испугался. А вдруг его прогонят, а может быть, сюда и входить нельзя. Тут он вспомнил, что ему надо идти на пристань, что, наверное, отец уже вернулся и сердится на него. Наби-Син пошел дальше. Он проходил по большим улицам, сворачивал в переулки, несколько раз попадал в тупики и возвращался обратно. А реки все не было видно, и в каком направлении искать пристань, он не знал. Наби-Син уже совсем отчаялся. Солнце жгло, хотелось пить, ноги устали от долгой ходьбы. Но больше всего его беспокоила мысль об отце. Что он делает? Сердится?

И Наби-Син все шел и шел, несмотря на усталость. Улицы были почти пустые, не видно прохожих в это знойное время дня, не у кого спросить, как найти пристань. Кроме того, Наби-Син стеснялся подходить к незнакомым людям. Вдруг он увидел старика.

— Как пройти на пристань? — робко спросил Наби-Син.

Тот внимательно посмотрел на мальчика и что-то

ответил. Наби-Син не понял. Странно, слова как будто знакомые, но как-то старик их по-другому произносит, ничего нельзя понять.

Старик улыбнулся и повторил фразу, медленно и четко произнося каждое слово. При этом он рукой указывал, куда надо идти. Наби-Син догадался: надо идти в обратную сторону. Он радостно закивал головой и побежал. Но каково же было его разочарование, когда, выйдя из переулочка, он опять очутился на длинной, мощеной улице против небольшого храма. Перед входом — широкие ступени, у дверей — бронзовые львы со страшными, оскаленными мордами — они охраняли вход в святилище. Наби-Син прошел мимо. Вдруг он увидел приоткрывшуюся калитку в заборе около храма. Оттуда доносилось мерное гудение, так хорошо знакомое Наби-Сину, — точно так читал он с товарищами таблички на уроках. «Это школа», — подумал Наби-Син и вошел во двор. Через открытую дверь он увидел большую комнату, ряды длинных глиняных скамеек, маленькие чаны с водой и детей, мерно раскачивающихся в такт чтению. «Совсем как у нас!»

Но что это? Наби-Син увидел, что на скамейках сидели девочки и читали тексты, написанные на глиняных табличках.

«Это школа для девочек? А у нас девочек не учат. Надо будет рассказать об этом у себя в школе!»

Но тут Наби-Син вспомнил, что он потерялся, что, может быть, он никогда не увидит отца, не вернется в школу. Его охватила тоска, он почувствовал себя таким маленьким и одиноким посреди большого чужого города, что у него уже не было сил двигаться дальше. Наби-Син вышел на улицу, присел на камень, стоящий у двери, еле сдерживая слезы. Вдруг Наби-Син увидел бегущего мальчика. Что-то знакомое показалось ему в его фигуре.

— Залилум?! — Наби-Син не поверил своим глазам, когда мальчик поравнялся с ним. — Откуда ты? Как ты попал в Мари?

Залилум растерялся и в первую минуту хотел бежать.

«Но что мне сделает Набия в чужом городе?» — подумал он и остановился.

— Я убежал от вас.
— Убежал?! Как это?
— Да, ушел и не вернулся домой. И теперь я не раб больше.

— Как ты смеешь так говорить? Вот погоди, поймают тебя, повезут в Бабилу и там отрежут тебе ухо за то, что ты убежал и называешь себя свободным.

— Уж не ты ли схватишь меня? — насмешливо спросил Залилум, но в душе он испугался: вдруг правда Набия расскажет отцу, что встретил Залилума, и его разыщут. Тогда прощай свобода!

— Я поймаю тебя? — переспросил Наби-Син.

— Да, ты! А еще говорил, что ты мой друг! — Эх!.. — Залилум отвернулся.

Наби-Син покраснел, ему стало стыдно. Как скоро он забыл предание о дружбе Гильгамеша и Энкиду, слова, которые он сказал Рибамилу, и обещание всегда быть верным другом.

— Залилум! Я никогда не скажу, что встретил тебя. Ты мой друг, и я не предаю тебя! — И Наби-Син внимательно посмотрел на Залилума, как будто увидел его в первый раз, и подумал: «Залилум не хочет быть рабом, он такой же человек, как я!»

— А что ты делаешь здесь, на улице? Почему стоишь один?

У Наби-Сина задрожали губы, он опять вспомнил о том, что потерялся и не может найти отца.

— Я заблудился. Отец ждет меня на базаре, а я не знаю, как туда пройти.

— Я был там. Идем, я покажу тебе дорогу, я знаю, как туда надо идти.

— Пошли, — весело улыбнулся Набия своему другу.

Они быстро побежали вдоль по улице, несколько раз поворачивали в переулки и вышли на базарную площадь. Шум, еще больший, чем на пристани, оглушил Наби-Сина. Торговцы громко расхваливали свои товары и зазывали покупателей. Женщины, мужчины, стоя около палаток, торговались с продавцами. У ларьков со слатями толпились дети, на земле лежали горы фруктов и овощей. Тут же, на земле, купец раскидал пестрые, узорные ткани, рядом стояли разноцветные, причудливой формы кувшины и горшки. Рас-

крашенные циновки, скамейки, корзины, душистое масло, золотые украшения — все можно было купить на этом базаре.

— Вот и базар! — сказал Залилум. — Тут ищи отца. А я пойду.

— Постой! Куда пойдешь? С кем ты здесь?

— Я не знаю, Набия! Я тут совсем один. По дороге к Мари я встретил одного человека. Мы шли вместе. Ночью на нас напали разбойники, его убили.

— Как же ты будешь тут жить?

— Работу найду. Как-нибудь проживу. Домой мне нельзя возвращаться. Никогда больше не увижу матери...

Наби-Син с участием смотрел на товарища.

— Набия! — смущенно сказал Залилум. — Я очень хочу есть. Я давно уже не ел...

— Залилум, ты посиди здесь, обожди меня. Я найду своих и принесу тебе еду. Только никуда не уходи.

С этими словами Наби-Син пошел. Но сутолока на базаре, шум, масса людей — все это оглушило Наби-Сина. Как найти здесь отца? На пристани он помнил место, где они остановились, но там, вероятно, уже никого нет, все давно на базаре. Растерянный, ошеломленный, он стоял на площади и испуганно озирался вокруг. Вдруг он увидел Рибамили. Боясь поверить своему счастью, Наби-Син побежал ему навстречу.

— Ах ты, негодный мальчишка! Где ты был? Как ты смел уйти, когда отец велел тебе ждать его? погоди, попадет тебе!.. — бранил его Рибамили, а сам крепко держал его за руку и гладил по голове, радуясь тому, что наконец разыскал беглеца.

Наби-Син испуганно прижался к Рибамили, боясь снова потеряться в шумной толпе. Но Рибамили уверенно шел вперед.

— Рибамили! Ты знаешь, кто меня вывел на дорогу и проводил до базара? Залилум! — сказал Наби-Син.

Ему не терпелось поделиться с кем-нибудь своей тайной. «Рибамили не выдаст», — подумал мальчик.

— Залилум?! — Рибамили очень удивился. — Что ты говоришь, Набия? Как он мог попасть сюда?

— Правда, правда! Я встретил Залилума. Он убе-

жал от нас и с одним человеком пришел в Мари, и теперь он свободный и будет жить здесь.

— Как же это случилось? — не переставал изумляться старик.

— Только смотри никому не говори об этом, — продолжал Наби-Син. — Я обещал. Помнишь, ты мне рассказывал про Гильгамеша и Энкиду. Я хочу быть таким, как Гильгамеш, я никогда не предаю своего товарища.

Рибамили ласково посмотрел на мальчика:

— Ты правильно поступаешь, Набия.

Наконец они подошли к лавке, у которой стоял Белидинам, нетерпеливо ожидавший Рибамили, тот уже в пятый раз пошел разыскивать Наби-Сина. Увидев обоих, купец побежал им навстречу. От радости, что сын нашелся, Белидинам не стал его бранить. Он молча взял его за руку, и они вошли в лавку.

Наби-Син хотел отнести Залилуму обещанную еду, но отец не отпускал его ни на шаг.

«Что делать? — беспокоился мальчик. — Залилум ждет. Он хочет есть. Он подумает, что я его обманул».

— Набия, почему ты не ешь? Разве ты не голоден? — спросил его Рибамили.

Наби-Син весело хлопнул в ладоши. Вот кто поможет, как он раньше не подумал о Рибамили! Он подошел к старику и тихо зашептал ему на ухо:

— Рибамили, там, на базаре, где ты меня нашел, за углом, сидит Залилум. Он голодный. Я обещал накормить его. Он ждет, а отец не отпускает меня. Пойди ты. Помоги ему.

— Не беспокойся, Набия! Я все сделаю и никому не скажу.

Наби-Син радостно кивнул головой, обнял Рибамили и сел ужинать. А Рибамили, собрав в узелок сушеную рыбу, лепешки и несколько головок чеснока, незаметно вышел из лавки. Он без труда отыскал Залилума на условленном месте. Залилум так долго ожидал Наби-Сина, что уже перестал надеяться на его возвращение.

— Залилум! — окликнул его Рибамили.

Мальчик вскочил и бросился в объятия старика.

— Тебя послал Набия? Он не забыл про меня.

— Садись! Ешь, — сказал Рибамили, развязывая узелок.

Голодный Залилум жадно набросился на еду.

— Где же ты будешь тут жить? — спросил Рибамили.

— Я не знаю. Тут никого у меня нет.

— Поедем с нами домой. Хозяин простит тебя...

— Нет, нет! Я не вернусь.

Рибамили задумался.

— Ну вот что. Слушай! Дойдешь до конца улицы, повернешь влево, там увидишь на углу дом. Он большой, в два этажа. Там больше нет таких. Ты войди туда и спроси Ишхи-Адду. Скажи, Рибамили меня прислал. Он тебе поможет.

Залилум посмотрел на Рибамили и обнял его. От радости у него не было слов, чтобы поблагодарить старика.

— Ну, прощай, — сказал Рибамили, — мне пора!

— Спасибо, — прошептал Залилум.

Старик и мальчик посмотрели друг на друга в последний раз и разошлись в разные стороны.

Когда Рибамили вернулся в лавку, Белидинам с Наби-Синном уже окончили ужинать и собирались идти ночевать во дворец к Тарибу. Стража была предупреждена об их приходе, и их беспрепятственно пропустили во дворец. Белидинам, как и утром, прошел налево во двор и очутился в комнате у Тарибу. Стены были завешаны расписными циновками, светильники освещали помещение мигающим светом, на столе было расставлено угощение.

На все это Наби-Син не обратил внимания. Он так был переполнен впечатлениями, что уже больше ни на что не глядел.

— Очень хочется спать, — шепнул он отцу.

В соседней комнате Наби-Сину приготовили постель, и он с удовольствием улегся. И вдруг он вспомнил о том, что его поразило утром.

— Отец! — позвал он Белидинама. — Ты знаешь, тут в школе учат девочек, не только одних мальчиков, как у нас!

— Знаю, — сказал отец. — Эти девочки потом будут в храме служить богине Иштар. Это будущие жрицы.

Но Наби-Син, кажется, уже не слышал ответа отца. Он засыпал, и последней мыслью его было: «А где теперь Залилум?»

В ПОХОД НА МАРИ

Поздно вечером в покоях Зимрилима собрались его придворные. Господин приказал всем явиться: он хочет рассказать о письмах, полученных из Вавилона, и держать совет со своими вельможами.

Все уже были в сборе: начальники военных отрядов занимали места у левой стены, напротив сидели правители царских канцелярий и знатные чиновники, ближе всех к трону расположились придворные; все ожидали Зимрилима. Наконец вошел визирь и сел около трона; следом за ним появился Зимрилим. Все встали и низким поклоном безмолвно приветствовали господина. Он быстро прошел через зал и сел на трон, сзади стали два раба с пестрыми опахалами и, медленно покачивая их, создавали искусственную прохладу. Неслышными шагами, тихо проскользнул в зал Бахдилим и скромно уселся в сторонке. Царь сделал знак рукой, и наступило полное молчание — ждали, что скажет Зимрилим.

— Я получил вчера письмо от брата моего возлюбленного Хаммурапи, господина Вавилона, — начал он, держа в руке глиняную табличку. — «Так говорит Хаммурапи: войско, которое ты просишь, я тебе пошлю...»

— Значит, нам не страшны теперь набеги северной страны, — угодливо сказал Бахдилим.

Зимрилим строго посмотрел на него и продолжал, не обращая внимания на эти слова.

— И еще говорит брат наш Хаммурапи, что далека дорога от Вавилона до Мари, долго будут идти войны по этому пути, и неизвестно, когда они достигнут нашей столицы. Это надо понимать так: Хаммурапи совсем не пошлет нам своих людей... — Зимрилим не договорил и вопросительно посмотрел на присутствующих.

Все молчали, и только Бахдилим опять сказал:

— Зачем великому господину Хаммурапи обманывать брата своего, владыку Мари? Мы же давно заключили союз с Вавилоном и...

— Разве ты не знаешь, что Хаммурапи разбивает таблички с договорами и забывает исполнять то, что обещает? — гневно прервал его Зимрилим. — Не один раз бывало, что Хаммурапи сегодня заключает союз, а завтра он нападает на того, кого вчера называл своим братом.

Бахдилим умолк.

— Но это еще не все, — продолжал Зимрилим. — Утром принесли другое письмо. Его послал наш человек из Бабилы, Ярим-Адду. Он пишет: «Так говорит Ярим-Адду: в Бабилы прибыли войска из Алеппо, и Хаммурапи с царем Алеппо связали бахрому своих плащей». Они заключили союз втайне от меня.

— Разве Хаммурапи не знает, что царь Алеппо — наш враг? — воскликнул визирь. — Зачем он сделал это?

— У Хаммурапи только одно на уме: он хочет покорить весь мир. «Царь четырех стран света»! Он завладел югом, усмирил восток и запад, теперь ему осталось одно — он готовит поход против нас, и тогда север будет в его руках.

— Соберем все силы и дадим отпор!

— Не позволим Хаммурапи владеть нами!

— Защитим нашу страну от врагов!

Эти грозные возгласы прервали речь Зимрилима.

— Кто принес письмо от Ярим-Адду? — спросил один из придворных. — Позови его, пусть расскажет, что видел он в вавилонском дворце.

— Этого я не могу сделать. Сегодня утром к воротам дворца подошел мальчик и подкинул пояс с зашитым письмом. Мальчик убежал.

— Но ведь не он привез письмо...

— Наверное, Ярим-Адду отправил ко мне гонца. Но он не доехал до Мари. Его убили в пути. Сегодня днем купцы привезли тело Манума, секретаря Ярим-Адду. Они нашли его на дороге, лежащего в луже крови. Никто не знает, как он погиб.

— Без приказа Хаммурапи его бы не тронули. Всем известно коварство вавилонского царя.

— Ничего хорошего от него ждать нельзя, — закончил Зимрилим свою речь. — Будем готовиться к войне.

После этого он отпустил всех присутствующих на

совете, велел остаться только начальникам военных отрядов. Долго беседовал с ними Зимрилим, обсуждал военные планы, указывал, куда собрать главные силы, откуда ожидать нападения вавилонян.

Бахдиллим хотел остаться на военном совете, но Зимрилим приказал ему уйти. Тогда Бахдиллим пошел к себе, зажег светильник и сел писать письмо Хаммурапи:

«Царю великому, моему господину, да будешь ты жив и благополучен, говорит слуга твой Бахдиллим: знай, что царь Зимрилим получил известие о том, что ты, господин, с царем Алеппо связали бахрому своих плащей. Царь Алеппо — враг Мари. Зимрилим сказал: теперь воины Алеппо будут теснить нас с севера, а Хаммурапи нападет с юга. Зимрилим собирает войско и готовит войну против брата своего Хаммурапи».

Уже давно наступила полночь, когда Бахдиллим окончил писать свое донесение. Он задул светильник и вышел во двор. Было темно и тихо, все обитатели дворца спали в своих покоях, и только стражники у ворот стояли на своих постах.

Бахдиллим остановился на несколько минут у порога, взглядываясь в темноту. Никого нет. Мягко ступая, неслышными шагами он пересек двор, вошел в посольские комнаты и, подойдя к спящему Тарибу, тихо тронул его за плечо.

— Кто там? — встревоженно спросил Тарибу.

— Тихо! Не зажигай огня. Это я, Бахдиллим. Вот письмо. Отдай твоему купцу, пусть отвезет, да поскорее... — И, сунув в руку Тарибу глиняную табличку, Бахдиллим так же неслышно удалился, как вошел.

Рано утром Тарибу разбудил Белидинама и передал ему табличку, принесенную ночью.

— Нужно отвезти письмо. Когда поедешь?

— Распродам товары, вернемся...

— Это долго, — прервал его Тарибу. — Письмо срочное. Оставь с товаром кого-нибудь, а сам отправляйся немедленно.

— Не могу сразу ехать. Пошли с гонцом.

— Нельзя. Гонца поймают, заберут письмо. А тебя не тронут: ты купец.

Белидинам поморщился:

— Наратум первый раз в Мари, не справится один.

— Нужно ехать, — настаивал Тарибу, — отдашь письмо в руки Хаммурапи. Благодарность владыки дороже барышей.

— Придется ехать, — согласился наконец Белидинам.

На прощанье Тарибу дал Белидинаму царское кольцо — оно будет служить ему пропуском во дворец.

К вечеру купец закончил все дела, дал указание Наратуму, как торговать, и оставил ему в помощь Рибамили. На другой день он на рассвете вместе с Наби-Сином отправился вниз по реке, в Бабили.

Через неделю к вечеру Белидинам вернулся домой. Уже подъезжая к Бабили, Белидинам увидел, что идет усиленная подготовка к войне. За стенами Бабили было собрано большое войско. Вокруг горели костры, воины собирались расположиться на ночлег прямо под открытым небом; в шатрах отдыхали начальники отрядов.

Утром Белидинам отправился во дворец. Несмотря на ранний час, на улицах было много народа, чаще всего встречались военачальники, проходили отряды воинов, торопливо пробегали чиновники. Чем ближе подходил Белидинам ко дворцу, тем тревожнее было у него на душе. Из ворот то и дело выходили гонцы — они везли царские письма и приказы во все концы государства. У стен дворца расположилась лагерем целая армия, охрана у ворот была усилена. Ко дворцу подошла небольшая группа людей, впереди был толстый пожилой человек. Высокий шлем плотно сидел на его голове, ручка длинного ножа была украшена золотом и разноцветными камнями. Судя по всему, это был главный начальник войск. Стража почтительно расступилась перед ним, и он важно прошел во дворец. Свита последовала за ним.

Белидинам подошел к воротам.

Стражник резко спросил, кто он, и был готов уже грубо оттолкнуть Белидинама, но тот показал царское кольцо, и стражник пропустил его.

Белидинам прошел в канцелярию около царской приемной. Здесь было полно народу, и оттого, что все громко разговаривали, в комнате стоял невероятный шум. Чиновники то и дело пробегали через комнату. Хаммурапи находился рядом, в своей приемной. Он

громко и сердито с кем-то разговаривал. И вдруг Белидинам совершенно отчетливо услышал, как Хаммурапи гневным голосом закричал: «Так ты скажи ему, что если суда не придут вовремя в Вавилон, то за это он ответит своей головой. И виноват будет не начальник судов, а строитель, который не выполнил приказа и не построил в срок суда!..»

И тотчас же из царской комнаты вышел Авиль-Нинурта.

— Уже вернулся? Так скоро? — удивился он, увидев Белидинама.

— Я привез письмо. От Бахдилама. Тарибу велел доставить его как можно скорее.

— Неси письмо... Или нет! Я отдам его сам. Царь гневен сегодня... — И с этими словами Авиль-Нинурта опять вошел в приемную.

Хаммурапи сидел у столика и диктовал Улли приказ о сборе ополчения. Увидев Авиль-Нинурту, царь с недоумением спросил:

— Зачем опять пришел?

— Бахдилим прислал донесение.

— Кто принес?

— Белидинам. Купец.

— Читай! — обратился царь к Улли, передавая ему табличку.

По мере того как Улли читал, лицо Хаммурапи багровело, и он начинал уже задыхаться от еле сдерживаемого гнева.

— «...Зимрилим собирает войско и готовит войну против своего брата Хаммурапи!..» — кончил читать Улли.

— А-а-а! — грозно закричал Хаммурапи. — У нас враг во дворце. Кто смел сообщить о союзе с Алеппо Зимрилиму? Немедленно найти его и наказать!..

— Ты забыл, мой господин, что у тебя во дворце живет Ярим-Адду, он отправил гонца в Мари... — почтительно сказал Улли, стараясь успокоить разгневанного царя.

— Кто выпустил его из города, этого гонца?! — Я велел тебе следить за послом, а ты, Авиль-Нинурта, пренебрег моим приказом!

— Я уже докладывал тебе, мой господин, что гонца поймали и убили, но письма при нем не нашли.

— Значит, плохо искали, если Зимрилим получил его.

Хаммурапи встал и несколько раз прошелся по комнате. Авиль-Нинурта и Улли почтительно стояли, ожидая дальнейших распоряжений.

— Вот что, — сказал Хаммурапи, немного успокоившись, — ты, Авиль-Нинурта, вели позвать ко мне главного начальника всех войск. Он здесь, во дворце. Надо готовиться к походу. Через час собери всех на военный совет. Ярим-Адду и всех его людей посади под стражу, в тюрьму. Да смотри, чтобы никто с ними не говорил. Следи, чтобы не было новых донесений Зимрилиму. А ты, Улли, садись. Надо сообщить в Алеппо. Пусть царь соберет своих людей и немедленно шлет их в Мари. Пора начинать.

— Значит, война? — спросил Авиль-Нинурта.

— Нельзя терять времени. Зимрилим обо всем предупреден. Надо начинать, пока он не успел еще собрать силы, не нашел себе союзников. Через три дня наше войско должно выступить в поход на Мари.

ПИСЬМО

В углу двора под навесом сидят сгорбленный старик и высокий, худой мальчик. В жилистой руке старика глиняная табличка, правой рукой он держит тонкую палочку — каламу — и пишет под диктовку мальчика. Рука старика дрожит, клинописные знаки неровными строчками ложатся на мокрую глину. Писец стар и немощен; он давно уже не работает, но мальчик упросил его написать письмо.

— «Наби-Сину скажи: так говорит Залилум. Вот уже год как мы с хозяином ушли из Мари и живем в Сузах. Я хотел еще раз увидеть тебя, но к нам приходил Рибамили. Он сказал, что ты с отцом вернулся домой. Я остался у хозяина. Все знали его в Мари. Он делал из камня статуи богов и царей, их ставили в храмы и во дворец. Он умел вырезать на кости и по дереву красивые узоры. Хозяин обещал научить меня своему ремеслу.

А потом пришла беда. Сначала всех сыновей хозяина забрали в царское войско. Дома остались только хозяин с женой и я. В городе заперли все ворота,

с юга пришли воины из Вавилона, а у северных ворот стояло войско Алеппо. Был голод. Не было ни хлеба, ни муки, ни овощей. Всё съели. Ловили даже собак и ворон. А потом воины из Вавилона заперли воду, стало совсем плохо. У богини в храме в чашу больше не наливалась вода. Все говорили: это богиня дает знак — все погибнут. Только мой хозяин смеялся. Он сам делал эту статую из камня и провел в нее трубку, чтобы жрецы могли незаметно наливать в чашу воду, как будто она течет сама. А когда не стало воды, нечего было наливать.

Потом воины Хаммурапи сделали подкоп и ночью ворвались в город. Они открыли северные ворота, и оттуда вошли воины Алеппо. На улицах была война. И вдруг ночью стало светло как днем. Воины захватили дворец и зажгли его, а потом был пожар во всем городе. Много людей погибло. Войско Зимрилама было разбито, одних убили, другие попали в плен, а сам царь убежал, и никто не знал, где он. Тогда, кто мог, все убежали из города. Мы тоже успели уйти с хозяином. Жена его умерла по дороге. А мы вдвоем пришли в Элам, и вот теперь уже год живем в Сузах. Один купец пустил нас жить в сарай у него во дворе. Теперь он едет в Вавилон и берет с собой раба, моего друга Шуа. Он обещал найти тебя и отдать тебе это письмо. И вот я пишу тебе. Люди сказали мне, что если кто-нибудь из Вавилона поедет в чужую страну и найдет там раба-вавилонянина, а потом привезет его в Вавилон, то этот раб станет свободным человеком.

Набия, мой хозяин очень старый и больной. Я здесь совсем один. А моя мать и мой дом далеко, я о них часто думаю.

Помнишь, Набия, ты говорил, что сделаешь меня своим помощником, когда вырастешь и станешь хозяином. Я всю жизнь буду верно служить тебе, помоги мне только вернуться домой.

К нам в Сузы часто приезжают вавилонские купцы. Очень прошу тебя, Набия, когда узнаешь, что кто-нибудь едет в Сузы, скажи ему, пусть он найдет меня, и я вернусь с ним в Вавилон».

СОДЕРЖАНИЕ

М. Матве

День египетского мальчика

I. Утро	7
II. Школа	13
III. «Речи красноречивого земледельца»	20
IV. Судьба Пабеса. — Первый папирус	29
V. Стихи и сказки	38
VI. О чем говорят звезды	45
VII. Урок арифметики. — Писец Ани	52
VIII. Маленький гончар и старый воин	62
IX. В ильских зарослях	72
X. На крыше храма	82
Приложение	95
Сказка о потерпевшем кораблекрушение	96
Волшебник Деди	99
Повесть о Синухете	101
Из «Поучения Ахтоя»	106
Из «Жалоб Игувера»	108
Военная песня из надписи полководца Уны	109
Рабочие песенки	110
Из «Гимна Нилу»	110

Кари, ученик художника

Предисловие	118
I. Встреча в горах	115
II. Поселок «слушающих зов»	121
III. Солнечный кот	129
IV. Ученицы старого арфиста. В Святилище	138
V. Долина царей	153
VI. Врач Бекенмут	165
VII. Новый друг	173
VIII. Цир у Пауро	181
IX. Праздник Долины	195
X. «Суд бога»	204
XI. Заговор	218
XII. Художник Хеви и верховный жрец Аменхотеп	228
XIII. Пчелы прогоняют гнелу	287
XIV. Рассвет	245

Р. Рубинштейн
Глиняный конверт

Предисловие	253
Во дворце царя Хаммурапи	255
Залилум убегает из дому на целый день	265
Болезнь отца	269
Продали сына	275
В неволе	277
Наби-Син едет с отцом в Мари	286
Побег	294
Вверх по реке	300
Глиняный конверт	315
Заблудился	326
В поход на Мари	336
Письмо	341

Для детей и юношества
Во тьме веков

Милица Эдвиновна
Матье

ДЕНЬ ЕГИПЕТСКОГО
МАЛЬЧИКА

КАРИ, УЧЕНИК
ХУДОЖНИКА

Ревекка Ионовна
Рубинштейн

ГЛИНЯНЫЙ КОНВЕРТ

Исторические повести

Для детей среднего возраста

Текст печатается по изданиям:

М. М а т ь е. День египетского мальчика.—
М.: Дет. лит., 1975. М. М а т ь е. Кари,
ученик художника. — М.: Дет. лит., 1963.
Р. Р у б и н ш т е й н. Глиняный конверт.—
М.: Детгиз, 1962.

Редактор И. Остапенко
Художественный редактор С. Можалева
Технический редактор В. Чувашов
Корректор Г. Борсук

ИБ 2166

Сдано в набор 8.06.92. Подписано в печать
18.12.92. Формат 84×108¹/₂. Бум. газет., кн.-
журн. Гарнитура школьная. Печать высокая.
Усл. печ. л. 18,48. Усл. кр.-отт. 19,11. Уч.-изд.
л. 18,183. Тираж 100 000 экз. Заказ № 443. С-5.
Издательство «Пермская книга», 614006, г. Пермь,
ул. К. Маркса, 30. МП «Книга», 614001, г. Пермь,
ул. Коммунистическая, 57.

Матье М. Э., Рубинштейн Р. И.

М 35 День египетского мальчика. Кари, ученик художника. Глиняный конверт: Исторические повести / Для детей ср. возраста. (Цикл «Во тьме веков»). — Пермь: Пермская книга, 1993. — 344 с.

ISBN 5-7625-0312-7

Исторические повести из жизни Древнего Египта и Древнего Вавилона.

М 4702010201—5
М152(03)—93 53

ББК 83.8

В цикле «Во тьме веков»
готовится к печати
книга исторических повестей
В. Яна
«ОГНИ НА КУРГАНАХ»,
«СПАРТАК»,
«ФИНИКИЙСКИЙ КОРАБЛЬ»

Александр приказал приготовить праздничное зрелище растерзания человека диким львом. На зрелище Александр пригласил скифских послов, с которыми договаривался вместе идти на Индию. Скифы были рады выведать новые дороги для набегов в будущем, вели переговоры и прибыли на зрелище.

...Откуда-то доносилось хриплое, яростное рычание льва. Он был специально пойман в пустыне сетями и привезен для потехи.

Александр прибыл на зрелище, вернувшись из поездки в горы, где он хотел захватить отряд повстанцев, укрывшихся в крепости на вершине скалы. Взяв крепость, воины перебили всех ее защитников и занялись грабежом. Оставив своих солдат, Александр примчался в Мараканду с небольшой свитой.

Рабы вымыли его тело, умастили душистым розовым маслом и завили кудри. Это задержало зрелище.

Трубы и флейты возвестили прибытие базилевса. Все встали и с громкими криками «Ту бихас!» («Ты победишь!») пали ниц. Только воины продолжали, выпрямившись, стоять позади лежавших, и длинные копья густой щетиной резко вырисовывались на уже покрасневшем к вечеру небе.

Когда Александр, в голубой тунике и розовых шелковых шароварах, войдя решительной походкой, занял приготовленное место на золотом троне, раскрылись ворота, ведущие во двор.

На двухколесной повозке, со скрипучими колесами выше роста человека, запряженной мулами, украшенными красными кистями, была поставлена железная клетка. Никто не узнал бы теперь Каллисфена. Голый, он сидел сжавшись, и его длинные, раньше всегда завитые волосы теперь обратились в спутанную гриву.

Клетку открыли. Каллисфен вышел из нее, прижимая к груди свитки папируса. Он пере-

вязал свитки красной тесьмой и положил их на землю.

Ему дали плащ. Он накинул его через плечо красивым жестом, оправил складки, освободил правую руку и спокойно ждал, пока слуги увезут повозку.

Когда мулы уехали и затихли их бубенчики, подошедший распорядитель-перс шепнул Каллисфену:

— Поклонись базилевсу.

Каллисфен поднял руку, точно защищаясь, и отвернулся.

Персидские воины с копьями и щитами в руках двумя шеренгами подошли к воротам и остановились. Перс-распорядитель распростерся ниц перед Александром и затем, стоя на коленях и кланяясь, воскликнул на ломаном греческом языке:

— Великий повелитель народов и его несравненная подруга жизни! Сейчас почтенные гости увидят, что ожидает самых знаменитых людей, если они замышляют злое против своих благодетелей!..

Затем персы торопливо удалились.

Рычание льва усиливалось — его нарочно старались раздражить, прижигая раскаленным железным прутом. Двадцать четыре раба-негра в цепях стояли в ожидании около небольшой карагачевой двери, ведущей в подвал. У каждого раба было копьё с длинным листообразным остро отточенным лезвием, равным половине копья.

— Отворяй! — крикнул перс — распорядитель зрелища.

Дверь подвала отворилась. Рабы отбежали и прижались за выступом стены. Из темноты квадрата подземелья большими скачками выпрыгнул лев и замер, ошеломленный невиданным зрелищем. После темноты подвала его ослепило солнце. Привыкший к простору пустыни, лев с боязнью косился на непонятные ему постройки, и человек, одиноко стоявший посреди двора, еще не привлек его вни-

мания. Лев бросился к бассейну, прыжками обогнул его и остановился.

Каллисфен величественным жестом откинул плащ и, повернувшись к уже заходящему солнцу, сказал:

— К тебе, величайший просветитель человека, лучезарный Феб, создавший свет и правду, свободный искатель истины и мудрости, обращаюсь с последним словом.

Человек — это единственное из земных существ, созданное с глазами, обращенными к небу, а не к земле. Он создал храмы, чтобы в них возносить тебе молитвы и хвалу.

Сейчас я уйду из этого мира, где я всегда, как и мой учитель, великий Аристотель, призывал людей выше всего любить свободу, правду и точную истину. Всю жизнь я стремился проникнуть и разгадать тайну вселенной.

Что может сделать свободному философу тиран, который требует себе поклонения, стараясь стать рядом с тобой, озаряющий своим светом вселенную, лучезарный, всемогущий Феб!

Я рад, что могу послать тебе, вечный Феб, мой последний привет и сказать, что, даже плененный, даже запертый в клетку, я сохранял гордость свободного ученого, мыслителя, поэта.

Мои мысли, моя бессмертная душа сохранятся в моих записках, которые переживут казненного Каллисфена.

Сегодня закончатся мои записки, в которых я описал походы и подвиги Александра Великого, доблестного, достойного. И этот мой труд ни огонь, ни железо, ни всепожирающее время, даже гнев Зевса Олимпийца, не будут в состоянии уничтожить.

Сегодня пришел день, который должен повернуть страницу моей судьбы, но мой дух сильнее и бессмертнее моего брэнного тела, и он улетит высоко за пределы небесных светил, куда не достигает воля и насилие мелких

и великих тиранов. Моя слава переживет меня. Вот я лишен отечества, друзей и дома. У меня отнято все, что только можно отнять, но мои дарования со мной. Они служат мне отрадой, ими я живу. Тут кончается власть базилевса. Пусть безжалостный меч или дикий зверь пустыни прекратят мои дни — слава переживет меня...

Больше Каллисфену говорить не удалось. Александр, рассерженный речью философа, гневно взглянул на перса — распорядителя зрелища. Тот сверху крикнул черным рабам на дворе. Один из них ловко метнул копье в льва и ранил его в заднюю ногу. В ярости лев замотал огромной головой, заросшей густой гривой, и сделал прыжок.

Вторым прыжком лев бросился на Каллисфена. Философ упал, сбитый тяжестью огромного зверя. Лев, раздавив страшной пастью светлую голову мыслителя, рвал его лапами и с рычанием глотал куски мяса.

Александр встал, лицо его было хмуро. Брови сдвинуты. Он сказал Гефестиону:

— Рукопись сохранить. Внимательно рассмотреть, что он писал.

— Я уже читал. Он описывал твои походы.

— Осуждал меня?

— Нет, базилевс. Он восхвалял тебя.

Александр на мгновение задумался.

— Прощать — это привилегия богов. Смерть Каллисфена — достаточная угроза моим врагам, а для потомства — пусть знают, что Александр приказал сохранить рукопись Каллисфена. Каллисфен был необычайный человек, не то, что другие, безумные заговорщики. Он заслуживает бессмертия... Сам позаботься о рукописи и дай ее размножить.

Подшел перс-распорядитель и пал на колени:

— Величайший! Ты сейчас увидишь, как эти аравийцы убивают льва!..

Александр, недовольный, продолжал стоять.

— Пусть убивают. Лев тоже заслужил смерть за то, что убил великого мыслителя.

Перс приказал неграм:

— Кончайте!

Негры, прикрываясь узкими длинными щитами, приблизились с четырех сторон. Лев рычал, бил хвостом и продолжал терзать тело Каллисфена. Негры одновременно метнули копья. Блестящие отточенные лезвия пронзили тело зверя. Лев вскочил и упал, попытался еще вскочить, но его крестец был перебит. Он рычал и полз на передних лапах, волоча туловище.

Негры подбежали еще ближе и вторыми копьями доби́ли царя пустыни...

В. Ян

«Огни на курганах»